Для служебного пользования. Экз. № 000143

БУРЖУАЗНАЯ СОВЕТОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

ЧАСТЬ I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Для служебного пользования
Экз. № 000143

БУРЖУАЗНАЯ СОВЕТОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Изд. 2-е
(переработанное и дополненное)

Часть I

Москва · 1988

Монография подготовлена Сектором изучения
и критического анализа современного антикоммунизма
Отдела социалистических стран ИНИОН АН СССР

Редколлегия:
кандидат экономических наук Я.С.ВЕДЕНЯПИН, кандидат исторических наук Ю.И.ИГРИЦКИЙ, доктор юридических наук В.А.ТУМАНОВ, доктор исторических наук Л.К.ШКАРЕНКОВ, доктор юридических наук Н.Н.РАЗУМОВИЧ.

Отв.редактор
кандидат исторических наук Ю.И.ИГРИЦКИЙ

Авторский коллектив:
кандидат исторических наук Ю.И.ИГРИЦКИЙ (введение, гл.2); доктор исторических наук Н.В.РОМАНОВСКИЙ, кандидат филологических наук Я.А.БЛИНКИН, кандидат исторических наук М.Р.ТУЛЬЧИНСКИЙ, кандидат исторических наук Н.В.НАУМОВ (гл.I); доктор исторических наук Ю.К.МАЛОВ (гл.3); доктор исторических наук В.Л.САВЕЛЬЕВ, кандидат юридических наук К.Ф.ЗАГОРУЙКО (гл.4); доктор философских наук В.Г.СМОЛЯНСКИЙ, кандидат юридических наук Т.Ю.ЗНАМЕНСКАЯ (гл.5); доктор исторических наук Е.Я.ВИТТЕНБЕРГ (гл.6); доктор философских наук В.Г.СМОЛЯНСКИЙ (гл.7); кандидат экономических наук Я.С.ВЕДЕНЯПИН (гл.8, 9, I0); кандидат исторических наук А.Л.АЙЗЕНШТАДТ (гл.II); кандидат экономических наук Л.А.СЛАВИНСКАЯ, кандидат экономических наук Я.С.ВЕДЕНЯПИН (гл.I2); кандидат исторических наук З.С.ЧЕРТИНА (гл. I3); кандидат исторических наук А.Г.САФИРОВ (гл.I4); кандидат исторических наук Д.М.ДАНКИН (гл.I5); доктор экономических наук Н.А.ЗОТОВА, доктор философских наук В.Г.СМОЛЯНСКИЙ (гл.I6); кандидат исторических наук Б.А.ФИЛИППОВ (гл. I7).

В подготовке монографии принимали участие:
Н.Г.АЛТУНИНА, Т.Г.НОВИНСКАЯ, Т.В.ПРАВОТОРОВА

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Часть I

От редакции 9
Введение II

Глава I

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СОВЕТОЛОГИИ 29

Организация изучения СССР в крупнейших капиталистических странах в период между двумя мировыми войнами 29
Возникновение советологических мифов и концепций 36
Советологическая литература тридцатых годов 42
Советология накануне своего организационного оформления (сороковые годы) 49
Становление советологии как системы исследовательских центров 56

Глава 2

ОСНОВНЫЕ НЕМАРКСИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА 75

К истории складывания советологических схем 75
Концепция "тоталитаризма" 84
Критика и видоизменение концепции "тоталитаризма". Появление альтернативных моделей 98
Концепции близости двух общественных систем (конвергенции, групп интересов, модернизации и др.) I22

Глава 3

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ В ТРАКТОВКЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ I63

Буржуазные советологи об исторической роли коммунистической партии I66

Проблемы классового характера КПСС в интерпретации советологов 177
Объект нападок – демократический централизм 185
Советологические концепции места и роли КПСС в политической системе советского общества 193
Партийное руководство экономикой в освещении буржуазной литературы 204
Буржуазные советологи об идеологической работе КПСС .. 211

Глава 4
БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 222

Раздел I
Советологи о политической системе СССР 222
Особенности советологических интерпретаций советской политической системы и демократии 222
Концепции "политического участия" в работах советологов 228
Интерпретации политической культуры советского общества 235

Раздел П
Советологи о Советском государстве и праве.... 249
Особенности юридической советологии на современном этапе 249
Интерпретации Конституции СССР 1977 г. и ее политического значения 260
Ложное толкование гражданских прав и свобод в СССР ... 264

Глава 5
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ГЛАСНОСТЬ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТОЛОГОВ 281

Различные аспекты демократизации в трактовке советологов 284
Гласность глазами западной печати 297
Права человека в СССР и идеологическая борьба 304

Часть П

Глава 6

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛИЗМА 7
Общие представления советологов о социальной структуре советского общества 7
Отрицание ведущей социальной роли рабочего класса в СССР I5
Политическая роль рабочего класса в трактовке советологов 25
Мифы об "эксплуатации" и "отчуждении" рабочего класса в СССР 30
Интерпретации роли рабочего класса в управлении экономикой 37
Фальсификация побудительных мотивов трудовой активности в условиях реального социализма 4I
Освещение жизненного уровня советских трудящихся в буржуазной литературе 44
Колхозное крестьянство в изображении буржуазной советологии 49
Советологические концепции интеллигенции в СССР 6I

Глава 7

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР..... 78
Тезис о волюнтаризме марксистской экономической науки и "тотальном характере" планового хозяйства 80
Оценки сущности советской экономической системы 83
Трактовка советологами особенностей современного этапа развития социалистической экономики 99
Советологи о проблемах перевода народного хозяйства СССР на интенсивный путь развития I04
Темпы и уровни экономического развития I06
Человеческий фактор II4
Проблема реформ и перспективы развития экономики СССР II9

Глава 8
БУРЖУАЗНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР.....129
XXVII съезд КПСС и основные направления социально-экономической политики 129
Темпы роста, научно-технический прогресс, инвестиционная политика 146
Пути решения продовольственной проблемы и повышения уровня жизни 156
Оценка экономического развития 165
Глава 9
ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА
В СССР В ОЦЕНКЕ ЗАПАДНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ 182
Наиболее общие показатели, характеризующие развитие научно-технического прогресса 185
Роль науки и образования 188
Проблема инноваций 193
Организационные проблемы ускорения НТП 200
Роль советской оборонной промышленности в развитии научно-технического прогресса 205
Проблемы компьютеризации народного хозяйства и внедрения безлюдной технологии 211
Глава 10
ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СССР
И СТРАН – ЧЛЕНОВ СЭВ В ОЦЕНКЕ
ЗАПАДНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ 231
Зависимость темпов экономического развития стран СЭВ от состояния их топливно-энергетической базы и влияние этого фактора на отношения Восток – Запад .235
Перспективы развития топливно-энергетической базы стран СЭВ 242
Проблемы энергоемкости и экономии топлива в народном хозяйстве социалистических стран 248
Потребности и возможности импорта энергетической тех-

нологии из капиталистических стран 252
Запасы и добыча нефти, природного газа и угля в странах СЭВ. Атомная энергетика 258
Прогнозы энергетического баланса стран СЭВ 268

Глава II
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ БУРЖУАЗНЫХ СОВЕТОЛОГОВ 281

Часть III

Глава I2
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СССР С ЗАПАДОМ В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 5
Основные сферы и формы экономических связей: Анализ опыта 70-х - 80-х годов 7
Проблемы и перспективы хозяйственного сотрудничества сторон на современном этапе 34

Глава I3
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И МИФЫ СОВЕТОЛОГИИ ..53

Глава I4
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В ОСВЕЩЕНИИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ 87

Глава I5
БУРЖУАЗНЫЕ СОВЕТОЛОГИ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОДРУЖЕСТВЕ I34

Глава I6
БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ СЭВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ I69
Основные буржуазные модели социалистической интеграции I72
Оценка роли и места Советского Союза в экономической интеграции стран - членов СЭВ.....I83

Анализ планово-координационного механизма и ценообразования в странах – членах СЭВ 188
Валютно-финансовые отношения стран – членов СЭВ в советологической литературе 194
Трактовка основных направлений производственного сотрудничества стран – членов СЭВ 199
Экономические связи между странами – членами СЭВ и капиталистическими странами 205
Экономические отношения стран – членов СЭВ с развивающимися странами 213

Глава 17

БУРЖУАЗНАЯ СОВЕТОЛОГИЯ О ПРОБЛЕМАХ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ...220
Становление и развитие религиозной проблематики в советологии 220
Направления исследований и основные советологические концепции положения религии и церкви в социалистических странах 232
Церковь и государство при социализме. Мировоззренческий характер государства и религии 233
Концепция церкви как главного оппозиционного института социалистической политической системы 240
Концепция церкви на службе социалистического государства 242
Советологи о религиозном диссидентстве 248
Концепции взаимосвязи национализма, культуры и религии 253
Концепция "религиозного возрождения" 258
ПЕРСОНАЛИИ 278

ОТ РЕДАКЦИИ

Монография представляет расширенный и значительно переработанный вариант одноименного издания 1979 г. В нее добавлены 7 новых глав, посвященных трактовкам в западной литературе актуальных народнохозяйственных проблем СССР (научно-технический прогресс, развитие топливно-энергетической базы, сельское хозяйство), национальных отношений, религии и церкви. В отдельной главе рассматриваются вопросы перестройки и ускорения в совершенствовании советского общества после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Введение к первому изданию, содержащее анализ методологии современной западной советологии, переработано в главу "Основные буржуазные концепции реального социализма". Как и в первом издании, анализируются интерпретации в западной литературе проблем партийного руководства социалистическим обществом; социалистической демократии, государства и права; социальных отношений в СССР; хозяйственного механизма социализма и уровня развития советского народного хозяйства; экономических связей СССР с Западом; внешней политики СССР; развития СЭВ и Организации Варшавского Договора. Соответствующие главы также существенно обновлены с учетом изменений в подходах буржуазных идеологов в 80-е годы. Практически не изменившейся по сравнению с 1979 г. осталась лишь глава "Краткий очерк истории советологии".

Из 16 глав монографии 7 (а также введение) написаны сотрудниками сектора изучения и критического анализа Отдела социалистических стран ИНИОН АН СССР; остальные - специалистами из институтов Секции общественных наук АН СССР, ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, других учреждений.

В В Е Д Е Н И Е

В последнее десятилетие заметно возросли объем и интенсивность идеологической борьбы двух основных общественных систем. Усилились попытки буржуазной пропаганды представить в негативном свете советский опыт построения и совершенствования социалистического общества. "Психологическая война", подчеркнул М.С.Горбачев в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXУП съезду партии, "это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры"[I]. Какому строю принадлежит будущее, какие аргументы в споре альтернатив будущего развития предъявил тот или другой строй, каковы должны быть оптимальные принципы общественного устройства - эти вопросы находятся в центре внимания сотен миллионов людей на всех континентах. Обострение противоборства социализма и капитализма в сфере идей в 80-е годы предъявляет повышенные требования к советским обществоведам, к работе системы научной информации по общественным наукам, ко всему идеологическому активу страны. "Активный отпор антисоветизму и антикоммунизму - это постоянное направление деятельности партийных комитетов, средств массовой информации.

I) Материалы XXУП съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М., I986. - С.88.

Необходима хорошо продуманная, единая, динамичная и эффективная система контрпропаганды", - говорится в Постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС[1].

В этих строках важного партийного документа не случайно антисоветизм упомянут перед антикоммунизмом - хотя антикоммунизм представляет более широкое понятие, вбирающее в себя антисоветизм. В настоящее время антисоветизм все отчетливее проявляет себя не только как ядро, стержень антикоммунизма, но и как все более самостоятельное направление политики и идеологии реакционных кругов империализма. В сфере идеологии и пропаганды ставится цель дискредитировать КПСС и Советское государство, исторический опыт СССР, то, что буржуазные теоретики именуют "советской моделью" социализма.

Метафорическим образом весь комплекс антикоммунистической идеологии можно представить в виде айсберга, повернутого конусом вниз. Его широкая, находящаяся на поверхности видимая часть - это пропагандистские стереотипы, используемые в "психологической войне" посредством целого ряда широкомасштабных антисоветских кампаний по поводу мнимой "советской военной угрозы", "нарушений прав человека" в социалистических странах, "кризиса" народного хозяйства СССР, ответственности Советского Союза за "мировой терроризм" и т.д. Узкая же, находящаяся под водой и поэтому менее заметная часть "айсберга" представляет собой теории и концепции, разрабатываемые в "мозговых трестах" империализма, в многочисленных советологических центрах крупнейших капиталистических государств. Именно эти теории и концепции упрощаются до уровня стереотипов, тиражируемых средствами массовой информации.

Следует ли из этого с неизбежностью, что советология

---

1) Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 г. - М., 1983. - С.74.

целиком пронизана антикоммунизмом и антисоветизмом, а любой советолог на Западе – наш непримиримый идейный враг? Ведь, как отмечалось в первом издании данной монографии, советология означает "изучение Советов", и в соответствии с этим известный словарь Уэбстера определяет "советолога" как специалиста по Советскому Союзу.

В последующих главах будет показано, что успешное развитие СССР и других социалистических стран не только вынуждает антикоммунистов менять свою тактику дискредитации реального социализма, но и ведет к распространению более серьезного, объективистского подхода к его изучению. Исследователь в той или иной капиталистической стране, специализирующийся по Советскому Союзу, может быть ярым антагонистом марксизма и реального социализма или циничным ландскнехтом на службе империалистических кругов, но он может быть также стремящимся к непредвзятости ученым, который в силу частных условий либо не испытывает давящего пресса социального заказа империализма, либо не поддается ему.

К сожалению, таких ученых среди буржуазных советологов меньшинство. Еще в конце 40-х годов в крупнейшей капиталистической державе – США – сложился "тесный и гармоничный союз между академическим миром и Вашингтоном" (29, с.17). Как указывает известный советолог С.Коэн, "изучение СССР превратилось в крайне политизированное занятие, пронизанное конъюнктурными политическими задачами, духом крестового похода и исходящее из принципа: познай врага... Вместо объяснений имело место навешивание ярлыков, создание имиджей и теологический подход" (5, с.6, 10–11). К советологам в полной мере относится характеристика представителей политических наук в США и их зависимости от стратегии правящих кругов, данная в книге Д.Ниммо и Дж.Комбса "Субливинальная политика. Мифы и мифотворцы в Америке". "Один из аспектов соприкосновения этой дисциплины с миром

политики - развитие контактов с правительствами и многими частными группами. Интересы политики требуют мифов, и политология предоставляет их. Политология - обслуживающая индустрия" (I4, с.2I4). И далее: "Политологи Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский (они же - авторитетные советологи. - Ю.И.) стали учеными советниками президентов потому, что они разделяли и выражали взгляды, которые будущие президенты хотели слышать" (там же, с.2I5). На практически-прикладной политизированный характер советологии указывают А.фон Борке и Г.Зимон. Советология, пишут они, мало интересовалась методологическими проблемами, ибо с самого начала была "ориентирована на политическую практику" (2, с.67). Такой политической практикой был и остается курс крупнейших империалистических держав на противодействие влияния социалистических стран и идей коммунизма, принимавший форму "холодной войны" в конце 40-х начале 50-х годов, а ныне воплощенный в стратегию антиразрядки и конфронтации. Неудивительно поэтому, что в советологии, как отмечает Н.Рязановский, существует "школа крайне слепой ненависти", для которой характерны "наиболее предвзятый подход", искажение идей и политики руководства Советского Союза (I5, с.648).

Роль советологии в идеологической борьбе буржуазного общества против мира социализма определяется тем очевидным фактом, что крупная монополистическая буржуазия как господствующий класс этого общества (вместе с представителями других классов и слоев, стоящими на его позициях), особенно правящая верхушка капиталистических стран, крайне заинтересована, во-первых, в получении максимально широкой информации о Советском Союзе и других социалистических государствах, а во-вторых, в создании таких представлений о реальном социализме в общественном мнении своих стран, которые соответствуют их интересам, стратегии и тактике на данном отрезке времени. "Знание СССР, а тем более информа-

ция о СССР особенно необходимы на Западе в нынешний период неустойчивого равновесия между разрядкой и конфронтацией", - читаем мы в "Кембриджской энциклопедии России и Советского Союза", подготовленной более чем сотней западноевропейских и американских исследователей (4). Однако содержание этого большого популярного труда нередко представляет собой смесь крайне упрощенных и откровенно предвзятых взглядов, соответствующих стереотипам антикоммунистической пропаганды.

Совершенно открыто о прикладном характере советологии говорилось на ряде конференций и совещаний ее представителей. На втором Всемирном конгрессе по изучению СССР и Восточной Европы М.Дзевановский охарактеризовал западные концепции развития советского общества "классическим примером взаимосвязи между научными теориями и каждодневной практической политикой" - эти концепции видоизменяются так же быстро, как меняются международная обстановка и внешнеполитическая тактика Запада (7, с.183). "Советологи имеют особые обязанности, а именно - обеспечивать конгресс и общественность перспективой, которая призвана внести вклад в выработку более последовательной и стабильной внешней политики", - заявили участники дискуссии, состоявшейся в марте 1976 г. в Институте по изучению международных изменений при Колумбийском университете (8, с.94).

Следует заметить, что уже в самом определении предмета и рамок советологии нередко закладывается тенденциозное отношение к СССР. Хотя речь, казалось бы, должна была идти об "изучении Советов", практически термин "советология" относится к гораздо более широкому кругу направлений и проблем исследований, чем это явствует из его семантической структуры. Рамки того, что именуется советологическими изысканиями, нередко включают в себя изучение не только СССР, но и других социалистических стран, мирового коммунистического движения, а также всех проблем, возникаю-

щих при анализе отношений СССР и этих стран с капиталистическими и развивающимися государствами. Ни в одном из наиболее распространенных европейских языков нет терминов "коммунизмология" или "социализмология", и для обозначения исследовательской и преподавательской работы по указанному кругу проблем, помимо термина "советология", используются лишь сложные определения "коммунистические исследования" и "восточноевропейские исследования".

Такое расширительное толкование термина "советология" обусловлено в первую очередь не узостью семантических возможностей, а тем фактом, что развитие отдельных социалистических стран, а также коммунистического движения в несоциалистических странах буржуазные идеологи рассматривают исключительно через призму развития КПСС, внутренней и внешней политики Советского Союза. При этом они извращают действительный, объективно существующий характер отношений КПСС и братских коммунистических партий, СССР и других социалистических государств, исходя из фальшивого тезиса о "руке Москвы" и неравноправности этих отношений.

О широте тематики советологических исследований говорит и то, что они ведутся с помощью методов и понятийного аппарата всех общественных наук - экономической, философской, исторической, юридической, политологии и конкретной социологии и т.д., иными словами как в страноведческом, так и дисциплинарном срезах.

Советология имеет широкомасштабную и прочную организационную основу. В США, например, по данным советских авторов, существует 150-200 организационно оформленных учебно-исследовательских коллективов, именуемых "центрами", "институтами", "программами" и ведущих советологические исследования[1]. По американским данным середины 70-х го-

---

[1] Марушкин Б.И. История в современной идеологической борьбе. - М., 1972. - С.24; Филатов В.П. Русские центры в США // США. Экономика. Политика. Идеология. - М., 1970. - № 4. - С.112.

дов, там около полусотни подобных специализированных учреждений были заняты изучением только СССР (16, с.126). В ФРГ примерно в 20 университетах и вне их функционируют несколько десятков организаций "остфоршунга" (термин "остфоршунг", традиционно использовавшийся в Германии для обозначения изучения России и славянских стран Восточной Европы, ныне стал в ФРГ во многом синонимичным термину "советология", а последний все чаще употребляется наравне с ним).

Как разветвленная сеть учебных и исследовательских учреждений советология сложилась после второй мировой войны, когда, во-первых, во всем мире и в том числе в крупнейших капиталистических странах возник небывало широкий интерес к СССР, а во-вторых, начался период резкого обострения отношений СССР и его бывших союзников по антигитлеровской коалиции, вошедший в историю под названием "холодной войны". Отсюда вытекали три взаимосвязанные задачи советологических исследований: 1) удовлетворение интереса масс путем публикации большего числа популярных и публицистических работ о Советском Союзе и социалистическом строе; 2) создание сети учебных и исследовательских учреждений, специализирующихся на подготовке как специалистов по СССР, так и научных работ, посвященных "советскому феномену"; 3) обеспечение антисоветской и антикоммунистической пропаганды концепциями и схемами, которые способствовали бы созданию у широких слоев общественного мнения в несоциалистических странах негативных представлений о марксистско-ленинской теории, социалистическом обществе, внешней и внутренней политике СССР.

На эти цели были брошены огромные средства, без которых была бы невозможна организация советологической "индустрии" и которые определили характер отношений буржуазной советологии и буржуазной политики. В США финансирование советологии осуществлялось и осуществляется в соответст-

вии со специально принимаемыми законодательными актами. В 1958 г. был принят "Закон об образовании в целях национальной обороны", а в 1966 г. "Закон об изучении иностранных государств", который предусматривал финансирование изучения 108 государств, причем треть всех средств предназначалась для изучения Советского Союза и других европейских социалистических стран. В 1982-1983 гг. обе палаты конгресса США обсудили и приняли новый "Закон об исследованиях и подготовке специалистов по СССР и странам Восточной Европы". В отличие от предыдущих он целиком касается финансирования советологии. По ст.VIII Закона на эти цели направляются 50 млн. долл., подлежащие расходованию в течение 10 лет. Распорядителем средств является государственный департамент.

Ассигнования федеральных властей - не единственный источник финансирования советологии. Значительные средства предоставляются так называемыми "благотворительными фондами", созданными крупнейшими монополиями - Форда, Рокфеллера, Карнеги, Меллона и др. Только Фонд Форда предоставил в 1960 г. Колумбийскому, Гарвардскому и Калифорнийскому университетам более 15 млн. долл., из которых немалая часть пошла на исследования в области внутренней и внешней политики социалистических стран. Семья Аверелла Гарримана пожертвовала в 1982 г. 11,5 млн. долл. Русскому институту при Колумбийском университете, который с тех пор носит название Института углубленного изучения Советского Союза им. Гарримана. В 1984 г. центр получил еще 1,5 млн. долл. от Фонда Карнеги (13, с.4). Бюджет Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, являющийся крупнейшим его центром разработки тактики и стратегии антикоммунизма, составлял в начале 80-х годов 6 млн. долл. Главным источником этих средств (обеспечивающих 44% суммы) являются благотворительные фонды, отдельные миллионеры и их семьи; 29% поступили из фондов

университетов и 2% – от правительства США (10, с.18, 56). Данные о субсидировании советологических учреждений капиталистическими монополиями и правительствами крупнейших капиталистических стран приведены во второй главе монографии.

Благодаря щедрым субсидиям оказались возможными значительное расширение университетского изучения СССР и рост кадров советологов. Если за 100 лет, с 1850 по 1950 г., в университетах США было защищено около 250 диссертаций о России и СССР, то всего за 11 лет, с 1961 по 1972 г., их число возросло до 1800. В 1974/75 уч.г. в США, Англии и Канаде были защищены 283 докторские диссертации по различным проблемам, относящимся к Советскому Союзу. Затем наступил спад, в 1983–1984 гг. таких диссертаций оказалось всего около полутора сотен (6, с.754).

О том, куда направляются советологические кадры, можно судить по данным одного из основных советологических центров США – упомянутого выше Института им. Гарримана. Один из последних опросов выпускников этого института, проведенный в 1984 г., показал, что самая большая группа (70 человек) продолжает работать в 44 учебных и научно-исследовательских учреждениях США, 19 перешли на правительственную службу (в частности, 4 работают в госдепартаменте), 9 устроились в органах массовой информации, 16 – в критических и коммерческих учреждениях (13, с.39–40).

Советологические кадры включают в себя не только специалистов, подготавливаемых в академических учреждениях. Задачи политической и идеологической борьбы против мира социализма объединяют в советологических центрах, в редакциях советологических изданий представителей самых различных отрядов реакции. Когда еще в начале 60-х годов один из ведущих антикоммунистов-клерикалов ФРГ Й.Бохенски попытался выявить, кто же именно подвизается на ниве советологии, он пришел к выводу, что, помимо профессионально под-

готовленных советологов, существует большое количество "псевдосоветологов", к которым относятся: а) ученые-специалисты по отдельным дисциплинам, ранее не занимавшиеся изучением СССР; б) ученые, специализирующиеся на исследовании работ Маркса ("марксологи") и плохо знающие проблематику XX в.; в) ренегаты коммунистического движения, вообще не имеющие научной подготовки; г) эмигранты всех поколений из СССР и других социалистических стран, также далекие от науки; д) политики, журналисты, священники и представители других профессиональных групп, полагающие, что они могут компетентно судить о социалистическом строе, но в действительности не имеющие о нем даже тех скудных знаний, которыми обладают перечисленные выше категории (I, с.III).

Характерным признаком той ключевой роли, которую советология играет в политической и идеологической стратегии антикоммунизма, служит ее своеобразная "интернационализация". Обмен кадрами в крупнейших советологических центрах разных капиталистических стран, обоюдные стажировки и чтение лекций, совместная организация конференций, издание общими усилиями специальной периодической печати (например, таких журналов, как "Survey"), разработка и выполнение межнациональных исследовательских проектов в области советологии на протяжении последних двух десятилетий осуществляются все более интенсивно.

Уже давно буржуазные идеологи пытаются объединять "национальные" фронты борьбы против идеологии коммунизма в единый международный фронт. Разрабатывая стратегию идеологической борьбы с коммунизмом, буржуазные идеологи стремятся создать труды, которые могли бы послужить своеобразным руководством в этой борьбе на всех континентах. Еще в конце 50-х годов в ФРГ вышел объемистый "Справочник по мировому коммунизму", создававший в корне превратное представление о теоретической и практической деятельности ком-

партии и социалистических государств (9). Венцом подобных усилий можно считать вышедшее сначала в ФРГ, а потом в США многотомное практически идентичное (с некоторыми изменениями в тексте, библиографических списках и количестве томов) издание энциклопедического характера под названием "Советская система и демократическое общество" (I8) и "Марксизм, коммунизм и западное общество" (I2). Первое, немецкое, название открыто выдавало цели авторов и издателей - тенденциозное противопоставление "демократического" Запада "недемократическому" Востоку; во втором, ориентированном на десятки миллионов людей на разных континентах, читающих на английском языке, этот акцент был убран во избежание саморазоблачения. В этом издании, подготовленном усилиями около 700 специалистов из I5 стран и содержащем примерно 400 статей, была предпринята попытка дискредитировать марксизм-ленинизм, противопоставить ему как якобы научно обоснованную и фактически достоверную интерпретацию буржуазными идеологами всех основных проблем человеческого бытия и сознания (в философском, историческом, социологическом и прочих ракурсах).

С каждым годом становятся более тесными организационные связи советологов крупнейших капиталистических держав, принимающие форму международных конференций, симпозиумов и семинаров, работы по совместительству, стажировок, взаимных исследовательских проектов и т.д. Все эти мероприятия служат цели координации научной политики, исследовательских программ, а в конечном счете согласованию концептуальных подходов в оценке теории и практики реального социализма. Как указал на третьей конференции обществоведов ФРГ и США (5-7 апреля I984 г., Бонн), посвященной теме "В каком направлении развивается Советский Союз?", председатель западногерманского фонда Конрада Аденауэра (организовавшего конференцию) Б.Хек, "необходимо не только интенсифицировать советологические исследования", но и широко об-

судить прогнозы советологов в Западной Европе и США с тем, чтобы "выработать единую точку зрения на государство, которое, во-первых, является нашим потенциальным военным противником, а кроме того, ведет идеологическую борьбу против либеральных демократий" (20, с.12).

Широкую международную деятельность разворачивают многие советологические центры стран Запада. Так, самое крупное учреждение такого рода в ФРГ - Кёльнский федеральный институт по изучению Востока и международных отношений - в 1982 г. пригласил к себе для чтения докладов трех американских советологов и провел в своих стенах две конференции; сотрудники же института приняли участие по крайней мере в пяти конференциях за рубежом, в том числе в коллоквиуме НАТО, посвященном сравнительному анализу социалистической и капиталистической экономики (3). В Кеннановском институте углубленного изучения России (Вашингтон) в 1984 - первой половине 1986 г. занимались исследованием различных проблем истории России и СССР 14 ученых из Западной Европы, Канады и Японии (11).

Международные конференции служат для "мозговых трестов" антикоммунизма своеобразной "ярмаркой" исследовательских направлений и кадров, которые могут быть потенциально использованы в идеологической борьбе. С середины 70-х годов регулярной практикой стало проведение общемировых форумов специалистов по СССР и другим европейским социалистическим странам. Первым таким форумом стал конгресс советологов в г.Банфф (Канада), организованный Американской ассоциацией поощрения развития славяноведения, Британской национальной ассоциацией советских и восточноевропейских исследований и Канадской ассоциацией славистов; его подготовка и работа финансировались более чем десятью фондами (Форда, Астора и др.), научными и государственными учреждениями США, Англии, ФРГ, Франции, Канады. В этом форуме в числе его 800 участников принимали участие уче-

ные из СССР и других социалистических стран; количественно они были в явном меньшинстве. В конце сентября – начале октября 1980 г. состоялся Второй Всемирный конгресс по изучению Советского Союза и Восточной Европы в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ), собравший 1800 представителей разных стран; всего в повестке дня значилось 400 докладов и сообщений. Третий Всемирный конгресс по изучению СССР и Восточной Европы проходил с 30 октября по 4 ноября 1985 г. в Вашингтоне при небывало большом количестве участников – 2500. Подготовка к нему осуществлялась под эгидой американских советологических центров; оргкомитет, в который вошли 17 ученых (преимущественно из США, а также из Великобритании, ФРГ, Франции, Японии, Дании), возглавлял известный американский советолог Д.Тредголд.

Усложнение международных условий противоборства двух основных общественных систем современности, обострение в этой связи идеологической борьбы вызывают растущую дифференциацию концепций и взглядов буржуазных советологов. С одной стороны, одновременно с усилением консервативных тенденций буржуазной идеологии, с ростом массированных атак на разрядку международной напряженности заметно активизировались представители антикоммунистического крыла советологов. Их целью является дискредитация реального социализма, выискивание "уязвимых мест" и составление соответствующих рекомендаций кругам, определяющим политику империалистических держав в отношении СССР и социалистического содружества. На нынешнем этапе в качестве таких "уязвимых мест" рассматриваются прежде всего отдельные звенья социалистической системы и экономические принципы социализма. Расчет делается на то, что, во-первых, народное хозяйство СССР не справится с тройным бременем – сохранения темпов экономического развития, укрепления обороноспособности и снабжения топливным сырьем братских стран; во-вторых, будут расти экономические противоречия между СССР и

другими входящими в СЭВ государствами; в-третьих, в широких слоях населения европейских социалистических стран, привыкших к иным, чем в СССР, ценностям и уровню потребления, ослабнет лояльность в отношении существующего строя. Усилить эти тенденции призваны рекомендации антикоммунистов политикам Запада: продолжать гонку вооружений, одновременно ограничивая продажу Советскому Союзу технологии и других экономически важных предметов экспорта. Как, однако, показывает практика, вторая рекомендация может быть сколько-нибудь действенной лишь при наличии согласованной политики эмбарго со стороны всех потенциальных экспортеров капиталистического мира.

С другой стороны, серьезная, объективистски настроенная часть советологов в развитии событий последнего времени нашла определенные дополнительные подтверждения своего критического отношения к догмам антикоммунизма. Это прежде всего свидетельства поддержки советским народом политики КПСС, его готовности отстаивать свой образ жизни в любых осложняющихся международных условиях. В такой ситуации оказалось возможным появление на Западе целого ряда работ, содержащих выводы о том, что советскому обществу присущ демократизм, основанный на совершенно иных по сравнению с Западом принципах, действенность которого нельзя оценивать мерками буржуазной демократии. Исследователи-объективисты, а также кое-кто из антикоммунистов пришли также к заключению, что стабильность советской политической системы невозможно определить, пользуясь традиционным теоретическим багажом буржуазных общественных наук, право- и леворевизионистскими концепциями, а также декларациями "диссидентов".

Дифференциация советологических схем и подходов к изучению реального социализма, попытки пересмотра традиционных постулатов, поиски новых углов зрения еще более усилились в середине 80-х годов. Огромную роль в этом сыгра-

ли те изменения в общественно-политической жизни нашей страны, которые произошли после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXУП съезда партии и последующих партийных форумов, конкретизировавших основные направления перестройки. Антикоммунизм, конечно же, остался антикоммунизмом, сохраняя верность идее конфронтации с СССР и подкрепляющим ее концепциям. "Советский Союз сегодня - это тоталитарное государство и останется таковым и после осуществления реформ", - безапелляционно заявляет Г.Киссинджер (11а, с.11). Идеологи еще более правой антисоветской направленности исключают, как это, например, делает А.Безансон, возможность каких-либо позитивных преобразований в экономике и всей общественной жизни нашей страны, призывают Запад сократить до минимума все контакты с СССР (21, с.28-30). Но вместе с тем даже ряд убежденных противников социализма (А.Улам, А.Браун, П.Реддауэй) отмечают процессы демократизации и гласности в советском обществе, рекомендуют правящим кругам капиталистических держав продолжать и расширять диалог с социалистическими странами (21, с.10, 13, 26). Новым моментам в советологической литературе в последние годы, реакции буржуазных идеологов на перемены в СССР специально посвящены две главы монографии (пятая и восьмая). Основное, что следовало бы иметь в виду при ознакомлении с материалами данных глав, - это незавершенность тенденций к переосмыслению исторического опыта и общемировой значимости реального социализма в немарксистской идеологии. Большинство откликов на происходящие в СССР события носят противоречивый, неустоявшийся, осторожный характер. В этих условиях сохраняют силу все сложившиеся к настоящему времени советологические концепции - они проходят дальнейшее испытание временем и борьбы между собой.

Развитие разноречивых тенденций современной буржуазной литературы, посвященной реальному социализму, будет и

впредь обуславливаться особенностями общеполитической ситуации в мире, меняющимся соотношением сил между капитализмом и социализмом, диалектикой единства и противоположностей внутри самой буржуазной идеологии. Будучи в идейно-теоретическом и методологическом планах направленными против основных положений марксизма-ленинизма, различные направления западной советологии ведут борьбу в области идей разными средствами и методами, что небезразлично для исследователей-марксистов.

Одна из актуальных задач последних, - внимательно следить за дальнейшим развитием и видоизменением доминирующих в буржуазной идеологии и пропаганде тенденций, вскрывать несостоятельность аргументации, лежащей в основе предвзятых концепций и схем, выделять и по достоинству оценивать позитивные сдвиги в изучении социалистического общества. При этом особого внимания заслуживают выявление причинно-следственной связи между новейшими тенденциями буржуазной идеологии и изменениями в мировом развитии в стратегии и тактике борьбы империализма против реального социализма, показ противоречий и методологической несостоятельности немарксистских концепций внутренней и внешней политики СССР.

Этим целям служит данная монография, дающая обобщенный информационно-аналитический материал о направлениях и тенденциях современной буржуазной советологии.

Список литературы

1. Bochenski I. Sowjetologie // Aus Politik u. Zeitgeschichte. - Bonn, 1962. - Bd. 11. - S. 108-112.
2. Borcke A. von, Simon G. Neue Wege der Sowjetunion-Forschung: Beiträge zur Methoden- und theoriediskussion. - Baden-Baden, 1980. - 160 s.
3. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche - und internationale Studien. Jahresbericht. - Köln, 1983. - 44 S.

4. The Cambridge encyclopedia of Russia and the Soviet Union. - Cambridge etc., 1984. - 492 p.
5. Cohen S. Rethinking the Soviet experience. - N.Y., 1984. - 243 p.
6. Dossick J. Doctoral dissertations on Russia, Soviet-Union, and Eastern Europe accepted by American, Canadian and British universities // Slavic rev. - Stanford, 1984. - Vol. 43, N 4. - P. 754-762.
7. Dziewanowki M.K. The future of Soviet Russia: A study in the Western Sovietology // Garmisch 80. Zweite Weltkongress für Sowjet - und Osteuropastudien: Kurzfassungen der Beiträge - Garmisch, 1980. - S. 183-184.
8. The external environment and political change in the Soviet Union // Soviet Union / Union Sovietique. - Tempe (USA), 1977. - Vol. 4, pt.1. - P. 1-129.
9. Handbuch des Weltkommunismus. - Frieburg; München, 1958. - IX, 762 s.
10. The Hoover Institution on war, revolution and peace: Report, 1980. - Stanford, 1980. - 56 p.
11. Kennan Institute for Advanced Russian Studies: Annual rep. 1985. - Wash., 1986. - 64 p.
11a. Kissinger H. How to deal with Gorbachev // Newsweek. - N.Y., 1987. - Mar. 2. - Vol. 109, N 10. - P. 9-12.
12. Marxism, Communism and Western society. - Vols. 1-8/ Ed. by Kernig C.D. - N.Y., 1972-1973.
13. Newsletter: The Harriman institute, Columbia univ. - N.Y., 1985. - 38 p.
14. Nimmo D., Combs J.E. Subliminal politics: Myths and mythmakers in America. - Englewood Cliffs, 1980. - XV, 256 p.
15. Riasanovsky N.V. A history of Russia. - 3rd ed. - N.Y., 1977. - XX, 762 p.
16. Russian and Soviet studies: A handbook / Ed. by Bezer C.A. - Columbus (Ohio), 1973. - IX, 219 p.

17. Soviet foreign relations and world communism: A selected annot. bibliography of 7000 books in 30 languages: Comp. a. ed. by Hammond T.T. - Princeton, 1965. - XXIV, 1240 p.
18. Sowjetsystem a. demokratische Gesellschaft. Bd. 1-6. Hrsg. Kernig C.D. - Freiburg. 1966-1972.
19. United States - Soviet research studies: Hearing before the Subcomm. on Europ. affairs the Comm. on foreign relations, U.S. Senate, 97th congr., 2d sess., on S. 2919... Sept. 22, 1982. - Wash., 1982. - III, 88 p.
20. Wohin entwickelt sich die Sowjetunion? Zur aussenpolitischen Relevanz innenpolitischer Entwicklungen. - Bonn, 1984. - 256 S.
21. What's happening in Moscow? // National interest. - Wash., 1987. - N 8. - P. 3-30.

Глава I
КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СОВЕТОЛОГИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ СССР В КРУПНЕЙШИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

История советологии - это, с одной стороны, история оформления ее организационных основ и учреждений, а с другой - история складывания основных концепций в изучении Советского Союза и других социалистических стран. Оба процесса в разных странах протекали разными темпами, с разной интенсивностью и не всегда совпадали по времени. Чтобы понять это, необходимо учесть, что генетически советология выросла из россиеведения и славистики, которые к моменту первой в мире социалистической революции имели разные традиции в ведущих капиталистических странах.

Исследовательский интерес к России возник в Германии, пожалуй, раньше, чем в других крупных европейских странах, не говоря уже о США. Еще в 1841 г. в Берлине, а на следующий год в Бреслау (ныне Вроцлав) были созданы кафедры по изучению славянских языков. Однако "остфоршунг", в его теперешнем понимании, возник в начале XX в., когда окончательно сложился германский буржуазно-юнкерский империализм, нуждавшийся в идеологическом обосновании своей агрессивной политики. В 1902 г. был создан первый "Семинар по истории и этнографии стран Восточной Европы", а в 1913 г. - "Немецкое общество по изучению России". Тогдашние "остфоршеры" Т.Шимани, Юберсберг, Гетц, Шефер и другие прилагали

все силы к тому, чтобы обосновать реакционную антиславянскую внутреннюю и внешнюю политику кайзера Вильгельма II. Первая мировая война дала толчок дальнейшему развитию "остфоршунга". Империалистические круги германских промышленников, юнкеров и милитаристов, рассчитывая на захват и освоение новых территорий на Востоке Европы, содействовали созданию его новых учреждений. Так, в 1916 г. был создан Институт Восточной Европы в Кенигсберге, а в 1918 г. - Институт Европы в Бреслау.

После поражения Германии и заключения Версальского мира крайне реакционное крыло германских "остфоршеров" стало выступать за возобновление агрессивной восточной политики. Но объективная обстановка толкала Германию на путь мирных взаимоотношений с Советской Россией, влиятельные германские круги были заинтересованы в том, чтобы получить заказы для своей промышленности. Необходимость выполнения этих подчас вступавших в прямое противоречие задач потребовала дальнейшего развертывания "остфоршунга". В 1922 г., после заключения договора в Рапалло, был создан Институт экономики России и стран Восточной Европы в Кенигсберге; в 1923 г. - Русский научный институт, и в 1926 г. - Украинский научный институт в Берлине, в 1927 г. - Институт Восточной Европы в Данциге (Гданьске), а в 1933 г. - Институт изучения Советского Союза в Берлине.

Активизация немецкого империализма в Придунайских и Балканских странах вызвала к жизни новую отрасль "остфоршунга" - "зюдостфоршунг", т.е. изучение Юго-Востока, и обусловила возникновение соответствующих учреждений: Института Центральной Европы в Дрездене (1928), Института по изучению немецкой народности на Юге и Юго-Востоке Европы в Мюнхене (1930) и Института по истории и культуре Юго-Восточной Европы в Лейпциге (1934).

В Англии с начала 20-х годов тон в изучении России и СССР задавала Лондонская школа славянских и восточноевро-

пейских исследований, созданная в 1915 г. В 1919 г. открылось русское отделение этого учреждения, которое возглавил Бернард Пэрс, заслуживший за участие в антисоветской интервенции звание пэра и рыцаря Британской империи (39, с.49). Он же стал руководить русским отделом созданного в 1922 г. журнала "Slavonic review". Организация и деятельность школы и журнала как бы предвосхитили характер функционирования будущих советологических центров. Формально школа относилась к одному из колледжей Лондонского университета, но имела свой опекунский совет (представители МИД, университетов, военных ведомств, торговых кругов и т.д.), которые решали все принципиальные вопросы; у нее имелись собственные источники финансирования, в частности, дотации правительств стран Восточной Европы. В школе изучались русский язык и литература, история, этнография, экономика, государство и право (59, с.I-Ш; 39, с.569). До 1927 г. школа не присваивала ученых степеней, ее работа имела прикладной характер: главным образом готовились люди со знанием языка. В 20-е годы здесь были защищены докторские диссертации о народничестве, экономическом развитии и системе образования в России в предреволюционный период (51, с.142-143). Методология этих исследований была также типичной для буржуазной советологии как того, так и последующего периодов; например, изучение российской экономики было полностью оторвано от анализа общественно-политических процессов. Впоследствии ряд выпускников школы работали в научных центрах Канады, Австралии, ряде стран Европы. Среди преподавателей школы (по языку, литературе, государству и праву, экономике) преобладали эмигранты; около 60% публикаций в журнале также принадлежит эмигрантам. В меньшей мере Россия изучалась в ряде других британских университетов: так, курс российской истории читался в университетах Оксфорда, Кембриджа, Глазго, Ливерпуля, Манчестера, Шеффилда. В 20-е годы в Англии публикуют свои первые рабо-

ты о России такие известные позднее советологи, как Э.Карр, М.Миллер, У.Мэтьюз, Д.Болсовер (двое последних руководили школой после второй мировой войны). Возникает организация - некое подобие сегодняшних национальных ассоциаций советологов: "Конференция университетских преподавателей русского языка и других славянских языков", одним из руководителей которой стал тот же Б.Пэрс.

Благодаря наличию специального центра - Лондонской школы славянских и восточноевропейских исследований - и специального периодического органа английская советология в 20-е годы шла впереди американской. Это признавал А.К. Кулидж, первый в США специалист по славяноведению. В 1924 г. он писал: "В Америке мы еще не достигли стадии наличия школы славянских исследований, сравнимой с Лондонской школой, столь умело руководимой сэром Бернардом Пэрсом" (13, с.242). Не было в США и своего периодического органа, а для поощрения развития славяноведения за океаном было решено сделать с 1924 г. "Slavonic review" совместным англо-американским изданием, в его редколлегию были введены трое американских соредакторов. Определенный вклад в развитие славяноведения США внес Б.Пэрс. По его предложению в Калифорнийском университете в конце 1924 г. была проведена конференция американских славяноведов. На ней присутствовало свыше 40 специалистов-историков, много преподавателей русского и других славянских языков; большой интерес к ней проявили дипломаты (50, с.689, 692-693). Наиболее известны среди американских советологов 20-х годов А.К.Кулидж (1866-1928), С.Харпер, Р.Кернер, Ф.Голдер и др. Однако исследовательской работе уделялось мало внимания: так, Гуверовский институт войны, революции и мира (создан в 1919 г. по инициативе Герберта Гувера), сумевший вывести из Советской России во время деятельности там АРА большое количество документов и материалов, почти никаких публикаций в то время не выпускал.

Во Франции изучение СССР осуществлялось в научно-исследовательских центрах, созданных в 20-е годы. В 1920 г. был основан Институт славяноведения, ставший координационным центром научно-исследовательских работ по истории России и СССР. В 1923 г. в Сорбонне по инициативе Э.Дени была создана кафедра истории и цивилизации славянских народов, носящая в настоящее время имя ее основателя. С 1921 г. Институт славяноведения при содействии ряда других научно-исследовательских организаций начал выпускать "Журнал славянских исследований" (Revue des Etudes slaves), а с 1924 по 1938 г. выходил журнал "Славянский мир" (Le monde slave), на страницах которого регулярно публиковались статьи по истории СССР, его современному политическому и экономическому положению. В Париже действовал европейский центр Христианской ассоциации молодых людей (ИМКА), регулярно публиковавший материалы о Советском Союзе в разделе "Хроника" журнала "Slavic review".

Франция в 20-е годы была средоточием деятельности белой русской эмиграции. В Париже издавались крупные эмигрантские газеты, журнал "Современные записки", здесь находили свое выражение белоэмигрантские интерпретации российской истории и советской действительности.

Одним из центров изучения Советской России была в 20-е годы Прага: здесь работали сделавшие впоследствии карьеру советологов ряд специалистов. В Праге с апреля 1924 г. действовал"Экономический кабинет"С.Н.Прокоповича (с 1922 по 1924 г. он находился в Берлине), в задачу которого входили сбор и систематизация сведений о народном хозяйстве СССР. Там же находился финансируемый чехословацким правительством Институт изучения России, где работали эсеровские деятели В.М.Чернов, А.В.Пешехонов и др. В Праге были сосредоточены эмигрантские исторические учреждения: "Историческое общество", "Донской казачий архив" и "Русский заграничный исторический архив". В последнем храни-

лось богатейшее собрание документов по истории русской революции и контрреволюции, огромная коллекция газет, книг и брошюр.

Советологи из числа белоэмигрантов активизировались в Софии, Харбине и ряде других городов мира. Украинские националистические организации обосновались в Праге (Украинский университет), во Львове (Шевченковское общество) и др.

В 30-е годы в капиталистических странах наблюдался дальнейший рост интереса к СССР и рост советологических учреждений. Однако этот процесс имел свою специфику вследствие резкого изменения в расстановке сил мирового империализма.

С приходом фашистов к власти в Германии все либеральные и объективистские тенденции "остфоршунга" были отброшены прочь. "Остфоршунг" был спешно мобилизован для обоснования и подготовки актов захвата и насилия в ближайшем будущем. Вся его деятельность проходила в тесном контакте с официальными государственными учреждениями фашистской Германии, для которых собиралась различная информация о СССР и странах Восточной Европы, подготавливались материалы антикоммунистической и антисоветской пропаганды. "Остфоршеры" в "третьем рейхе" занимались даже прямым шпионажем, подготовкой кадров шпионов, диверсантов и "пятых колонн" в странах Восточной Европы. В 1933 г. было создано Северо-восточное германское исследовательское общество, являвшееся фашистским центром по руководству "остфоршунгом". Это общество, существовавшее на деньги министерств иностранных и внутренних дел, было тесно связано с замаскированными под ученых гитлеровскими агентами в Прибалтике, Польше, Чехословакии и Австрии.

Усиление фашистской опасности, угроза оккупации, а затем и оккупация ряда европейских стран привели к тому, что значительная часть специалистов по Советскому Союзу

из Австрии, Чехословакии, Польши, Франции и других стран переместилась в Англию и особенно в США, увеличив потенциал советологии за океаном. В Англии деятельность советологов по-прежнему концентрировалась вокруг Лондонской школы славянских и восточноевропейских исследований, журнала "Slavonic and East European review". Правда, состав авторов, выступавших на страницах этого журнала, изменился - число публикаций английских и американских авторов превысило число публикаций эмигрантов. В Лондонской школе в 1933 г. из 86 слушателей более половины изучали только язык. В 1939 г. из общего числа в 156 слушателей 112 человек изучали славянские языки, причем 2/3 - русский (41, с.389). В 30-е годы были защищены лишь две докторские диссертации. Больше внимания школа стала уделять советской экономике; этот предмет преподавал бывший сотрудник Московского университета С.Тюрин. В начале 30-х годов в Бирмингеме силами выходцев из пражских эмигрантских кругов была создана группа по исследованию советской экономики, публиковавшая "Бюллетени" о советском экономическом развитии (по оценке английского марксиста А.Ротштейна, "Бюллетени" давали довольно объективную информацию).

С началом второй мировой войны академические исследования советологов в Англии были свернуты. Лондонская школа славянских и восточноевропейских исследований почти полностью переключилась на обучение славянским языкам офицеров британских вооруженных сил. Преподаватели школы были мобилизованы, в частности, для работы в разведке, на Би-би-си и т.д. Журнал "Slavonic and East European review" после августа 1939 г. не выходил до 1945 г. Б.Пэрс в 1942 г. переехал за океан.

По-другому развивалась советология в США в 30-е годы. Историю России в 1935-1936 гг. в США преподавали в 33 университетах и колледжах (57, с.16-19). Десять вузов США имели специальные курсы изучения русской революции. В

Джорджтаунском университете (г.Вашингтон) такой курс был пятилетним (проф. Ю.Уолш). Иезуитский Фордэмский университет имел в учебных планах курс "Природа и история большевизма". Росло число советологов. Начали преподавать и публиковать работы об СССР те, кто после войны, выступая с антисоветских позиций, определяли лицо советологии в США: Г.Фишер, М.Флоринский, С.Харпер, М.Карпович, Г.Кон, А.Мазур, Д.Робинсон, Ю.Симмонс, А.Спектор, Л.Страховский, Д.Вернадский и др. В конце 30-х годов в США переехал проживавший в Австрии эмигрант из России В.Гурьян, создавший в католическом Нотрдеймском университете группу по изучению СССР. М.Фейнсод (директор Русского исследовательского центра в Гарварде в 50-х годах) был первым американским буржуазным специалистом по международному коммунистическому движению, выпустив в 1935 г. первую часть истории III Интернационала. Несколько активизировал свою деятельность Гуверовский институт войны, революции и мира, докторские диссертации по России и Советскому Союзу защищались в Чикагском, Гарвардском и Колумбийском университетах. К концу 30-х годов славяноведы и советологи США планировали создание собственного периодического издания. Но в эти годы советология в США еще не имела столь прямой связи с правящими кругами, как в послевоенные годы, чему в какой-то мере способствовали и элементы изоляционизма во внешней политике страны.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВЕТОЛОГИЧЕСКИХ МИФОВ И КОНЦЕПЦИЙ

В первые годы существования Советского государства все усилия империализма, в том числе его идеологов, были подчинены цели уничтожения и дискредитации Советской власти. При рассмотрении содержания западных публикаций этих лет о Советской России в глаза бросается прежде всего их злостно-клеветнический, нередко доходящий до абсурда характер. В отдельных случаях это объяснялось недостатком

знаний о политике большевиков и Советской власти. но в целом господство на Западе нелепейших представлений о новом строе отразило глубокий кризис буржуазной идеологии и империализма в целом, неспособность представителей старого общества понять смысл происходящих в России событий.

В буржуазной литературе о СССР 1917-1921 гг. одним из доминирующих мотивов были заявления о стремлении не допустить распространения русского примера (что было особенно заметно в немецких работах)(19, с.43, 64), идеологически прикрыть интервенцию, а также успокоить держателей русских ценных бумаг. В такой обстановке стала возможной широкая циркуляция в западной прессе лживых сообщений о гибели Советской власти. Известно, например, что "Нью-Йорк таймс" за двухлетний период после Октябрьской революции 91 раз предсказывала скорую гибель большевистской власти, четыре раза сообщила, что большевистские руководители готовятся спасаться бегством, три раза, что они уже убежали, пять раз информировала, что советский режим шатается, дважды - что Ленин намерен уйти в отставку, три раза писала о его аресте и один раз о смерти (18, с.59).

Рассуждения о недолговечности "большевистского эксперимента" получили новый импульс с введением нэпа. Так, журнал "Slavonic review" предрекал крах большевизма из номера в номер, вплоть до 1930 г. Подобный подход к предмету советологии не мог не обесценивать все попытки буржуазных авторов дать описание процессов в Советской России. Он располагал к крайне поверхностному, нередко клеветническому обращению с фактами о советской жизни, что и отразилось в большинстве работ буржуазных "экспертов" о Советской России в 20-е годы.

Характерной чертой публикаций о Советской власти в эти годы является упорное стремление буржуазных авторов рассматривать социальные революции в России в 1917 г. исключительно сквозь призму хода первой мировой войны. В Германии, например, широко распространилась версия о Февраль-

ской революции как деле рук англичан. Так, россиеведы П.Рорбах и А.Шмидт писали в 1917 г.: "Когда первые новости о русской революции дошли в Германию, почти все увидели в ней дело рук Англии" (46, с.79). В свою очередь в странах Антанты, особенно после заключения Брестского мира, укрепилось мнение, будто большевистская революция "сделана в Германии", т.е. осуществлена в соответствии с планами выведения России из мировой войны в немецких интересах. Большевиков изображали германскими агентами, пустив, в частности, в ход очевидную фальшивку - так называемые "документы Сиссона".

Отметим, что некоторые клеветнические версии, распространявшиеся в то время буржуазными идеологами, оказались достаточно живучими. Одна из таких версий - о "германо-большевистском сговоре" - до сих пор встречается в советологии (10, с.81-90; 43, с.4). Другой аналогичный миф - о том, что за спиной большевиков стоит мировой сионизм - муссировался в канун пятидесятилетия Советской власти в книге Д.Каткова (28, с.167-170). Современный французский историк Ш.Карбонель иллюстрирует абсурдность тогдашних представлений о Советском правительстве с помощью эпизода, происшедшего в палате депутатов Франции 29 декабря 1918 г. "Что такое большевистское правительство?" - задал с трибуны вопрос министр иностранных дел С.Пишон. "Банда убийц", - ответил депутат Жак Штерн. "И никто, - пишет Карбонель, - не призвал его к порядку" (9, с.20). Как признавал немецкий советолог Т.Зайберт, одним из источников "наших нынешних представлений о России" являются "очернительские описания ее злейших врагов" - эмигрантов (49, с.26). Вместе с тем уже в первые годы Советской власти наиболее прозорливые и объективные западные наблюдатели увидели в России "огромную лабораторию, где проводится многосторонний эксперимент в области управления страной и социальной организации". Так писал в 1920 г. английский журналист

У.А.Браун. Он должен был признать, что влияние революционной России докатывается до всех стран и народов. "Силы, действующие сегодня в России, - великие силы. Прямо или косвенно они воздействуют на ход событий не только в Европе, но равным образом в Азии и США" (6, с.21).

С окончанием гражданской войны оставалась еще определенная часть буржуазных политиков и белоэмигрантов, которые продолжали делать ставку на интервенцию, другие связывали свои расчеты с "новой тактикой", надеялись на "преодоление большевизма изнутри", на его разложение "внутренними силами". Главным в "новой тактике" контрреволюции в условиях новой экономической политики был расчет на перерождение советского строя. В этих условиях экстремистское крыло эмиграции и близкие ему по духу западные советологи уже не определяли целиком направленность советологической продукции. Существенное влияние на формировавшуюся советологию оказали в это время идейные течения, связанные со сменовеховством, с правым крылом, выражавшим буржуазно-реставраторские тенденции. Сменовеховство было следствием осознания неизбежности провала "белого дела", оно предполагало отказ от вооруженной борьбы против Советской власти. Признавая Советскую власть как национальную силу, представители правого крыла сменовеховства заявляли о неизбежности внутреннего перерождения Советской России в Россию капиталистическую на путях нэпа. Сменовеховские настроения, признавая реальность советского строя, создавали теоретическую основу изучения Советской России, развития концепций, организационной структуры, публикаторской деятельности специалистов по России на Западе.

Сменовеховству была близка евразийская доктрина истории и современного положения СССР. Евразийство оказало немалое влияние на советологическую литературу. Евразийцы признали неизбежность победы Октябрьской революции, но - как чисто национального русского явления, как следствия

особенностей исторических судеб России, лежащей на перепутье между Востоком и Западом. Отказываясь от идеи вооруженной интервенции против Советской власти, они навлекали на себя гнев правого крыла эмиграции; однако их постулат о неизбежности перерождения советского строя в буржуазный импонировал более умеренным политикам Запада. В теоретическо-философском отношении евразийцы нередко стояли на теологических позициях, иногда впадая в религиозную мистику. Евразийству был присущ шовинизм, призывы подчинить судьбы нерусских народов России великороссам, что вызывало нападки со стороны националистической эмиграции.

Возникнув в эмигрантских кругах Праги, Софии и других европейских столиц, евразийские доктрины получили распространение среди советологов в Германии, Англии, США, Франции. Примером этого служит книга В.Маутнера "Большевизм", вышедшая первым изданием еще в 1920 г. В ней на 300 с лишним страницах были изложены экономические, социально-политические предпосылки Октябрьской революции, история революционного, в том числе рабочего, движения в России и трех революций. Предпосылки большевизма автор выводил из "русского духа" и противоречий в русской душе. "Между двумя мирами лежит Россия, двум мирам принадлежит она. Кажется, она объединяет в себе два мира: Европу и Азию. И это не только физически, но и психически", - так начинал автор свою книгу (35, с.I). Упрочение большевизма в РСДРП автор обосновал следующим образом: "Наконец, после долгой духовной борьбы и здесь побеждает склонность к неотвратимому, и тем самым большевистское течение берет верх в партии над меньшевистским" (35, с.47). Таков же характер работ К.Нетцеля, А.Фрейтаг-Лорингховена, А.Хеденштрема и ряда других.

Евразийская трактовка истории России была весьма распространена в 20-40-е годы. Она как бы определила пути эволюции одного из направлений буржуазной советологии, ста-

ла в определенной мере предтечей ряда последующих схем, вплоть до теории конвергенции, в основе которых лежали надежды на внутреннее перерождение советского общества.

Содержание советологических публикаций в 20-е годы хорошо иллюстрирует английский журнал "Slavonic review" (с 1919 г. - Slavonic and East European review"). Внимание читателей концентрируется на духовных, религиозных факторах российской истории, муссируются разного рода антибольшевистские мифы. Так, большевистская партия рассматривается как небольшая группа, держащаяся у власти с помощью террора и не имеющая никакой поддержки масс; наличие Советской власти в деревне по существу отрицается, а крестьянство изображается как консервативная, реакционная сила, противостоящая большевизму и составляющая главную преграду для осуществления планов большевистской партии[1].

В то же время в советологии обозначились группировки, стоящие на более дальновидных позициях. В этом плане особо следует отметить германский журнал " Osteuropa", редактором которого был в 20-е годы О.Гетч. Журнал выступал, хотя и непоследовательно, за советско-германское сотрудничество в духе Рапалло, публиковал информационные материалы о Советском Союзе. Выходили книги, несостоятельные по своей общей концепции, но содержавшие полезный для читателя фактический материал о функционировании советского строя.

Тем не менее потребовались всемирно-исторические завоевания советских рабочих и крестьян в строительстве социализма, невиданный триумф социалистической индустриализации, чтобы продемонстрировать перед всем миром банкротство буржуазных представлений о советском обществе, дать на-

---

[1] См. об этом: Романовский Н.В. История Великого Октября на страницах журнала английских советологов // Вопр. истории. - М., 1975. - № I. - С.183-185.

чало новому раунду поисков выхода из этого (далеко не последнего) тупика западной советологии.

СОВЕТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Тридцатые годы образуют особый период с точки зрения доктрин и организационных форм изучения Советского Союза. Начало этого периода положено выдающимися успехами трудящихся Страны Советов в строительстве нового общества. Стало полностью очевидным, что первая пятилетка, вызывавшая у западных "экспертов" насмешки, успешно выполняется. Коллективизация советской деревни, ликвидация кулачества как класса опрокинули представление о русском крестьянстве как о религиозной консервативной массе, потенциальном источнике реставрации эксплуататорских порядков. Сильное впечатление на общественность Запада произвели также успехи советского народа в культурном развитии, в практическом устранении неравенства наций. Наконец, стало ясным, что большевистская партия, ее планы, лозунги пользуются поддержкой трудящихся, активно претворяющих их в жизнь. Настоятельной необходимостью стала разработка концепций, более адекватно отражающих динамику развития Советской страны.

Одновременно в советологической литературе 30-х годов не могли не отразиться кризисные явления в буржуазном обществе. На фоне охватившего весь капиталистический мир жестокого экономического кризиса и последовавшей за ним длительной депрессии срочно потребовались средства для нейтрализации воздействия экономических успехов социализма на сознание трудящихся масс. Усиление опасности новой мировой войны, приход к власти в Германии фашистов, распространение в широких кругах западной общественности антивоенных, антифашистских настроений, успехи коммунистических партий, в частности, в проведении политики Народно-

го фронта, – все это обнаруживало негодность советологических доктрин, меняло пути образования новых концепций.

На материале советологических публикаций 30-х годов прослеживается эволюция двух типов концепций. Прежде всего обанкротились и трансформировались прежние представления о советском обществе как исторической аномалии, кратковременном эпизоде русской истории, обусловленном национально-специфическими чертами русского народа. Эта концепция потерпела крах вместе с крахом надежд на гибель Советской власти при попытке переустройства деревни. Однако идея национально-особенных черт русского народа, как и идея эволюции советского общества к капитализму, сохранилась. Первая дала толчок объяснению успехов социалистического строительства "мистической энергией" и склонностью к самопожертвованию русского народа, возникновению мифа о том, что большевики сумели заменить в "религиозной душе" народа идею бога учением Маркса и Ленина, чем-де и объясняется "фанатизм" коммунистов, комсомольцев в строительстве, в борьбе за новое общество (II, с.265; 31, с.301-316). Здесь кроются истоки встречающихся и ныне утверждений о "религиозном" характере марксистско-ленинской теории, "вере" как главной движущей силе деятельности коммунистов[1]. Что касается надежд на перерождение советского строя, то советская действительность 30-х годов нанесла им сокрушительный удар, но не уничтожила совсем; они вновь ожили в годы Великой Отечественной войны, когда, по мнению западных наблюдателей, якобы стал возрождаться великорусский национализм. Этот первый тип концепций развития советского общества, кроме работ ряда эмигрантов, при-

---

1) См. об этом: Черняк Е.Б. Историография против истории. (Критический очерк реакционной историографии эпохи крушения капитализма). – М., 1962. – С.68.

сутствует также в работах ряда буржуазных специалистов по России (Б.Пэрс, С.Харпер и др.).

Другой тип концепций советской действительности обнаруживается в зарождении и становлении в эти годы одиозной теории "тоталитаризма", главной чертой которой явилась искусственное, лживое отождествление советского и фашистского строя. Сам термин был заимствован из лексикона фашистов, разглагольствовавших о "тотальном государстве", "тотальной войне" и т.д. Сравнением коммунизма и фашизма занимались некоторые социал-демократы и реформисты еще в 20-е годы (32). Более или менее систематическое применение термина "тоталитаризм" к Советскому Союзу наблюдается с конца 30-х годов. Отметим, что для объяснения успехов советского народа в социалистическом строительстве также весьма широко использовались версии о "террористических", "автократических" и т.п. методах мобилизации масс, руководства обществом со стороны большевистской партии. С помощью этих версий буржуазная пропаганда рассчитывала нейтрализовать воздействие успехов СССР на общественное мнение Запада.

Об укоренении тезиса о "советском тоталитаризме" в антисоветской пропаганде откровенно пишет один из лидеров меньшевизма во II Интернационале, бундовец Р.Абрамович: "Наша оппозиция большевистскому правлению в первое десятилетие основывалась на уверенности, что большевизм - аномалия. Мы верили, что он обречен историей на неудачу... Это посылка оказалась несостоятельной после того, как Сталин осуществил насильственную коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию... Большинство из нашей группы приняли анализ Рудольфа Гильфердинга, который поставил большевизм в категорию тоталитарных режимов" (I, с.XIУ). И действительно, социал-демократические лидеры, реформисты и ренегаты рабочего движения были одной из наиболее активных и шумных группировок апологетов теории "то-

талитаризма" в 30-е годы. Еще одной группой ее сторонников стали разочаровавшиеся в "советском эксперименте" западные либералы - У.Чемберлина , Л.Фишер, Ю.Лайонс и др. Сторонники теории "тоталитаризма" всеми средствами пытались выдавать за существо социалистического строя нарушения ленинских норм партийной жизни и социалистической законности, связанные с культом личности И.В.Сталина, они изображали советско-германский договор 1939 г. как выражение общности двух систем. В 30-е годы теория "тоталитаризма" не имела такого широкого распространения, как в начале 50-х годов. Теория "тоталитаризма" в злобно антикоммунистической форме совершала отход от прежних представлений о национально-русском характере, "азиатской исключительности" большевизма и Октябрьской революции. Создавались предпосылки попыткам применения советологических схем к другим странам и революционным движениям в будущем.

Среди событий в развитии советологии отдельных стран внимания заслуживает прежде всего практическая ликвидация традиционной буржуазной советологии в Германии после прихода к власти фашистов. Ряд ведущих специалистов по России, в их числе О.Гетч, были отправлены в отставку, многие эмигранты, россиеведы-евреи бежали в другие страны, были резко перестроены исследования и публикации в соответствии с расистскими, геополитическими "теориями" фашистов. О деградации советологии в нацистской Германии говорит такой факт. В программной работе Г.Грайфе перед нацистскими "исследователями" СССР ставилась такая задача: "изучать, какие методы эксплуатации применяет Советское правительство по отношению к завоеванному населению или насколько ему удалось задушить жизнь покоренных национальностей". По оценке Г.Грайфе, "руководимое Гетчем "Немецкое общество изучения Восточной Европы" являлось гнездом и сборищем всех иудейско-масонских либеральных друзей Советов и салонных большевиков"(23, с.62, 67). Институт в

Бреслау разрабатывал основы оккупационной политики фашистов в славянских странах. В отношении Советского Союза фашистские теоретики строили свои изыскания на анализе пресловутой "русской души", якобы раздвоенной, надломленной, легко подчиняющейся силе.

Характерны изменения в позиции журнала "Slavonic and East European review". В 1930 г. еще встречаются утверждения о неминуемом "решающем кризисе" Советской власти, но вскоре Б.Пэрс от этой точки зрения отказывается. В середине 30-х годов журнал склоняется к поддержке концепции "советского тоталитаризма", проводя аналогии между Советским Союзом и фашистскими странами, предоставляя страницы самым реакционным представителям белоэмиграции. Во второй половине 30-х годов линия журнала начинает меняться. Появляются предостережения об опасности фашистских планов в Восточной Европы. Эта опасность заставила английских экспертов по России обратить внимание на миролюбивую политику Советского правительства. В этой обстановке Б.Пэрсу была предоставлена возможность, несмотря на его участие в интервенции, приехать в Советский Союз. Английский советолог убедился в успехах советского народа, в прочности советского строя, в миролюбивом характере политики Советского государства, хотя он отрицал заслуги в этом Коммунистической партии, преимущества социализма как нового общественного строя (20, с.484-486). Пэрс, как свидетельствует его автобиография, порвал с эмигрантскими кругами, ориентировавшимися на ликвидацию социализма в СССР силами фашистской Германии, стал выступать за сотрудничество с СССР (41, с.398). В 1940 г., в разгар антисоветской истерии, Пэрс даже написал памятную записку в правительство с критикой планов правящих кругов, связанных с советско-финской войной (41, с.366, 367).

Резко активизировались антисоветчики после заключения советско-германского договора. Примером подобной ак-

тивности является злобная книжка эмигрировавшего в Англию правого социал-демократа Ф.Боркенау, отстаивавшего миф о "советском тоталитаризме" (5, с.13, 197). Во Франции, Чехословакии и других европейских странах с оккупацией этих стран гитлеровцами изучение СССР в академических кругах практически перестало существовать. Зато подняла голову буржуазно-националистическая эмиграция. Следует сказать, что тесные связи ряда советологических периодических изданий, например, журнала "Slavonic and East European review" с русской белой эмиграцией, проповедующей великодержавный шовинизм, не мешали им предоставлять свои страницы публикациям националистов. С приходом к власти в Германии фашистов буржуазные националисты переходят на службу к новым хозяевам, связав свои планы с планами гитлеровского "натиска на Восток". В январе 1934 г. берлинская организация украинских националистов была влита в штат гестапо на правах особого отдела[1]. Вошли в контакт с гитлеровцами и другие националистические организации. В националистической печати появились крайне фантастические домыслы о кельтском происхождении украинцев, о некой особой исторической единице "Козакии" и т.д. (44, с.356-359).

В 30-е годы на Западе усилился интерес к советской экономике. Это было обусловлено как ее успехами, так и жестоким экономическим и политическим кризисом капитализма. Отклики на Западе на советские пятилетки были весьма разнообразными. Наряду со стремлением очернить достижения советского народа, скрыть правду об СССР от трудящихся капиталистических стран, в работах о СССР было заметно стремление осмыслить советский опыт планирования, дабы использовать его в интересах капитализма. Американский экономист, профессор К.Гувер писал в 1932 г.: "Значение развития Советского Союза для капиталистического мира нельзя

---

1) См.: Вопросы истории. - М., 1965. - № 5. - С.22.

переоценить. Если настоящий кризис (так Гувер оценивает положение в СССР. – Н.Р.) будет преодолен, Советский Союз через десять лет сможет обеспечить уровень жизни, который выгодно будет отличаться от уровня жизни малооплачиваемых работников ручного труда в капиталистических странах. Если за это время капитализм не поправит заметно методы маркетинга и распределения, с тем чтобы предотвратить недопотребление и безработицу, и если уровень жизни таких рабочих в капиталистических странах не будет существенно поднят, Мировая Революция быстро пойдет вперед" (25,с.346-347). Это высказывание объясняет классовую целенаправленность интереса западных ученых к советской экономике. Естественно, что часть их внимательно изучала советскую экономику, особенно государственное планирование. Один из членов делегации британских фабианских социалистов писал после визита в СССР: "Очень важно, чтобы те черты русской системы, которые доказывают свою ценность, были использованы в системах других стран. Одной из наиболее важных является государственное планирование" (22, с.74). Такой подход отразился и в ряде публикаций английских экономистов из университетов Лондона и Бирмингема, некоторых германских, французских и американских авторов, отдельных представителей эмиграции (7, 8, 45, 48, 61). Отчасти результаты подобных исследований воплотились в "новом курсе" Ф.Д.Рузвельта, в экономической программе лейбористского правительства Англии после 1945 г.

В то же время на Западе не было недостатка в "специалистах", твердивших о "кризисе" советской экономики, неизбежности провала пятилеток и т.п. Особенно выделялись здесь "эксперты" фашистской Германии и Италии; некий д-р А.Нолль в книжке, напечатанной центральным издательством нацистской партии в 1937 г., характеризовал сообщения об успехах советской экономики, росте благосостояния трудящихся как "мошенничество.., которое с иудейской бессовест-

ностью и азиатской хитростью навязано миру" (37, с.16). Не отстал от него итальянский фашист Л.Барзини, выпустивший книгу "СССР. Империя каторжного труда" (2). Подобные публикации появлялись и в других странах Запада (34; 52; 60). Отметим, что в этом злобном хоре громко звучали голоса реформистов, бывших меньшевиков и эсеров (27).

Определенный интерес западные специалисты проявляли к государственному строю СССР. В работах по этой проблеме прослеживается двойственность подхода идеологов буржуазии к советской действительности: стремление опорочить ее, с одной стороны, практическая необходимость в сведениях о советских государственных, общественных, хозяйственных организациях - с другой. Так, у С.Харпера объективистская тенденция в описании устройства советского государственного аппарата сочетается с заявлениями о постепенном убывании роли социалистической идеологии в руководстве страной (23, 24). В то же время на Западе появлялись крайне антисоветские, лживые публикации о государственном строе СССР (42).

СОВЕТОЛОГИЯ НАКАНУНЕ СВОЕГО ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ (СОРОКОВЫЕ ГОДЫ)

Период Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет зафиксировал более острое, чем ранее, противоборство объективистской и яро антикоммунистической тенденции западной советологии. В целом и правительства стран Запада, и общественное мнение стали выступать за сотрудничество с СССР в начавшейся борьбе против фашизма. Причем поворот в политической ориентации правящих кругов обнаружил полную несостоятельность многих старых представлений о советской системе. В создавшемся благоприятном для серьезного изучения СССР климате у стремившихся к

непредвзятости советологов появились возможности выйти за пределы официозных представлений о советской системе. И в первые послевоенные годы позиции многих советологов определялись предвкушением длительного сотрудничества стран Запада. Однако одновременно на Западе консолидировались силы воинствующего антисоветизма и антикоммунизма, которые сумели одержать верх и оказать определяющее воздействие на формирование послевоенной советологии.

В годы войны союзнические отношения США и Англии с Советским Союзом мешали этим силам развернуться в полной мере. Поэтому в идеологической деятельности реакции усилились элементы скрытого, гибкого антисоветизма. С нападением Гитлера на Советский Союз сторонники теории "тоталитаризма" на время замолчали. Это показывает сравнение книг Ф.Боркенау, вышедших в 1939 и 1942 гг. Если в первой из них автор твердит о необходимости борьбы с "тоталитарным врагом" - большевизмом и фашизмом, то во второй он изображает Советский Союз как страну, борющуюся за свое национальное спасение, а большевизм как великорусскую национальную идеологию, и выводит из этой посылки общность национальных интересов западных стран и СССР в борьбе против фашизма (4, с.134; 5).

С подобных же позиций выступали в годы войны многие профессиональные советологи США и Англии. Так, Б.Пэрс опубликовал большими тиражами книги "Россия" и "Россия и мир". Они переводились на ряд языков и распространялись в войсках союзников как официальные материалы для информации личного состава о СССР. Эти книги отмечены симпатией к русскому народу, идеей сотрудничества с СССР, которое проецировалось и на послевоенные годы. Пэрс подверг критике те круги, которые в годы войны не прекращали своих антисоветских выпадов (40, с.127, 169, 177). Позднее, когда в советологии прочно утвердились тенденции "холодной войны", эти круги взяли реванш, объявив данные книги

Пэрса "эфемерными", "химерическими". С точки зрения достоверности и научной глубины анализа развития нашей страны книги Пэрса действительно не выдерживали критики. Принимая желаемое за действительное, Пэрс положил в их основу идею об убывании в Советском Союзе влияния коммунизма, интернационализма, мнимого их вытеснения великорусским национализмом, возрождении "русской души", "русской идеи". Подобным же образом построены и послевоенные переиздания его "Истории России" (38, с.580, 604). Сходные взгляды имели довольно широкое хождение в эмигрантских кругах, создавая "теоретическую платформу" проявлений солидарности с антифашистской борьбой советских народов. Достаточно привести в качестве примера некоторые работы П.Сорокина. Такие исходные посылки обусловили известный объективизм работ Б.Самнера, С.Харпера, Л.Сегала, М.Ловенстайна и др. (27; 33; 55; 56). Однако крайняя ненаучность концепций исчезновения социализма в России и глубинное несоответствие симпатий к СССР классовым интересам правящих кругов капиталистических стран обрекали это направление на бесперспективность.

Тенденция к сотрудничеству с СССР встречала в западных странах заметное сопротивление. Б.Пэрс, ездивший в 1942-1943 гг. с лекциями по Англии, Канаде и США, считал, что антисоветские настроения наиболее выражены в эмигрантских кругах. "Они... вполне естественно, хотят поссорить нас со своей родиной, - писал Пэрс. - ... Было бы ошибкой, если бы им позволили диктовать американцам политику". К этим лицам Пэрс относил также троцкистов и антисоветчиков типа Л.Фишера, М.Истмена, Ю.Лайонса, У.Чемберлина (40, с.169; 41, с.388-390). Журнал украинских националистов, сетуя на то, что (как казалось редакции) в годы войны лишь один американский ученый - Кларенс Мэннинг - и два канадских профессора выступали с открыто антибольшевистских позиций, отмечал, что "самые мощные антикоммунистиче-

ские силы в Америке находились среди двух национальных групп, враждебных и русскому большевизму, и нацизму - среди украинцев и поляков" (58, с.4,5). Белая эмиграция в США, выступая против "сепаратистов", взамен своей поддержки союза с СССР требовала от Запада добиваться на своей родине "реформ", "либерализации". "возврата к Февралю" (в таком духе, например, выступал Керенский). На страницах белоэмигрантских изданий критиковались те, кто, подобно супругам Уэбб и Пэрсу, выступал за безоговорочное сотрудничество с Советским Союзом в войне и после ее окончания.

В годы войны в США появился целый ряд новых советологических периодических изданий. Это "The Russian review" (первый номер вышел в ноябре 1941 г.), "Новый журнал" (весна 1942 г.), "The American Slavic and East European review" (март 1943 г.); "The American Slavic and East European journal" (1942 г.). В 1944 г. украинские националисты США и Канады организуют издание "The Ukranian quarterly" для противодействия "американо-советскому медовому месяцу" (58, с.3).

Журнал "The Russian review" ("Русское обозрение") возглавлял в качестве редактора У.Чемберлин, его помощниками были М.Карпович и Д.фон Мореншильдт. В редколлегию журнала вошли также американские советологи К.Мэннинг, Г.Фишер, Д.Нойес, Э.Вильсон, представители эмигрантских кругов, польские националисты, клерикалы. Для собравшихся в журнале антисоветчиков курс сдержанности в оценке советского строя, диктовавшийся общим настроением американцев в годы войны, был малоприемлемым, однако открытых антисоветских выпадов в первые годы своего существования журнал не допускал. Но скрытый антисоветизм платформы "Русского обозрения" проявился в декларации У.Чемберлина в первом же номере: "Из крови, пота и слез, нынешних мук поднимается в результате хода событий, черты которого нельзя точно предвидеть, Свободная Россия как часть Свободной Европы"

(I2, с.5). Начиная с 1946–1947 гг., журнал все более обнажает свою антисоветскую сущность, переходит в стан сторонников "холодной войны" одним из первых.

"Новый журнал" был основан М.Цетлиным как продолжение выходивших в Париже эмигрантских "Современных записок" (в них видную роль играли Н.Д.Авксентьев, В.В.Руднев, М.В.Вишняк и другие правые эсеры). В "Новом журнале" первую скрипку с самого начала играл М.Карпович – бывший эсер, секретарь посла Временного правительства в США, ставший профессором Гарвардского университета и проникшийся кадетскими взглядами. С 1927 г. Карпович преподавал в Гарварде. В годы войны антисоветизм "Нового журнала" также открыто не проявлялся. Правда, "кредо" журнала закрывало доступ на его страницы "сторонникам нацизма и коммунизма" (36,с.II2) Журнал публиковал главным образом литературно-художественные произведения (особенно часто выступал здесь И.Бунин). Свои публицистические и политические труды там помещали Керенский, Вишняк, Маклаков, Мельгунов. Антисоветизм журнала оставался закамуфлированным до начала 50-х годов.

"The American Slavic and East European review" был наиболее "американским" из советологических журналов США. Он выходил под эгидой Комитета американских ученых, составленного из членов Американской ассоциации историков, Ассоциации новых языков, Ассоциации исследователей политической науки, Американской академии средних веков и Комитета по славянским исследованиям Американского совета научных обществ (который считается эквивалентом академий наук других стран). В редколлегию журнала входили Г.Фишер, Р.Кернер, С.Харпер, С.Нойес, М.Карпович, Д.Робинсон, Д.Вернадский, А.Сенн. Редакторами были Ф.Мозли, С.Кросс и С.Томсон. Несмотря на призывы к "объективным оценкам без апологетики или критики", еще в годы войны журнал допускал антисоветские выпады в ряде публикаций (так, в ноябрьском номере за 1943 г. содержались утверждения о "совет-

оком империализме" и "коммунистической агрессии"). В статьях журнала можно было заметить выражение надежд на эволюцию советского общества к капитализму и сильное влияние националистов.

Ежеквартальное издание украинских националистов было самым экстремистским среди американской советологической периодики. Его редакторами были профессор львовской Украинской католической теологической академии Н.Чубатый, американский профессор К.Мэннинг, Л.Добрянский - американец украинского происхождения, преподаватель, а затем профессор Джорджтаунского университета, ярый националист, вхожий во влиятельные круги американской столицы. Журнал выступал с националистических, резко антисоветских позиций, трубил о советской угрозе всеобщему миру, требовал расчленения Советского Союза по национальным линиям, нападал на сторонников "единой и неделимой России" из среды эмигрантов. Для характеристики журнала приведем названия его рубрик: "ООН, мир во всем мире и Украина", "Украина - история, геополитика", "Американская политика в Восточной Европе", "Украинская культура", "Религия на Украине и в Молдавии", "Украинское искусство, язык и литература", "Экономические, трудовые и социальные отношения в Советской Украине", "Украинская освободительная борьба", "Украина и ее соседи", "Русские и нерусские нации СССР", "Большевистские кошмары" и т.п. Журнал, его авторы и сотрудники одними из первых активно включились в акции пропагандистов "холодной войны".

В 1946 г. в США был создан Русский институт Колумбийского университета. Он возник в обстановке, когда еще жива была память о совместной борьбе с Советским Союзом против фашизма, были сильны симпатии к СССР. Среди американцев, как и других наций, усилился интерес к нашей стране; не могли не реагировать на факт превращения Советского Союза в решающую силу мировой политики правящие круги США,

академический мир. Некоторые данные говорят, что эти настроения проявлялись и при создании Русского института. В связи с его созданием прогрессивные круги выражали надежду, что более полно информированное общественное мнение о России станет "единственной прочной основой мирных отношений". Однако эта тенденция была похоронена в обстановке, когда правящие круги США сделали ставку на "холодную войну" против мира социализма.

В советологических организациях Англии также поначалу проявилась тенденция к англо-советскому сотрудничеству. Вырос интерес к СССР, это отразилось в росте желающих учиться в Лондонской школе славянских и восточноевропейских исследований. Лондонская школа и ее журнал взяли курс на сохранение и развитие сотрудничества и взаимопонимания с СССР. В школу в эти годы приезжали советские делегации, журнал "Slavonic and East European review" печатал рецензии на советские, марксистские издания, статьи, посвященные 800-летию Москвы. Новый директор школы и редактор журнала У.Роуз (он занимал эти посты с 1939 по 1947 г.) был сторонником советско-британского сотрудничества. Советско-британский договор, говорилось в редакционной статье журнала в январе 1946 г., "не только часть великого наследия, завещанного нам Черчиллем и Иденом, но также, мы думаем, одна из главных целей нынешнего британского правительства" (15, с.3). В это время в школу были приглашены некоторые прогрессивные преподаватели, в частности, Э.Ротштейн, опубликовавший в журнале ряд содержательных материалов. Однако курс на сотрудничество стал свертываться под давлением сторонников "холодной войны". В конце 1947 г. Э.Ротштейн в одной из рецензий заметил, что в смысле нагнетания антисоветизма обстановка в Англии начинает напоминать 1939-1941 гг. (47, с.291). Начинался новый период истории советологии, связанный с "холодной войной".

Советологические концепции этого периода были подвергнуты критике в большом числе работ советских ученых. Многие из этих концепций сохранены и поныне, и о них будет сказано в последующих главах. Связь советологии с политикой правящих кругов крупнейших капиталистических стран проявилась и в создании в послевоенный период широкой сети центров по изучению СССР, и в институционализации советологических исследований.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТОЛОГИИ КАК СИСТЕМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ

После второй мировой войны во многих капиталистических странах были созданы и существуют поныне многочисленные учреждения, занимающиеся изучением Советского Союза и других социалистических стран. В США в большинстве своем они сформированы при крупнейших американских университетах и колледжах, получив название "институтов" или "центров". Возникновение этих учреждений объяснялось, с одной стороны, необходимостью удовлетворить небывало возросший интерес общественного мнения Запада к стране, внесшей решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее союзников, - миллионы людей за рубежом восхищались героизмом советских людей и стремились понять особенности и источники силы советского общественного строя. С другой стороны, реакционные империалистические силы, начавшие "холодную войну", интегральной частью которой стала психологическая война против мира социализма, были заинтересованы как в сборе и обработке всесторонней информации о Советском Союзе, так и в нейтрализации воздействия идей мира, демократии и социализма на народные массы. В выработке антимарксистских, антикоммунистических и антисоветских доктрин и концепций большая роль была отведена советологическим

центрам, в которых были собраны представители различных отраслей наук, специализировавшиеся на изучении СССР и других стран социализма.

При этом следует подчеркнуть, что определенные круги правящей верхушки США еще до 1945 г. рассматривали СССР как потенциального противника номер один и вынашивали соответствующие планы антисоветской стратегии, частью которых были проекты создания этих центров, зародившиеся в Бюро стратегических служб США, известном теперь под названием Центрального разведывательного управления (ЦРУ). В конце 1943 г., когда исход войны уже был предрешен, начальник одного из отделов Бюро стратегических служб полковник Д.Т.Робинсон в письме, направленном 11 октября руководству Колумбийского университета, предложил сформировать специальный исследовательский институт, который сосредоточил бы свои усилия на разработке проблем, связанных с Советским Союзом, "в соответствии с изменениями, которые быстро происходят в расстановке сил в мире". В том же месяце он обратился в Колумбийский университет со вторым письмом, в котором изложил свою точку зрения на конкретные аспекты деятельности будущего института - подготовку кадров, направления исследовательской деятельности, финансовые и административные вопросы. Еще через полгода Робинсон в очередном письме писал, аргументируя необходимость скорейшего создания института: "Существуют различные причины, чтобы верить в то, что Россия займет весьма ответственное место в послевоенном мире, а ее серьезная экспансия может быть выявлена с помощью... американской науки в области русских исследований".

Именно в порядке реализации предложения Робинсона в 1946 г. на средства, предоставленные Фондом Рокфеллера, был учрежден Русский институт при Колумбийском университете, о чем говорилось выше. Неудивительно, что сам Робин-

сон стал первым директором этого первого в США советологического центра.

В 1947 г. был создан Русский исследовательский центр при Гарвардском университете, а в последующие годы - аналогичные учреждения в университетах штатов Калифорния, Иллинойс, Висконсин, Индиана, Канзас и многих других, причем со временем в некоторых наиболее крупных из них возникли не один, а сразу несколько советологических центров. Всего в начале 70-х годов в США существовало около сотни таких институтов и центров (53, с.295).

Как свидетельствуют сами американские советологи, с самого начала перед этими институтами были поставлены следующие задачи: во-первых, "прямое расширение знаний о России путем скоординированных исследований"; во-вторых, подготовка "специалистов, которые впоследствии будут работать в правительственных учреждениях и оказывать влияние в области изучения России", консультируя правительственные инстанции по различным вопросам внутренней и внешней политики СССР и других европейских стран (14, с.44-45).

Одной из важных особенностей сети советологических учреждений в США стала диверсификация по функциям. Большинство центров осуществляет комплексное изучение социалистических стран по методике так называемых "региональных исследований" (area studies), т.е. с привлечением специалистов различных отраслей общественных наук: историков, экономистов, политологов, социологов, демографов, филологов и др. Одна часть этих центров изучает только Советский Союз (таковы, помимо Русского института Колумбийского университета и Русского исследовательского центра Гарвардского университета, Институт углубленного изучения СССР, основанный в 1976 г. Джорджем Кеннаном, аналогичные учреждения при Джорджтаунском, Маркетском и других университетах). Другая часть институтов изучает в совокупности СССР и европейские социалистические страны (при универси-

тетах Йельском, Иллинойсском, Питтсбургском, Пенсильванском, Стэнфордском, Калифорнийском в г.Беркли и Лос-Анджелесе). Были организованы учреждения, специализирующиеся на изучении стран Восточной Европы, помимо Советского Союза. Наконец, со второй половины 60-х - начала 70-х годов стали создаваться учреждения, нацеленные на изучение отдельных регионов Советского Союза, отдельных отраслей общественных наук или отдельных проблем внутренней политики СССР. Так, при Гарвардском университете возник Украинский институт, при Университете Южной Калифорнии - Центр по изучению Советской Азии, при Индианском университете - Центр изучения Урала и Алтая.

Среди отраслевых центров особое место заняли те, которые готовили исследования различных проблем мирового коммунистического и рабочего движения, призванные давать "научные" рекомендации по борьбе с теорией и практикой мирового коммунизма и национально-освободительного движения. Головным из них является существующий уже почти 70 лет Гуверовский институт войны, революции и мира, созданный в 1919 г. и неукоснительно следующий заветам своего основателя Герберта Гувера, крупного бизнесмена, представителя крайне правого крыла республиканской партии и президента США в 1929-1933 гг. В 1959 г. Гувер заявил: "Исследовательская работа и публикации должны вскрыть зло учения Карла Маркса, - будь то коммунизм, социализм, экономический материализм или атеизм, чтобы таким образом защитить американский образ жизни от этих идеологий, их заговоров и подтвердить ценность американского образа жизни" (54, с.177).

В США возникла также большая группа институтов, которые американская печать называет "фабриками мысли", "думающими танками" или "мозговыми центрами". Они заняты разработкой военно-политической стратегии США и в основном работают по контрактам, заключенным с правительственными инстанциями. Самые известные среди них - уже упоминавшийся

Гуверовский институт, корпорация РЭНД, Гудзоновский и Брукингский институты, Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета (г.Вашингтон). Эти центры, как правило, имеют большой штат исследователей, располагают мощной финансовой базой.

Существует заметная разница не только в структуре, но и в штатах различных американских советологических учреждений. Центры, находящиеся при университетах, обычно имеют небольшой штат исследователей и технических сотрудников. Для выполнения определенных программ они привлекают ученых из других учебных и научных учреждений. Иная ситуация в центрах, занятых разработкой военно-политической стратегии США по отношению к миру социализма. Например, в Корпорации аналитических исследований имеется 300 научных и технических работников, а в корпорации РЭНД - около 1200 штатных сотрудников. Эти "думающие танки" имеют в своем составе обычно отделы, секторы, группы. Так, Институт оборонного анализа насчитывает восемь отделов и вычислительный центр.

Помимо публикации научных работ и составления закрытых документов для правительственных органов, многие советологические центры США готовят исследовательские кадры в области изучения СССР и других социалистических стран. Такие кадры требуются государственному аппарату, пропагандистским органам, университетам, крупным корпорациям, банкам.

Функционирование многочисленных советологических центров США, выпуск обширной печатной продукции, организация конференций и симпозиумов потребовали больших финансовых затрат. В настоящее время существуют три источника пополнения казны советологических учреждений: субсидии так называемых филантропических фондов, бюджеты университетов, федеральный бюджет.

Большая часть всех расходов (70% и более), идущих на

изучение СССР, других социалистических стран, а также различных проблем мирового коммунистического движения, осуществляется за счет средств, представляемых благотворительными фондами. Ведущую роль здесь играют самые богатые фонды - Форда, Рокфеллера, Карнеги, предоставившие в 40-х и в 50-х годах основные средства для создания сети и деятельности советологических учреждений; далее идут фонды Дьюка, Хартфорда, Келлога и некоторые другие. Например, Фонд Форда для финансирования советологии создал специальный филиал - "Восточноевропейский фонд". Он оплачивает не только исследовательскую и издательскую деятельность, но и подготовку кадров, приобретение литературы, проведение многочисленных симпозиумов, заграничные командировки и стипендии советологов. О размерах ассигнований Фонда Форда можно судить по тому, что за 15 лет он выделил на международные исследования 270 млн. долл.

Крупнейшей организацией, координирующей работу советологов США, стала Американская ассоциация развития славяноведения (American association for the advancement of Slavic studies) - ААРС. Первоначально созданная в 1948 г. с целью наладить периодическую публикацию работ американских славистов, в дальнейшем, по мере интенсификации "холодной войны" и с ростом количества советологических институтов, эта ассоциация была реорганизована в основной координирующий центр в области изучения СССР и других социалистических стран Европы.

Ассоциация объединяет примерно 2500 "ученых и других лиц, занятых преподавательской, исследовательской, административной деятельностью или работающих в правительственных учреждениях и стремящихся проводить исследования, осуществлять издания и вести преподавание дисциплин, относящихся к Советскому Союзу и странам Восточной Европы" (16, с.570). Среди них специалисты двадцати различных отраслей гуманитарных наук, в том числе более тысячи истори-

ков, около пятисот политологов, три сотни специалистов по международным отношениям, полторы сотни экономистов, а также социологи, юристы, лингвисты, литературоведы и др.

Характерной чертой послевоенной советологии в США является своеобразная ротация кадров между правительственными учреждениями и советологическими центрами. Специалисты по СССР, другим социалистическим странам идут на службу в государственный аппарат, а чиновники (причем нередко высокопоставленные) из правительственных учреждений переходят в эти центры. Например, ведущие сотрудники Гуверовского института Р.Фримен, Р.Аллен, Д.Дулин, М.Андерсон в разное время были советниками Белого дома; директор Института по исследованию проблем коммунизма Зб.Бжезинский был членом Совета планирования госдепартамента при президенте Кеннеди и помощником президента Картера по национальной безопасности; профессор Гарвардского университета, в 60-х годах директор Русского исследовательского центра при Гарвардском университете Р.Пайпс консультировал президента Рейгана; бывший директор Русского института Колумбийского университета М.Шулмэн - многолетний советник госдепартамента по Советскому Союзу; сотрудник Гуверовского института Ст.Поссони перешел на службу в дипломатическое ведомство, став послом в Бельгии, а посол в Москве Ф.Колер, выйдя в отставку, стал ведущим сотрудником Центра международных исследований университета в Майами.

x x

x

В Германии после разгрома фашизма во второй мировой войне были уничтожены гнезда "остфоршунга", располагавшиеся ранее в Кракове, Праге, Кёнигсберге, Бреслау, Берлине, Лейпциге и других городах. Однако уже в 194€ г. начался процесс восстановления и создания новых организаций на территории Западной Германии. Все вновь созданные в пос-

левоенный период учреждения "остфоршунга" во многом напоминают старые, процветавшие до второй мировой войны центры.

В ФРГ наблюдалось постоянное возрастание антисоветской и антикоммунистической направленности западногерманского "остфоршунга", усиление внимания к странам Восточной Европы, вступившим на путь социализма. Фактически "остфоршунг" стал синонимом советологии. "Если раньше, - писал один из ведущих представителей этой дисциплины профессор Ганс Кох, - в нее (советологию. - М.Т.) включалось только изучение СССР, то теперь она охватывает весь остфоршунг" (29, с.43). Об отказе некоторых славистов и историков, изучающих историю СССР и стран Восточной и Юго-Восточной Европы,от сомнительной чести называться "остфоршерами" с грустью поведал на страницах журнала "Остойропа" Гельмут Кёниг (30, с.792). В пестром конгломерате центров "остфоршунга" можно выделить три группы учреждений: координационные, учебные и исследовательские. Координационные учреждения являются связующими звеньями между правительственным аппаратом и организациями "остфоршунга", они регламентируют их деятельность в рамках всей страны, отдельных земель или более мелких регионов. В 1952 г. был образован министерством внутренних дел Координационный комитет содействия изучения Восточной Европы в ФРГ (Koordinationsausschuss der Bundesgefördete Osteuropaforschung). К числу его важнейших задач относятся: координация работы между отдельными институтами; изыскание средств на организацию исследований; помощь в распределении молодых специалистов; содействие при замещении научных должностей в учебных и исследовательских учреждениях.

Координационными учреждениями, действующими в масштабе всей страны и по сути направляющими всю работу западногерманского "остфоршунга", являются также два научных общества: Немецкое общество по изучению Восточной Европы

(Deutsche Gesellshaft für Osteuropakunde e.V.) и Общество по изучению Юго-Восточной Европы (Südosteuropa Gesellschaft e.V.). Первое из них под своим нынешним названием существует с 18 ноября 1949 г. В настоящее время общество насчитывает около 600 членов и пользуется покровительством и материальной поддержкой со стороны федерального министерства иностранных дел. Оно имеет свои филиалы в Бонне, Кёльне, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Ганновере, Киле, Майнце и Мюнхене, а с 1974 г. его официальная штаб-квартира находится в двух местах: Штутгарте и Западном Берлине. Обществом руководит президиум из девяти членов, возглавляемый президентом. С 1949 г. президентом был бывший министр финансов и вице-канцлер Веймарской республики Герман Дитрих; с 1954 г. - крупный чиновник боннского министерства внутренних дел Эрих Венде; с 1961 г. - бывший посол в Анкаре, Москве и Токио Вильгельм Хаас; с 1971 г. президентом является председатель Восточного комитета Германской промышленности Отто Вольф фон Амеронген.

Общество по изучению Юго-Восточной Европы объединяет "остфоршеров" ФРГ, Западного Берлина и Австрии, специализирующихся по данному региону (помимо социалистических стран Юго-Восточной Европы в поле зрения общества находятся также Греция и Турция). Это общество было основано в 1952 г. и является корпорацией, в которую входят представители монополистических союзов, политических партий, научных и культурных объединений. Оно существует на субсидии из государственного бюджета ФРГ и земельного бюджета Баварии. В нем числятся более 300 членов и восемь иностранных членов-корреспондентов (по данным 1974 г.). Оно состоит из научного совета (с 6-ю комиссиями); совета по культуре; кураториума; отделения в Западном Берлине; рабочих кружков в Штутгарте, Дортмунде, Эрлангене, Гамбурге, Кёльне, Гейдельберге и Геттингене.

К числу организаций, координирующих пропаганду идей,

вырабатываемых "остфоршунгом", относится также Восточное лекционное бюро федерального центра политического образования (Ostkolleg der Bundeszentrale für politische Bildung). Основанное в декабре 1957 г. это бюро получило от министерства внутренних дел задание вести "идеологическую и политическую полемику с международным коммунизмом", для чего на выделенные министерством средства оно организует систематические занятия с учителями, чиновниками, офицерами, священниками, предпринимателями, функционерами политических партий и т.п. На проводимых занятиях превозносится западная демократия и с позиций антикоммунизма обсуждаются проблемы развития стран Восточной Европы и СССР.

"Изучением Востока" в ФРГ занимаются университетские институты и семинары, посвятившие себя целиком, или почти целиком этой деятельности. Сюда относится более 100 центров, изучающих одну или несколько дисциплин, так или иначе связанных с "остфоршунгом". Наряду с историческими и славистическими центрами проблематику "остфоршунга" затрагивают институты и семинары по международному праву, политологии, социологии, сравнительным экономическим исследованиям, православной церкви и т.п.

Наиболее крупная организация университетского "остфоршунга" - Институт Восточной Европы (Osteuropa Institut) при "Свободном университете" в Западном Берлине. И хотя Западный Берлин не является частью Федеративной Республики, его университет как по линии финансирования, так и по вопросам кадров, распределения молодых специалистов и т.п. тесно связан с системой западногерманского "остфоршунга". Институт Восточной Европы был открыт в ноябре 1951 г. Его целью было объявлено исследование "правовой, экономической, социальной и культурной жизни Восточной Европы (главным образом Советского Союза и Польши) в прошлом и настоящем", подготовка научных кадров; проведение чтений, заседаний, докладов, курсов лекций и семинаров; публикация на-

учных трудов; предоставление ученым, а также правительственным органам ФРГ необходимых им материалов и результатов исследований.

Подобные же, хотя и более мелкие, университетские институты были организованы и на территории ФРГ, наиболее важным из которых явился Кельнский федеральный институт по изучению Востока и международных отношений. В 70-е годы этот институт стал одним из ведущих советологических центров не только в ФРГ, но и во всем мире. Вырабатываемые в стенах института антикоммунистические доктрины и концепции оказывают влияние на внешнюю политику ФРГ и используются реакционными кругами в антикоммунистической пропаганде. Институт наладил широкие международные контакты и принимает участие в совместных проектах с советологами США, Англии, Франции.

Среди советологических центров в ФРГ, как и в США, есть такие, которые занимаются изучением отдельных областей развития социалистических стран и отдельных стран (например, Институт восточного права в Мюнхене, основанный в ноябре 1957 г. федеральным министерством по внутригерманским отношениям и баварским министерством просвещения и культов), а также около двух десятков аналогичных учреждений, либо специализирующихся на тематике одной из отраслей "остфоршунга", но на материале всех социалистических стран Восточной Европы, либо разрабатывающих всю совокупность страноведческой проблематики в отношении какого-либо одного государства.

Специфическими антикоммунистическими центрами, характерными именно для ФРГ, являются учреждения, связанные с реваншистскими организациями переселенцев. Их в стране насчитывается около двух десятков. Наиболее крупное из них - "Геттингенский рабочий кружок восточногерманских ученых", основанный в ноябре 1946 г. Кружок ставит своей целью изучение положения в областях, расположенных к востоку от

линии Одер-Нейссе, которые некогда входили в состав германского рейха, и выставление требований о возвращении этих территорий. "Задача кружка, - заявил его президент (с 1951 по 1965 г.) Г.Краус, - сделать максимум возможного для того, чтобы наряду с требованием о воссоединении советской зоны (так реваншисты называют ГДР. - М.Т.) с Федеративной Республикой не была упущена и имеющая жизненное значение проблема границы на Одере-Нейссе". Такую же политику проводил и преемник Крауса Б.Майсснер. В Совет содействия этого кружка входят политики, чиновники и представители монополий.

В ФРГ возникли также около полутора десятков учреждений, которые ставят своей задачей, наряду с определенной "исследовательской" деятельностью, пропаганду основных антикоммунистических и реваншистских доктрин среди широких слоев западногерманского населения. Еще в 1951 г. была создана Восточная академия в Люнебурге для разработки идеологических диверсий против социалистических стран, широкого ведения учебно-пропагандистской деятельности (в ней ежегодно обучаются до 2 тыс. учителей, курсантов военных училищ и офицеров бундесвера), а в 1954 г. был основан Институт политики и экономики в Гамбурге, именуемый также "Домом Риссен", организующий семинары по вопросам политики и экономики, главным образом для предпринимателей, на которых обсуждаются идеологические, политические и социальные противоречия между Востоком и Западом.

В ФРГ существует также довольно большое число религиозно-пропагандистских организаций "остфоршунга". Значительная часть их связана с католической церковью. Ядро католического реваншизма составляет расположенная в г.Кёнигштайне (недалеко от Франкфурта-на-Майне) группа тесно связанных между собой учреждений, большей частью основанных католическим епископом Адольфом Киндерманном, активным членом землячества судетских немцев. Одним из наибо-

лее влиятельных католических учреждений в Кёнигштайне является Католическая восточная академия (Katolische Ostakademie) - исследовательское и учебное заведение, занимающееся изучением отношений между Востоком и Западом и марксистской идеологии.

x x

x

В Англии современная структура советологии, включающая в себя ряд центров со значительным отрядом профессиональных исследователей и специализированные печатные органы, сформировалась с конца 40-х до начала 60-х годов. К началу послевоенного периода здесь было всего лишь несколько десятков специалистов и один центр - Лондонская школа славянских и восточноевропейских исследований. В этом высшем учебном заведении в 60-х годах занималось около 200 студентов, работало 50 преподавателей, из которых примерно половина специализировалась на проблематике России и СССР.

В начале 1960 г. был создан так называемый "Комитет Хэйтера", в задачи которого, в частности, входили оценка состояния и рекомендации совершенствования изучения Советского Союза, Восточной Европы и других регионов земного шара под углом зрения интересов правящих кругов Великобритании. В 1963 г. по решению этого комитета в Бирмингемском университете кафедра "экономики и институтов СССР" была преобразована в Центр российских и восточноевропейских исследований, наладивший обучение около 300 студентов. Специфика работы Центра с самого начала заключалась в том, что в нем, с одной стороны, работал ряд бывших сотрудников специальных правительственных служб, с другой - несколько коммунистов. Также в 1963 г. по решению того же "Комитета Хэйтера" отделение социально-экономических институтов СССР в Университете Глазго было преобразовано в Институт советских и восточноевропейских исследований, ко-

торый возглавил известный советолог-экономист А.Ноув. Этот центр ведет исследовательскую и преподавательскую работу. Здесь акцент делается на социологические, политические и экономические аспекты советского общества.

Имеется в Англии ряд других центров, занимающихся в числе прочих проблем изучением СССР и время от времени публикующих работы советологического характера. Это Королевский институт международных отношений в Лондоне, Институт стратегических исследований (изучающий уровень вооружений в современном мире), Центр русских и восточноевропейских исследований в университетском колледже г.Суонси (директор Р.Петибридж) и др. В 1967 г. в Англии создана Национальная ассоциация советских и восточноевропейских исследований, проводящая ежегодные конференции. В конце 70-х годов число членов ассоциации составляло 215 человек.

x x

x

Во Франции современная структура советологических исследований и система подготовки советологов сложилась в послевоенные, главным образом, в 50-60-е годы. Если до конца 40-х годов в стране не было специализированных научно-исследовательских центров изучения СССР и подготовка советологов осуществлялась главным образом в высших учебных заведениях, то с конца 40-х годов в Практической школе высших исследований (с 1975 г. она называется Школой высших исследований по социальным наукам) стал функционировать Центр по изучению СССР и славянских стран (с 1973 г. - Центр по изучению СССР и Восточной Европы). В 1960 г. на юридическом факультете Страсбургского университета был создан Центр изучения СССР и стран Востока. Центр просуществовал до 1976 г. и занимался преимущественно сбором и обработкой материалов, касающихся СССР и социалистических

стран Восточной Европы. Эти и другие подобные учреждения являлись и являются малочисленными по количеству сотрудников (от 1-2 до 8-10 человек). Их деятельность финансируется министерством национального образования Франции, а также частично Национальным центром научных исследований - правительственной организацией при министерстве национального образования, которая координирует научные исследования в различных областях естественных и гуманитарных наук в масштабах всей страны.

В этой связи следует заметить, что отличительной чертой французской советологии является ведущая роль буржуазного государства в организации исследований. Все советологические центры созданы либо в системе высшего образования, либо в рамках государственного административного аппарата, все они финансируются государством, а их деятельность координируется Национальным центром научных исследований. Советологические центры, созданные в системе государственной администрации, обслуживают правительственный аппарат и вырабатывают рекомендации по различным аспектам экономических, торговых, политических и культурных отношений с СССР.

Наряду с изучением СССР в советоведческих центрах, созданных в системе высшего образования и государственной администрации, изучение СССР несколько активизировалось с конца 60-х годов в провинциальных университетах. После реформы высшего образования в ноябре 1969 г. в университетах Клермон-Феррана, Дижона, Тулузы, Ренна, Экс-ан-Прованса, Бордо, Лилля, Лиона началось изучение преподавателями различных проблем Советского Союза и чтение курсов для студентов.

В 1986 г. был создан (на базе существовавшего с 1920 г. Института славянских исследований) новый Институт советского мира и Центральной и Восточной Европы. Им руководит известный историк М.Ферро. На институт возложены функции координирования всех исследований истории и сов-

ременных проблем СССР, а также других социалистических стран.

Список литературы

1. Abramovitch R. The Soviet revolution. 1917-1939. - N.Y., 1962. - XVIII, 473 p.
2. Barzini L. URSS. L'impero del lavoro forzato. - Milano, 1935. - 311 p.
3. Batsell W.R. Soviet rule in Russia. - N.Y., 1929. - IX, 857 p.
4. Borkenau F. Socialism: National or international. - L., 1974. - X, 172 p.
5. Borkenau F.The totalitarian enemy. - L., 1939. - 254 p.
6. Brown W.A. The groping giant: Revolutionary Russia as seen by an American. - New Haven, 1920. - 204 p.
7. Brutzkus B. Economic planning in Soviet Russia. - L., 1935. - XXIII, 234 p.
8. Campbell T.D. Russia. Market or menace? - L., 1932. - X, 148 p.
9. Carbonell Ch. Le Grand October russe: 1917 - La revolution unimitable. - P., 1967. - 287 p.
10. Carmichael J. German money and Bolshevik honour // Encounter. - L., 1974. - Vol. 42, N 3. - P. 81-90.
11. Carr E.H. Karl Marx: A study in fanaticism. - L., 1934. - 327 p.
12. Chamberlin W.H. Foreword // Russ. rev. - Hanover, 1941. - Vol. 1, N 1. - P. 1-5.
13. Coolidge A.C. Slavonic studies in America // Slavonic rev. - L., 1924. - Vol. 3, N 8. - P. 240-247.
14. Cowan L.G., Robinson G.A. History of School of international affairs and associated area institutions. - N.Y., 1954. - 106 p.
15. Editorial // Slavonic a. East European rev. - L., 1946. - Vol. 24, N 63. - P. 3.

16. Encyclopedia of associations. - Detroit (Mich), 1970. - Vol. 1. - 1413 p.
17. Fainsod M. International socialism and the world war... - Cambridge (Mass.), 1935. - XI, 238 p.
18. Filene P. Americans and the Soviet experiment, 1917-1933. - Cambridge (Mass.), 1967. - XI, 389 p.
19. Freitag-Loringhoven A. von Geschichte der russischen Revolution. - München, 1919. - T.I. - 211 S.
20. Galton D. Sir Bernard Pares and Slavonic studies in London University // Slavonic a. East Europ. rev. - L., 1968. - Vol. 46, N 107. - P. 481-499.
21. Greife H. Sowjetforschung: Versuch einer nationalsozialistischer Grundlegung der Erforschung des Marxismus u. der Sowjetunion. - B.; Leipzig, 1936. - 71 S.
22. Haldane T.C. Power and industrial developments // Twelve studies on Soviet Russia. - L., 1933. - P. 69-82.
23. Harper S.H. The government of the Soviet Union. - N.Y., 1938. - XVIII, 204 p.
24. Harper S.H. The making of bolsheviks. - Chicago, 1931. - XX, 167 p.
25. Hoover C.B. The economic life of Soviet Russia. - L., 1931. - VIII, 361 p.
26. Isvolsky H. Soul of Russia. - L., 1944. - XI, 172 p.
27. Jugov A. Fünfjahresplan / Mit einem Nachw. von Dan T. - B., 1932. - 128 S.
28. Katkov G. Russia 1917: The February revolution. - N.Y., 1967. - XXVIII, 489 p.
29. Koch H. Sowjetideologie als Aufgabe // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. - München; Wiesbaden, 1957. - Bd. 5, H. 1/2. - S. 43-66.
30. König H. Ostforschung - Bilanz und Ausblick // Osteuropa. - Stuttgart, 1975. - Jg. 25, H. 8/9. - S. 786-806.

31. Kuskova K. The League of Communist Youth: enthusiasm as a driving force // Slavonic a. East Europ. rev. - L., 1931. - Vol. 10, N 29. - P. 301-316.
32. Laski H. Lenin and Mussolini // Foreign affairs. - N.Y., 1923. - Vol. 2, N 1. - P. 43-54.
33. Lovenstein M. American opinion about Soviet Russia. - Wash., 1941. - 210 p.
34. Luboff E. Soviet dumping. - L., 1931. - 40 p.
35. Mauther W. Der Bolshewismus: Veraussetzungen. Geschichte. Theorie. - B., 1920. - XXIII, 368 S.
36. Mohrenschild D. von. /Rec. on "Novyi Zhurnal". N.Y., 1942 // Russ. rev. - N.Y., 1942. - Vol. 2, N 2. - P.111-112.
37. Noll A. Pjatiletka und Vierjahresplan. - München, 1937. - 16 S.
38. Pares B. A history of Russia. - New and rev. ed. - L., 1949. - 662 p.
39. Pares B. My Russian memoirs. - L., 1931. - 623 p.
40. Pares B. Russia and the peace. - N.Y., 1945. - XIV, 293 p.
41. Pares B. A wandering student. - N.Y., 1948. - 398 p.
42. Petrovsky S.D. La Russie sous les juifs. - P., 1931.- 381 p.
43. Possony S.T. Des Kaisers roter Kompagnon // Welt. - Hamburg, 1975. - 11. Jan. - S.5.
44. Postnikov S. Separatist tendencies among the Russian émigrés // Slavonic a. East Europ. rev. - L., 1939. - Vol. 17, N 50. - P. 356-359.
45. Reddaway W.B. The Russian financial system. - L., 1935. - X, 106 p.
46. Rohrbach P., Schmidt A. Die russische Revolution. - Stuttgart, 1917. - 96 S.
47. Rothstein A. A review of documents of Soviet foreign policy // Slavonic a. East European rev. - L., 1947. - Vol. 26, N 66. - P. 290-292.

48. Schiller O. Der Krise der sozialistischen Landwirtschaft in der Sowjetunion. - B., 1933. - 82 S.
49. Seibert Th. Das rote Russland: Staat, Geist und Alltag der Bolschewiki. - München, 1931. - 299 S.
50. The Slavonic conference at Richmond // Slavonic rev. - L., 1925. - Vol. 3, N 9. - P. 689-693.
51. Slavonic theses approved for higher degrees by British universities 1907-1966 // Oxford slavonic papers. - Oxford, 1967. - Vol. 13. - P. 136-162.
52. Soltykoff A. L'économie soviétique. - P., 1938. - 18 p.
53. Soviet nationalities studies in North American universities // Armenian rev. - Boston, 1974. - Vol. 27, N 3. - P. 295-306.
54. Stern P. Cold-war scholarship // Nation. - N.Y., 1969. - Sept. 1. - Vol. 209, N 6. - P. 176-180.
55. Sumner B.H. A short history of Russia. - N.Y., 1943. - 469 p.
56. Sumner B.H. Survey of Russian history. - L., 1944. - 464 p.
57. Supplement // Slavonic a. East Europ. rev. - L., 1936. - Vol. 14, N 43. - P. 1-19.
58. The Ukrainian quarterly: Index to volumes 1-10 (1944-1954). - N.Y., 1954. - 27 p.
59. University of London. King's college. School of Slavonic studies // Slavonic rev. - L., 1922. - Vol. 1, N 1. - P. 1-111.
60. Walsh E.A. The last stand: An interpretation of the Soviet five-year plan... - Boston, 1931. - XI, 348 p.
61. Zahn-Golodets Z. L'économie planifiée en URSS et l'économie dirigée aux Etats-Unis: Etude comparative. - P., 1937. - 159 p.

Глава 2
ОСНОВНЫЕ НЕМАРКСИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

К ИСТОРИИ СКЛАДЫВАНИЯ СОВЕТОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ

История советологии складывается из развития ее организационной структуры, иначе говоря, учреждений и центров, и идейно-теоретического содержания - методологии, представлений, концепций. При этом вторые, хотя на нынешнем этапе они и разрабатываются прежде всего в советологических центрах, возникли раньше первых. Если история советологии как хорошо организованной и щедро субсидируемой отрасли буржуазной науки, идеологии и пропаганды берет начало после второй мировой войны, то представления буржуазных идеологов о реальном социализме в нашей стране, естественно, стали складываться с самого момента победы в ней социалистической революции.

С этой точки зрения формирование советологических концепций по существу повторило давно известный в науке феномен: возникает новое историческое образование, и тут же появляются его интерпретации в литературе. Однако целиком складывание теоретического багажа советологии под этот стереотип не подпадает. У колыбели советологии с самого начала стояла политика наиболее реакционных кругов крупнейших капиталистических стран, которые в течение предшествующих семи десятилетий всеми средствами пытались предотвратить рост социализма от теории к революционному движению, от революционного движения к государственному

строю. За эти семь десятилетий буржуазные политики и идеологи накопили немалый опыт борьбы против социалистических идей, опыт извращения марксизма, а затем и ленинизма; научились они и использовать теоретический багаж ревизионистов, ополчившихся против ленинской стратегии пролетарской революции в России. Таким образом уже первые интерпретации Октября и утвержденного им нового строя основывались на сложившемся идейно-теоретическом фундаменте - фундаменте антикоммунизма.

В первые послеоктябрьские годы распространять небылицы о новом обществе было тем легче,что в США и во многих странах Европы, не говоря уже о других континентах, уровень знаний о России, русском революционном движении и политических партиях был очень низок. В университетах изучались русский язык и литература, реже и крайне поверхностно - русская история. Лишь в 1915 г. в Англии была создана Лондонская школа славянских и восточноевропейских исследований, в 1916 и 1918 гг. институты Восточной Европы в Кёнигсберге и Бреслау, в 1920 г. Институт славяноведения в Париже. Американцы значительно отставали от Западной Европы в изучении России и славянских стран вообще,но после 1917 г., когда стала ясна необходимость срочно наверстывать упущенное, там с чисто американской предприимчивостью поставили вопрос об увеличении внимания не просто к этому региону, а к тем революционным силам, которые привели его в движение. В 1919 г. при Стэнфордском университете в штате Калифорния был создан по инициативе Г.Гувера принявший его имя Институт войны, революции и мира.

Чаще всего Россия рассматривалась в литературе крупнейших капиталистических стран как задворки европейской цивилизации, в истории которой обращали на себя внимание отдельные цари и писатели, да большая армия, укомплектованная мужиками с "загадочной русской душой". Миф о "загадочной русской душе", готовой то славословить монаршую во-

лю, то поднимать кровавый бунт, импонировал не только своей псевдоромантичностью, но и тем, что позволял объяснять события истории России без глубокого проникновения в их причинно-следственную связь. Лишь Октябрьская революция и установление Советской власти поставили этот миф под сомнение в глазах далекой от радикализма интеллигенции Запада, но еще долгое время он в той или иной форме выплывал в буржуазной славистике.

С первых же лет Советской власти буржуазные и праворевизионистские пропагандисты использовали в идеологической борьбе теории "русской исключительности" (идущие от славянофилов), "азиатской принадлежности" России (выдвигавшиеся в XIX в. такими авторами, как маркиз де Кюстин и А.Токвиль, и поддержанные в XX в. Т.Г.Масариком в книге "Дух России"), определяющей роли самодержавия в русском историческом процессе (отстаивавшиеся представителями так называемой "государственной школы" в русской общественной мысли). Из этих теорий российские и западноевропейские оппортунисты (меньшевики, эсеры, теоретики II Интернационала) сделали вывод о фатальной отсталости России от передовых капиталистических стран, вследствие которой социалистическая революция там была преждевременной, а подготовка ее партией большевиков во главе с В.И.Лениным - волюнтаристской акцией, противоречащей марксизму. Для буржуазных идеологов представления о полярной противоположности "демократического", передового "Запада" и "деспотического", отсталого "Востока" послужили основой концепций некоей "преемственности" политического строя самодержавной и послеоктябрьской России.

В период революционного подъема в Европе и возникновения Коминтерна (1918-1919) концепция "преемственности" царского и советского строя обросла мифами о "мировой революции" и "всемирном коммунистическом заговоре", якобы подготавливаемыми в Москве, а дальнейший рост рабочего и

национально-освободительного движения в 20-30-х годах на всех континентах побуждал буржуазных идеологов еще настойчивее объяснять нежелательные для них политические и социальные процессы "рукою Москвы".

Введение новой экономической политики дало новый импульс иллюзиям относительно недолговечности социалистического строя, которые буржуазные политики и идеологи лелеяли в годы гражданской войны. В этот период в буржуазной литературе о Советской России обозначились фрагменты представлений, которые со временем сложились в концепции "перерождения" Советской власти, а также "конвергенции" социализма и капитализма. И здесь немаловажную роль сыграла контрреволюционная эмиграция, прежде всего кадетского направления. Если меньшевики и эсеры после фактической ликвидации своих партий находились в состоянии идейного нокдауна, а открыто монархическая контрреволюция, потерпев крах в гражданской войне, перестала пользоваться былым доверием у правящих кругов капиталистических держав, то известная часть кадетов переориентировалась и взяла курс на "смену вех" - подрыв Советской власти "изнутри" или, как мы сказали бы сейчас, с помощью "тихой" контрреволюции, "мирного проникновения", "наведения мостов". Основные надежды при разработке этой так называемой "новой тактики" возлагались на внутреннее перерождение социализма в результате нэпа.

Заявляя о неизбежности перерождения экономических институтов и политической власти в Советской России, представители сменовеховства по сути были предтечей различных вариантов теории "сближения", "конвергенции" двух основных общественных систем современности. Вопрос о характере этой предвкушаемой переродившейся власти оставался для противников социализма дискуссионным. Одни из них рассчитывали, что "тихая" контрреволюция продолжит процесс движения России по пути перенятия западноевропейских буржуаз-

но-демократических форм и принципов государственного управления, другие, получившие название "евразийцев", подчеркивали полуазиатский характер всех традиций России, который, по их мнению, должен был обусловить полное возрождение авторитарных, шовинистических и мессианистских великорусских тенденций. Поскольку приверженцы евразийских доктрин утверждали, что эти тенденции якобы уже проявлялись во внутренней политике Советской власти, их писания закладывали основы версий о "преемственности" дооктябрьской и послеоктябрьской России, широко используемых поныне.

Миф о "перерождении" социализма в капитализм использовался на Западе и средствами массовой информации. В первой половине 20-х годов в буржуазной печати можно было прочесть, что "Россия неизбежно возвращается к капитализму вследствие действия неумолимых естественных сил". Так писала "Нью-Йорк таймс" в августе 1921 г., добавляя: "Большевистские лидеры не только не пытаются приостановить этот процесс, но признают его неизбежность и соответственно формулируют свои законы".

Окончание нэпа, осуществление индустриализации, коллективизации и культурной революции, завершение построения основ социализма выбили почву из-под иллюзий такого рода.

Социалистическая индустриализация, выведшая СССР в шеренгу наиболее развитых в промышленном отношении стран мира, не только доказала, что никакая реставрация капиталистического строя - изнутри ли, извне ли - там невозможна. С этого времени всем крупнейшим капиталистическим державам пришлось считаться с Советским Союзом, как с фактором, оказывающим все большее воздействие на международные дела. Осознание этого усугублялось социальными и экономическими потрясениями, вызванными во всем капиталистическом мире "великим кризисом" и депрессией конца 20-х - на-

чала 30-х годов. Разительный контраст в развитии двух миров не мог не оказать глубокого влияния на буржуазную публицистику и историографию. В этот период очень многие представители западной интеллигенции пересмотрели свои представления о СССР как аграрной "азиатской" стране, осужденной на долгие годы неустойчивого, неясного положения, вызванного скороспелым и утопическим "социалистическим экспериментом". Индифферентность, антипатии и скептицизм стали уступать место позитивному отношению к нашей стране.

Широкий рост симпатий к СССР обуславливался также его ролью в организации коллективной безопасности и отпора фашизму, который после прихода гитлеровцев к власти в 1933 г. стал реальной и все усиливавшейся угрозой миру и спокойствию в Европе.

Конечно, наряду с этим на Западе оставались люди, в полной мере сохранившие свою неприязнь к СССР и социализму. Огромные трудности, вызванные коллективизацией и индустриализацией, а тем более ошибки в политике и экономике, нарушения принципов социалистической демократии в 30-е годы, казались им главной и перманентной характеристикой социалистического строя. Эти представления всемерно пропагандировались давними политическими врагами большевизма, а также ренегатами, порвавшими с коммунистическим движением в данный период.

Концепции, обосновывавшиеся в 30-е годы в советологической литературе, носят на себе заметные следы влияния как реалий мирового развития, так и отражения их в общественном мнении стран Запада. Часть буржуазных идеологов, как ясно из сказанного выше, отказалась от надежд на перерождение социализма. Однако подобного рода версии начинают шире, чем раньше, утверждаться в работах ревизионистов и ренегатов. Основным источником этих версий был троцкизм. Троцкий подхватил приобретавшее тогда популярность словечко "тоталитаризм" (см. подробнее об этом поня-

тии ниже) для дискредитации Советского Союза (см. 26, с.26-27).

В работах 30-х годов чаще, чем раньше, встречались концепция "особого" пути развития России, якобы и обусловившего возможность и характер свершения Октябрьской революции, а также противопоставление ленинизма марксизму. Усиление направляющей роли социалистического государства во внутриполитической жизни и рост влияния СССР в международных делах дали новый импульс концепции "преемственности" самодержавной и Советской власти. Домыслы об "азиатском", немарксистском характере большевизма были подхвачены и раздуты ренегатами, число которых в 30-х годах значительно выросло.

Наибольшую популярность среди антикоммунистов приобрели в этот период книги "Большевизм" Вальдемара Гуриана (52) и "Тоталитарный враг" Франца Боркенау (I8). Оба этих автора покинули нацистскую Германию и переселились - первый в США, второй в Англию. Боркенау в своей изданной в Лондоне на английском языке книге искал корни русской революции в "столкновении культур" в России на протяжении веков - "полуварварской" византийской и "цивилизованной" западной. Ленинизм, утверждал он, "ни в коей степени не соответствует идеям Маркса о пролетарской диктатуре. Он является ее прямой противоположностью и возник путем ее отрицания". Отсюда Боркенау делал вывод, что "в России никогда не было пролетарской революции" и "связь между большевистской партией и пролетариатом была не реальной, а метафизической" (I8, с.200, 206-207).

Аналогичные домыслы содержались в ряде работ американских советологов. Так, И.Дон-Левин, автор книг об Октябрьской революции, Ленине и Сталине, заявил, что марксизм вообще устарел и не применим в условиях XX в. "Большевизм в России - туземного происхождения, - писал он. - Большевизм отличает от

социализма то же самое, что отличает Евразию от Запада (34, с.191).

В годы второй мировой войны история складывания советологических концепций пережила этап, который является до известной степени уникальным. В это время из всех крупнейших капиталистических стран монографии о Советском Союзе продолжали выходить, пожалуй, лишь в США и Англии. И они, как правило, не были плодом скрупулезного научного исследования, ибо большинство советологов в той или иной степени переключились на работу, связанную с потребностями военного времени (в области советоведения насущнее всего было изучение экономического и военного потенциала СССР и самого хода событий на Восточном фронте). Кроме того, требовались популярные описания русской и советской истории, жизни советского народа в связи с небывалым ростом интереса ко всему советскому в США и Англии.

Именно этот небывалый рост интереса к СССР был причиной того, что, в определенном смысле слова, условия изучения СССР в военный период были наиболее благоприятными, чем когда бы то ни было. "Только после того, как русские доказали, что нацистам не сломить их сопротивления, - можно было прочесть в англо-американском славяноведческом журнале, - возник широкий интерес ко всему русскому. Рост этого интереса был настолько головокружительным, что в области изучения СССР обозначились перебор студентов и плачевная нехватка преподавательских кадров. Начиная с весны 1943 г. (т.е. после Сталинградской битвы), интерес к русскому языку стал небывало высоким"[1].

Симпатии широких масс населения США и Англии к Советскому Союзу, а также союзнические обязательства по отношению к ведущему партнеру по антигитлеровской коалиции обусловили то, что большая часть литературы о СССР, вышедшей

---

[1] Slavonic and East European rev. - L., 1947.-P.530.

там в сороковые годы, была проникнута духом объективистским и даже дружественным. Из этого, однако, не следует, что вся эта литература содержала действительно достоверные и объективные представления о социализме. В 40-е годы стали появляться труды, где проводилась, правда еще в общей форме, теория "конвергенции", иначе говоря постепенного исчезновения различий между социалистическим и капиталистическим строем, которое должно увенчаться их влиянием. Одним из первых и наиболее настойчивых проповедников этой теории был Питирим Сорокин. В книге "Россия и Соединенные Штаты" этот в прошлом весьма активный противник большевизма писал, что "советская система содержит полезные созидательные ингредиенты, которым предназначено жить в истории великих социально-политических экспериментов человечества" (I02, с.I39). Почти одновременно вышла книга "Россия и западный мир" другого русского эмигранта, бывшего вице-директора департамента по делам национальностей в министерстве внутренних дел Временного правительства, а затем профессора Колумбийского университета Макса Лазерсона, также утверждавшего, что социалистический строй видоизменяется "в сторону приспособления к политической структуре союзных держав на Западе" (80, с.I).

Эти теории были, разумеется, сугубо ненаучными и ложными, однако они обусловливались не враждой к СССР, а, наоборот, стремлением любой ценой отыскать какие-то точки соприкосновения между Советским Союзом и западными державами не только в политической, военной, но и в социальной сферах. У Сорокина и Лазерсона это, возможно, было также проявлением русского патриотизма, преломленного через призму их неизменившихся классовых убеждений. Независимо от того, принимались построения Сорокина целиком его коллегами или нет, они все же способствовали укреплению благожелательных чувств по отношению к нашей стране.

Ситуация резко изменилась после окончания второй мировой войны. Двумя наиболее характерными особенностями послевоенной буржуазной советологии было ее бурное развитие как "вглубь" (расширение круга изучаемых вопросов), так и "вширь" (рост центров изучения и числа специалистов), а также небывало мощное воздействие буржуазной политики на буржуазную науку. Это воздействие точно охарактеризовал английский советолог-экономист весьма консервативных взглядов П.Уайлз: "Если коммунизм изучается на территории НАТО, он изучается с предубеждением, которое никто не может отрицать" (II8, с.75).

Главной доминантой содержания советологической литературы стал откровенный антикоммунизм, в полной мере использовавший те субъективистские версии, схемы и модели, которые были созданы в предшествующие три десятилетия. По сути именно этот концептуальный багаж лег в основу послевоенных исследований профессиональных советологов, предназначенных объяснить возникновение и развитие Советского Союза и реального социализма. Две основные такие схемы современной буржуазной советологии - "тоталитарная" и конвергенционистская - берут истоки соответственно в теориях полярной противоположности "Запада" и "Востока" и "перерождения" социализма.

КОНЦЕПЦИЯ "ТОТАЛИТАРИЗМА"

Немарксистская социалистическая и политологическая литература, не говоря уже о буржуазной массовой прессе, пестрит терминами "тоталитаризм", "тоталитарное государство" и им подобными в разнообразных сочетаниях и контекстах. Западные теоретики отмечают, что "тоталитарная модель коммунистических систем была доминирующим концептуальным контуром анализа Советского Союза" с 40-х годов до конца 60-х годов (26, с.I4).

Поскольку в советской научной литературе критическому разбору теории "тоталитаризма" уделялось мало внимания

представляется целесообразным остановиться подробнее на ее возникновении и содержании. Термины "тоталитаризм" и "тоталитарный" впервые вошли в употребление в Италии. Как считает известный американский советолог У.Лэкер, с их помощью итальянские антифашисты характеризовали цели фашизма (79, с.29). Однако звонкие словечки понравились самим фашистам. Во всяком случае, 22 июня 1925 г. Муссолини, обрушившись на противников фашизма в итальянском парламенте, пытался запугать их "свирепой тоталитарной волей" фашистов. А за несколько месяцев до этого итальянский философ Джованни Джентиле, выступая в поддержку фашизма на одном из митингов, **охарактеризовал** идеологию фашизма (одним из столпов которой он являлся) "тотальной концепцией жизни" (97, с.189). Примечательно, что уже тогда противники Муссолини также взяли новое слово на вооружение, но вложили в него прямо противоположное значение, называя "тоталитарные" методы действия чернорубашечников диктаторскими, бесчестными и подрывающими демократию.

В течение последующих нескольких лет это слово прочно вошло в пропагандистский лексикон итальянского фашизма. Все чаще Муссолини и его сподвижники говорили о "тоталитарном государстве", и в официальной программе фашистов, написанной Муссолини совместно с Джентиле, это понятие уже отождествлялось с фашизмом.

Из итальянского языка определение "тоталитарный" перекочевало в другие европейские языки. Оно было сохранено (без попытки найти ему английский эквивалент) в переведенной и изданной в Англии в 1926 г. книге Луиджи Стурзо "Италия и фашизм". В 1928 г. определение уже употреблялось в научной и политической печати Англии и США для характеристики фашистской доктрины Муссолини (в частности, в статье Джентиле "Философские основы фашизма", опубликованной в журнале "Форин афферс" в феврале 1928 г.) (см. об этом: 97, с.189).

В 1929 г. лондонская "Таймс", шедшая в первой шеренге антисоветской пропаганды, впервые попыталась возвести слово "тоталитарный" в ранг политического термина, характеризуя с его помощью нацизм, поднимавший голову в Германии, и Страну Советов, и противопоставляя их парламентарному государственному строю западноевропейских стран. Термин прижился в западной печати и на протяжении всех 30-х годов часто встречался в американской и английской прессе применительно к фашистской Италии и нацистской Германии, а также к обоим этим государствам и СССР[1]. В "Энциклопедии общественных наук", изданной в США в 1934 г., он употребляется в отношении однопартийных государств вообще. В 1939 г. Американское философское общество организовало симпозиум, посвященный "тоталитарному государству" (108).

После окончания второй мировой войны и принятия правящими кругами крупнейших империалистических держав резко враждебного СССР внешнеполитического курса антикоммунистическая и антисоветская пропаганда с особым рвением принялась раздувать миф о "советском тоталитаризме". Купел "тоталитарной угрозы свободе и демократии Запада" приобрел особо зловещую окраску в связи с теперь уже открытым и беззастенчивым сопоставлением социалистического строя и фашизма. Как пишут сами западные авторы, "тоталитаризм" стал ключевым словом в словаре историка XX в." (81,с.IX).

Отнесение к одной категории государств и обществ фашистской Италии, нацистской Германии и Советского Союза, которым якобы противостоит западное "демократическое" общество, стало ядром всех разновидностей создавшихся тогда социологических и политологических теорий "тоталитариз-

---

[1] В то же время этот термин не получил широкого распространения в Германии, где нацистская пропаганда, вслед за Гитлером, отдавала предпочтение словечку "авторитарный", больше подходившему для характеристики строго иерархической структуры политической власти и сосредоточения ее в руках фюрера и его бонз.

ма". Однако попытки научно-теоретического осмысления проблемы моментально поставили перед буржуазными учеными неразрешимые вопросы: каковы, собственно, критерии "тоталитаризма"? Почему он возник в столь разных общественных условиях, какими были условия фашистской и пролетарской диктатур?

В силу сказанного одновременно с принятием теории "тоталитаризма" на широкое вооружение в буржуазном обществоведении возникли дебаты о происхождении "тоталитаризма" как общественного явления. Попытки ответить на указанные выше вопросы породили массу противоречивых, путаных, научно несостоятельных интерпретаций. Выявились две главные точки зрения: I) "тоталитаризм" представляет специфическое явление, характерное для некоторых государств XX в., отклонившихся от естественного исторического пути; 2) "тоталитаризм" имеет глубокие исторические корни и не раз наблюдался в истории разных эпох и народов.

Первая точка зрения была наиболее полно изложена К.Фридрихом и З.Бжезинским. "Мы утверждаем, - писали они в книге "Тоталитарная диктатура и автократия", - что тоталитарная диктатура исторически уникальна и не имеет себе подобных... Фашистская и коммунистическая тоталитарные диктатуры в основном схожи, или, во всяком случае, более схожи друг с другом, чем с любыми другими системами государственного управления, включая более ранние формы автократии" (45, с.5). Фридрих и Бжезинский понимали опасность размыва самих основ теории "тоталитаризма" в случае расширительного толкования этого понятия. Действительно такой авторитетный на Западе историк и философ, как Карл Поппер, обнаруживал элементы "тоталитаризма" в мышлении.. Платона, который полагал, что идеальный политик (пишет Поппер) "должен уничтожать существующие институты и традиции... очищать, выметать, изгонять, запрещать и убивать" (90, с.I66). Учитывая, что апологеты западноевропейской

буржуазно-демократической политической традиции испокон веков выводили ее из политической и духовной жизни Древней Греции и Рима, а затем французского просвещения, такой вывод грозил направить поиски современного "тоталитаризма" не в СССР или, во всяком случае, не только в СССР, а и на Западе. В том же направлении действовал тезис проповедников теории технологического детерминизма о том, что технократия неизбежно порождает тоталитарные тенденции (36 а, с.286-287).

Более приемлемой для антикоммунистов была теория, претендовавшая на обнаружение истоков "тоталитаризма" в древности - но в другой, "незападной", "азиатской" древности, теория, изложенная известным еще в Веймарской Германии историком К.Виттфогелем, эмигрировавшим в США. Изучая историю восточных деспотий и, в частности, тех, которые он назвал "гидравлическими обществами" (например, Китай и Месопотамию, где проводились огромные ирригационные работы с вовлечением многих тысяч людей), Виттфогель сделал вывод о существовании там "возрастающей тенденции к неограниченной власти" и "чрезмерного автократического и бюрократического террора" (II9, с.I0I-I08, I89). "Абсолютистский режим, - писал Виттфогель, - может возглавляться сбалансированной олигархией, "политбюро", члены которого в более или менее равной степени участвуют в осуществлении верховной власти" (II9, с.I06).

Другие поборники теории "тоталитаризма", определяя "тоталитаризм" просто как "постоянный контроль государства над всей общественной жизнью" (не уточняя, какие социальные, политические и идеологические цели ставит государство и как осуществляет этот контроль), приходили к выводу об очень высокой степени "тоталитаризма" в Египте при династии Птолемеев и у древних инков, о "вс ьма тоталитарных" системах позднего Рима и Японии во времена династии Токугава (4, с.3I-32).

Не соглашаясь со сведением явлений "тоталитаризма" к современности, П.Сорокин (с позиции прямо противоположной теории конвергенции) заявил, что тоталитарные периоды можно обнаружить и в Древнем Египте, и в истории Римской империи после Диоклетиана, и в государстве инков (102,с.15, 12). Сорокин тем самым стремился показать надуманность всех схем "тоталитарных режимов" и вывести понятие "тоталитаризма" из социологических категорий. Но это ему не удалось.

Многие буржуазные историки, социологи и политологи стали расценивать "тоталитаризм" как явление, связанное с возникновением в XX в. массовых движений, "массового общества", эффективных средств воздействия на психологию масс ("индоктринация" посредством прессы и радио) и "контроля" над ними (сильный репрессивный аппарат, большие армии, совершенная техника коммуникаций). Усилиями известного американского социолога Дж.Тэлмона появилось причудливое определение "тоталитарная демократия" (109). Более того, некоторые западные авторы увидели "обобщающую функцию концепции тоталитаризма" в том, что она помогает понять "состояние современного человека вообще" (81, с.X).

Как с иронией отмечали К.Фридрих и З.Бжезинский, дискуссии о корнях "тоталитаризма" выявили целый спектр мнений - от примитивной теории испорченности человеческой натуры до сетования по поводу нравственного упадка эпохи (45, с.5). Патриарх американской советологии Дж.Кеннан, чьи взгляды претерпели сложную и противоречивую эволюцию от ярого неприятия социализма до признания насущной необходимости мирного сосуществования, столь же саркастически заметил, что суть данной концепции легче понять, читая прозу Ф.Кафки и Дж.Оруэлла, чем научные труды (71).

Несколько забегая вперед, скажем, что и на рубеже 80-х годов, после того, как в течение двух десятилетий концепция "тоталитаризма" находилась под весьма интенсив-

ным критическим обстрелом со стороны самих же буржуазных политологов, у ее адептов сохранились поразительный эклектизм и понятийная путаница. Уже со ссылкой на Поппера они прослеживают ретроспективу "интеллектуального тоталитаризма" до Платона, стремившегося регламентировать литературу, архитектуру, музыку, занятия спортом, а в новом времени - до Руссо, который-де помог формированию "тоталитарной идеологии" своими грезами об "общей воле" граждан, не разъединенных принадлежностью к разнообразным ассоциациям и равноудаленных от государства (или равноприближенных к нему). И уж с тем более полным основанием причисляют к "тоталитарным" личностям Робеспьера и Сен-Жюста на Западе, противопоставивших тирании знати "деспотизм свободы", а также Ивана Грозного, Петра I и идеологов православной церкви в России (25, с.6; 19; см. также 91). По-прежнему используются построения К.Витфогеля, чьи "гидравлические общества" Древнего Востока объявляют "архетипом тоталитарных режимов" современности (55, с.38).

Некоторые неоконсервативные идеологи, занятые поиском "козлов отпущения", виновных в неполадках капиталистического общества, внутри самого этого общества, даже заявляют, что либерализм Вудро Вильсона превратил США в "первое в истории человечества тоталитарное государство после Римской империи", а дальнейшие попытки государственного регулирования капитализма и особенно "новый курс" Рузвельта еще более усилили эту тенденцию (87, с.25, 29-30).

Рассмотрим более подробно представления о "тоталитаризме" и аргументы в пользу отнесения СССР к категории "тоталитарных" государств, развернутые в работах, считающихся в буржуазной политологии "классическими" исследованиями данной проблематики - Ханны Арендт, Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского, Джона Армстронга.

Х.Арендт в неоднократно переиздававшейся книге "Про-

исхождение "тоталитаризма" (впервые увидела свет в 1951 г.) различала "тоталитарный строй" и "тоталитарные движения", охватывавшие широкие массы и представлявшие собой "временный союз между толпой и элитой" (7, с.326). Необходимыми условиями возникновения таких движений она считала отсутствие четкой социальной структуры, бесклассовость общества и наличие "тоталитарного лидера". Обоим этим условиям, по ее концепции, отвечали Россия в 1917 г. и осуществление Октябрьской революции (7, с.306, 318). Инструментами победы "тоталитарного движения" Арендт считала "тоталитарную пропаганду", с помощью которой завоевываются массы, террор, представляющий оборотную сторону пропаганды, и "тоталитарную организацию", которая имеет совершенно новую форму по сравнению со всеми ранее возникавшими организациями, выражающуюся, с одной стороны, в четкой иерархической структуре движения, а с другой - в способности постоянно привлекать все новых сторонников и сочувствующих, создавая "фронты" (7, с.341-388).

"Тоталитарное государство", по Арендт, отличается от "тоталитарного движения" тем, что пропаганда в нем становится менее искренней, более рассчитанной на целенаправленный обман масс, а террор расширяется, оказывается направлен на определенные категории населения и даже становится "абсолютным" (7, с.392, 413, 426, 438, 464). С помощью этих и других инструментов, а прежде всего идеологии, "тоталитарное государство" стремится не только преобразовать старое общество, но и самую человеческую природу (7,с.458).

Арендт настолько сама абсолютизировала понятие "принуждения", "террора", "единообразия", применяя их к анализу "тоталитарного государства", что пришла к выводу о существенном отличии тоталитаризма как формы правления от существовавших ранее форм "деспотии", "тирании" и "диктатуры". Где бы ни обретал власть тоталитаризм, писала Арендт, он "создавал полностью новые политические институ-

ты и разрушал все социальные, юридические и политические традиции данной страны", даже "преобразовывая классы в "массы" - в аморфную послушную толпу (7, с.460). По Арендт, "тоталитаризм" вносит в жизнь общества нечто иррациональное, противное логике всех предыдущих идеологий, когда человек становится сам себе и законом истории, и инструментом его воплощения, а в зависимости от обстоятельств и воли лидера, и господином, и рабом, и судьей, и судимым. Однако, строя свою схему "тоталитарного государства", Арендт сама преступает все границы рационального и предается самым необузданным фантазиям, в которых присутствуют "фабрикация человечества", "уничтожение особей ради сохранения рода", "изготовление Одного из всех" и "становление всех Одним Человеком" и т.д. (7, с.465-467). Арендт не отождествляла "тоталитарное государство" просто с однопартийным государством, как это делали многие ее коллеги; первое представляло, в ее схеме, развитие последнего до той стадии, когда "тоталитарный лидер" с помощью своего окружения, партии и других инструментов устанавливает "тотальное господство", т.е. контроль над всеми без исключения сферами общественной и личной жизни граждан данной страны (7, с.ХУ-ХУI).

В дальнейшем Арендт не пересмотрела все эти конструкции, но в предисловии к одному из переизданий книги "Происхождение тоталитаризма" (1966) была вынуждена признать, что термин "тоталитарный" следует употреблять осторожно (7, с.ХП). О социально-политическом развитии СССР после 1953 г. она говорит как о "процессе детоталитаризации", но обнаруживает плодотворную почву для дальнейшего изучения тоталитаризма как явления в действительности КНР.

В книге "Тоталитарная диктатура и автократия" К.Фридрих (в соавторстве с З.Бжезинским) поставил цель определить "общую модель" тоталитаризма как новой формы государственного управления. По признанию авторов, это бы-

ло непросто. "Все говорят о тоталитарных диктатурах и тоталитаризме, - писали они. - Их называют тираниями, деспотизмами, абсолютизмами. И тем не менее даже наиболее элементарные аспекты этой формы государственного управления окружает величайшая неясность" (45, с.3). Это, правда, не помешало Фридриху и Бжезинскому тут же заявить, что назвать "тоталитарную диктатуру" тиранией или деспотизмом - значит польстить ей, ибо "автократические режимы прошлого были вовсе не так ужасны, как тоталитарные диктатуры нашего времени".

Появление "тоталитарных диктатур" Фридрих и Бжезинский рассматривали как "логическое развитие некоторых тенденций нашего современного индустриального общества (часто именуемого "капитализмом")" (там же). Из всего написанного ими ранее и далее в данной книге в этой фразе авторы ближе всего подошли к истине, ибо нацизм и фашизм с его тоталитарными чертами действительно являются порождением крайне реакционно-шовинистических, антикоммунистических, милитаристских течений монополистического капитализма. Но, конечно же, они не ставили вопрос о классовой природе этих течений и отнюдь не считали логическими, объективно обусловленными проявления правого экстремизма в буржуазном обществе. И режим Муссолини, и "третий рейх" были, по концепции Фридриха и Бжезинского, аберрациями нормального развития "индустриального общества". Далее, авторы, хотя и признавали известные отличия между социалистическим строем и фашизмом, находили между ними больше общего. Социализм рассматривался ими как такое же искривление естественного хода человеческой истории, как и фашистские режимы, и это вполне соответствовало господствовавшим в западной социологии в 50-е годы представлениям о незыблемости, безоговорочной прогрессивности капиталистического общества.

Фридрих и Бжезинский предложили дефиницию

"тоталитарной диктатуры" на основе следующих шести признаков:

I) официальная идеология, представляющая официальную доктрину, охватывающую все жизненно важные аспекты человеческого существования и поддерживаемую всеми гражданами общества; эта идеология характерным образом сфокусирована и спроецирована на некое совершенное конечное состояние общества, иначе говоря, она содержит хилиастический призыв, основанный на категорическом неприятии существующего общества и завоевании мира ради построения нового общества;

2) единственная массовая партия, как правило, возглавляемая одним человеком, "диктатором" и вбирающая в себя относительно небольшую часть населения (до I0%), чье ядро страстно и непоколебимо предано идеологии и готово всемерно способствовать ее широкому распространению; эта партия организована по иерархическому, олигархическому принципу и, как правило, либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо полностью с ней переплетена;

3) система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию, но также осуществляющего надзор над нею в интересах ее вождей и характерным образом направленного не только против "врагов" режима, но также против произвольно выбираемых классов населения, причем террор тайной полиции систематически использует современную науку и в особенности психологию;

4) технологически обусловленный почти полный контроль партии и ее преданных кадров над всеми средствами массовой коммуникации - прессой, радио, кино;

5) точно так же технологически обуслог енный почти полный контроль партии над всеми вооруженными силами;

6) централизованный контроль и руководство всей экономикой посредством бюрократической координации ее ранее

независимых составных частей; этот контроль, как правило, распространяется также на большинство других общественных организаций и групп (45, с.9-10).

Очевидно, автором этой характеристики тоталитаризма (ставшей классической для буржуазной политологии и получившей название "тоталитарного синдрома") следует в большей степени считать Фридриха, чем Бжезинского, поскольку первые пять пунктов были изложены им несколько ранее на специально посвященной тоталитаризму конференции Американской академии искусств и наук (44).

Авторы особо подчеркивали, что "тоталитарные диктатуры" могут возникнуть "только в условиях массовой демократии и современной технологии" (45, с.13). Их трактовка идеологии научного коммунизма как "хилиастической", "псевдорелигиозной", заменяющей разум верой, совпадала с поисками иррациональных элементов в психике "тоталитарного государства", которые вела Х.Арендт - хотя Фридрих и Бжезинский кое в чем не согласились с нею, например, с тем, что, согласно концепции Арендт, идеология советских людей берет истоки скорее в панславизме и славянофильских идеях, чем в марксизме (45, с.66).

Фридрих и Бжезинский, в отличие от Арендт, обнаружили "островки уединения" в структуре тоталитарного общества, к которым относились семья, церковь, наука. Они характеризовали семью как "истинный оазис в море тоталитарной атомизации" (45, с.247), церковь - как "сохранителя индивидуального сознания", который переживает самые длительные "тоталитарные диктатуры" (45, с.263), науку - как храм, в чьей глуши смолкают "боевые лозунги тоталитарного режима" (45, с.273).

Говоря о будущем "тоталитарных режимов", авторы допускали возможность их эволюции в сторону большей либерализации вследствие "органического конфликта между индустриализацией и тоталитарной диктатурой, вызываемого разви-

тием класса менеджеров и технической интеллигенции", но считали такой путь маловероятным вследствие некомпетентности этого "класса" в политике (45, с.301). Для Советского Союза (но не для других социалистических стран) авторы совершенно исключали возможность свержения "тоталитарного режима" изнутри (45, 300).

С аналогичных позиций Бжезинский в одной из других своих ранних работ назвал СССР "наиболее выдающимся примером тоталитарного общества", поскольку только в СССР (в отличие от нацистской Германии и фашистской Италии) "тоталитарный режим" сохранился в течение целого поколения, имея возможность "созреть" и отработать свои основные параметры (22, с.7-8). Но эволюцию "советского тоталитаризма" Бжезинский в 1956 г. видел только в одном направлении - усовершенствовании методов управления и контроля над массами и обществом в целом.

Ни Бжезинский, ни Фридрих не смущались многими явными противоречиями в своей схеме. Например, с одной стороны, они изображали политическое руководство СССР "изолированным" от народа (причем, писал Бжезинский, чем более "тоталитарен" режим, тем более он изолирован - 22, с.14), а с другой - утверждали о наличии в социалистическом обществе "всеобъемлющего тоталитарного контроля", в том числе в области идеологии и духовной жизни (45, с.10), о всеобщей "стабильности коммунистической системы" (22, с.172).

Не могли буржуазные идеологи 50-х годов дать сколько-нибудь наукообразное объяснение различия между тем, что они называли "тоталитарным" и "авторитарным" режимами. "Было бы фатальным непониманием тоталитарных движений смешивать их и отождествлять с авторитарными политическими режимами, - писал, например, эмигрант из России, философ и историк католической окраски В.Гурьян. - Верно, что авторитарные режимы (под ними автор и другие буржуазные исследователи имели в виду абсолютную монархию и различные

формы восточных деспотий. - Реф.) не признают действительно демократические институты и процессы, например, регулярно проводимые выборы на основе всеобщего избирательного права, которые определяют состав правительства; они отвергают конституционные ограничения, которые не зависят от воли правителя. Но они принимают (или, по крайней мере, не отвергают) объективно сложившийся традиционный общественный строй, не зависящий от правителя и правящей группы. Авторитарные режимы не претендуют на создание новой веры, всеохватывающей доктрины, определяющей жизнь в целом" (53, с.4).

Концепция "тоталитаризма", введенная в советологию Фридрихом и Бжезинским, в конце 50-х - начале 60-х годов была принята на вооружение большинством американских советологов. Многие из них положили ее в основу своего подхода к изучению социально-политической жизни СССР и отнесли Советский Союз в разряд "тоталитарных государств", даже не ставя под сомнение достоверность критериев, с помощью которых определялся "тоталитаризм".

Одним из наиболее активных апологетов мифа о "советском тоталитаризме" в этот период явился Джон Армстронг, автор книг "Советская бюрократическая элита" (10), "Идеология, политика и государственный строй в СССР" (9). Армстронг заявил, что "на протяжении всей истории в партии главенствовала небольшая элита", возглавлявшаяся, как правило, "одним вождем", что приводило к "личной диктатуре"; эта элита с помощью современных средств массовой коммуникации осуществляла "тоталитарный контроль" и "индоктринацию" граждан (9, с.151-152), поскольку "суть тоталитаризма составляет попытка добиться полного конформизма в выражении идей" (9, с.95).

Армстронг, как и другие советологи, изучающие СССР с позиций теории "тоталитаризма", не могли полностью игнорировать документы XX съезда КПСС и борьбу за ликвидацию

негативных последствий сталинизма, начатую внутри самой партии. Но если у трезвомыслящих исследователей реакция на изменения во внутриполитической жизни СССР выразилась в критике этой теории и отказе от нее, то ярые антикоммунисты, безоговорочно ее поддержавшие, лишь слегка "подправили" свои взгляды. Армстронг, в частности, отрицал наличие признаков того, что "советская система должна двигаться в направлении большей индивидуальной свободы или участия народа в принятии решений". Можно говорить лишь о том, продолжал он, что "принуждение должно быть менее прямым, более тонким... грубые черты полицейского террора были устранены" (9, с.152). Смешивая воедино термины и ярлыки, употребляемые в буржуазной политологии для характеристики недемократических государств, Армстронг писал, что "ныне советский режим как будто содержит в себе значительные элементы олигархии и автократии, и трудно предсказать, как будет выглядеть в будущем баланс между этими формами правления" (9, с.150).

КРИТИКА И ВИДОИЗМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ "ТОТАЛИТАРИЗМА". ПОЯВЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

Итак, свершился парадокс: явно ненаучная теория, которую и теорией-то было трудно назвать, чьи методологические пороки были видны самим буржуазным ученым, заняла почетное место в буржуазной политической науке и по существу господствующее положение - в западной советологии. Известную роль в возникновении этого парадокса сыграли факт отсутствия в советологических исследованиях того времени другой сколько-нибудь обоснованной парадигмы и "внутренняя" потребность этих исследований в таковой парадигме. Однако главным, решающим обстоятельством явилась зависи-

мость советологии от политики и идеологии антикоммунизма, которая диктовала необходимость дискредитации социалистического строя и изображения его в качестве негативного антипода капитализму.

Дальнейшая судьба данной теории дает ответ на немаловажный вопрос: Сколько времени можно искусственно поддерживать на плаву несостоятельные идеологические конструкции с помощью, по существу, одних баллонов политической целесообразности (целесообразности с точки зрения антикоммунизма)? Очевидно столько времени, сколько требуется для полного проявления тех объективных и субъективных факторов, вопреки которым такие конструкции создаются.

Основополагающим фактором в данном (как, впрочем, и в любом аналогичном) случае являются сами жизненные реалии, которые предвзято интерпретирует "тоталитарная модель" советского общества. При всей действенности массового "промывания мозгов" методами буржуазной пропаганды невозможно было навечно закрепить в сознании широких слоев (не говоря уж об образованных слоях) населения несоциалистического мира тот образ Советского Союза, который создавался в политологии Арендт, Фридрихом и Бжезинским, в литературе - Оруэллом, а в средствах массовой коммуникации сотнями западных журналистов-конъюнктурщиков. Сильнейший сдвиг в общественном мнении Запада о нашей стране (названный одним из буржуазных советологов "идеологическим землетрясением" - 75, с.3) был вызван XX съездом КПСС, критикой негативных явлений предшествующего периода и мерами по ликвидации их последствий, а также успешным социально-экономическим развитием СССР и других социалистических стран в последующие годы. Именно эти объективные реалии выбили опору из-под несостоятельных аналогий социализма и фашизма. К сожалению, стопорение возврата к ленинским принципам политического руководства и синдром общественного застоя размыли позитивные сдвиги в оценке СССР за рубежом.

А.Кун: "Не бывает такой вещи как целиком контролируемая или неконтролируемая система" (74, с.401).

Т.Джонс: "Не существует модели тоталитаризма, так как взаимоотношения между условно принятыми элементами ее никогда не были разъяснены" (66, с.42).

А.Инкельс: эта модель игнорирует "источники общественной поддержки" существующей в СССР власти (62, с.8).

Т.Боттомор: – невозможно целиком сформировать такую личность, которая требуется для "тоталитарного режима" (19, с.93-94).

Дж.Хаф: – даже во времена Сталина термин "тоталитаризм" не мог быть полностью применен к СССР в силу существенного противоречия адептов данной концепции: с одной стороны, "тоталитарное" общество объявляется закостеневшей социальной системой, в чем заинтересована "правящая элита"; с другой стороны, делается упор на то, что эта самая "элита" стремится преобразовать общество и переделать человека (61, с.521-522).

А.Даллин: – ошибочна как концепция "советского тоталитаризма", так и строящиеся на ее основе гипотезы "кремленологов", которые "по самой своей природе не могут обеспечить плодотворный и трезвый научный поиск" (29, с.570, 574).

С.Коэн: "Тоталитарная школа... оказалась порочной по всем направлениям"; она повинна в "интеллектуальном кризисе", поразившем американскую советологию и продолжающемся по сей день (26а, с.3-4, 25).

Были подвергнуты сомнению и основные постулаты концепции "тоталитаризма". Прежде всего решили, что те черты, которые Арендт, Фридрих и Бжезинский брали за основу концепции – наличие пользующегося неограниченной властью "тоталитарного лидера" и применение массового террора, – либо указывают на крайнюю ограниченность "тоталитаризма" во времени и пространстве, либо могут быть отнесены лишь

к некоему "чистому", "абсолютному" типу "тоталитарных режимов".

Далее возник вопрос, можно ли отнести ту или иную страну к разряду таких режимов в силу существования в ней однопартийной политической системы. На семинаре западных советологов в Лондонской школе экономики и политических наук в мае 1966 г. Р.Арон, открывавший дискуссию, поставил этот вопрос в другую плоскость - может ли партия в однопартийном государстве единолично вершить всеми государственными делами? - и дал на этот вопрос противоречивый ответ. С одной стороны, заявил он, ввиду наличия в СССР общественных сил и организаций там существует "социальный плюрализм" на более низком по отношению к партии уровне, при котором "многие социальные силы могут ограничивать контроль и сдерживать власть партии". С другой стороны, в СССР "единственная партия обладает верховной властью", члены КПСС занимают высшие посты в экономической и общественной сферах деятельности. Резюмируя, Арон выразил сомнение в том, что категория однопартийных государств сохраняет свою полезность в классификации политических режимов, и предупредил против опасности сосредоточения исследователей на одном этом аспекте изучения государственного строя в ущерб другим (II, с.18-20). Подводивший итоги дискуссии Р.Дарендорф констатировал, что вопрос о границах употребления политической власти еще не решен в западной социологии, но при его постановке количество партий в государстве и их тип не играют решающей роли.

В целом на том этапе, когда критика "тоталитарной" концепции приобрела значительный размах (вторая половина 60-х годов), она вызвала двоякую реакцию в буржуазной советологии: с одной стороны, попытки видоизменить ее, убрав наиболее примитивные постулаты, с другой - стремление во что бы то ни стало отстоять ее основы.

Первая реакция проявилась прежде всего в отношении

самого термина "тоталитаризм". Некоторые адепты этой концепции попытались сохранить его посредством некоторой косметизации: стали употреблять словосочетания "тоталитаризм без террора", "зрелый тоталитаризм" и даже "просвещенный тоталитаризм". Однако эта уловка лишь нагляднее продемонстрировала бессмысленность самой концепции, так как критерии "зрелого тоталитаризма" оказалось выявить еще более сложно, чем критерии уже существовавшего понятия. Представители "оппозиции" охарактеризовали и этот термин как "эпитет холодной войны" (76, с.92), каковым он по сути и являлся[1].

Следует сказать, что весьма кстати в сложившейся ситуации сторонникам негативного противопоставления "недемократического" Советского Союза "демократическому" Западу пришлось понятие, уже некоторое время употреблявшееся одними политологами в качестве менее категорического синонима "тоталитаризму", а другими - для обозначения типов общества, также противостоящих "западным демократиям", но не обладающих наиболее одиозными характеристиками "тоталитаризма". Эти общества в буржуазной политологической литературе именовались и именуются "авторитарными".

Будучи образованным от слова "власть" ("авторитет"), "авторитаризм" в буквальном переводе с латинского означает "самовластие", правление, характеризующееся неограниченной властью правителя или правящих. Критерии этого понятия и рамки его употребления также весьма нечетки. Один из ведущих адептов теории модернизации полагает, что "авторитарные режимы" включают военные диктатуры - социалистические, фашистские и просто националистические (86, с.138). М.Д.Шульман в лекции "Учиться жить с авторитарны-

---

1) Уже значительно позже, в 1981 г., правый ревизионист и непримиримый антисоветчик Л.Колаковский, настаивая на применении термина к СССР, назвал советский строй после 1956 г. "больным тоталитаризмом" (73, с.14).

ми режимами", прочтенной в июне 1976 г. в Женеве, отнес к категории этих режимов "тоталитарные государства, где подавляется оппозиция"; они могут быть "правыми" и "левыми" но так или иначе противостоят "демократическим обществам" западного образца (99, с.326, 333). По классификации однопартийных государств, предложенной Дж.Сартори, такие государства делятся на "тоталитарные", "авторитарные" и "прагматические", причем "авторитаризм" отличается от "тоталитаризма" не столь всеобъемлющим ("нетотальным") охватом официальной идеологии, более слабой степенью принуждения, применяемого к гражданам, а также стремлением правящей группы или организации отделить от себя (а не ликвидировать) другие влиятельные группы и организации. Советский Союз при Сталине Сартори отнес к "тоталитарной" категории, а на современном этапе - к "авторитарной" (95, с.227).

На замене ярлыка "тоталитаризм" ярлыком "авторитаризм" применительно к Советскому Союзу настаивают Х.Линц и Р.Левенталь. Последний определил современное советское общество как "посттоталитарный авторитаризм" (см.79, с.33-34).

Таким образом, часть буржуазных идеологов просто воспользовалась термином "авторитаризм" для характеристики реального социализма, не отбросив полностью концепцию "тоталитаризма", а лишь сузив пространственно-временную сферу ее приложения.

Других западных теоретиков это не устроило. "К сожалению, термин "авторитаризм", - констатировал У.Лэкер, - может означать множество разных вещей. Невозможно представить политический режим, полностью лишенный власти" (79, с.30). Поэтому "к авторитарным режимам можно отнести все диктатуры и полудиктатуры, включая монархии (Саудовская Аравия, Иордания при короле Хуссейне, Марокко при Хасане) и столь разные страны, как Пакистан, Вьетнам, Индонезия,

не говоря уже обо всех африканских и многих латиноамериканских государствах. Даже ФРГ при Аденауэре, Франция при де Голле и Израиль при Бен Гурионе были до известной степени авторитарными". "Какой прок от категории, которая может быть приложена к 9/10, если не больше, стран - членов ООН?" - задает Лэкер риторический вопрос (там же).

Был продолжен поиск модели, которая более адекватно (по меркам буржуазной науки) отразила бы существенные черты социалистического общества. Как грибы после дождя, стали плодиться бессмысленные, лишенные научного содержания дефиниции типа "администрируемое общество", "мобилизационная система", "консультативный авторитаризм", "моноиерархическое общество" (67; 68; 76; 92) и др. Как правило, сфера их распространения ограничивалась работами одного-двух авторов. В применении к СССР эти дефиниции чаще всего не означали радикального разрыва с концепцией "тоталитаризма", так как в своей сути они также основывались на тезисе о недемократичности советского общества. Это дало основание одному из советологов констатировать неудовлетворительность не только данной концепции, но и "моделей-отпрысков" как не обеспечивающих адекватное понимание советской действительности (120, с.482). "Хотя мы сознательно отвергли тоталитарную модель, - указывает американский политолог Д.Хаф, - она продолжает сказываться во многих наших выводах о мотивах и динамике действий СССР. Нужна же готовность, даже решимость подвергнуть наши выводы пристальному изучению, дабы отделить наши антипатии к советской системе от нашего описательного анализа ее" (59, с.36). Однако этой решимости не хватило и не хватает даже тем буржуазным советологам, которые понимают примитивность постулатов "тоталитарной" модели.

В создавшихся условиях соперничества разношерстных советологических концепций и моделей, ни одна из которых не сумела получить такое распространение, как ранее рас-

критикованная концепция "тоталитаризма", на авансцену выдвинулась точка зрения, несущая в себе элементы веберианства, троцкизма и современного леваческого радикализма. Согласно этой точке зрения, в СССР существует некое "бюрократическое общество", характеризующееся такой или еще большей же самодовлеющей природой государства (тезис М.Вебера) и отчужденностью от народа (тезис всех левых ревизионистов), как и монополистический капитализм. Под концепцию "бюрократического общества" подводятся обветшалые рассуждения о том, что КПСС является не рабочей и, тем более, не общенародной, а "надклассовой" партией, использующей попеременно принуждение и убеждение для обеспечения политической стабильности общества (105, с.156). Можно встретить и такое "объяснение": советское общество имеет бюрократическую природу, потому что высшим органом политического управления в СССР является Политбюро ЦК КПСС (104, с.209).

Как и в случае с "тоталитаризмом", нередки попытки западных теоретиков изобразить бюрократизацию и бюрократию доминирующим феноменом определенной эпохи, охватывающей и современность. Согласно известному американскому политологу Р.Бендиксу, бюрократическое общество неизбежно порождается процессом индустриализации, которая требует громоздкого механизма хозяйственного управления, подавляющего и инициативу личности (13, с.89). Другой буржуазный политолог связывает рост бюрократических тенденций с расширением социального обеспечения, предусматривающего создание специальных служб, которые не сужают, а расширяют пропасть между государством и обществом: материальное положение масс улучшается, а их политические права становятся все более трудно реализуемыми (37, с.123-124, 126).

На волне обостренного интереса буржуазных исследователей к работам М.Вебера в последнее время участилось обращение к веберовской концепции власти и его высказыва-

ям о Советской России для отрицания правоты марксистской теории социалистического государства, дискредитации реального социализма. Особенно импонирует нашим идейным противникам тезис Вебера о том, что если при капитализме элементы бюрократизации экономики и государственного управления аккумулируются постепенно по мере их развития, то при социализме они возникают с самого начала в силу единства политической и экономической власти (49, с.4-5).

С разработкой и популяризацией современных концепций бюрократии и бюрократизации обнаружилось любопытное, хотя и глубоко закономерное явление: между теоретическими конструкциями "тоталитарного" и "бюрократического" общества применительно к реальному социализму оказалось немало точек соприкосновения. Действительно, и там, и тут читателю преподносилась картина общества, в котором государство и правящая партия, сосредоточив в своих руках рычаги управления и контроля всеми сферами жизни, оторвались от своей социальной базы и принимают политические решения без учета мнения масс. "Опасность бюрократического деспотизма, - заявлял в середине 70-х годов А.Ноув, - ... была, возможно, присуща ленинской концепции изменений, организованных и навязанных сверху преимущественно крестьянской стране... Решение в пользу централизованного планирования и против рыночных сил изменило не только экономическую, но и политическую обстановку, направляя ее в сторону того, что получило название "тоталитаризма" (88, с.20, 34). "Современные коммунистические системы можно скорее всего классифицировать как "посттоталитарные режимы" в форме авторитарно-бюрократического партийного господства". - пишет С.Енкнер (64, с.20).

После соединения "бюрократической" и "тоталитарной" моделей социализма уже никого не могло удивить приклеивание к СССР и другим социалистическим странам ярлыка "бюрократического авторитаризма" (63, с.22).

Отметим момент, в последние полтора десятилетия все чаще объединяющий позиции буржуазных идеологов и правых ревизионистов: истоки "бюрократизации" и "тоталитаризма" связываются с деятельностью В.И.Ленина и большевистской партии еще в период подготовки и осуществления Великой Октябрьской социалистической революции. Дж.Кип безапелляционно заявляет, что корни "тоталитаризма" кроются в теории и практике ленинизма (70, с.687). А.Гуэрра, основываясь на выкладках обширной буржуазной и ревизионистской литературы, утверждает, что "авторитарный импульс наличествовал в большевистской партии еще в 1917 г."; со становлением же однопартийной системы Страна Советов превратилась в "государство-Левиафан" (51, с.159, 161).

Выходило, таким образом, что мнимый "советский тоталитаризм" появился еще раньше итало-германского и был чуть ли не его предтечей. Нашлись теоретики антисоветизма, которые так прямо и заявляли (С.Хук, Р.Левенталь, Б.Майсснер и др.). "Конституционно-историческое значение советского государства... состоит в том, - заявил Б.Майсснер,- что оно является первым в истории однопартийным государством и в качестве такового прообразом не только коммунистических, но и фашистских представлений о государстве" (82, с.5).

Наконец, следует упомянуть еще об одной модификации концепции "тоталитаризма" применительно к СССР, разработанной в первой половине 70-х годов Ричардом Пайпсом. Р.Пайпс известен не только как ярый антисоветчик, но и как завзятый русофоб, давно вынашивавший идею "навечного отлучения" нашей страны от "цивилизованного мира". В книге "Россия при старом режиме" он выстраивает крайне предвзятую схему исторического пути России, заявляя, что ряд факторов и событий (природные условия, принятие византийского варианта христианства, монгольское иго и др.) столь роковым образом сказались на ее судьбах, что страна "от-

городилась от столбовой дороги христианской цивилизации, которая вела на Запад" (89, с.298). "На протяжении всей своей истории, - пишет сей автор, - русская империя развивалась в направлении, диаметрально противоположном ходу эволюции Англии и Америки, неуклонно тяготея к централизму и бюрократизации" (89, с.333). По мнению Пайпса, в России отсутствовали ограничения политической власти, законоправие и личные свободы, а цари и бюрократия бесконтрольно распоряжались "всеми людскими и материальными ресурсами страны" (89, с.30).

Эти "обнаруженные" им специфические русские "традиции" Пайпс переносит на советское общество, добавляя к ним "тоталитарные" черты, якобы заложенные в ленинизме. В результате на свет появляется синтезированная "бюрократическо-тоталитарная" концепция истории нашей страны, равной которой по негативным тонам и очернительскому заряду не найти во всей мировой литературе.

Изыскания Пайпса не совершили переворота в советологии, но оказались весьма и весьма наруку тем реакционным силам, которым требовалось создать сугубо отрицательный "имидж" Советского Союза во второй половине 70-х - начале 80-х годов, чтобы повернуть вспять процесс разрядки и дать дополнительный импульс элементам шовинизма, гегемонизма, милитаризма в жизненной философии и наступательной стратегии американского неоконсерватизма. Те, кто давно ждал этого, охотно подхватили идеи Пайпса. "Советский Союз - это страна, в которой тоталитарное правление существовало много веков", - объявил на страницах журнала "Тайм" слывущий "отцом" водородной бомбы физик Э.Теллер, ратуя за ядерное сверхвооружение США (41, с.14).

Концепция "преемственности" самодержавной и социалистической России, которой отдается дань в данном случае, - явление, как было показано в начальном разделе главы, далеко не новое. Однако существенным новым моментом, по

сравнению с довоенным периодом, выступает сейчас синтез этой концепции с концепцией "тоталитаризма". Если смотреть в корень, то подоплека такого синтеза заключается в следующем: с конца 30-х по первую половину 50-х годов отождествление СССР, нацистской Германии и фашистской Италии служило для антикоммунистов главным инструментом очернения нашей страны в глазах мировой общественности; когда же отождествление полностью потеряло правдоподобие, а тем самым и эффективность в стратегии антикоммунизма, на смену ему пришло сопоставление социализма и самодержавия на базе все той же концепции "тоталитаризма", отказываться от которой консервативные политики и идеологи никак не хотят.

Влияние "тоталитарных" концепций сказывается прежде всего в том, что в современной буржуазной литературе линии "преемственности" царской России и СССР выискиваются прежде всего в области истории формирования государственной власти и учреждений, политической культуры и идеологии, психологии и традиций русского народа. Ярый антикоммунист эмигрантского происхождения Л.Добрянский тремя основными чертами "преемственности" называет "русский империалистический экспансионизм и колониализм", "тоталитарный деспотизм" и всесилие государства, "институционализированный мессианизм" в идеологии (33, с.84).

Когда буржуазным идеологам требуется выделить основное связующее звено между прошлым и настоящим нашей страны, они, как правило, выдвигают тезис о специфике ее государственной власти. При этом в качестве основы исторических параллелей берется все тот же вневременной и внеклассовый "бюрократически-тоталитарный" характер этой власти в России, которому-де противостояла и противостоит идея западной "либеральной" государственности, основывающейся на свободной игре экономических сил и предоставлении индивидуума самому себе. "Главная линия преемственно-

сти – всемогущество государства, его отказ мириться с формированием из категорий классов, – заявляет американский политолог У.Коннор. – ...Насколько привилегии до сих пор зависят от бюрократически регулируемого доступа, от разного рода бумаг, а не от денег и рынка, не может не произвести впечатления даже на тех, кто считает изменения в течение советского периода более важными, чем преемственность" (27, с.63).

Английский политолог С.Уайт уверяет, что "советская политическая культура берет корни в многовековом историческом опыте абсолютизма" (II6, с.IX). В другой работе он пишет, что "традиционно русская политическая культура" включает следующие черты: "представительные учреждения, как правило, помалкивали и были неэффективными; уровень народного участия и представительства (в отправлении функций власти.– Ю.И.) был низким; стиль управления был централизованным, бюрократическим и крайне авторитарным" (II7, с.34). Все это, если верить Уайту, в основном сохранилось посейчас; существует же веками такая модель государства, по его мнению, потому, что граждане свыклись с государством и не мыслят себя вне его рамок. "Можно заключить, что режим ныне в основном легитимен; свидетельств расхождений между его политической культурой и политической системой мало", – делает вывод автор (II6, с.44). Этот вывод можно было бы принять за позитивную оценку политической системы СССР, если бы за ним не стояла пресловутая концепция "преемственности".

Способствуя формированию внешнеполитических представлений наиболее реакционных кругов мирового империализма в последнее десятилетие, концепция "тоталитаризма" сама получила своего рода кислородную подушку от неоконсерваторов в тот момент, когда ее критики, казалось, уже окончательно похоронили ее. Тот идейно-политический климат, который постепенно складывался в США по мере нарастания нео-

консервативных тенденций, помог приверженцам этой концепции обрести второе дыхание и если не восстановить полностью авторитет, присущий ей в 50-х годах, то, по крайней мере, получить широкую трибуну в буржуазной массовой печати и возможности изложить новые аргументы в свою пользу в академической литературе. Как констатировал С.Енкнер, концепция "тоталитаризма" после временного забвения переживает ныне "ренессанс" (64, с.16).

Здесь, однако, целесообразно вернуться к тому моменту, когда концепция "тоталитаризма" начала испытывать первые серьезные критические удары. Как и следовало ожидать, уже тогда у нее нашлись защитники, да и сами ее основоположники отнюдь не собирались легко сдавать свои позиции. К.Фридрих, рецензируя книгу Г.Ионеску "Политика европейских коммунистических государств", которая по своей антикоммунистической направленности была близка его собственным работам, но ставила вопрос о применимости этой концепции к столь разнородным по своей природе государствам, какими являются включаемые в категорию "тоталитарных" франкистская Испания, ОАР, Югославия, КНР, СССР и другие социалистические страны, призвал Ионеску отбросить сомнения и вознес его книгу как "крупный вклад в развитие теории и познания тоталитаризма", систем, возникших в XX в. (43, с.250, 255). Дефект всякого рода "тоталитарных схем", заключающийся в произвольном и ненаучном применении их при изучении разнородных социальных явлений, Фридрих попытался превратить в достоинство. "Термин "тоталитарная диктатура" так широко использовался для обозначения этих режимов (XX в. - Реф.), что представляется более мудрым использовать его впредь, если мы хотим найти общий язык, говоря о них", - заявил Фридрих (43, с.250).

Ничего существенно нового в собственную теорию Фридрих, однако, не внес, он не пересмотрел и не изменил свою характеристику тоталитаризма, данную еще в 1954 г., разве что

пытаясь примирить ее с теорией индустриального общества, стал больше подчеркивать модернизаторскую и индустриализационную функцию "тоталитарных режимов".

Размывание методологических основ теории "тоталитаризма" привело к тому, что от нее отошел ряд ее бывших апологетов. Одним из них был Д.Армстронг. В 1973 г. выпустил книгу "Европейская административная элита", в которой дал сравнительный анализ местных и высших кадров управления экономикой во Франции, Англии, Германии (ГДР и ФРГ) и СССР. Уже само применение сравнительного метода изучения явлений в капиталистическом и социалистическом мирах свидетельствовало о выходе за рамки теории "тоталитаризма", рассматривавшей эти явления как априорно противоположные по принципу знаков "плюс" (капитализм) и "минус" (социализм). Армстронг пришел к выводу об общих чертах в формировании управленческих кадров во Франции, США и СССР (8, с.188), он полностью избегал употреблять термин "тоталитаризм".

В 70-х годах усерднее всех выступил за сохранение термина "тоталитаризм" и концепции "тоталитарного государства" в общественных науках Л.Шапиро. В книге "Тоталитаризм", вышедшей в Англии в серии "Ключевые концепции политической науки" (Шапиро сам являлся главным редактором этой серии), и одноименной статье в восьмитомной энциклопедии "Марксизм, коммунизм и западное общество", изданной в США (а несколько ранее в шести томах в ФРГ под заголовком "Советская система и демократическое общество"), Шапиро заявлял, что наука обеднеет, лишившись этого понятия (96, с.124; 97, с.200).

На первый взгляд, правда, могло показаться, что Шапиро значительно изменил свои взгляды на "тоталитаризм" под влиянием критики этой концепции в последнее десятилетие. Он признал, что широкое использование ее политиками, публицистами и учеными привело к неразборчивости в употребле-

нии, неточностям, смешению понятий. Дело дошло до того, указывал Шапиро, что те или иные "тоталитарные" черты обнаруживали не только в фашистских режимах, но и в царской России, в восточноевропейских странах народной демократии, в Римской империи времен Диоклетиана, в идеальной республике Платона, в древней Спарте, в Японии эпохи Мейдзи и т.д. и т.п. (96, с.15).

Такая ситуация естественным образом вела к дискредитации самих методологических основ теории "тоталитаризма" и к требованиям отказаться от нее вообще, с чем Шапиро (как и многие его единомышленники, стоявшие у колыбели этой теории) никак не мог смириться. Стремясь сохранить эту теорию в арсенале буржуазной политической науки и особенно в арсенале советологии, Шапиро пошел на "уступки" ее оппонентам: теория остается научной, заявил он, если использовать ее только для характеристики фашистской Италии, нацистской Германии и Советского Союза в период "сталинизма". "Следует заметить с самого начала, - был вынужден отметить Шапиро, - что в отношении Советского Союза имеются особые соображения. Как в Италии, так и в Германии созданные там режимы были плодом рук одного человека, который завоевал власть, удерживал ее в течение некоторого времени, а затем погибал, потерпев поражение в войне. В случае с Россией Сталин унаследовал власть, завоеванную Лениным, а после смерти Сталина в 1953 г. в Советском Союзе произошли перемены. Поэтому поиск общих черт всех трех режимов в отношении СССР должен быть ограничен сталинской эрой; вопрос же о том, применим ли термин "тоталитаризм" к Советской России ранних лет или после 1953 г., следует оставить открытым для дальнейшей дискуссии" (96, с.15-16).

Нетрудно заметить, что, делая "уступки" критикам концепции тоталитаризма, Шапиро стремится максимально уберечь от окончательной эрозии ее крайне субъективистское

антикоммунистическое ядро: сведение корней тоталитаризма к волевым решениям отдельных личностей и "сохранение" СССР в ряду "тоталитарных государств" при полном пренебрежении различиями в классовой социально-политической и социально-экономической природе социализма и фашизма. Закрепление на таких позициях позволило бы Шапиро и его единомышленникам в ходе дальнейшей дискуссии "обнаруживать" преемственность "сталинизма" и ленинизма, а также "сталинизма" и современного советского политического строя, иными словами, вернуть все на круги своя.

Шапиро допускает постановку вопроса о том, не являются ли коммунизм и фашизм столь различными социальными явлениями, что не существует термина, приложимого к обоим обществам. Но этот вопрос он ставит чисто в маскировочных целях, так как априорно дает на него отрицательный ответ. Полемизируя с Ф.Флероном, считающим, что концепция "тоталитаризма" не годится для изучения социалистических стран, Шапиро приводит цитату из статьи Флерона, опубликованной в журнале "Совьет стадиз" в 1968 г.: "Без точного определения понятия ("тоталитаризма". - Реф.) мы не знаем, какие системы надо изучать" (40, с.317). Нет, заявляет Шапиро, мы как раз знаем, какие системы являются "тоталитарными", - это Германия, Италия и СССР в 30-х годах (96, с.17). Тем самым автор демонстрирует фиктивный, тактический характер своей готовности вступить в дискуссию о сути "тоталитаризма".

"Новая" характеристика "тоталитарных режимов", предложенная Шапиро, по сути мало чем отличается от той, которая была дана Фридрихом, - она также акцентирует некий "всеобъемлющий контроль" государства, представленного "элитой" и функционирующего в интересах этой "элиты", а также способность "элиты" обеспечить себе массовую поддержку. Бо́льшая или меньшая роль "вождя", "диктатора"; примат идеологических средств воздействия (индоктринация населения) над фи-

зическими (террор, принуждение) или наоборот – вот тот узкий диапазон, в которых апологеты концепции расходятся друг с другом.

Кроме того, "новая" модель тоталитаризма Шапиро, несмотря на иронические замечания ее создателя по адресу тех, кто включал в категорию "тоталитарных" самые различные и крайне отдаленные друг от друга во времени явления, грешила таким же эклектизмом и путаницей. В специальной главе "Как нов тоталитаризм?", посвященной поиску корней этого явления, Шапиро в конце концов приходит к тем позициям, которые он критиковал выше. Он допускает "некоторую параллель" между древней Спартой и "современными тоталитарными режимами", особенно нацистской Германией, исходя из того, что в Спарте молодежь с детства воспитывалась в духе аскетизма и обучалась военному искусству (96, с.91), называет империю инков "первым крупным древним доиндустриальным обществом, проявляющим многие черты тоталитаризма" (96, с.92), заявляет, что элементы тоталитаризма можно обнаружить в Англии времен Тюдоров (вследствие коррупции закона и судебных фарсов) и Московской Руси (ввиду "буквального отсутствия законного порядка и наличия широкой системы политического террора") (96, с.94). Эти выводы не стали более глубокими оттого, что автор сделал ряд оговорок: в Спарте все же не было "тоталитарного вождя"; у инков, при слиянии церкви и государства, наличии идеологического контроля посредством религии и мобилизации масс на трудовые повинности, не наблюдалось попыток вызвать у народа массовую лояльность и энтузиазм и таким образом легитимизировать власть императора; тирании Тюдоров и московских царей также не нуждались в массовой поддержке, так как реальная борьба за власть велась в узком кругу знати. По сути, Шапиро лишь внес еще большую путаницу в вопрос о критериях "тоталитаризма", лишний раз наглядно продемонстрировал ненаучность методологии, с помощью кото-

рой это явление обнаруживается и изучается буржуазным обществоведением.

В конце 70-х - начале 80-х годов, т.е. в период гальванизации "тоталитарных" схем на волне неоконсерватизма в США, были предприняты попытки заново постулировать всю концепцию "тоталитаризма" с учетом изменившихся реалий. В наиболее развернутом виде такая попытка содержится в книге М.Кертиса. Автор назвал "тоталитаризм" "полезным термином" для обозначения "специфического типа современного режима в век массовой демократии, в котором население содержится под контролем с помощью разнообразных средств, особенно террора" (28, с.2-3). Существует, заявил он далее, целое семейство форм правления, сходных с "тоталитаризмом": разного рода "диктатуры", "деспотии", "автократические режимы", "бонапартистские системы" и "полицейские государства"; все они объединяются "элитистским управлением, произвольным использованием политической власти, сведением к минимуму личных прав индивидуума, иерархическими институтами" (там же). "Тоталитарные режимы" современности, продолжает Кертис, отличаются от аналогичных систем прошлого тем, что они больше опираются на поддержку масс и массовые движения, а не на экономические и политические элиты, в то же время применяя в отношении масс "насилие, массовую мобилизацию, индоктринацию и пропаганду" (28, с.4).

Нетрудно видеть, что все эти критерии легко приложить к буржуазному государству, причем наличие в нем социальной и политической власти элит, иерархии, демагогии в обращении к массам констатируется самими ортодоксальными буржуазными социологами и политологами. Поэтому во избежание обратного эффекта автор оговаривается, что для всех "тоталитарных режимов" характерно отрицание "либеральной системы и демократии", а затем предлагает читателю 13 критериев "тоталитаризма", представляющих смесь из постула-

тов, выдвинутых еще Х.Арендт, К.Фридрихом и З.Бжезинским, и некоторых "новых"признаков, которые отражают наиболее ходовые домыслы антисоветской пропаганды последнего времени. Вот эти критерии: I) официальная идеология, нацеленная на построение нового политического и социального порядка и создание нового типа личности; 2) монополия на контроль над личной жизнью индивидов с целью достижения "тоталитарного конформизма"; 3) террор и политическая инквизиция;4) иерархическая однопартийная система"; 5) подмена личных интересов общественными; 6) централизация власти, недопущение оппозиции и инакомыслия; 7) неподконтрольность высшей власти; 8) контроль над средствами массовой информации и образовательной системой для мобилизации граждан; 9) отсутствие "настоящих" свободных выборов; I0) монопольный контроль над оружием и вооруженными силами; II) отказ граждан в свободном выезде за границу; I2) централизованная плановая экономика с контролируемым потреблением; I3) личная диктатура вождя (28).

М.Кертис пытается проследить вехи складывания "тоталитарных режимов" в Италии, Германии и СССР. Примечательно, что, солидаризируясь по существу с реакционными идеологами, взваливающими вину за антидемократические политические тенденции современности на нашу страну, он датирует зарождение "тоталитарной" власти в Италии I924 г. (когда был принят закон, позволяющий арестовывать по подозрению в подрывной деятельности), а в СССР - роспуском Учредительного собрания в январе I9I8 г. и "красным террором". Более того, Кертис повторяет домысел о том, что ленинская концепция партии нового типа уже содержала в себе идею "диктатуры партии", а заодно и те псевдоисторические экскурсы, которыми оперировали ранее Пайпс, Шапиро и их единомышленники, прослеживая корни "тоталитаризма" в традициях православной церкви и великомосковских князей, заставлявших своих подданных нести государственную службу (28, с.I4, I9).

Оговорки, которые делает автор, стремясь придать своей схеме видимость гибкости, только подчеркивает ее несостоятельность. Так, допуская, что в течение известного времени после Октября 1917 г. "тоталитарный контроль" ограничивался, он ссылался на нэп и сохранение мелкого частного сектора в народном хозяйстве. Однако из такой постановки вопроса следует, что "тоталитаризм" возникает всегда и всюду, где утверждаются общественная и государственная собственность на средства производства, чего, как известно, не было ни в фашистской Италии, ни в нацистской Германии. Еще один критерий "тоталитаризма", имеющий явную антисоветскую направленность, вводит У.Лэкер. Он допускает, что "любой режим, получивший на выборах 99% голосов избирателей, является по определению "тоталитарным" (79, с.30). Правда, он оговаривается, что прибегает в данном случае к преувеличению, но эта оговорка ничего не меняет. "Поскольку в СССР нет оппозиции КПСС, он в этом смысле до сих пор тоталитарен", - пишет далее Лэкер (79, с.35).

В аналогичном ключе строит свою концепцию "тоталитаризма" С.Андрески. Советский Союз в начале 50-х годов выступает у него как "тоталитарное государство", близкое к 100% "чистому" типу; "третий рейх" был "тоталитарным" на 85% накануне второй мировой войны, по его выкладкам, и к концу войны - на 95%; режим Муссолини и вовсе достиг лишь 55% уровня. Главным критерием "тоталитаризма" Андрески считает степень сохранения "независимых организаций" в государстве (5, с.44-45).

Наиболее ярым антикоммунистам кажется недостаточным отстоять концепцию "чистого тоталитаризма" с отнесением ее к нашей стране сталинского времени. Такая постановка вопроса предполагает, что после определенного периода "тоталитаризм" в СССР или стал "нечистым", либерализованным", или трансформировался в другой тип государства, который трудно изображать в сугубо черных красках. Извест-

ный правый ревизионист Л.Колаковский выдвинул тезис, что только социализм, ликвидировавший частную собственность, может служить подлинным фундаментом "тоталитарной диктатуры". "Сталинское правление - это правление образцового коммунизма, - заявил Колаковский. - Все остальные варианты коммунистического государства являются или незрелыми, или побочными, или искаженными" (73, с.I2-I3). Поэтому, добавил он, после смерти Сталина "советский тоталитаризм стал больным тоталитаризмом, теряющим свою прежнюю эффективность" (там же, с.I4).

Серьезные исследователи на Западе не разделяют выводов, столь явно продиктованных политической озлобленностью. Однако идеологическая обстановка в крупнейших капиталистических странах, тон в которой задают неоконсерваторы и антикоммунисты разных оттенков, способствует гальванизации наиболее предвзятых схем и версий. В одной из наиболее серьезных работ, содержащих анализ американских концепций развития советского общества, ее автор, последовательный критик антикоммунизма в советологии, С.Коэн с сожалением отмечает, что в период спада разрядки и ухудшения американо-советских отношений многие черты, характерные для времен "холодной войны", вновь отчетливо проявили себя. "После того как борьба против тоталитаризма в начале 80-х годов переместилась в Белый дом, - констатирует Коэн, - некогда ортодоксальная концепция, которая долгие годы вела советологию по ложному пути, возрождается вновь" (26а, с.35).

Этому процессу способствует то обстоятельство, что "модели", которые пришли на смену "тоталитарной", также оказались уязвимыми для критики. Для некоторых западных советологов сам этот факт послужил аргументом в пользу сохранения концепции "тоталитаризма". "Процесс "детоталитаризации" оказался палкой о двух концах, - пишет английская исследовательница Р. Уолкер, - ибо как ни ста-

рались западные аналитики, они обнаружили, что заменить тоталитарную модель более сбалансированной и достоверной альтернативой трудно" (II4, с.5).

Выше речь шла о тех теоретических новшествах в буржуазной советологии, которые возникли как следствие стремления видоизменить и усовершенствовать концепцию "тоталитаризма", соединив ее с другими схемами явно антисоветской (и антирусской) направленности. Посмотрим теперь, как складывается теоретический багаж другого направления советологии (а в более широком плане - другого направления буржуазной социологической мысли), представители которого исходили и исходят из презумпции общности и схожести существующих в мире социальных систем.

КОНЦЕПЦИИ БЛИЗОСТИ ДВУХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ (КОНВЕРГЕНЦИИ, ГРУПП ИНТЕРЕСОВ, МОДЕРНИЗАЦИИ И ДР.)

Представляется, что методологическая несостоятельность буржуазной советологии (а в более широком плане - буржуазного обществоведения в целом) наиболее наглядно проявляется как раз в неспособности дать глубокий, научно достоверный сравнительный анализ существующих социально-экономических систем. Эта неспособность обусловлена субъективистским, недиалектичным и зачастую неисторичным пониманием исторического процесса в целом, в котором выпускаются главные, выпячиваются несущественные, а нередко конструируются несуществующие закономерности и черты. Игнорируя основополагающий фактор человеческого прогресса, каковым является развитие и изменение способа производства путем преодоления общественных противоречий, буржуазные идеологи склонны рассматривать изолированно друг от друга и гипертрофировать роль политической надстройки общества, научно-технической революции, производимого валового продукта и т.п. Отсюда неизбежно вытекают перекосы в сторону либо неоправданного дробления и разделения истори-

ческого процесса, либо сглаживания реально проявляющихся общественных противоречий.

Действительно, концепция "тоталитаризма" строится на посылке о полярной противоположности социализма (как "тоталитарного", наиболее недемократического) и капитализма (как "свободного", наиболее демократического) общества. Верно, что в политическом, как и в социально-экономическом, отношении эти системы принципиально различны. Однако характеристики, "знаки" поменяны местами: социализм добивается действительного народовластия, а капитализм лишь прикрывает вывеской народовластия господство монополистической буржуазии и острейшие социальные противоречия.

Апологеты "сближающих" концепций (помимо конвергенции и модернизации, это концепции индустриального, единого индустриального, техностронного общества и др.), наоборот, упускают из виду коренную противоположность социализма и капитализма, снисходительно допуская, что позитивные, по их понятиям, характеристики капитализма свойственны, хотя и в меньшей мере, социализму; негативные же социальные явления объявляются присущими всем типам обществ, но в большей мере опять-таки тем, которые еще не достигли вершин "западной цивилизации". Вопрос о борьбе капитализма и социализма как систем, а тем более о неизбежности конечной смены капитализма социализмом тем самым как бы снимается вообще.

Марксистам ясно, что обе позиции являются методологически ошибочными. Но в одинаковой ли степени? Какая из них "лучше"?

Ответ на эти вопросы требует глубокого специального анализа, который, в свою очередь, невозможен без ознакомления с аргументами, предъявленными буржуазными теоретиками в пользу второй позиции.

Как существует в буржуазной политологии и социологии понятие "чистого" системного антипода капитализму ("чистый

тоталитарный режим"),так существует там и "чистая" схема общности капитализма и социализма – конвергенция.

Сам термин "конвергенция" заимствован из естественных наук, где он обозначает развитие схожих функций у различных организмов в процессе их приспособления к аналогичным условиям существования. В буржуазной социологии под ним имеется в виду постепенное уподобление друг другу экономических, социальных и культурных (а в дальнейшем, возможно, и политических) институтов двух основных типов "индустриального общества", функционирующих на Западе и в социалистических странах, а в более узком смысле – в США и СССР.

Широкое распространение теория конвергенции получила в конце 50-х – начале 60-х годов, когда социально-экономическое и политическое развитие СССР и других социалистических стран выбило опоры из-под мифа о "советском тоталитаризме". Однако отдельные ёе блоки начали складываться гораздо раньше. Некоторые буржуазные социологи склонны отыскивать истоки теории конвергенции еще в идеях Французского просвещения и предсказаниях французского публициста XIX в. маркиза Алексиса де Токвиля о сближении России и Америки. "Ныне в мире существуют две великие нации, которые, отправляясь от различных точек, по видимости движутся к одной и той же цели – это русские и англо-американцы, – писал де Токвиль в 1835 г. – ... Кажется, что каждую из них тайный перст проведения призвал в один прекрасный день держать в своих руках судьбы половины мира" (III, с.378-379).

Другие буржуазные исследователи критикуют такой подход, абстрагирующийся от особенностей эпохи и социальных систем. "Все споры о возможности сближения экономических систем, которые имели место до первого практического опыта создания централизованной экономики в России, базируются на абстрактно-теоретическом фундаменте, поскольку все

суждения о способе функционирования и тенденциях развития централизованной экономики в той ситуации могли носить только спекулятивный характер, - пишет, например, западногерманский экономист И.Беккер. - Напротив, все суждения, связанные с изменением в рыночной и соответственно в плановой экономике после осуществления в России централизованного управления хозяйством, носят на себе печать реальности"[I].

Каким же образом, однако, мыслимо сближение капитализма и социализма? Должна ли одна из систем измениться для этого больше, чем другая, или они вместе будут проходить этапы неких равномерных преобразований? Этими вопросами неизбежно задавались авторы соответствующих работ и их читатели - сторонники и противники. Заметим, что экскурсы в публицистику предшествующих исторических эпох не дают ответа на эти вопросы; Токвиль, например, рассматривал проблему конвергенции скорее с позиций примирения мировых амбиций России и США, чем уподобления социальной природы обеих стран.

Западные теоретики быстро вычислили три нехитрых теоретических варианта конвергенции: изменения конвергентного порядка преимущественно в социалистическом обществе (вариант У.Ростоу); такие же изменения преимущественно в капиталистическом обществе (дж.Гэлбрейт); изменения в обеих системах, обусловливающие их движение навстречу друг другу (Я.Тинберген) (см. I03, с.4I9-420). Несколько иную классификацию конвергентных процессов предложил В.фон Бредов. Первые два варианта он назвал иллюзорными, а к третьему добавил четвертый: социализм и капитализм движутся не столько навстречу друг к другу, сколько к некоему новому типу общества, например, "планируемой рыночной экономике" (20, с.4I). Нетрудно видеть, что это добавление не внесло принципиально ничего нового в уже существовавшие представ-

I) Цит. по: Иванов Г.И. Социальная сущность теории конвергенции. - М., I975. - С.I8-I9

ления, в частности, в тезис Тинбергена о том, что "самый лучший строй представляет собой синтез некоторых элементов капиталистической эффективности и социалистического равенства"[1].

Этот вариант, впрочем, был далеко не новым еще тогда, когда теория конвергенции только зарождалась. Еще в 1944 г. П.Сорокин заявил о сходстве некоторых социальных характеристик СССР и США, о движении обеих стран к некой смешанной социально-культурной общности (102). Сорокин обнаружил тенденции сближения советского и американского общества в 12 различных областях: 1) естественных науках и технике; 2) обществоведении и всех гуманитарных науках; 3)философии; 4) этике и уголовном праве; 5) просвещении и образовании; 6) спорте и здравоохранении; 7) изящных искусствах; 8) религии; 9) семье и браке ; 10) экономике; 11)общественных отношениях; 12) политической системе. В другой работе того времени говорилось, что "Россия и Соединенные Штаты более схожи по своей истории и общественной организации, чем обычно принято считать", и прежде всего в социальной структуре, структуре власти (индустриальной, политической, военной), таких основных ценностях, как дух новаторства, утилитаризм, равенство (30, с.174).

Подобные рассуждения на Западе в годы общей борьбы против гитлеризма объяснялись надеждами на гармоничное послевоенное устройство, свободное от антагонизмов, ведущих к кровопролитиям; для Сорокина, помимо всего прочего, это было своеобразной формой проявления русского патриотизма.

Нельзя, однако, не видеть и того, что после нескольких десятилетий безуспешных попыток мирового империализма "задушить большевизм" переход части буржуазных идеологов

---

1) Цит. по: Иванов Г.И. Социальная сущность теории конвергенции. – С.10.

к "конвергентному мышлению" недвусмысленно свидетельствовал о признании жизнеспособности нового общества. Обращение к альтернативе сотрудничества и сближения двух систем тесно связано с крахом расчетов на подавление реального социализма методами силового противоборства.

В предсказаниях конвергенции есть и политический, классовый расчет. Многими буржуазными теоретиками она мыслится прежде всего в виде однонаправленного процесса - перерождения социализма в сторону капитализма. "Большинство теорий так называемой конвергенции, - пишут Бжезинский и Хантингтон, - постулирует не конвергенцию, а поглощение противоположной системы" (24, с.419). Эти авторы именуют тезис о конвергенции "антисоветским марксизмом". В этом плане предтечей нынешних "однонаправленных" вариантов конвергенции (в сторону капитализма) были расчеты сменовеховцев и мировой буржуазии на перерождение советской власти в результате нэпа.

Именно с наивысшим ростом надежд на перерождение социализма связано достижение концепцией конвергенции пика популярности в середине 60-х годов. Это произошло после введения экономических реформ в странах социализма. Голубой мечтой "конвергенционистов" было такое дальнейшее развитие реформ, которое привело бы к "либерализации", "эрозии" социалистического способа производства, общественных отношений, а в итоге и политической системы социализма.

То, что хозяйственные реформы середины 60-х годов не пошли в этом направлении, нанесло сильнейший за все время удар по концепции конвергенции - ведь именно в этой сфере буржуазные и ревизионистские идеологи всегда искали начальные ростки "перерождения". Вспомним, что еще у П.Сорокина политическая система стояла на последнем месте. Это не случайно. По мнению большинства буржуазных идеологов, в политической сфере конвергенция либо не произойдет вообще, либо будет незначительной и произойдет в отдаленном буду-

щем. Отдельные отклонения от этой позиции наблюдались в конце 50-х - начале 60-х годов. Например, Г.Скиллинг выдвинул тезис о наличии аналогичного механизма борьбы за руководство и власть в социалистических и капиталистических странах (101).

Взгляды буржуазных теоретиков на экономические и научно-технические аспекты конвергенции в наиболее обобщенном виде были изложены У.Ростоу в его известной работе "Стадии экономического роста" (93). Согласно Ростоу, в развитии американского и советского обществ прослеживаются общие тенденции, которые пока еще не совпали по времени, ибо СССР отстает от США. Если США уже миновали век высокого массового потребления, то Советский Союз только готовится вступить в него. Ростоу и его единомышленники (С.Кузнец, Я.Тинберген, Дж.Гэлбрейт и др.) акцентировали внимание, с одной стороны, на фактах расширения общественного сектора экономики в странах Запада, ограничения там свободной конкуренции, возрастающей роли государства и социальной политики, а с другой - на растущей специализации производства, увеличении роли цен, стоимости и прибыли в социалистических странах. С их точки зрения, как в социалистическом, так и в капиталистическом обществах благодаря НТР будет расширяться производство, ориентированное на массовое потребление, найдут все большее применение аналогичные методы планирования, будут все более уподобляться методы подготовки специалистов. Такого рода рассуждения нередки на Западе и сейчас. Однако ныне они уже не увенчиваются выводами о конвергенции двух систем. И не только крах надежд, связанных с хозяйственными реформами, послужил причиной этого, Как следует из сказанного ранее, наиболее благоприятным внешнеполитическим климатом для конвергенционистских схем является климат мирного сосуществования и разрядки. Принятие Соединенными Штатами курса на антиразрядку и конфронтацию способствовало оживлению кон-

цепции "тоталитаризма"; соответственным образом оно оказалось холодным душем для тех, кто выступал с заявлениями об "общности" и "сближении" социализма и капитализма.

Уже во второй половине 70-х годов буржуазные социологи и политологи стали все чаще утверждать, что экономические основы "индустриального общества" совместимы как с политическим строем "западного образца", так и с той или иной разновидностью "тоталитарных режимов". Сравнение буржуазными теоретиками двух общественных систем, СССР и США, перешло в плоскость осторожного выявления некоторых общих моментов позитивного (развитие науки и техники) и негативного (приписывание социализму противоречий капитализма) характера при допущении, что конвергенции может не произойти, а то и попросту при забвении этой теории.

Выше приводились аргументы буржуазных идеологов против концепции "тоталитаризма"; приведем и ряд возражений против теории конвергенции.

М.Голдмен: "Несмотря на частые разговоры о конвергенции, фактом остается то, что политические системы обеих стран (СССР и США. - Ю.И.) радикально отличаются" (50, с.7).

У.Мур: растущая взаимосвязь в мире еще не означает конвергенции в структуре и культуре общества (86, с.155).

Н.Спалбер: различия между капитализмом и социализмом создают "непреодолимые препятствия на пути конвергенции" (103, с.423).

Дж.Миллар: теория конвергенции не подкрепляется ни теоретически, ни практически. Концепция Тинбергена "одновременно неисторична и неэмпирична", она основывается на посылках о существовании в мире некой "единой" экономической структуры и общих целей обеспечения "рационального" потребления в сфере товаров и услуг; но даже в этом случае правильнее говорить о "параллельной эволюции" разных типов хозяйств (83, с.197).

Констатируя во второй половине 70-х годов поддержку теории конвергенции "солидным числом обществоведов", американские социологи Р.Сигел и Л.Уэйнберг, сами осторожно сочувствующие этой теории, вынуждены были признать, что ее критиков - еще больше (100, с.249). В свете создавшейся ситуации нетипичным выглядело утверждение одного из американских историков "ревизионистской школы" И.Горовица о том, что "функциональная конвергенция Советского Союза и Соединенных Штатов по широкому кругу социальных, культурных и политических вопросов стала безошибочной" (57, с.369). И уж полным диссонансом с современными тенденциями в советологии звучит тезис об "идеологической конвергенции США и СССР", выдвинутый недавно одним из социологов-клерикалов; основой для такой конвергенции этот автор считает сотрудничество ученых двух стран "без упоминания идеологических разногласий", а возможность осуществления аргументирует тем фактом, что в США благодаря посреднической деятельности Национального совета церквей возникла "теологическая конвергенция" различных религиозных направлений (3, с.19).

Крайности в анализе реального социализма, олицетворяемые "чистыми" моделями "тоталитаризма" и конвергенции, стали подвергаться сомнению многими буржуазными учеными практически с момента появления этих моделей. Были предприняты попытки сравнительного исследования двух общественных систем с комплексным учетом явлений, представлявшихся буржуазным теоретикам как общими для них, так и специфическими.

Сравнительным анализом политических систем в США и СССР в течение нескольких лет занимался З.Бжезинский вместе с С.Хантингтоном. В написанной ими совместно книге "Политическая власть в США и СССР" была предпринята попытка сравнить положение дел в двух странах в ракурсе четырех аспектов: политических идей, взаимоотношения системы и ин-

дивидуума, политического руководства и процессов выработки политики. Это само по себе нарушало каноны исследования, предписываемые теорией "тоталитаризма", согласно которой политические системы в США и СССР были настолько полярно противоположны (первая со знаком плюс, вторая со знаком минус), что их нельзя было даже сравнивать.

Главным же отходом от теории "тоталитаризма" было обнаружение авторами признаков некоторого сходства в обеих системах или, точнее, констатация того, что, во всяком случае по формальным признакам, всегда можно найти аналогичные черты во всех политических системах современности. Что же именно общее обнаружили Бжезинский и Хантингтон в политическом строе США и СССР? "Назовем лишь несколько ключевых схожих черт, - писали они, - это государственное управление на огромных территориях, осуществляемое в отношении разнообразных народов часто при наличии расовых (или этнических) трений; оба общества испытали период бурных технологических и экономических изменений и в некоторых отношениях проявляют схожее уважение к материальным и техническим ценностям; исторически каждое общество было тесно связано с западноевропейской политической системой, но не являлось ее составной частью; каждое общество видит в себе воплощение универсально правильных принципов; международные обязательства оказывают все большее влияние на определение их основных внутриполитических проблем. При сравнении сложных политических систем Западной Европы с их запутанными социальными структурами и множеством политических культур с политическими системами Соединенных Штатов и Советского Союза кажется, что последние имеют однородность, единство и простоту, которых не хватает на Европейском континенте. Сталкиваясь ныне со многими аналогичными проблемами - экономическими, военными, политическими, обе системы решали эти проблемы не абсолютно различными способами" (24, с.8).

Авторы также видели сходство советской и американской политических систем в их стабильности. Они отмечали, что США после гражданской войны и СССР после революции на протяжении соответственно более ста и почти пятидесяти лет (напомним, что книга была написана в 1963 г.) не испытали серьезных политических потрясений. Что касается СССР, подчеркивали авторы, то, "не считая Финляндии, это - единственная политическая система, возникшая в результате краха империй Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых и Оттоманской в первой мировой войне и существующая до сих пор. После первой мировой войны девять стран играли ключевую роль в мировой политике. Из них во Франции имели место четыре политические системы, в Германии, Италии и Китае - по три, в Японии и Индии - по две. Только Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз избежали радикальных перемен в последние сорок лет" (24, с.418).

"Советский и американский государственный строй принадлежат таким образом к небольшому клубу успешных систем, - заключали Бжезинский и Хантингтон. - Только потому, что они способны функционировать, они имеют много общего, что отличает их от нестабильности несовершенных и неэффективных систем, которые можно обнаружить в Азии, Африке и Латинской Америке. Советская и американская системы эффективны, авторитетны и стабильны, каждая по своему... Не имея аристократического наследия, они выдвигают своих политических лидеров из широких слоев населения и имеют относительно открытые системы социальной мобильности. Они обе продемонстрировали способность заменять руководящие кадры и приспосабливать свою политику и цели к фундаментальным изменениям в окружающем мире. Обе системы динамичны. Они изменяются отчасти стихийно, а отчасти посредством целенаправленных действий людей. Остается определить направление и содержание этих изменений" (24, с.418-419).

Такая позиция не оставляла места для фантазий на тему о "советском тоталитаризме". И действительно, нигде в книге не содержалось дефиниции "тоталитарный" применительно к Советскому Союзу, не упоминалась концепция "тоталитарного государства" (в предметном указателе соответствующие рубрики также отсутствовали), а соавтор Бжезинского по ранней работе о "тоталитарной диктатуре" К.Фридрих упоминался лишь дважды вне всякой связи с данной темой. Бжезинский словно делал вид, что той работы вовсе не существовало.

Заявив об известном сходстве в функционировании политических систем СССР и США, Бжезинский и Хантингтон вместе с тем не согласились с тезисом о конвергенции этих систем в будущем и акцентировали наличие в них еще большего числа расхождений. Но эти расхождения, подчеркнули они, никак не соответствуют формуле "черно-белого" противопоставления СССР и США. Авторы призвали отбросить, как варианты этой формулы, не только стереотипное изображение коммунизма как "рабства", а капитализма как "свободы", но и сами термины "коммунизм" и "капитализм" (под "коммунизмом" они имели в виду социалистический строй; термины же "социалистический строй" и "социализм" они не употребляли вовсе).

Главное различие между политическими системами в СССР и США Бжезинский и Хантингтон видели в сфере взаимосвязи между государством и обществом: "В Советском Союзе индивидуальная свобода ограничивается государством, - писали они, - а экономическая деятельность направляется государством. В Соединенных Штатах государство ответственно перед обществом и ограничено в своей деятельности экономическими и социальными функциями, осуществляемыми самостоятельными организациями" (24, с.9). Важны, по их мнению, и различия в роли идеологии в советском и американском обществах, а также в выборе и характере руководства.

Уже из этих отправных моментов видно, что Бжезинский и Хантингтон обходили вопрос о классовой природе американского и советского обществ. Поэтому их выводы как о "сходстве", так и о "расхождениях" в практике того или другого были в основном произвольными, не подкрепленными всесторонним научным анализом. Тем не менее ряд положений книги представлял интерес, поскольку намечал определенные новые вехи исследования для западной советологии. Чисто эмпирические данные, собранные и приведенные авторами, нередко выходили за рамки их методологии. Так, после исследования статистики и литературы, вышедшей в США и СССР, они были вынуждены констатировать, что в то время, как "советские политические руководители имеют преимущественно пролетарское и крестьянское происхождение", "американские политические лидеры являются выходцами в основном из семей высших классов и высших слоев среднего класса" (24, с.134). Книга Бжезинского и Хантингтона должна была также послужить своеобразным меморандумом для политических сфер США, поскольку определение "сходства" и "различий" американского и советского обществ тесно увязывалось авторами с выявлением "сильных и слабых мест" того и другого.

"Сила советской системы вытекает из главенствующей роли ее политической идеологии и институтов в советском обществе, а также из способности политического руководства держать это общество под контролем, - заявили авторы. - С другой стороны, слабость советской системы во многом обусловливается отрицательными последствиями сверхконцентрированной личной власти, ограничивающим воздействием официальной идеологии на экономику и интеллектуальную жизнь страны, трениями между политической системой и другими социальными силами и институтами. Сила американской системы, наоборот, исходит прежде всего от тесного единства общества и государства, от непрерывного динамического взаимоприспособления. Слабость же ее вызвана подчинением системы

обществу, которое часто затрудняет четкое определение стратегических целей и своевременное, эффективное проведение политики" (24, с.409).

СССР поставил целью, продолжали авторы, не замечая, что впадают в противоречие с вышесказанным, сделать все общество монолитным и единым в политическом и идеологическом отношениях, и в этом вопросе он идет гораздо дальше США, где не ставится таких задач. Но поскольку общество никогда не может быть полностью вовлечено в политический процесс, эта стратегическая цель СССР недостижима. Зато в СССР была создана более эффективная, чем в США, "система контроля и мобилизации", которая существует уже дольше, чем что-либо подобное в других политических системах, были разработаны специальные методы "индоктринации и прямой политизации его граждан" (24, с.410). Поэтому массовое недовольство представляет большую потенциальную опасность для США, чем для СССР; в США оно может вызвать "сотрясение" существующих политических учреждений.

Советское руководство является более сплоченным, у него больше единства во взглядах и одинакового опыта, но "структура американского руководства лучше приспособлена к предотвращению кризисов руководства и постоянному переосмыслению политики". "Передача власти в Америке проходит быстро и гладко. В Советском Союзе это не так" (24, с.412). В силу этого в самом руководстве страной "кризис или крах более вероятен в Советском Союзе, чем в США" (24,с.415). "Советская система требует верховного политического вождя" (5, с.416). Однако этот вождь представляет "потенциальную угрозу главенству партии и ее аппарата". Кроме того, постоянно возникают трения между самим аппаратом и другими "элитами", участвующими в руководстве советским обществом - экономическими, военными, научными и т.д.

Но в целом, подчеркивали Бжезинский и Хантингтон, "советская и американская политические системы, каждая в

своем роде, оказались крайне успешными. И поскольку они оказались успешными, они вряд ли сильно изменятся" (24, с.436). "Структура власти, доступ к власти, роль идеологии, взаимосвязь между политической системой и индивидуумом вряд ли претерпят радикальные изменения в обеих системах" (24, с.430).

Такой вывод, естественно, был направлен против тезиса о конвергенции двух систем. Хотя авторы указывали, что для многих американцев и западноевропейцев теория конвергенции предстала как "единственный выход из безнадежного и бесконечного конфликта", как "источник оптимизма", они сами не согласились с этой теорией. "Чтобы две системы конвергировались, - заключали свою книгу Бжезинский и Хантингтон, - должна произойти резкая смена курса, или, исторически говоря, революционное изменение направления пути развития одной из них. Каждая здоровая политическая система изменяется, но если изменения происходят постепенно, они определяются настоящим и прошлым... Сам факт эволюции делает конвергенцию маловероятной" (24, с.436).

Непродуктивность концепций "тоталитаризма" и конвергенции привела к тому, что в последнее время на Западе начали появляться исследования политической системы и социальной структуры советского общества, для которых характерен менее теоретизированный и идеологизированный, более конкретно-эмпирический подход. Авторы этих исследований ставят более скромные цели, чем их предшественники, конструировавшие модели и схемы; кроме того, они нередко помещают в центр анализа явления, ранее игнорировавшиеся советологами, поскольку они не вписывались в эти схемы. Характер данного направления современной западной советологии наиболее четко выразил несколько лет назад американский политолог Дж.Хаф, подвергший критике традиционные советологические версии о разделении советского общества на "элиту" и пассивные контролируемые сверху массы. "Наша бе-

да в том, что мы не принимали всерьез участия граждан СССР в общественной жизни, - писал Хаф. - Мы понимали, что все эти учреждения функционируют под общим руководством партии и выполняют важные с точки зрения режима функции, но мы полагали, что дальше незачем идти. Мы просто не пытались обнаружить то, что можно обнаружить. Едва ли не постыдно, что, хотя многие сотни американских исследователей побывали в советских университетах в последние двадцать лет, мы не имеем ни малейшего представления о взаимодействии или даже роли групп контроля, комитетов профсоюзов, комитетов комсомола, партийных комитетов, ученых советов и других типов постоянных и временных комиссий, функционирующих внутри них" (58, с.УШ). "Если наши неосознанные теоретические посылки вынуждают нас сопротивляться этим очевидным фактам, необходимо тщательно пересмотреть эти посылки", - к такому выводу пришел Хаф в книге "Советский Союз и теория социальной науки" (60, с.187).

Под углом зрения повышенного внимания к политической активности советских трудящихся и деятельности общественных организаций в СССР написаны вышедшие в последние годы книги "Советский промышленный рабочий" английских советологов Д.Лэйна и Ф.О'Делл (78), "Экономика и политика при социализме" западногерманского политолога К. фон Байме (I4), "Общественные инспектора в Советском Союзе. Комиссии народного контроля" американки Джэн Адамс (I), "Участие граждан СССР в политической жизни" преподавателя Иерусалимского университета Т.Фридгута (42). С марксистских позиций рассматриваются данные вопросы в работах "Развивается ли красный флаг? Политическая экономия Советского Союза сегодня" и "Права человека в Советском Союзе (включая сравнение с США)" (I06; I07); в статье "Права человека в условиях государственного социализма" Д.Лэйна (77). В этих книгах есть и неверные, предвзятые суждения, однако в целом они свидетельствуют, что, когда западные уче-

ные обращаются к анализу конкретных аспектов советской действительности на основе фактического материала, им приходится делать пусть и ограниченные, но позитивные признания независимо от изначальных намерений и целей.

К таким признаниям относятся, например, вывод Т.Фридгута о том, что в Советском Союзе с самого начала была принята концепция более широкого участия граждан в политике, чем в других странах, что Советское государство стремилось поднять степень причастности граждан к своим делам, повысить точки соприкосновения "гражданин-режим" (42, с.12-13, 19). Формами этой причастности автор считает деятельность различных общественных организаций, ведающих управлением на местах. С одной стороны, по его мнению, эти организации выполняют определенные административные функции и помогают местным властям; с другой стороны, они вовлекают граждан в местную общественную жизнь и подчиняют их нормам поведения, принятым в данной микросреде. "Идея солидарной, отмобилизованной микросреды представляет основную ценность советского общества", - пишет Фридгут (42, с.286).

Вывод о "возрастающем участии населения СССР в деятельности местных административных органов и органов контроля" сделала на основе анализа новой Конституции СССР, законов и постановлений второй половины 70-х годов Джэн Адамс в докладе на конгрессе в Гармиш-Партенкирхене (2, с.9).

Подобные позиции резко контрастируют с традиционными советологическими версиями о недемократичности советского общества и бесправии советских граждан. Еще важнее то, что если из этих версий вытекала неизбежность роста недовольства и возникновения политических конфликтов в СССР, то названные выше исследования, напротив, подводят к мысли о прочности и стабильности советской политической системы. Кроме того, с точки зрения теории буржуазной поли-

тологии они ставят вопрос, ранее по существу не возникавший, - о допустимости демократизма и народовластия, основывающихся на принципиально иной политической культуре и системе ценностей по сравнению с Западом.

Изменение подхода к политической системе социализма наиболее выпукло иллюстрирует книга "Как управляется Советский Союз" (61), изданная Дж.Хафом на основе более раннего, своеобразного "классического" труда буржуазной советологии "Как правят Россией", написанного еще в 1956 г. американским советологом старшего поколения М.Фейнсодом (38). Труд Фейнсода, умершего в 1972 г., выдержал несколько переизданий в США (последний раз в 1963 г.), был переведен в ФРГ, Италии, Испании, на Тайване. Дж.Хаф существенно перестроил структуру и перекроил текст книги Фейнсода, добавил большой новый материал. Главное же в том, что в новом издании оказались существенно измененными фокус зрения и концепция, что нашло отражение уже в его заголовке. Будучи поборником концепции "тоталитаризма", Фейнсод исходил из того, что в СССР существует "однопартийная диктатура, при которой конечная власть принадлежит узкой правящей группе в Кремле" (38, с.285). Хаф, отвергший концепцию "тоталитаризма" применительно к СССР, выпустил эту формулировку как и многие другие, выдержанные в ее духе. Считая, что в принятии важнейших государственных решений в СССР главным фактором является позиция Политбюро ЦК КПСС, Хаф вместе с тем полагает, что при этом учитываются интересы и мнения местных партийных органов, партии в целом, а также различных социальных и профессиональных слоев. Оставаясь приверженцем буржуазного демократизма (хотя и критически оценивающего практику буржуазной демократии в США), Хаф утверждает, что советский строй является "авторитарным в категориях политической свободы", что государство в СССР "имеет больше власти над личностью, чем на Западе" (61, с.549). Он подчеркивает, что по-

литическая активность советских граждан может проявляться только посредством официальных каналов. Однако он делает вывод о том, что степень участия граждан СССР в политической жизни "поистине поразительна" (61, с.297) и во многих отношениях выше, чем на Западе. Если, например, в Италии, пишет Хаф, 40% избирателей даже не знают по имени собственных политических деятелей, то в СССР благодаря массовой агитации и пропаганде почти все граждане знакомы с принципами функционирования своей политической системы. "Участие, предполагающее какой-либо вклад в принятие решений, конечно, доступно более узкому кругу лиц по сравнению с теми, кто просто осведомлен в политике. Тем не менее большое число советских граждан занимается деятельностью, которая, по крайней мере, дает им потенциальную возможность влиять на принятие некоторых видов решений" (61, с.298). Автор поясняет: в первую очередь эта деятельность включает разного рода запросы, письма, устные и письменные ходатайства и жалобы, направляемые в учреждения, партийные и советские органы, печать и даже непосредственно агитаторам. В качестве примера он приводит ряд взятых из советской литературы цифр: так, с 1971 по 1976 г. ЦК КПСС получило 2 млн. писем от советских граждан; с 1973 по 1977 г. более 200 тыс. писем поступило в ВЦСПС.

Еще более определенно о стабильности политической системы СССР заявляют те буржуазные советологи, которые продолжают поиск общих черт советского и западного обществ. В.Банс и Дж.Эколс объявляют, что в настоящее время и в СССР, и на Западе сложился некий "корпоратизм", имеющий там и здесь разные оттенки. Корпоратизм, поясняют авторы, представляет собой "систему участия и сотрудничества главных элементов политики, общества и экономики, вводимую и регулируемую государством (или партией) и предназначенную обеспечить постоянный экономический рост, политическую и социальную стабильность, а также сохранение су-

ществующего порядка в лучшем случае с частными модификациями" (25, с.18). Существует, продолжают авторы, корпоратизм либеральный, плюралистический (на Западе) и антилиберальный, государственный (в СССР). При корпоратизме предпринимаются попытки интегрировать массы в политическую систему; так, в СССР трудящимся гарантирована работа, минимальная заработная плата, социальное обеспечение, их жизненные условия улучшаются, они участвуют в решении административных вопросов на местах и рассматриваются как "жизненно важные для системы" (25, с.16). Все это, пишут Банс и Эколс, получило в Советском Союзе наибольшее развитие в последние полтора десятилетия, ввиду чего корпоратизм по сути тождествен развитому социализму. В 60-х годах на Западе ждали радикальных изменений в советской системе, считая, что без них СССР "не выживет". "Но, конечно же, СССР выжил" и отчасти благодаря дальнейшему развитию своей политической системы. Иными словами, заключают авторы, силы сплочения там оказались сильнее сил разъединения, и так скорее всего будет и впредь (25, с.20-21).

Одним из наиболее популярных теоретических подходов, который, как полагают многие западные советологи, позволяет адекватно объяснять социально-политическое развитие Советского Союза и других стран социализма, не впадая в крайности "тоталитарной" и "конвергенционистской" схем, является концепция "групп интересов", которая получила широкое распространение в советологии в 70-е годы. "Метод групп интересов в изучении советской политики послужил важным балансиром тоталитарной концепции", - пишет один из представителей молодого поколения советологии (72,с.28). Однако при этом была совершена привычная для западных советологов ошибка: в основу этой концепции легло перенесение явлений буржуазного общества на реальный социализм и сопутствующее этому использование категорий буржуазной политологии и социологии. Ряд западных советологов из одной

крайности (какой было изображение советского народа социальной аморфной массой в период господства теории "тоталитаризма") бросились в другую: обнаружили в советском обществе множество социальных групп с конфликтными интересами. Так, Г.Скиллинг в начале 70-х годов заявлял о существовании в СССР семи таких групп, объединяя в них без всякой видимой логики партийный аппарат, КГБ, военных, хозяйственных руководителей ("менеджеров"), экономистов, писателей и юристов. Другие подобные изыскания были столь же произвольными.

Многие западные советологи полагают, что "группы интересов" образуются по институциональному или функционально-профессиональному принципу. На этой точке зрения стоит Дж.Хаф, считающий, что в СССР, как и в США, происходит разделение сфер политических интересов и сосредоточение конфликтов внутри отдельных областей общественной жизни. Так, в США политика в области сельского хозяйства зависит от организаций фермеров, чиновников федерального министерства сельского хозяйства и соответствующих ведомств в отдельных штатах, сельскохозяйственной комиссии конгресса, политиков и ученых, связанных с этой отраслью экономики. Тот же принцип, по Хафу, действует и в СССР: не партийный аппарат в целом противостоит государственному, а отраслевые чиновники и специалисты в руководящих органах партии и государства, а также Госплане, профсоюзах, ВЛКСМ, научных учреждениях и т.д. образуют "альянсы", свидетельствующие о том, что Советский Союз движется в сторону модели "институционального плюрализма" (61, с.525-526).

Что касается степени власти, которой обладают руководящие инстанции отдельных отраслей и сфер общественной жизни, то она различна. "Создается впечатление, что в решении вопросов внешней политики и обороны первостепенную роль играет высшее руководство при содействии лишь специалистов. Гражданские лица, специализирующиеся по внешней

политике, получают крайне скудную информацию о мерах в области обороны, кроме той, о которой они узнают из западных источников. Наоборот, в дела транспорта высшее руководство вмешивается слабо, в этой области идут широкие публичные дискуссии, и ведущую роль играют группы интересов, связанные с железнодорожным строительством. В области исчисления заработной платы вообще неясно, кто определяет политику, но чувствуется, что действительно учитываются интересы рабочих и крестьян" (6I, с.550-55I).

Плюрализм, существующий таким образом в СССР, согласно концепции Хафа, значительно отличается от плюрализма на Западе. Хотя степень участия граждан СССР в общественной жизни весьма высока и во многих отношениях выше, чем на Западе (как следует из главы восьмой "Индивидуум и политический процесс"), отличительной чертой политической активности советских граждан является то, что она может проявляться только посредством официальных каналов. Нельзя пикетировать, разбрасывать листовки, митинговать на улице, образовывать политические партии и фракции. "Ясно, что Советское государство гораздо сильнее советского гражданина и имеет больше власти над личностью, чем на Западе. Советское руководство открыто объявляет о своем намерении преследовать тех, кто постоянно клевещет на политический и общественный строй, создает несанкционированные политические группировки, использует партию или фракции с целью сместить руководство. Больше того, если политическое руководство решает подавить диссидента, ни суд, ни любое другое учреждение не в состоянии его защитить". Иными словами, утверждает Хаф, "в категориях политической свободы система является авторитарной" (6I, с.549).

Однако, указывает Хаф, в последние десятилетия в советской политической системе произошли существенные изменения. Были приняты меры и процедурные ограничения против произвольных действий руководителей среднего и нижнего

звена; КГБ перестал быть "сам себе законом"; дозволяются многие формы критики общества и политики, которые еще 15-25 лет назад были бы расценены как проявление диссидентства.

Кроме того, продолжает автор, существуют общие фундаментальные методологические трудности политических наук. "В действительности мы не знаем, как точно измерить власть в любой политической системе. Поскольку власть - не конкретный предмет, а отношение, зависящее от ситуации, всяким суммарным оценкам ее внутренне присуща расплывчатость" (61, с.550). В результате, западные политологи, изучающие СССР, нередко пренебрегали тем общим, что имеется во всех политических системах. "Ясно, что рядовой выпускник колледжа, рядовой администратор среднего звена, не говоря уже о рядовом ответственном чиновнике, обладает большей властью, чем рядовой рабочий или рядовой крестьянин, но эти наблюдения верны в отношении любой политической системы в мире" (61, с.552-553). Отсюда следует, что ключевым вопросом является вопрос о степени распределения власти в СССР и других странах.

Хаф сам не дает четкого ответа на этот вопрос, ссылаясь на его неизученность, на отсутствие всех необходимых данных по Советскому Союзу. Все же в целом он склонен подчеркивать элементы сходства общественно-политической жизни СССР и капиталистических государств. Политический строй СССР он определяет как "парламентскую систему особого типа", где "парламентом служит Центральный Комитет - учреждение, перед которым ответственны кабинет (Политбюро) и вождь" (61, с.544). При этом автор указывает, что замечания американских исследователей о формальном характере власти государственных учреждений в СССР можно отнести к любой парламентской системе с дисциплинированной партией большинства. Например, в Великобритании членство в парламенте является "номенклатурой" центральных органов бюро-

щихся за власть партий, так как именно они утверждают выбор кандидатов в депутаты местными партийными организациями во всех избирательных кампаниях. При голосовании в парламенте представители каждой партии, как правило, поддерживают позицию своего руководства. В то же время оппозиционные партии на Западе мало что могут сделать, если большинство членов правительства и руководящих чиновников в государственном аппарате придерживаются единой линии. В этом случае правительство может и отложить выборы в нарушение конституционных сроков (как было в Англии в годы второй мировой войны) и вообще не заботиться о реализации положений конституции на практике (как это делало многие десятилетия правительство США, лишая негров на юге права голоса).

Дж. Хаф верно подметил (но сам не сумел преодолеть) один из наиболее существенных методологических изъянов западной советологии - неспособность отрешиться от привычных мерок и понятий буржуазного общества при анализе строя, основанного на совершенно иных принципах.

Этот изъян присущ и "семейству" концепций, которые, в отличие от "тоталитарной" и "конвергенционистской" схем, претендуют на интерпретацию социальной природы и развитие не только крупнейших социалистических и капиталистических держав в отдельности, но современного этапа человеческой цивилизации в целом. Данное "семейство" включает концепции, в названии которых перед словом "общество" стоят разнообразные, порой совершенно причудливые дефиниции, призванные выделить ключевые критерии современного общественного развития - "индустриальное", "единое индустриальное", "постиндустриальное", "массового потребления", "технотронное", "информационное" и т.д. и т.п. Все эти концепции в той или иной мере касаются социалистических стран, в первую очередь СССР, постулируя, что они, как правило, или достигли указанных стадий, или вплотную приблизились к ним.

Однако в целом построения подобного рода ориентировались на развитый капитализм и сколько-нибудь детальной разработки в советологической литературе не получили. Ограничимся поэтому констатацией массированной критики, которой они подверглись со стороны самих же буржуазных ученых (и не только приверженцев "тоталитарной" модели). Сошлемся на одну из не столь давних критических оценок концепции "индустриального общества", являющейся одновременно прародительницей и наиболее характерной, совершенной представительницей данного "семейства". Сторонники этой концепции, указывает А.Гидденс, ищут определяющие параметры общественного развития преимущественно в научно-технической и экономической сферах, пренебрегая политическими факторами ("посылка о беспомощности политики"). Таким образом получается, что "экономически наиболее развитое общество (как бы оно ни называлось) в мире в любой данный момент показывает другим обществам образ их будущего" – это явный реверанс в сторону Англии XIX в. и США XX в. (46, с.58-59). "От теории индустриального общества в том виде, в каком она пришла к нам сейчас, – делает вывод А.Гидденс, – надо отказаться; или, по крайней мере, надо разложить ее на составные части, проанализировав посылки и исходные положения" (там же, с.57). Аналогичный упрек в чрезмерном интересе к технико-экономическим аспектам адресует теории "постиндустриального общества" Б.Густафссон, считающий, что ее надо связать с более общей теорией развития и рассматривать "постиндустриальное общество" в рамках общественных формаций (54, с.78, II).

Есть, наконец, в немарксистской науке теория, которая в большей мере, чем какая-либо другая, претендует на глобальный охват и историцизм, ибо ее используют для объяснения развития всех стран и народов, по крайней мере на протяжении новой истории. Это теория модернизации, нередко подвергавшаяся критике в несоциалистиче-

ском мире, но сумевшая сохранить за собой достаточно крепкие позиции.

В определении понятия "модернизация общества" у западных социологов нет ни четкости, ни единства. В 60-е годы, когда это понятие мыслилось как усовершенствованный, более объемный и гибкий заменитель "индустриального общества", оно нередко отождествлялось с индустриализацией (85, с.9I-92). За этим последовали уточнения,что модернизация шире индустриализации и не всегда даже начинается с нее (69, с.20). Существует точка зрения, что "модернизация заключается в улучшении условий жизни на основе роста производства", а в более широком плане - движении от "общины" с очень простым разделением труда к "ассоциации" с весьма разветвленной сетью взаимосвязанных функций и культур (2I, с.I). Согласно другой точке зрения, суть модернизационного процесса составляет диффузия культур, которая осуществляется на основе национализма как "универсальной ценности", приводящей в действие рычаги "политической мобилизации" и "централизованно контролируемых изменений" (86, с.30). Еще одно мнение: модернизация есть "рост и распространение определенного набора институтов и ценностей, коренящихся в технологическом преобразовании экономики и организации государства" (94, с.3), общественная трансформация под влиянием НТР (56, с.54). Наконец, ученые развивающихся стран трактуют модернизацию просто как развитие (98, с.30), и они правы в том, что идея развития как противовес идее закостенелости и замкнутости является по существу отправной посылкой данной теории, с которой согласны все исследователи.

Обобщая существующие в буржуазных общественных науках определения модернизации, можно характеризовать ее сущность как всеобщий процесс достаточно длительного и сложного перехода от различных "традиционных" обществ к "современным", в результате которого осуществляются инду-

стриализация, урбанизация, качественные изменения социальной структуры с увеличением социальной мобильности, рост образования, культуры, средств связи и массовой коммуникации; все эти факторы так или иначе влияют и на политические институты. Таким образом, данная теория предстает как наиболее широкая социологическая парадигма современного буржуазного обществоведения, явно призванная послужить противовесом марксистскому учению об общественном развитии[1].

Эта идейно-политическая заданность теории модернизации акцентируется и тем обстоятельством, что модернизационный процесс мыслится не просто как проявление общих закономерностей развития стран и народов, а как вечное подтягивание их до уровня наиболее развитых капиталистических держав. Чаще всего примером для подражания объявляются Соединенные Штаты Америки; иногда - в культурологических вариантах модернизации с упором на диффузию культур - "Северо-Западная Европа" (86, с.29). В любом случае, как пишет А.Гидденс, "ключевая идея теории модернизации заключается в том, что "недоразвитые" общества остаются в оковах традиционных институтов, от которых они могут освободиться, если приблизятся к экономическому процветанию, достигнутому Западом... Порой "модернизация" означает просто "вестернизацию" (47, с.36).

В соответствии с этими постулатами основной историко-эмпирический материал для обоснования и разработки теории модернизации был взят из прошлого и настоящего развивающихся государств и наиболее развитых капиталистических стран. Западные советологи стали "примериваться" к этой теории по мере выявления несостоятельности концепции "тоталитаризма". Сразу же возник вопрос; если СССР и социалистические страны вслед за "третьим миром", должны ориенти-

[1] См. об этой теории: Волков Л.Б. Критика теории модернизации. Научно-аналитический обзор. - М.: ИНИОН АН СССР, 1985.

роваться на уровень и ценности Запада, то в чем здесь отличие от "однонаправленных" вариантов конвергенции.

После длительных дискуссий о целесообразности использования в советологии "тоталитарных", "конвергентных" и "индустриальных" схем многие немарксистские исследователи пришли к выводу о существовании не одного, а двух путей модернизации - капиталистического и социалистического. Б.Мур различал три модернизации, осуществляемых посредством буржуазной (в Англии, Франции и США), "консервативной" (в Германии и Японии) и "коммунистической" (в России и Китае) революций (84). Сейчас уже вполне признано, что существует "многолинейная модернизация", олицетворяемая различными обществами, в первую очередь США и СССР (21).

В СССР и других социалистических странах, подчеркивает М.Филд, происходит "направляемая, регулируемая и управляемая модернизация", посредством которой "коммунистические режимы" стремятся догнать и перегнать Запад, но в рамках своих специфических политических структур (39, с.2-3). Начало модернизации в СССР, как правило, связывается с самим установлением нового строя. "Что в действительности произошло в Советском Союзе - это модернизирующая революция, завершившаяся индустриализацией и урбанизацией, национальным строительством, созданием современного государства, возвышающегося над общественной жизнью и управляемого небольшим меньшинством", - пишет З.Бауман (12, с.90).

Любопытна попытка одного из западных социологов приписать советским ученым технологический детерминизм, лежащий в основе буржуазных теорий общественного развития. "Несмотря на неприятие концепций модернизации и конвергенции, - пишет он, - теоретики-обществоведы в социалистических странах выработали свою собственную форму концепции постиндустриального общества - концепцию "развитого социалистического общества". Сравнение описаний развитого социалистического и постиндустриального обществ обнаруживает

необычайное сходство, даже при том, что терминология и выводы различны. Так, развитое социалистическое общество характеризуется как достигшее стадии, на которой наука стала главной доминантой промышленного производства, высшее образование и уровень знания радикально изменили характер труда, и рациональное планирование, расчет и организация ресурсов стали главным полем правительственной деятельности" (66, с.38).

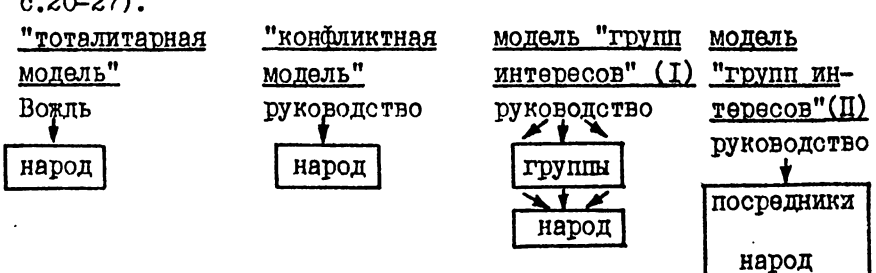
Критики теории модернизации указывают, что она чересчур описательна и рыхла (113, с.175), настолько туманна и глобальна, что у нее нет теоретической нацеленности (110, с.183-184), а если и полезна, то сам термин - "не без двусмысленности" (39, с.2, 6) и даже "отвратителен" (110, с.100). Как указывают Б.Браггер и К.Хэннан, провозглашая какую-либо страну (чаще всего США) олицетворением модернизации, западные исследователи упускают из виду, что специфическими чертами модернизационного процесса объявляются обобщенные характеристики уровня развития этой страны, а не теоретически разработанная и эмпирически подтвержденная типология. Неудивительно, заключают они, что такая модернизация грозит этноцентризмом (21, с.1).

Совсем недавно итоги дискуссий по поводу теории модернизации подвел один из ее наиболее плодовитых адептов С.Айзенштадт. Критика этой теории, отметил он, велась в отношении: а) ее неисторичности; б) европоцентризма; в) злоупотребления антитезой "традиция - модернизм". Айзенштадт признал справедливость возражений, основанных на том, что многие общества не пошли по пути европейских государств, и в развитии этих обществ есть своя "внутренняя логика", которая, по крайней мере, отчасти коренится в присущих им традициях, а не заимствованиях извне (35, с.14).

Таким образом, ни одна из теорий и концепций западной советологии не оказалась "вне критики" со стороны самих же буржуазных идеологов. И это симптоматичным обра-

зом является характеристикой советологии в целом. По мере роста разочарования в каждой отдельно взятой "модели" реального социализма накапливался заряд смешанных скептически-иронических оценок и эмоций по поводу всей данной отрасли буржуазного обществоведения. Все большее число советологов высказывают неудовлетворенность ее теоретической оснащенностью, Астрид фон Борке в специально посвященной методологии советологических исследований книге указывает на разрыв между теоретическими схемами своих коллег и практикой реального социализма (I7, с.II-I2). "Ныне Советский Союз не является ни просто тоталитарным, ни криптоплюралистическим обществом; ни подобием тех или иных западных государств; ни чьей-то персональной диктатурой, ни классической бюрократией; ни чисто экспансионистским, ни чисто оборонительным; ни оказавшимся на краю краха, ни обезопасившим себя против всех будущих кризисов и получивш .л гарантию вечной стабильности", - так писала фон Борке в другой работе (I6, с.I3). Это, однако, не помешало ей самой в третьей работе прибегнуть к клише, явно смахивающему на абракадабру: СССР, заявила она, представляет "мобилизационный режим", выросший из "гарнизонного государства" (I5, с.22).

Аргументированной критике подвергает все существующие схемы западной советологии Ян Делленбрант, попытавшийся изобразить эти схемы графически следующим образом (3I, с.20-27).

Ян Делленбрант делает вывод, что все эти схемы нельзя считать удовлетворительными, ибо "за идеал берется западная плюралистическая модель, а Советский Союз критикуется за то, что он не следует этой модели" (там же, с.30). Он призывает к более эмпирическому анализу происходящих в советском обществе процессов (31, с.41).

Вернемся теперь к вопросу, поставленному ранее; в одинаковой ли степени ложны рассмотренные теории и концепции буржуазной советологии и какие из них оказывают более вредное воздействие на общественное мнение за рубежом - те, которые изображают реальный социализм негативным антиподом капитализму, или те, которые "сближают" эти две общественные системы, выискивая в них общее.

Методологическая несостоятельность обеих концептуальных групп очевидна, поскольку приверженцы и той, и другой отрицают объективные закономерности развития и смены общественных формаций, игнорируют коренные различия классовой социально-экономической и политической природы социализма и капитализма, возводят в абсолют какую-либо одну сторону общественной жизни ("тоталитаристы" - политическую, "конвергенционисты" и "индустриалисты" - технико-экономическую).

Вместе с тем концепции "тоталитаризма" присущи яро антисоветская эмоциональная направленность, стремление изобразить советское общество и социализм "аномалией" мирового развития. В этом плане с данной концепцией и ее модификациями напрямую перекликается ярлык "империи зла", который попытался навесить на СССР президент США Р.Рейган.

Изображение нашей страны "тоталитарным государством", противостоящим "свободному Западу", полностью соответствует духу "холодной войны", нагнетания международной напряженности, взвинчивания гонки вооружений. Именно поэтому, как уже подчеркивалось, данная концепция вновь взмыла на гребне неоконсервативной волны и антиразрядки. Популяр-

ность разного рода концепций "близости" и "общности" социализма и капитализма, напротив, связана с ослаблением конфронтации и силового противоборства, признанием принципа мирного сосуществования, расширения всесторонних связей и сотрудничества социалистических и капиталистических стран. В силу этого они политически более приемлемы, чем теоретические схемы, подпирающие курс империалистических сил на шовинизм, милитаризм и конфронтацию.

Вместе с тем их бо́льшая гибкость и усложненность, менее очевидная предвзятость, нацеленность на компромисс создают дополнительные трудности для критического анализа. Диалог с серьезными немарксистскими исследователями не отменяет, а предусматривает такой анализ. Невозможно видеть в каждом советологе, предлагающем свои "рецепты" усовершенствования социализма, скрытого недоброжелателя; но нельзя также сбрасывать со счетов попытки определенной части политиков и идеологов империализма использовать диалог с целью подрыва социализма "изнутри".

Противоречия советологов, как и их просчеты, неудивительны - они обуславливаются ошибочной методологией изучения социалистического строя, непониманием его социальной, политической и экономической сущности. Попытки более серьезного подхода нередко непоследовательны и оборачиваются эклектическим сочетанием старых и новых тенденций. Как в дальнейшем будут эволюционировать эти тенденции и позиции отдельных исследователей, сказать с уверенностью трудно. Ясно одно - дифференциация советологических концепций и схем, их взаимопереплетение в дальнейшем будут возрастать.

Список литературы

1. Adams J. Citizen inspectors in the Soviet Union: The people's control committees. - N.Y., 1977. - VIII. 232 p.

2.Adams J. Citizen participation in community decisions in the USSR// Garmisch 80: Zweiter Weltkongress für Sowjet und Osteuropa Studien. - Garmisch-Partenkirchen, 1980. - S.9-10.
3.Anderson G.C. Ideological convergence of the United States a.the USSR// Intern. social science rev. - Winfield, 1985. - Vol.60, N 2. - P.19-34.
4.Andreski S. is totalitarianism a meaningful concept?// Totalitarianism: Temporary madness or permanent danger? / Ed. by Mason P.T. - Boston, 1967. - P.31-32.
5.Andreski S. Max Weber's insights and errors. - L. etc., 1984. - IX, 155 p.
6.Araldi V. La URSS: Una Societa repressiva. - Madrid, 1973. - 460 p.
7.Arendt H. The origins of totalitarianism. - New ed. - N.Y., 1965. - XXXI, 526 p.
8.Armstrong J. European administrative elites. - Princeton, 1973. - X, 406 p.
9.Armstrong J.A. Ideology, politics a. government in the Soviet Union. - N.Y., 1962. - XIY, 160 p.
10. Armstrong J.A. Ideology, politics a. government in the Communist party of the Soviet Union from 1934 to the present. - N.Y., 1961. - XYI, 458 p.
11.Aron R. How non-monopolitic can a monopolistic party be?// Political opposition in one-party states / Ed. by Schapiro L. - L., 1972. - P.15-22.
12.Bauman Z. Socialism: The active utopia. - L., 1976. - 150 p.
13.Bendix R. Force, fate a,freedom. - Berkeley (Calif.), 1984. - XYIII, 143 p.
14.Beyme K.von. Ökonomie u. Politik im Sozialismus. - München, 1977. - 411 S.
15.Borcke A.von. How expansionist is the Soviet regime? Western perceptions a. Eastern realities// Ber. des

Bundesinst. für Ostwiss. u. intern. Studien. Summaries. - Köln, 1981. - S.18-23.
16.Borcke A.von. Perceptions of the Soviet system. - Köln, 1984. - 17 p.
17.Borcke A.von. Significance a. problems of macro-econ. analysis: The case of Soviet studies. - Köln, 1980. - III, 18 p.
18. Borkenau P. The totalitarian enemy. - L., 1939. - 254p.
19.Bottomore Th. Sociology a. socialism. - Brighton, 1984, 212 p.
20.Bredow W.von. Vom Antagonismus zur Konvergenz/ Studien zur Ost-West Problem. - Frankfurt a/M., 1972. - 218 S.
21.Brugger B., Hannan K. Modernization and revolution. - L., 1983. - 60 p.
22.Brzezinski Z.K. The permanent purge: Politics of Soviet totalitarianism. - Cambridge (Mass.), 1956. - 256 p.
23.Brzezinski Z.K. Totalitarianism and rationality. - American polit. science rev. - Baltimore, 1956. - Vol.50, N 3. - P.751-763.
24.Brzezinski Z.K., Huntington S.P. Political power: USA/ USSR. - N.Y., 1964. - XIII, 461 p.
25.Bunce V., Echols J.M. Soviet politics in the Brezhnev era: "Pluralism" or "corporatism"// Soviet politics in the Brezhnev era / Ed. by Kelley D.R.. N.Y., 1980. - P.1-26.
26.Clifton R. Options in Soviet government a. politics. - Milton Keynes (Great Britain), 1976. - 96 p.
26a.Cohen S. Rethinking the Soviet experience.-N.Y., 1984. - 234 p.
27.Connor W.D. Socialism, politics and equality; Hierarchy a. change in Eastern Europe a. the USSR. - N.Y., 1979. - X, 389 p.
28.Curtis M. Totalitarianism. - New Brunswick; London, 1980 - 128 p.

29.Dallin A. Bias and blunder in American studies on the USSR// Slavic rev. - Wash., Sept. 1973. - Vol.32, N 3. - P.560-574.
30.Davis A.K. Some sources of American hostility to Russia// Amer. j. of sociology. - Chicago, 1947. - Vol.53, N 3. - P.174.
31.Dellenbrant J. Soviet regional policy. - Stockholm, 1980. - 192 p.
32.Deutscher I. Russia in transition and other essays. - N. Y., 1957. - VIII, 245 p.
33.Dobrianski L. Continuity of the imperialist tradition// American appraisals of Soviet Russia, 1917-1967 / Ed. by Anschel E. - L., 1978. - P.84-87.
34.Don Levine I. The man Lenin. - N.Y., 1924. - VII, 209p.
35.Eisenstadt S.N. Cultural tradition, power relations and models of change// The challenge of social change. - L., 1985. - P.9-37.
36.Eisenstadt S.N. Revolution a. the transformation of societies: A comparative study of civilizations. - N.Y.; L., 1978. - XYI, 348 p.
37.Etzioni-Halevi E. Bureaucracy and democracy: A political dilemma. - L. etc., 1983. - X, 266 p.
38. Fainsod M. How Russia is ruled. - Cambridge (Mass.). 1963. - XIII, 684 p.
39. Field M.G. Introduction// Social consequences of modernization in communist countries. - Baltimore; London, 1976. - P.1-15.
40.Fleron F. Soviet area studies and the social sciences: Some methodological problems in communist studies// Sov. studies. - Oxford, 1968. - Vol.XIX, N 3. - P.313-339.
41.For a. against the freeze// Time. - N.Y., 1982. - Mar. 29. - Vol.119, N 13. - P.14-22.

42.Friedgut Th. political participation in the USSR. - Princeton, 1979.- XY, 353 p.
43. Friedrich C.J. In defence of a concept// Government a. opposition. - L., Spring 1968. - Vol.3, N 2. - P..250-255.
44.Friedrich C.J. The unique character of totalitarian society// Totalitarianism: Proceed. of a Conf.held at the Amer. academy of arts a. sciences, March 1953 / Ed. by Friedrich C.J. - Cambr. (Mass.), 1954. - 312 p.
45.Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian dictatorship a. autocracy. - Cambr. (Mass.), 1956. - XII,346 p.
46.Giddens A. Profiles a. critiques in social theory. - L., 1982. - XI, 239 p.
47.Giddens A. Sociology: A brief but critical introduction. - N.Y. etc., 1982. - IX, 182 p.
48.Glaessner G.-I. Neue Konzepte der Kommunismusforschung // Aus Politik u. Zeitgeschichte. - Bonn, 1984. - N 31. S.27-39.
49.Glassman R.M., Murvar V. Introduction// Max Weber's political sociology. - Westport (Conn.), 1984. -P.3-11.
50.Goldman M.I. Detente and dollars: Doing business with the Soviets. - N.Y., 1975. - IX, 337 p.
51.Guerra A. Dopo Breznev. E riformabile il socialismo sovietica? - Roma, 1983. - 201 p.
52.Gurian W. Der Bolschewismus. - Freiburg-im-Breislau, 1931. - 195 p.
53.Gurian W. Totalitarian religion // Rev. of politics. - Notre Dame, 1952. - Vol.14, N 1. - P.3-14.
54.Gustaffson B. Introduction // Post-industrial society / Ed. by Gustaffson B. - L., 1979. - P.5-12.
55. Hirszowicz M. The bureaucratic Leviathan: A study in sociology of communism. - Oxford, 1980. - XI, 208 p.

56.Hoffman E.P., Laird R.F. The politics of economic modernization in the Soviet Union. - Ithaca (N.Y.), 1982. - 215 p.
57.Horowitz I.L. Ideology and utopia in the United States, 1956-1975. - L. etc., 1977. - XY, 464 p.
58.Hough J.F. Foreword // Adams J. Citizen inspectors in the Soviet Union. - N.Y.; L., 1977. - P.Y-YIII.
59.Hough J.F. Petrification or pluralism?// Problems of communism. - Wash., 1972. - Vol.21,N 2. - P.25-45.
60.Hough J.F. The Soviet Union and social science theory. - Cambr. (Mass.), 1977. - XI, 275 p.
61.Hough J.F., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. - Cambr. (Mass.), 1979. - XIV,679 p.
62.Inkeles A. Models and issues in the analysis of the Soviet society// Survey. - L., 1966. - Vol.22, N 3. - P.3-14.
63.Janos A. Systemic models and the theory of change in the comparative study of communist politics// Authoritarian politics in communist Europe: Uniformity a. diversity in one-party states. - Berkeley (Calif.), 1976. - P.1-30/
64.Jenkner S. Entwicklung u. Stand der Totalitarismusforschung// Aus Politik u. Zeitgeschichte. - Bonn, 1984. - N 31. - S.16-26.
65.Johnson Ch. Comparing communist nations// Change in communist systems/ Ed. by Johnson Ch. - Stanford, 1970. - P.1-32.
66.Jones T.A. Modernization theory and socialist development// - Social consequences of modernization in communist societies. - Baltimore; L., 1976. - P.19-49.
67.Kaiser H. Vom "Totalitarismus" zum "Mobilisierungs"-Modell// Neue politische Literatur. - Frankfurt a.M., 1973. - Jg.18, H.2. - S.141-169.

68.Kassof A.The administered society: Totalitarianism without terror// World politics. - Princeton, 1964. - Vol.16, N 4. - P.558-575.
69.Kautsky J.H. The political consequences of modernization. - N.Y., 1972. - XY, 267 p.
70.Keep J. Rec. : E.H.Carr. The Russian revolution from Lenin to Stalin// Amer. hist.rev., June 1980. - Vol.85, N 3. - P.687.
71.Kennan G.F. Encounters with Kennan: The great debate.- L., 1979. - VII, 218 p.
72.Kneen P.H. Group conflict approach to the Soviet Union: Theories a. approaches to Soviet politics: The totalitarian perspective. - Birmingham, 1971. - VII, 29 p.
73.Kolakowski L., Urban G. The devil in history: A conversation// Encounter. - L., 1981. - Vol.56, N 1. - P.9-26.
74.Kuhn A. Unified social science. - Homewood (Ill.), 1975. - XY, 540 p.
75.Labedz L. East and West, 1955-1977: An introspective survey// Survey. - L., 1976. - Vol.22, N 3/4. -P.1-10.
76.Laird R.D. The Soviet paradigm: An experience in creating a monohierarchical society. - N.Y., 1971. - XXYIII, 272 p.
77.Lane D. Human rights under state socialism// Polit. Studies. - Butterworth, 1984. - Vol.32, N 3. - P.349-368.
78.Lane D., O'Dell F. The Soviet industrial worker. - Oxford, 1978. - VIII, 167 p.
79.Laqueur W. Is there or has there ever been such a thing as totalitarianism? // Commentary. - N.Y., 1985. - Vol.80, N 4. - P.29-35.
80.Laserson M. Russia and the Western world. - N.Y., 1945. - X, 275 p.

81. Mason P.T. Introduction// Totalitarianism: Temporary madness or permanent danger? /Ed. by Mason P.T. - Boston, 1967. - P.IX-XYI.
82. Meissner B. Das Sowjetsystem u. seine Andlungmöglichkeiten. - Bern, 1976. - 52 S.
83. Millar J.P. The ABC of Soviet socialism. - Urbana (Ill.), 1981. - XYI, 215 p.
84. Moore B., jr. Social origins of dictatorship a. democracy. - Boston, 1966. - XIX, 559 p.
85. Moore W.E. Social change. - Englewood Cliffs (N.Y.), 1963. - YIII, 120 p.
86. Moore W.E. World modernization: The limits of convergence. - N.Y., 1979. - XIII, 167 p.
87. Nisbet R. Three values a. their modern perversion // St. Croix rev. - Stillwater (Minn.), 1978. - Vol.71. N 5. - P.23-34.
88. Nove A. Stalinism and after. - L., 1975. - 205 p.
89. Пайпс Р. Россия при старом режиме. - Кембридж (Масс.) I980. - XШ, 429 с.
90. Popper K. The open society and its enemies. - 4th ed.- Princeton, 1963. - Vol.2. - 391 p.
91. Radel J.F.L. Roots of totalitarianism: The ideological sources of fascism, national socialism and communism. - N.Y., 1975. - 213 p.
92. Rigby T.H. A conceptual approach to authority, power a. policy in the Soviet Union// Authority, power and policy in the USSR / Ed. by Rigby T.H. et al. - L.; Basingstoke, 1980. - P.9-31.
93. Rostow W.W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. - Cambr. (Mass.), 1960.-X, 179 p.
94. Rubenstein R.L. Introduction// Modernization: The humanist response to its promises a. problems. - Wash., 1982. - P.3-21.

95.Sartori G. Parties a. party systems: A framework for analysis. Vol.I. - L., N.Y., 1976. - XIII, 370 p.
96.Schapiro L. Totalitarianism. - L., 1972. - 144 p.
97.Schapiro L. Totalitarianism // Marxism, communism and Western society: A comparative encyclopedia in 8 vols. Vol.8. - N.Y., 1973. - P.188-201.
98.Sharma P.K. The politics of development and modernization. - New Delhi, 1980. - XYII, 209 p.
99. Shulman M.D. On learning to live with the autoritarian regimes// Foreign affairs. - N.Y., 1977. - Vol. 55, N 2. - P.325-338.
100.Siegel R., Weinberg L. Comparative public politics: United States, Soviet Union a. Europe. - Homewood (Ill.), 1977. - XIII, 430 p.
101.Skilling G. Interest groups and communist policy// World politics. - Princeton, 1966. - Vol.18, N 3. - P.435-451.
102.Sorokin P.A. Russia and the United States. - N.Y., 1944. - 253 p.
103.Spulber N. Socialism, industrialization a. convergence // Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas. - München, 1971. - Bd.2, N 3. - S.415-422.
104.Swatos W.H., jr. Revolution and charisma in a rationalized world// Max Weber's political sociology. - Westport (Conn.), 1984. - P.201-215.
105.Swingewood A. Marx and modern social theory. - L., 1975. - 248 p.
106.Szymanski A. Human rights in the Soviet Union: Including comparisons with the USA. - L., 1980. - VII, 338 p.
107.Szymanski A. Is the red flag flying?: The political economy of the Soviet Union today. - L., 1979. - IY, 236 p.

108.Symposium on the totalitarian state: proceedings of the American philosophical society. - Philadelphia, 1940. - 174 p.
109.Talmon J. The origins of the totalitarian democracy.- Utah, 1961. - XI, 366 p.
110.Tilly Ch. As sociology meets history. - N.Y. etc., 1981. - XIII, 237 p.
111.Tocqueville A. De la démocratie en Amérique. - P., 1968. - 385 p.
112.Tucker R. Comparative politics of movement-regimes// American political science rev. - Columbus (Ohio), 1961. - Vol.55, N 2. - P.281-289.
113.Varieties of modernization: Editorial foreword// Comparative studies in society a. history. - Hague, 1978. - Vol.20, N 2. - P.175-176.
114.Walker R. Ideology in the USSR. - Essex, 1984. - 25 p.
115.Welsh W.A. Leaders and elites. - N.Y., 1979. - XI, 209 p.
116.White S. Political culture a. Soviet politics. - L., 1979. - XIII,234 p.
117. White S. The USSR: Patterns of autocracy and industrialism// Political culture a. political change in communist states / Ed. by Brown A. a. Grey J. - N.Y., 1977. - P.25-65.
118.Wiles P. Western research into the Soviet economy// Survey. - L., 1964. - N 50. - P.69-81.
119.Wittfogel R. Oriental despotism: A comparative study of total power.-L., 1979. - XIII, 234 p.
120.Zimmerman W. Rec.: Hough J.F., Fainsod M. How the Soviet Union is governed// Slavic review. - Stanford, Sept.1980. - Vol.39, N 3. - P.482.

Глава 3

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ В ТРАКТОВКЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о месте и роли КПСС в борьбе рабочего класса за власть и построение нового общества, принципах ее внутренней жизни и руководящей деятельности всегда занимал и занимает одно из центральных мест в идеологическом противоборстве между силами социализма и капитализма на международной арене. Одной из причин нарастающего негативного отношения буржуазной пропаганды к КПСС, наряду с классовой предубежденностью, не в последнюю очередь является понимание тесной связи стабильности социалистического общественного строя с деятельностью Коммунистической партии Как пишет Дж.Хаф, выводы большинства буржуазных политологов относительно источников политической стабильности в Советском Союзе строятся на том, что основы советской политической системы пользуются "мощной общественной поддержкой". "Коммунистический режим победил в результате широкой социальной революции, а его символы и идеология, по-видимому, оказались привлекательными для большинства рабочих и крестьян... Хотя коллективизация и репрессии ослабили многие первоначальные источники поддержки, имя партии ассоциируется с чрезвычайно успешной программой индустриализации и особенно с укреплением позиций страны в международных делах и осуществлением исторических целей нации. После победы во второй мировой войне имя партии стало также ассоциироваться с неуклонно растущим

жизненным уровнем и очевидными успехами в решении проблем безработицы и инфляции, которые не давали покоя западной экономике все эти годы" (25, с.561).

Такого рода вынужденные признания рассчитаны на то, чтобы привлечь внимание к серьезности проблемы, побудить своих коллег тщательно изучать природу и функционирование противоположной общественной системы. По мнению К.Рявека, "для реального понимания советской политики необходим глубокий и всесторонний анализ политической роли и механизма ее осуществления главного политического института - Коммунистической партии. Направления, по которым она реализует свою роль, являются обязательным элементом любого исследования советской политики, ставящего целью дать серьезную характеристику этим процессам, ее движущих сил и вероятных перспектив" (55, с.УШ). А.фон Борке тоже считает, что "центральным пунктом любых прогнозов относительно будущего советской системы является осмысление "монистического" господства КПСС" (5, с.63).

Атаки на марксистско-ленинское учение о партии и его осуществление в практике реального социализма приобрели на Западе поистине фронтальный характер. Нет, по существу, такого аспекта этого учения, нет такой стороны или сферы деятельности партии, которые бы не искажались в буржуазной литературе. И все же в центре внимания советологов оказываются в первую очередь именно те вопросы, которые являются исходными, методологическими для понимания исторического назначения Коммунистической партии, целей и методов ее руководства социалистическим обществом. Если не касаться частностей, определяемых степенью враждебности отдельных антикоммунистов и их субъективными представлениями о роли политического авангарда советских трудящихся, то в целом основные направления интерпретации советологами деятельности КПСС можно свести к следующим:

– попытки нарушить неразрывное единство марксистско-ленинских идей о руководящей роли пролетарского авангарда путем противопоставления взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса ленинскому учению о революционной партии нового типа, а последнее в свою очередь – современной практике КПСС;

– отрицание объективной необходимости руководства марксистско-ленинской партии революционным движением рабочего класса и всех трудящихся, попытки представить его как выражение "субъективных пожеланий" и "гегемонистских устремлений" отдельных личностей;

– попытки разорвать непрерывный, целостный процесс возрастания роли партии на всех этапах борьбы пролетариата за власть и построение нового общества, ограничить его каким-либо одним, как правило, давно миновавшим периодом на этом историческом пути;

– извращение структуры и содержания политической власти в социалистическом обществе. С этой целью сложившаяся в силу специфических условий общественного развития однопартийная система политического руководства в СССР и ряде других социалистических стран объявляется "всеобщей закономерностью" и "первой отличительной особенностью" социалистической революции и переходного периода от капитализма к социализму;

– искажение взаимоотношений КПСС с государственными и общественными организациями посредством утверждений о "незаконном характере" руководящей роли партии, "бесправии" других общественных институтов, "командном" характере управления экономикой в социалистическом обществе и т.п.;

– попытки представить идейно-теоретическую работу Коммунистической партии либо как "догматизм" и "идейный застой", либо, наоборот как "ревизию" марксизма-ленинизма, "прагматическую эволюцию коммунистической доктрины";

– извращение содержания и методов политико-воспитательной деятельности КПСС в духе концепций "насильственного интегрирования" масс в политическую систему, "духовного подавления" личности и т.п.;

– попытки оторвать процесс формирования партийных рядов от его объективной основы – состояния и развития социальной базы партии, а также от конкретных задач и условий ее деятельности – и одновременно навязать различные субъективистские трактовки деятельности марксистско-ленинской партии по регулированию своего роста и состава;

– игнорирование исторической обусловленности организационных партийных принципов, стремление приписать коммунистам идеологию культа личности и элитизма как фактора руководства. Таким образом советологи стараются вызвать недоверие к ленинскому принципу демократического централизма, сводя его к бюрократическому централизму, представить Коммунистическую партию в виде антидемократической организации военизированного типа.

БУРЖУАЗНЫЕ СОВЕТОЛОГИ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Основная идеологическая задача антикоммунистов – поставить под сомнение объективную необходимость существования и деятельности революционной пролетарской партии в интересах борьбы за коренное преобразование общества и утверждение власти трудящихся. Направляя главный удар против КПСС, они настойчиво стараются представить ее как воплощение "субъективистско-волюнтаристских" и "гегемонистских" устремлений ее создателя – В.И.Ленина. До сих пор буржуазные идеологи не оставляют попыток обосновать тезис о мнимой противоположности ленинизма марксизму,

выдвинутый противниками ленинизма более шестидесяти лет назад. По утверждению Р.Арона, В.И.Ленин не привнес в марксизм ничего, кроме "революционного идеализма" и "фанатизма" (I5, с.63). Секретарь Итальянской социалистической партии Б.Кракси тоже объявляет марксизм В.И.Ленина "сгустком волюнтаризма и экстремизма" (53, с.88).

В основе подобных утверждений лежит грубое извращение взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса, изображение их адептами слепого экономического детерминизма и даже механицизма, уповавшими на стихийность исторического процесса. Так, английские буржуазные историки Ф.Дикин, Г.Шумэн и Г.Уиллетс пишут, что в отличие от своих предшественников-утопистов "Маркс считал, что социализм придет на смену капитализму, но не в результате благих пожеланий людей, а как результат экономического детерминизма: развитие самого капитализма сделает этот переход неизбежным. Идея о неотвратимом историческом процессе, развивающемся помимо воли и сознания людей, была унаследована Марксом от германской философии" (I2, с.9). Такой вариант извращенного марксизма и противопоставляется ленинизму, который также интерпретируется совершенно произвольно.

Искажение и противопоставление взглядов К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина на роль объективных и субъективных факторов в общественном развитии находит свое продолжение в фальсификации марксистско-ленинского учения о соотношении сознательности и стихийности в революционном движении. Буржуазные идеологи обвиняют основателя большевизма в субъективизме, в игнорировании стихийных элементов движения. Своеобразным классическим примером извращения марксизма-ленинизма в этом вопросе и по сей день может служить известное "энциклопедическое" издание "Марксизм, коммунизм и западное общество", вышедшее в ФРГ и США еще в конце 60-х - начале 70-х годов. "Противопостав-

ляя "стихийность рабочего движения" роли "сознательного элемента", - пишет в этом "труде" Г.Моммзен, - Ленин прямо противоречит Марксовой теории, вводя в нее совершенно новый, прагматистский и активный фактор" (38, с.90).

Под этим "сознательным элементом", выступающим в качестве "прагматистского и активного фактора", противники ленинизма имеют в виду Коммунистическую партию, которой они как раз и отказывают в праве на существование. При этом читателя стремятся уверить, будто ленинское учение об авангардной роли партии в освободительной борьбе пролетариата прямо противоречило точке зрения К.Маркса и Ф.Энгельса, которые якобы не придавали большого значения партии, считали, что рабочий класс может осуществить свою историческую миссию без своего политического авангарда. "Все попытки представить Маркса и Энгельса основоположниками суровой, централизованной, интернациональной партии в современном смысле несостоятельны в принципе, - рассуждает Г.Моммзен. - "Коммунистическая партия", каковой она предстает в "Манифесте" - "великая партия пролетариата", армия миллионов, - рассматривалась Марксом и Энгельсом не как организация, созданная способными организаторами и лидерами, а как стихийное движение пролетариата..." (38, с.89).

Отрицание исторической необходимости руководства революционным движением со стороны пролетарского авангарда преследует цель противопоставить научный социализм и революционную социал-демократию широкому рабочему движению. Передергивая мысль Ленина о необходимости внесения социалистического сознания в пролетарскую массу, буржуазные советологи изображают дело таким образом,будто В.И.Ленин не разделял уверенности К.Маркса в рабочем классе, приписывал пролетариату только стихийность, а сознательность связывал исключительно с партией. "Поспешность Ленина с осуществлением революции, - толкует Р.Уэссон, -

означала, что нельзя было ждать медленного созревания масс от стихийности к сознательности. Он решительно выступал за абсолютную необходимость "сознательности", т.е. за необходимость в интеллектуалах, наделенных высшим знанием, чтобы руководить "стихийностью", иначе говоря, темными массами" (6I, с.27). При этом советологи изо всех сил стараются представить социалистическую идеологию исключительно как результат мыслительной деятельности интеллигентов-одиночек, как нечто самостоятельное и независимое от рабочего движения, откуда уже недалеко до утверждений, будто коммунисты "навязывают" пролетариату какую-то чуждую ему сознательность, противоречащую его желаниям и интересам (23, с.98; 60, с.54; I0, с.20).

Антикоммунисты стараются доказать полную противоположность взглядов В.И.Ленина на партию как политический авангард пролетариата, всех трудящихся, принципиальной позиции К.Маркса и Ф.Энгельса, отождествлявших, дескать, партию со всем классом. "Совершенно определенно, - утверждает Дж.Дебриззи, - что Ленин отличал партию от класса. Это также верно, как то, что Маркс этого не делал". Согласно Дж.Дебриззи, в Марксовом понимании организация рабочих в класс фактически тождественна их организации в политическую партию, а роль коммунистов сводится лишь к тому, чтобы оказывать им содействие в этой организации и помогать в определении конкретных мер реализации своих целей, которые вырабатываются стихийно в процессе пролетарской борьбы (I3, с.II3, I03).

На этой фальсифицированной посылке строятся обвинения В.И.Ленина и его последователей в презрительном отношении к массам, в стремлении подменить историческую роль класса ролью партии. "Относительное отсутствие массовой поддержки идеи революции, - заявляет Б.Мур, - в сочетании с фанатичной верой интеллектуалов в достижимость

этой цели породило как в официальной, так и неофициальной ленинской доктрине недоверие по отношению к массам" (40, с.61). Еще более категорично высказывается в этой связи Б.Кракси, согласно которому "Ленин считал марксистского революционера "якобинцем на службе у рабочего класса" и ратовал за создание партии, состоящей исключительно из "профессиональных революционеров". Таким образом, социализм отходит от исторической миссии рабочего класса к нечто такому, что должно мыслиться, создаваться и направляться элитой избранных личностей, стоящих над массами" (II, с.60).

Истинный смысл и прикладное назначение этих и подобных версий заключается в том, чтобы подвести читателя к общему выводу о стремлении коммунистов "использовать" классовую борьбу пролетариата в своих "гегемонистских" целях и в конечном счете добиться "господства" от имени рабочего класса не только над другими классами общества, но и над самим пролетариатом. Как утверждает Р.Гриш, "основная функция любой коммунистической партии, находится она у власти или нет, состоит в том, чтобы содействовать созданию условий, в которых бы партия могла стать инструментом захвата и удержания абсолютной монополии на власть. Идеологическим оправданием господства коммунистической партии является то, что оно осуществляется от имени рабочего класса" (I9, с.42).

В.И.Ленину приписывается духовное родство с дискредитировавшими себя идеями заговорщичества, сектантства и политического авантюризма, а его учение о пролетарской партии нового типа трактуется как наиболее полное и законченное оформление этих идей. Чаще всего в буржуазной литературе в качестве праотцов большевизма называют народников Нечаева и Ткачева, а организацию "Народная воля" выдают за прямой прообраз нашей партии (6I, с.I9; I2, с.34).

Составной частью фальсификации теории и практики ленинизма являются также попытки ограничить его международное значение чисто национальными рамками, доказать неприменимость исторического опыта КПСС для современных индустриально развитых стран. Этот тезис, заимствованный буржуазной историографией из идейного багажа ревизионистов и оппортунистов II Интернационала, уже много десятилетий не сходит со страниц западных изданий. Суть его сводится к тому, что создание пролетарской партии нового типа было вызвано специфическими условиями России, характеризовавшимися слабостью рабочего класса страны, экономической отсталостью и господством деспотических форм правления. Даже такой социолог-объективист, как Д.Лэйн, считает, что ленинская теория партийной организации представляет теорию, более годную для организации народных масс в условиях деспотического самодержавия (какие были, например, в России, Китае, Вьетнаме), чем для организации рабочего класса в ведущих промышленных обществах парламентарного типа. "Я утверждаю, - пишет он, - что ленинские теория, тактика и методы применимы для России начала XX в. и что в настоящее время они могут быть использованы только в странах с низким экономическим уровнем развития, где до этого экономически господствовали капиталистические метрополии. Ленинский гений как марксистского мыслителя проявился в том, что он смог применить марксистский анализ Европы к странам Азии. Ленинизм стал не столько критикой современного капитализма, сколько этикой развития и индустриализации" (30, с.63, 130).

На фоне грубых извращений ленинизма большинством советологов особенно заметно стремление отдельных западных исследователей трезво взглянуть на вещи, дать более или менее непредвзятую оценку общественно-исторических условий развития революционного движения в России, идей

В.И.Ленина об исторической роли партии пролетариата... Так, английский историк Н.Хардинг, касаясь попыток некоторых своих коллег приписать В.И.Ленину "неверие" в возможности стихийного движения трудящихся и упование на "конспиративную элиту профессиональных революционеров", отмечает: "Абсурдно утверждать, что Ленин разочаровался в стихийности. Напротив, он больше, чем кто-либо, ждал этого взрыва и высоко оценивал его революционные возможности... Мы не можем... приписывать Ленину отсутствие веры в революционные возможности рабочего класса. Наоборот, весь его план, который он разрабатывал с 1899 г., исходил из того, что если социал-демократы рассчитывают на успех, они должны использовать этот зреющий революционный взрыв, организовать его на национальном уровне. В противном случае спорадические и разрозненные попытки рабочих свергнуть автократию будут отбиты по частям" (20, с.157).

Особенно активным нападкам подвергается в буржуазной советологии руководящая роль КПСС в социалистическом обществе. Антикоммунисты ищут любую возможность, чтобы вызвать недоверие к деятельности политического авангарда советских трудящихся, поставить под сомнение объективную обусловленность партийного руководства как закономерности общественного развития в период социализма, успешного продвижения к коммунизму. В наиболее концентрированном виде позицию наших идейных противников в этом вопросе изложил Р.Уэссон, согласно которому "партию можно понять только как средство сначала для захвата власти, а затем ее удержания волевым и способным меньшинством. Главная цель партии состоит не в осуществлении какой-то особой программы улучшения общества.., а в попытке, после того как оно будет завоевано, сохранить власть в руках самоизбираемого меньшинства и скрыть этот факт" (61, с.274).

Не рассчитывая на успех одних только лобовых атак

против руководящей роли КПСС, многие буржуазные идеологи нередко спешат привлечь себе в союзники... основоположников научного коммунизма. Как утверждают, например, Дж.Берч и Т.Гэншоу, "чрезвычайные сила и власть", которыми В.И.Ленин наделил партию и государство, "представляют собой драматический отход от подлинной марксистской теории" (8, с.13). А по словам С.Хука, "никакая диктатура партии меньшинства, которая пытается прикрыть свою диктатуру лицемерными разговорами о руководстве массами, не может найти ни малейшего оправдания в опубликованных работах Маркса" (23, с.32). Некоторые противники КПСС идут еще дальше, пытаясь доказать "противоречие" тезиса о руководящей роли партии не только взглядам К.Маркса и Ф.Энгельса, но и В.И.Ленина. Так, Д.Лэйн в традиционных для буржуазной историографии выражениях пишет, что "в то время как вопрос о политической гегемонии рабочего класса был центральным в учении Ленина, о господстве партии или ее руководстве рабочим классом он ничего не говорил. Такое господство могло установиться позднее, что было непредвиденным последствием, так как Ленин этого не предусматривал" (30, с.62).

В последние годы в связи с ростом международного влияния реального социализма, его неопровержимыми успехами в деле осуществления коренных интересов трудящихся в буржуазной советологии заметно стремление приспособиться к меняющимся общественным условиям и пересмотреть некоторые из своих наиболее одиозных идеологических установок. Так, ряд буржуазных "исследователей" даже из числа тех, которых нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму, готовы сегодня на словах и задним числом согласиться с исторической оправданностью деятельности Коммунистической партии в осуществлении социалистической революции и создании основ социализма. Однако как только речь заходит о

сегодняшних условиях деятельности партии, выдвигается тезис о "несоответствии" этой деятельности современному уровню общественного развития, о появлении некоего "конфликта между требованиями модернизации и рационализации системы, особенно экономического механизма и государственного управления, и потребностью удержания монополии партии на политическую власть" (5, с.64). В этой связи предлагаются два способа разрешения названного "конфликта". Наиболее ярые противники социализма призывают к принудительному отстранению партии от руководства общественными делами с помощью "внешних по отношению к партии и власти" политических сил, проще говоря, контрреволюционной оппозиции (28). Другие видят решение проблемы в "желании самой партии пересмотреть свою роль и изменить методы своего господства" (55, с.38).

Немалый ажиотаж среди буржуазных советологов вызвал в свое время вывод XXII съезда КПСС о том, что с победой социализма, с укреплением морально-политического единства советского общества Коммунистическая партия в нашей стране стала политическим авангардом всего советского народа. Выдавая желаемое за действительное, буржуазные идеологи поспешили истолковать этот вывод в смысле "растворения" КПСС в социалистическом обществе, а то и вовсе как "отмирание" партии. Однако убедившись в беспочвенности подобных иллюзий, советологи объявляют сегодня виновницей своего очередного конфуза... Коммунистическую партию, которая, по словам А.фон Борке, "вопреки ожиданиям многих западных исследователей с середины 70-х годов снова подчеркивает свою "руководящую роль" и принцип партийности" (5, с.64). Причем и в данном случае делаются попытки обосновать "противоположность" современной политической практики в Советском Союзе основам марксистского учения, приписать КПСС волюнтаристские устремления в политической сфере.

Все большее внимание в последнее время буржуазные советологи уделяют анализу основных направлений и самого механизма реализации руководящей роли Коммунистической партии и в этой связи конкретных функций, выполняемых ею в советском обществе. Не случайно, наряду с работами, где проблема руководящей роли КПСС рассматривается в общем виде, растет число статей и монографий, специально посвященных исследованию функционального аспекта деятельности нашей партии.

Прежде всего антикоммунисты хотели бы поставить под сомнение саму необходимость политического руководства социалистическим обществом со стороны партии. В качестве примера можно привести рассуждения П.Суизи, который связывает вопрос о политическом руководстве при социализме не с объективными условиями и потребностями общественного развития, а с субъективными устремлениями коммунистов к "политическому господству". Главной причиной подобного явления П.Суизи называет изменение политико-экономических основ деятельности правящих сил в социалистическом обществе по сравнению с капитализмом, когда эти силы, дескать, утрачивают такой "традиционный" источник власти, как владение собственностью, и вынуждены добиваться контроля над общественной жизнью путем укрепления и расширения своего "господства" в политической сфере (45, с.146-147).

Наряду с политическим руководством наши идейные противники искажают и такую важную функцию КПСС, как руководство подбором, расстановкой и воспитанием кадров советских и хозяйственных учреждений, общественных организаций. Чаще всего в усилиях партии по укреплению всех звеньев общественного механизма знающими, способными и авторитетными руководителями они усматривают стремление обеспечить "преобладание" партии над государством. "Контроль над кадровой политикой посредством обязательного

одобрения Коммунистической партией назначений на ключевые посты в центральной и местной администрации, - утверждает М.Гиршовиц, - без сомнения, усиливает политическую власть партийного аппарата во всех сферах общественной жизни... Постоянный надзор за назначениями с помощью системы номенклатуры дает партийному аппарату надежное орудие власти, без которой его трудно себе представить" (2I, с.263). М.Метьюз заявляет, что "система номенклатуры возрождает, по существу, старую царскую табель о рангах; она отдаленно напоминает систему партийного патронажа в "открытом" обществе, однако доведенную до крайней степени. Она является одним из главных рычагов, посредством которого партийный аппарат обеспечивает свое господство в государстве" (34, с.I2-I3).

С особой силой антипатии идеологов империализма к Коммунистической партии дают себя знать, когда они касаются проблем взаимоотношений партии и класса в социалистическом обществе. В этом случае они по аналогии с правящим буржуазным истеблишментом стараются представить КПСС, и в первую очередь ее руководство, в виде "политической элиты", противостоящей трудящимся массам, а закономерный процесс возрастания роли партии - как расширение влияния "верхних эшелонов власти", как усиление "господства" части (партии) над целым (обществом). "...Политическая система советского типа, - заявляет Дж.Поркет, - контролируется и направляется партией. Партия сама контролируется и направляется сверху небольшой группой, Президиумом или Политбюро. Эта группа составляет партийную элиту, обладающую монополией на принятие политических решений, не ответственную перед народом, включая и членов партии" (44, с.I24).

Что касается причин подобного явления, то они объясняются либо "сверхцентрализмом" Советского государства,

заключающимся якобы в концентрации безмерной власти и политического контроля в руках небольшой группы партийных служащих, либо превращением партии в выразителя особых интересов партийной бюрократии. В "интерпретации" П.Суизи это явление выглядит следующим образом: первоначально советская властвующая элита "рекрутировалась старым большевистским руководством партии из различных стран дореволюционного общества. Постепенно люди на вершине руководства, обладавшие привилегиями и властью, стали рассматривать себя как самостоятельную группу, сплоченную, выражаясь словами Моше Левина, "дисциплиной, привилегиями и властью" и "образующую особую организацию, стиль и образ мышления". Они отбирают и готовят себе замену, естественно, отдавая предпочтение тем молодым людям, которые по своему образу жизни, идеям и ценностям походят на них, т.е. из своей собственной среды... Остается добавить, что группа совершенно различных людей, назначаемых на командные посты в советском обществе постепенно, через целый ряд этапов, превратилась, по существу, в самовоспроизводящийся господствующий класс с особым сознанием" (45, с.146).

ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОГО ХАРАКТЕРА КПСС В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТОЛОГОВ

В буржуазной пропаганде давно в ходу версии о "непролетарском характере" КПСС, мнимых "великорусских тенденциях" советских коммунистов и т.п. Согласно советологическим концепциям, КПСС никогда не имела строго определенной социальной базы, и потому любые изменения в ее составе, конкретные меры партии в этом направлении определялись и определяются тактическими соображениями или произвольными пожеланиями отдельных личностей.

Методологические корни подобных извращений лежат в

игнорировании буржуазными идеологами социально-классовой природы политических партий, в извращенном понимании ими объективных исторических явлений и процессов. Именно здесь кроется причина того, что в буржуазной политологии до сих пор нет единой точки зрения относительно понятия политической партии, не говоря уже о ее функциях, принципах формирования и внутренней жизни. Буржуазные исследователи предлагают целый набор самых различных, нередко взаимоисключающих определений понятия, сущности и назначения политических партий. Причем такой разнобой рассматривается ими как вполне естественный и закономерный. Дж.Сартори, например, считает совершенно равноценными распространенные в буржуазной науке определения партии и с точки зрения ее состава и структуры, и с точки зрения сферы ее деятельности, и с точки зрения ее функций и целей. Оправданны, полагает он, и другие подходы (5I, с.6I). Более того, буржуазные идеологи стараются распространить такое явление и на марксизм-ленинизм, как это делает К.фон Байме, заявляющий, будто и в марксизме нет никакой общей теории партий (3, с.350).

Рассуждения буржуазных теоретиков о социальной природе политических партий представляют собой не просто ошибочные абстрактные схемы. Они несут и совершенно определенную практическую нагрузку, активно используются в качестве своеобразного методологического плацдарма для развернутых атак на марксистско-ленинское учение о партии, для извращения классового характера КПСС.

Лишь отдельные буржуазные ученые хоть в какой-то степени связывают процесс формирования рядов Коммунистической партии с состоянием социальной базы и другими объективными условиями (25, с.323; 48, с.36I). Для большинства же характерно как раз отрицание обусловленности деятельности партии, в том числе и в области формирования

своего состава, социально-политическими факторами. Искажая реальную действительность, они рисуют любые изменения в рядах коммунистов как проявление субъективно-прагматических явлений, стремление всеми средствами сохранить "элитарный" характер КПСС даже за счет ослабления связей с рабочим классом (6, с.I2; I6, с.I2; 50, с.3I9).

Совершенно неузнаваемый вид в интерпретации ряда буржуазных советологов приобретают, в частности, конкретные меры КПСС по регулированию роста и состава партийных рядов. Так, Р.Уэссон, касаясь решения X съезда РКП(б) о проведении генеральной чистки партии, уверяет, будто "эта чистка в действительности имела целью не борьбу с оппортунистическими взглядами... а создание обстановки неуверенности среди рядовых членов. Исключение из партии означало исключение из политической жизни, а вероятно, и конец карьеры. Поэтому пребывание в ней зависело от того, насколько примерным будет выглядеть поведение члена партии в глазах руководителей" (6I, с.I08).

Аналогичную трактовку получает у Р.Уэссона и такое сравнительно недавнее событие в жизни КПСС, как последний обмен партийных документов. Это была, по его мнению, фактическая чистка партии в сталинском духе, проведенная, однако, не сразу, а в течение двух лет и коснувшаяся только 2,4% членов партии (там же, с.250).

Со столь явно тенденциозной оценкой целей и итогов обмена партийных документов, надо сказать, соглашаются не все советологи. Так, по словам профессора Австралийского национального университета Т.Ригби, поначалу на Западе действительно возникло "подозрение", что предполагалась именно чистка партии, подобная тем, которые не раз сопровождали обмен партийных документов в 20-х и 30-х годах. Но после разъяснения майского (I972 г.) Пленума ЦК КПСС "стало ясно, что "организационно-политический" ре-

зультат, которого ожидали от кампании по обмену документов, состоял скорее в укреплении дисциплины и повышении активности членов партии, чем в массовом исключении" (50, с.321).

В поле зрения буржуазных советологов находятся такие проблемы приема новых членов в партию, важнейшие требования и критерии, которые лежат в основе деятельности КПСС по регулированию количественного и качественного состава коммунистов. Главное, по мнению советологов, что определяет цель и содержание всей работы в этом направлении - сохранение "исключительности" членства в партии, обеспечение ее "элитарного" характера, истоки которого антикоммунисты пытаются обнаружить еще у В.И.Ленина и даже дальше - у народников. "Приписывание Лениным руководящей роли партии, - заявляет Р.Уэссон , - имело несколько последствий. Члены партии должны быть людьми особого рода - героями, стоящими над массами в соответствии с традициями конспиративного народничества. Состав партии должен быть ограничен преданными и верными людьми" (60, с.52-53). Подобное явление, как уверяют наши противники, характеризует развитие КПСС и в современных условиях. "Всякий ли может вступить в партию?", - задается вопросом бывший корреспондент журнала "Ю.С.ньюс энд уорлд рипорт" в Москве Дж.Уоллес и отвечает: "Определенно нет. Она представляет собой элитическую группу, небольшую, тесно сплоченную, глубоко преданную и высокодисциплинированную организацию, которая официально играет "главенствующую роль" в советском обществе. Я думаю, любой может захотеть вступить в партию, но это не то же самое, что обратиться в местный комитет демократической или республиканской партии, уплатить взносы и поставить подпись на членском билете. Партия является самовоспроизводящейся. Ее чиновники решают, кто будет принят" (41, с.45-46). Как утверждает Р.Уэссон,

в первую очередь КПСС старается привлекать людей, которые проявили себя в какой-либо области - от ученых до спортсменов. Она хочет иметь в своих рядах тех людей, которые так или иначе являются лидерами в обществе (6I, с.257).

Именно стремлением сохранить и упрочить свое "элитарное" и "привилегированное" положение в советском обществе объясняют антикоммунисты и факт сравнительного уменьшения в последнее время числа принимаемых в КПСС. "Поскольку членство в партии стало широко распространенным явлением, - внушает Т.Ритби, - особый статус и авторитет, присущие ему, постепенно исчезали. Нынешнее руководство отреагировало на эту проблему двумя способами: усилением партийной дисциплины и идеологической обработки и обузданием роста партии" (50, с.3I9).

В буржуазной литературе имеют место попытки поставить под сомнение право КПСС на руководство социалистическим обществом на том абсурдном основании, что она включает в себя лишь небольшую часть советских граждан, а потому будто бы лишена общественной поддержки (4I, с.45-46). Правда, более трезво мыслящие советологи отмежевываются от подобных попыток. Так, Л.Черчуорд отмечает, что постоянное расширение состава партии, а также активное участие миллионов беспартийных в ее мероприятиях "дают основание предположить, что поддержка партии выходит далеко за число ее членов" (7, с.27I).

Крайне тенденциозно интерпретируются западными советологами условия членства в Коммунистической партии, права и обязанности советских коммунистов. КПСС изображается в виде антидемократической организации автократического типа, которая не только ограничивает личную свободу своих членов, но и добивается абсолютного контроля над их мыслями и поведением. "Те, кто состоит членами партии или стремится к этому, - утверждают Дж.Хаф и М.Фейнсод, -

обязаны жить и работать там, куда их направят" (25, с.320). Что же касается мотивов, которые заставляют в такой ситуации многих советских граждан вступить в партию, то их сводят к чисто прагматическим соображениям. Как пишет Р.Уэссон, только через партию или с ее благословения можно сделать карьеру (61, с.256). "С точки зрения индивидуума, - пишут Дж.Хаф и М.Фейнсод,- членство в партии, даже помимо возможностей продвижения, имеет несколько потенциальных преимуществ. Во-первых, оно обеспечивает политически надежной информацией, которую нельзя получить из обычных источников... Однако наиболее важное влияние членства в партии на жизнь и политическую роль человека проистекает из требования, что он должен "работать в одной из партийных организаций" и что эти организации осуществляют важные контрольные функции там, где они действуют. Посредством первичной организации, выполняющей эти функции, и через обязанность иметь "партийное поручение" человек, стремящийся получить преимущества от звания члена партии, фактически приобщается к определенному виду деятельности, напоминающему процесс принятия решений" (25, с.355).

Широкое хождение в современной буржуазной литературе с легкой руки известного антикоммуниста Л.Шапиро получила концепция так называемой "перманентной депролетаризации" КПСС. Эта тенденция, по утверждению советологов, сложилась якобы еще при жизни В.И.Ленина и с нарастающей силой проявляется сейчас. В качестве главного аргумента в пользу названной концепции выдвигается тезис о "непропорциональном представительстве" рабочих в составе партии (61, с.257).

Другим аргументом является утверждение об "ослаблении" позиций рабочего класса в управлении внутренней жизнью партии. Дело изображается таким образом, будто при-

ход в партийный аппарат профессионально подготовленных работников свидетельствует о стремлении партийных лидеров превратить КПСС в "кадровую партию", ведет к "оттиранию" трудящихся от руководства в пользу лиц, располагающих, по выражению Т.Ригби, "властью или авторитетом в силу своего права на руководство, специального образования, престижа и т.д." (50, с.318). Наряду с этим, однако, встречаются признания, что "число комитетов, в состав которых входят рабочие, постоянно растет. К 1977 г. рабочие были представлены во всех городских и районных (в городах) партийных комитетах" (25, с.502).

Распространенным тезисом буржуазных историков является утверждение о мнимом "антагонизме" и "враждебности" в отношениях между рабочими и социал-демократической интеллигенцией в революционном движении России. Этот тезис служит, как правило, отправной точкой, чтобы убедить легковерного читателя, будто КПСС по характеру своей деятельности и социальному составу с самого начала складывалась не как пролетарская, а как сугубо интеллигентская организация.

С помощью таких экскурсов в историю антикоммунисты стараются обосновать версии о "господстве интеллектуальной элиты" в Советском Союзе, вообще, и в партии, в частности. "Разрыв между интеллигенцией и массами в русском обществе, - читаем мы у Б.Мура, - имел два далеко идущих последствия для развития русского марксизма и русского общества в целом. Во-первых, он привел к концепции диктатуры партии над рабочим классом, ввиду того что интеллигенты - руководители партии опасались, что революция никогда не будет осуществлена. Во-вторых, этот раскол способствовал появлению централизованного контроля со стороны интеллектуальной элиты внутри самой партии. Хотя в современных условиях на смену интеллектуалам пришли администра-

торы-практики, централизованный контроль сохранился и даже усилился" (40, с.60).

К этой клеветнической версии подверстываются рассуждения о сознательной ориентации КПСС на расширение своих рядов прежде всего за счет "функциональных элит" хозяйственных и административных руководителей, что в свою очередь, по мнению буржуазных идеологов, вызывает растущие трения между рядовыми членами и партийным аппаратом (57, с.189-190). Причем, как пишут Дж.Хаф и М.Фейнсод, "особенно обращает на себя внимание в представительстве административной элиты в партии не только тенденция вовлечения в ее ряды высших хозяйственных и административных руководителей, но и чрезвычайно высокие темпы роста членов партии среди технических и административных работников среднего звена... Руководство не только считает обязательным членство в партии для занятия ответственных административных постов, но также требует создания значительного резерва членов партии на тех должностях, откуда пополняется контингент высших администраторов" (25, с.347).

Составной частью дискредитации политики КПСС в области формирования партийных рядов являются попытки приписать ей мнимые "великорусские тенденции". Нередки в этом случае лицемерные сетования советологов о "преобладании" в партии представителей русской национальности и о "непропорциональном представительстве многих нерусских групп". "Насчитывая 9,5 млн. человек, или почти 61% от 15,6 млн. коммунистов, - пишет Б.Майсснер, анализируя итоги XXVI съезда КПСС, - русские преобладают в партии, хотя их доля в населении составляет лишь 52,4%. В партийной и государственной бюрократии их преобладание еще больше" (36, с.20-21).

ОБЪЕКТ НАПАДОК - ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ

Редкий принцип социалистического общества и деятельности КПСС отвергается буржуазными идеологами с таким единодушием, как принцип демократического централизма; содержание же его грубо искажается. Нет, по существу, ни одного советологического издания, посвященного истории или современной практике КПСС, в котором бы этот вопрос так или иначе не затрагивался. Однако предметом специального внимания демократический централизм становился не так уж часто. В числе причин такого положения М.Уоллер, в частности, называет то, что "в течение долгого времени значение демократического централизма определялось исключительно политической практикой Советского Союза, а также связанных с ним государств и неправящих партий. Утверждалось также, что такая политическая практика едва ли может рассматриваться как демократическая. Таким образом, с одной стороны, детальный анализ концепции демократического централизма считался ненужным, поскольку, как полагают, советская политическая система достаточно исследована, следовательно, раскрыто и значение демократического централизма. И действительно, сегодня нет недостатка в работах, посвященных советской политической системе. С другой стороны, сам термин "демократический централизм" многим, по-видимому, представляется бессмысленным, поскольку признание на словах ценности демократии служит только тому, чтобы прикрыть фактический централизм, т.е. автократию, диктатуру или централизм" (59, с.5).

"Ни одно из этих соображений, - заключает М.Уоллер, - не может служить оправданием пренебрежительного отношения к самой концепции демократического централизма". Отсюда он формулирует необходимость "пойти дальше простого описания винтиков и гаечек данной политической системы и

уделить достойное внимание концепциям, которым эта система придает большое значение. К сожалению, сегодня, - констатирует М.Уоллер, - серьезное внимание к тому, что означает демократический централизм для тех, кто проповедует эту концепцию, почти полностью отсутствует" (59, с.5).

В качестве наиболее типичного примера сложившегося на Западе за многие годы стереотипа в подходе к демократическому централизму М.Уоллер приводит высказывания американских советологов Ф.Баргурна и М.Фейнсода, основной смысл которых можно свести к следующей несложной схеме: I) демократический централизм включает в себя четыре ключевые нормы; 2) в Советском Союзе вертикальный и централистский принципы доминируют над горизонтальным и выборным; 3) следовательно, демократический централизм означает просто централизм. Такой подход, заключает М.Уоллер, проистекает из "давнишней враждебности к Советскому Союзу как в отношении его идеологии, так и его истории" (59, с. 77, 78).

Однако, пытаясь, видимо, привлечь внимание к серьезности проблемы, М.Уоллер допускает явную передержку, когда заявляет, что внимание к концепции демократического централизма в буржуазной советологии "почти полностью отсутствует". Достаточно вспомнить в этой связи работы Л.Шапиро, Б.Вольфа, Ф.Каземзаде, Б.Мура, К.фон Байме и некоторых других буржуазных авторов, которые в свое время немало "потрудились" для извращения принципа демократического централизма и не только с точки зрения его осуществления в политической практике, но и в теоретическом отношении. Последним из них (он, кстати, упоминается и в книге М.Уоллера) была предпринята попытка применять сравнительный метод к анализу демократического централизма, главным образом в плане его соответствия марксистской диалектике общественных противоречий, с одной стороны, и теории организационных структур - с другой (4). Немало мес-

та ленинскому этапу в утверждении демократического централизма и дальнейшему развитию этого принципа в современных условиях посвятил и Б.Мур (40).

Отвергая объективную обусловленность складывания организационных принципов Коммунистической партии, наши идеологические противники рассуждают об "узкоутилитарном" и "субъективном" характере демократического централизма, о "несовместимости" демократии и централизма, объявляют демократический централизм совокупностью "двух противоположных начал" (59, с.17). "Большевики, - заявляет, например, Б.Мур, - отдавали себе отчет в существовании конфликта между необходимостью конспирации и широковещательными идеалами свободы... В процессе предреволюционного развития они постепенно выработали принцип демократического централизма как механизма для примирения этого конфликта" (40, с.64).

Касаясь содержания ленинских идей по поводу организации внутренней жизни пролетарской партии, ярые антикоммунисты приписывают им имманентные антидемократические черты, обусловленные якобы "элитарной" природой большевизма вообще. Согласно Р.Уэссону, "руководящая роль партии исключала внутрипартийную демократию. Единство было слишком драгоценным и слишком хрупким. Ленин заявлял, что репрессивные условия России ограничивают развертывание демократии, но действительной причиной был элитаризм. Выборы высших органов с самого начала были невозможны, руководство стало самоизбираемой, самоувековечивающейся небольшой олигархией, состоящей из узкого круга людей, в большинстве своем буржуазного происхождения, и изолированной от своих последователей, так как она находилась за границей" (60, с.53).

Другая часть советологов, демонстрируя показную объективность, стремится с помощью полупризнаний и произвольного манипулирования цитатами противопоставить ленинскую

концепцию демократического централизма современному его пониманию КПСС, отделить теорию от практики в этом вопросе. М.Уоллер, например, порицает своих коллег за то, что они "проглядели" такой важный момент в эволюции коммунизма. "Тот факт, - пишет он, - что КПСС сумела утвердить в коммунистическом движении сегодняшнюю интерпретацию (демократического централизма. - Ю.М.), а также что она решительно борется с другими его интерпретациями, породил среди западных специалистов невнимание к важному отличию между современной советской концепцией демократического централизма и его ленинской трактовкой, а также нежелание серьезно рассматривать и даже замечать эволюцию этой идеи в современных условиях растущих противоречий в организационных вопросах внутри коммунистического движения" (59, с.6). И далее поясняет свою мысль: "...то, что внутри коммунистического движения стали возникать вопросы относительно судьбы демократического компонента демократического централизма, который предусматривается Уставом КПСС, дает возможность говорить, что толкование КПСС содержания демократического централизма по крайней мере утратило доверие не только ввиду разрыва между теорией и практикой, но и ввиду очевидного противоречия между тем, как понимали эту концепцию большевики в дореволюционный период, и тем, как понимает ее сегодня КПСС. На этом основании можно утверждать... что Советский Союз не придерживается (или больше не придерживается) ленинского принципа демократического централизма" (там же, с.II). Заметим опять-таки, что упреки М.Уоллера своим коллегам преувеличены. И до него еще Б.Мур утверждал, что с точки зрения своего происхождения демократический централизм представлял собой "оригинальный вклад (во всяком случае на теоретическом уровне) в проблему примирения требований статуса, власти и дисциплины с требованиями демократической системы ценностей", но позднее "сложившаяся в партии практика осу-

ществления политики весьма приблизительно отвечала этой идее" (40, с.70, 140).

Некоторые буржуазные идеологи пытаются отрицать объективную необходимость демократического централизма как средства обеспечения единства и организованности партийных рядов в целях успешного осуществления стоящих перед партией исторических задач. Как пишет Н.Макиннес, "представление о том, что лишь единство является эффективным средством изменения общественной жизни, есть чистейшей воды предрассудок, о чем свидетельствует пример протестантизма, выступившего недисциплинированными и разобщенными силами против статичного единства католицизма" (35, с.96). Нередки также попытки ограничить значение демократического централизма рамками отдельных исторических периодов, обосновать идею о "преходящем" характере важнейшего организационного принципа КПСС, утратившего, дескать, свою ценность в современных условиях. В "энциклопедии" "Марксизм, коммунизм и западное общество" утверждается, что "как универсальный принцип руководства в партийной, государственной и хозяйственной жизни демократический централизм подтвердил свою жизненность только для отдельных периодов прошлого развития советского общества. Кризис, который демократический централизм... переживает сейчас, является симптомом тех проблем, которые характеризуют современный этап развития СССР" (27, с.339).

Грубые извращения сущности и значения демократического централизма преследуют цель бросить тень на внутреннюю жизнь КПСС, приписать ей преобладание и постоянство бюрократических тенденций. Работы буржуазных авторов полны всевозможных измышлений, будто этот принцип исключает развитие демократии, утверждает "абсолютную вертикальность в политических отношениях и почти полное отсутствие горизонтальных связей" (59, с.11; 34) и тем самым способствует превращению партии в некую "иерархическую военизированную организацию".

Антикоммунисты, в частности, утверждают, что демократический централизм якобы неизбежно влечет за собой нарушение принципа выборности и других прав членов партии. Если верить Р.Уэссону, В.И.Ленин и ленинцы с самого начала выступали против принципа выборности даже на нижних уровнях партии. Они хотели, чтобы руководители рабочих назначались сверху (6I, с.26). Такое отношение к выборам, по мнению советологов, характеризует КПСС и сегодня. "Дело не в том, что в Советском Союзе или других коммунистических странах нет выборов, - рассуждает М.Уоллер, - а в том, что они по своему характеру чисто санкционирующие: они фактически усиливают принцип вертикальности" (59,с.76).

Буржуазные идеологи не жалеют черной краски, изображая КПСС в виде отгороженной от народа, замкнутой организации, решения которой якобы принимаются и распространяются в глубокой тайне, скрываются от трудящихся, а нередко и от рядовых коммунистов. "...Пристрастие к секретности, абсолютное стремление сохранить видимость единства и не раскрывать своих карт противнику, - вещает Ф.Фейто, - привели компартии к тому, что информация превратилась в иерархическую привилегию (в коммунистических странах значение отдельных лиц в иерархии лучше всего можно определить в зависимости от количества и качества получаемой ими секретной информации), а также к отказу от открытых и свободных дискуссий" (I6, с.I07).

Такая важнейшая норма демократического централизма, как право коммуниста на участие в обсуждении и принятии партийных решений, свобода мнения, и критики, в интерпретации антикоммунистов выглядит обычно как односторонний, направляемый сверху вниз бюрократический процесс, имеющий целью не допустить проявления самостоятельности или несогласия в партии. Как пишет Б.Мур, с первых лет Советской власти "критика снизу направлялась на способы осущест-

вления | политики и практически никогда на саму политику или тех, кто ее формулирует. Таким образом, большевистская традиция свободы мнения была превращена в оружие, которое центральные органы могли использовать, чтобы сдерживать нижестоящие организации и разрушать любые признаки сосредоточения власти на местах" (40, с.151-152). Правда, с подобной крайней точкой зрения согласны не все советологи. Так, Дж.Хаф на основе анализа реальных фактов вынужден был признать, что, как бы ни толковали на Западе понятие "право на критику", оно обеспечивает "институционные рамки" для участия партийных масс и их руководителей на нижнем и среднем уровнях в процессе выработки решений (25, с.357).

Организуя атаки на ленинский принцип демократического централизма, буржуазные идеологи настойчиво ставят вопрос о взаимоотношениях большинства и меньшинства в нашей партии, об "ущемлении" прав меньшинства, об оппозиционной деятельности. При этом антикоммунисты пытаются представить фракционную борьбу чуть ли не как закономерность или, по меньшей мере, неизбежный фактор развития внутрипартийных отношений. "...Диалектика жизни (и не только политической) такова, - утверждает Дж.Сартори, - что любая позиция порождает оппозицию, т.е. контрпозицию. Вне зависимости от партийного устава остается фактом, что крупные группы распадаются на более мелкие и что неформальный процесс внутрипартийного развития состоит в том, что они неизбежно ведут скрытую борьбу, порождаемую различием мнений, соперничеством и интригами" (51, с.48). Такого рода рассуждениями, основанными на опыте буржуазных политических партий, противники коммунизма пытаются подвести некую "теоретическую" базу под свои требования предоставить неограниченную свободу для фракционной деятельности, изменить существующие в марксистско-ленинских партиях отношения между большинством и меньшинством в том направле

нии, чтобы меньшинству было предоставлено право не считаться с волей большинства.

В современной буржуазной историографии вообще заметно стремление представить борьбу В.И.Ленина, КПСС против фракционеров как "преследование" оппозиционного меньшинства, "нетерпимость к инакомыслящим" и т.п. Советологи стараются создать впечатление, что решения X съезда РКП(б), положившие конец существованию фракций и группировок в партии, означали свертывание демократии, "полный триумф" централистских начал. Хотя запрещение фракций на съезде рассматривалось в тот момент как временная мера, вызванная опасностью ослабления руководящей роли партии, считает Р.Уэссон, однако оно представляло собой лишь следующий шаг в направлении "тоталитаризма" (61, с.108).

Западные советологи единодушно проводят водораздел между руководством КПСС и массой ее рядовых членов, заявляя о существовании в партии "верхов" и "низов", тех, "кто имеет власть", и тех, "кто ее не имеет". "Партия, - провозглашает Р.Уэссон, - никогда не действовала как нечто целое, и рядовые члены располагают незначительным влиянием и правом инициативы" (там же, с.XУ).

Ведя развернутые атаки на демократический централизм, выступая против элементарных требований партийной дисциплины, буржуазные идеологи отстаивают, как они считают, "свободу личности", якобы попираемую коммунистами. "Вступление в Коммунистическую партию, - толкует, например, Р.Уэссон, - представляет собой драматический акт, через который личность приобщается к новой жизни, подчиняющей ее волю (точно также, как в армии) воле и высшей мудрости партии" (60, с.157).

Известно, что предметом постоянной заботы КПСС является развитие демократических начал в деятельности местных партийных организаций. Советологи по традиции изображают эти организации исключительно как "бесправных", "ме-

ханических исполнителей" воли руководящей "элиты", причем обычно прибегают к демагогическому приему, связывая самостоятельность местных органов партии с полной независимостью от ее руководства. Местные органы партии, заявляет в этой связи Б.Мур, располагают известной свободой в выборе наилучших путей и способов осуществления политики, выработанной верховным руководством. Но у них нет возможности определять свою политику, отличную от линии руководства, и нет никаких надежд, что они когда-нибудь получат такое право. Б.Мур утверждает, что уже в период II съезда РСДРП В.И.Ленин "всеми средствами боролся за то, чтобы дать как можно больше власти руководящему ядру партии и урезать власть местных комитетов" (40, с.269, 665).

Антикоммунисты игнорируют или ложно истолковывают любые меры КПСС, предпринимаемые с целью повышения боеспособности местных партийных органов и первичных организаций, расширения их прав и сферы ответственности. Касаясь, в частности, решения КПСС о предоставлении права контроля деятельности администрации, наряду с производственными парторганизациями, первичным партийным организациям проектных и научно-исследовательских институтов, учебных заведений, культурно-просветительных, лечебных и других учреждений, советологи пытаются представить дело таким образом, будто речь идет о закреплении подчиненного положения в партии администраторов и специалистов (24, с.9; 49, с.259).

СОВЕТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕСТА И РОЛИ КПСС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Касаясь проблем руководства КПСС строительством социализма и коммунизма, буржуазные советологи особое внимание уделяют месту и роли Коммунистической партии в по-

тием класса менеджеров и технической интеллигенции", но считали такой путь маловероятным вследствие некомпетентности этого "класса" в политике (45, с.301). Для Советского Союза (но не для других социалистических стран) авторы совершенно исключали возможность свержения "тоталитарного режима" изнутри (45, 300).

С аналогичных позиций Бжезинский в одной из других своих ранних работ назвал СССР "наиболее выдающимся примером тоталитарного общества", поскольку только в СССР (в отличие от нацистской Германии и фашистской Италии) "тоталитарный режим" сохранился в течение целого поколения, имея возможность "созреть" и отработать свои основные параметры (22, с.7-8). Но эволюцию "советского тоталитаризма" Бжезинский в 1956 г. видел только в одном направлении - усовершенствовании методов управления и контроля над массами и обществом в целом.

Ни Бжезинский, ни Фридрих не смущались многими явными противоречиями в своей схеме. Например, с одной стороны, они изображали политическое руководство СССР "изолированным" от народа (причем, писал Бжезинский, чем более "тоталитарен" режим, тем более он изолирован - 22, с.14), а с другой - утверждали о наличии в социалистическом обществе "всеобъемлющего тоталитарного контроля", в том числе в области идеологии и духовной жизни (45, с.10), о всеобщей "стабильности коммунистической системы" (22, с.172).

Не могли буржуазные идеологи 50-х годов дать сколько-нибудь наукообразное объяснение различия между тем, что они называли "тоталитарным" и "авторитарным" режимами. "Было бы фатальным непониманием тоталитарных движений смешивать их и отождествлять с авторитарными политическими режимами, - писал, например, эмигрант из России, философ и историк католической окраски В.Гурьян. - Верно, что авторитарные режимы (под ними автор и другие буржуазные исследователи имели в виду абсолютную монархию и различные

формы восточных деспотий. - Реф.) не признают действительно демократические институты и процессы, например, регулярно проводимые выборы на основе всеобщего избирательного права, которые определяют состав правительства; они отвергают конституционные ограничения, которые не зависят от воли правителя. Но они принимают (или, по крайней мере, не отвергают) объективно сложившийся традиционный общественный строй, не зависящий от правителя и правящей группы. Авторитарные режимы не претендуют на создание новой веры, всеохватывающей доктрины, определяющей жизнь в целом" (53, с.4).

Концепция "тоталитаризма", введенная в советологию Фридрихом и Бжезинским, в конце 50-х - начале 60-х годов была принята на вооружение большинством американских советологов. Многие из них положили ее в основу своего подхода к изучению социально-политической жизни СССР и отнесли Советский Союз в разряд "тоталитарных государств", даже не ставя под сомнение достоверность критериев, с помощью которых определялся "тоталитаризм".

Одним из наиболее активных апологетов мифа о "советском тоталитаризме" в этот период явился Джон Армстронг, автор книг "Советская бюрократическая элита" (10), "Идеология, политика и государственный строй в СССР" (9). Армстронг заявил, что "на протяжении всей истории в партии главенствовала небольшая элита", возглавлявшаяся, как правило, "одним вождем", что приводило к "личной диктатуре"; эта элита с помощью современных средств массовой коммуникации осуществляла "тоталитарный контроль" и "индоктринацию" граждан (9, с.151-152), поскольку "суть тоталитаризма составляет попытка добиться полного конформизма в выражении идей" (9, с.95).

Армстронг, как и другие советологи, изучающие СССР с позиций теории "тоталитаризма", не могли полностью игнорировать документы XX съезда КПСС и борьбу за ликвидацию

негативных последствий сталинизма, начатую внутри самой партии. Но если у трезвомыслящих исследователей реакция на изменения во внутриполитической жизни СССР выразилась в критике этой теории и отказе от нее, то ярые антикоммунисты, безоговорочно ее поддержавшие, лишь слегка "подправили" свои взгляды. Армстронг, в частности, отрицал наличие признаков того, что "советская система должна двигаться в направлении большей индивидуальной свободы или участия народа в принятии решений". Можно говорить лишь о том, продолжал он, что "принуждение должно быть менее прямым, более тонким... грубые черты полицейского террора были устранены" (9, с.152). Смешивая воедино термины и ярлыки, употребляемые в буржуазной политологии для характеристики недемократических государств, Армстронг писал, что "ныне советский режим как будто содержит в себе значительные элементы олигархии и автократии, и трудно предсказать, как будет выглядеть в будущем баланс между этими формами правления" (9, с.150).

КРИТИКА И ВИДОИЗМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ "ТОТАЛИТАРИЗМА". ПОЯВЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

Итак, свершился парадокс: явно ненаучная теория, которую и теорией-то было трудно назвать, чьи методологические пороки были видны самим буржуазным ученым, заняла почетное место в буржуазной политической науке и по существу господствующее положение – в западной советологии. Известную роль в возникновении этого парадокса сыграли факт отсутствия в советологических исследованиях того времени другой сколько-нибудь обоснованной парадигмы и "внутренняя" потребность этих исследований в таковой парадигме. Однако главным, решающим обстоятельством явилась зависи-

мость советологии от политики и идеологии антикоммунизма, которая диктовала необходимость дискредитации социалистического строя и изображения его в качестве негативного антипода капитализму.

Дальнейшая судьба данной теории дает ответ на немаловажный вопрос: Сколько времени можно искусственно поддерживать на плаву несостоятельные идеологические конструкции с помощью, по существу, одних баллонов политической целесообразности (целесообразности с точки зрения антикоммунизма)? Очевидно столько времени, сколько требуется для полного проявления тех объективных и субъективных факторов, вопреки которым такие конструкции создаются.

Основополагающим фактором в данном (как, впрочем, и в любом аналогичном) случае являются сами жизненные реалии, которые предвзято интерпретирует "тоталитарная модель" советского общества. При всей действенности массового "промывания мозгов" методами буржуазной пропаганды невозможно было навечно закрепить в сознании широких слоев (не говоря уж об образованных слоях) населения несоциалистического мира тот образ Советского Союза, который создавался в политологии Арендт, Фридрихом и Бжезинским, в литературе - Оруэллом, а в средствах массовой коммуникации сотнями западных журналистов-конъюнктурщиков. Сильнейший сдвиг в общественном мнении Запада о нашей стране (названный одним из буржуазных советологов "идеологическим землетрясением" - 75, с.3) был вызван XX съездом КПСС, критикой негативных явлений предшествующего периода и мерами по ликвидации их последствий, а также успешным социально-экономическим развитием СССР и других социалистических стран в последующие годы. Именно эти объективные реалии выбили опору из-под несостоятельных аналогий социализма и фашизма. К сожалению, стопорение возврата к ленинским принципам политического руководства и синдром общественного застоя размыли позитивные сдвиги в оценке СССР за рубежом.

Фактором скорее субъективного свойства, способствовавшим высвечиванию шаткости теоретических постулатов "тоталитарной модели", послужили возникновение и распространение в западной социологии в конце 50-х - начале 60-х годов концепций "стадий роста" и "единого индустриального общества". Как это не раз происходило в буржуазных общественных науках, одни методологически ложные теории оказались вытесненными другими, методологически также уязвимыми, но более гибкими, созданными на основе более глубокого осмысления происходящих в мире перемен. Преимущество концепций "стадий роста" и "индустриализма" перед "тоталитарными" вариациями проявилось в акценте на принцип изменения, движения всех типов общества, который по существу отрицали "тоталитаристы", в отказе от упрощенной классификации современных государств, сколько-нибудь значимых с точки зрения социологического анализа, как "демократических" (США и их союзники) и "недемократических" (СССР и его союзники). Подчеркивание общности развития всех государств и обществ более отвечало потребностям буржуазной политики в условиях перехода от курса "холодной войны" к мирному сосуществованию с социалистическими странами, в условиях возникновения десятков новых государственных образований, объединенных в категорию "третьего мира". Антиимпериалистическая, антизападная ориентация многих развивающихся стран, глубокий кризис буржуазной системы ценностей, военно-политические преступления империализма (Вьетнам) наглядно показывали порочность схематического деления мира на "свободный" Запад и "несвободный" Восток.

Советология, при всей своей консервативности и привязанности к стратегии антикоммунизма, не могла игнорировать ни объективно протекавшие в мире процессы, ни изменения в теоретическом арсенале самих буржуазных общественных наук. Одним из первых западных политологов, понявших несостоятельность объяснения "советского феномена" с пози-

ций неизменной "тоталитарной модели", был сам З.Бжезинский. Еще в год выхода написанной вместе с Фридрихом "классической" работы Бжезинский в статье "Тоталитаризм и рациональность" (сентябрь 1956 г.) писал, что "советский тоталитаризм, наиболее развитое тоталитарное общество нашего века, вступает в новую стадию развития", ибо "тоталитаризм" несовместим с "требованиями современного, индустриального и, следовательно, также бюрократического порядка" (23, с.751).

На протяжении 60-х - 70-х годов критика концепции "тоталитаризма" самими немарксистскими учеными стала столь же типичным явлением, как ранее приверженность ей. Критикующие, среди которых были авторитетные советологи И.Дейчер, Р.Такер, А.Инкелес, практически единодушно указывали на то, что она лишает буржуазную социологию возможности создать единую теорию развития мира, которую можно было бы противопоставить марксизму, сводит все содержание и механику исторического процесса к действиям отдельных политических группировок и деятелей, изображает социалистическое общество застывшим социальным организмом, вследствие чего не в состоянии объяснить общественно-политическое развитие СССР и других стран социализма (32; 62; 112).

Приведем ряд наиболее типичных возражений против использования "тоталитарной" модели как основы изучения СССР и реального социализма, которые выдвигались и выдвигаются самими буржуазными исследователями.

Ч.Джонсон: "тоталитарная модель" исключает идею развития советского общества (65, с.2).

У.Уэлш: многие перемены, происшедшие в СССР и странах Восточной Европы, "делают их определение в качестве тоталитарных крайне сомнительным" (115, с.114).

Г.Гласснер: с помощью концепции "тоталитаризма" невозможно исследовать динамику процессов, происходящих в социалистических странах (48, с.27).

А.Кун: "Не бывает такой вещи как целиком контролируемая или неконтролируемая система" (74, с.401).

Т.Джонс: "Не существует модели тоталитаризма, так как взаимоотношения между условно принятыми элементами ее никогда не были разъяснены" (66, с.42).

А.Инкельс: эта модель игнорирует "источники общественной поддержки" существующей в СССР власти (62, с.8).

Т.Боттомор: – невозможно целиком сформировать такую личность, которая требуется для "тоталитарного режима" (19, с.93-94).

Дж.Хаф: – даже во времена Сталина термин "тоталитаризм" не мог быть полностью применен к СССР в силу существенного противоречия адептов данной концепции: с одной стороны, "тоталитарное" общество объявляется закостеневшей социальной системой, в чем заинтересована "правящая элита"; с другой стороны, делается упор на то, что эта самая "элита" стремится преобразовать общество и переделать человека (61, с.521-522).

А.Даллин: – ошибочна как концепция "советского тоталитаризма", так и строящиеся на ее основе гипотезы "кремленологов", которые "по самой своей природе не могут обеспечить плодотворный и трезвый научный поиск" (29, с.570, 574).

С.Коэн: "Тоталитарная школа... оказалась порочной по всем направлениям"; она повинна в "интеллектуальном кризисе", поразившем американскую советологию и продолжающемся по сей день (26а, с.3-4, 25).

Были подвергнуты сомнению и основные постулаты концепции "тоталитаризма". Прежде всего решили, что те черты, которые Арендт, Фридрих и Бжезинский брали за основу концепции – наличие пользующегося неограниченной властью "тоталитарного лидера" и применение массового террора, – либо указывают на крайнюю ограниченность "тоталитаризма" во времени и пространстве, либо могут быть отнесены лишь

к некоему "чистому", "абсолютному" типу "тоталитарных режимов".

Далее возник вопрос, можно ли отнести ту или иную страну к разряду таких режимов в силу существования в ней однопартийной политической системы. На семинаре западных советологов в Лондонской школе экономики и политических наук в мае 1966 г. Р.Арон, открывавший дискуссию, поставил этот вопрос в другую плоскость - может ли партия в однопартийном государстве единолично вершить всеми государственными делами? - и дал на этот вопрос противоречивый ответ. С одной стороны, заявил он, ввиду наличия в СССР общественных сил и организаций там существует "социальный плюрализм" на более низком по отношению к партии уровне, при котором "многие социальные силы могут ограничивать контроль и сдерживать власть партии". С другой стороны, в СССР "единственная партия обладает верховной властью", члены КПСС занимают высшие посты в экономической и общественной сферах деятельности. Резюмируя, Арон выразил сомнение в том, что категория однопартийных государств сохраняет свою полезность в классификации политических режимов, и предупредил против опасности сосредоточения исследователей на одном этом аспекте изучения государственного строя в ущерб другим (II, с.18-20). Подводивший итоги дискуссии Р.Дарендорф констатировал, что вопрос о границах употребления политической власти еще не решен в западной социологии, но при его постановке количество партий в государстве и их тип не играют решающей роли.

В целом на том этапе, когда критика "тоталитарной" концепции приобрела значительный размах (вторая половина 60-х годов), она вызвала двоякую реакцию в буржуазной советологии: с одной стороны, попытки видоизменить ее, убрав наиболее примитивные постулаты, с другой - стремление во что бы то ни стало отстоять ее основы.

Первая реакция проявилась прежде всего в отношении

самого термина "тоталитаризм". Некоторые адепты этой концепции попытались сохранить его посредством некоторой косметизации: стали употреблять словосочетания "тоталитаризм без террора", "зрелый тоталитаризм" и даже "просвещенный тоталитаризм". Однако эта уловка лишь нагляднее продемонстрировала бессмысленность самой концепции, так как критерии "зрелого тоталитаризма" оказалось выявить еще более сложно, чем критерии уже существовавшего понятия. Представители "оппозиции" охарактеризовали и этот термин как "эпитет холодной войны" (76, с.92), каковым он по сути и являлся[1].

Следует сказать, что весьма кстати в сложившейся ситуации сторонникам негативного противопоставления "недемократического" Советского Союза "демократическому" Западу пришлось понятие, уже некоторое время употреблявшееся одними политологами в качестве менее категорического синонима "тоталитаризму", а другими - для обозначения типов общества, также противостоящих "западным демократиям", но не обладающих наиболее одиозными характеристиками "тоталитаризма". Эти общества в буржуазной политологической литературе именовались и именуются "авторитарными".

Будучи образованным от слова "власть" ("авторитет"), "авторитаризм" в буквальном переводе с латинского означает "самовластие", правление, характеризующееся неограниченной властью правителя или правящих. Критерии этого понятия и рамки его употребления также весьма нечетки. Один из ведущих адептов теории модернизации полагает, что "авторитарные режимы" включают военные диктатуры - социалистические, фашистские и просто националистические (86, с.138). М.Д.Шульман в лекции "Учиться жить с авторитарны-

---

1) Уже значительно позже, в 1981 г., правый ревизионист и непримиримый антисоветчик Л.Колаковский, настаивая на применении термина к СССР, назвал советский строй после 1956 г. "больным тоталитаризмом" (73, с.14).

ми режимами", прочтенной в июне 1976 г. в Женеве, отнес к категории этих режимов "тоталитарные государства, где подавляется оппозиция"; они могут быть "правыми" и "левыми" но так или иначе противостоят "демократическим обществам" западного образца (99, с.326, 333). По классификации однопартийных государств, предложенной Дж.Сартори, такие государства делятся на "тоталитарные", "авторитарные" и "прагматические", причем "авторитаризм" отличается от "тоталитаризма" не столь всеобъемлющим ("нетотальным") охватом официальной идеологии, более слабой степенью принуждения, применяемого к гражданам, а также стремлением правящей группы или организации отделить от себя (а не ликвидировать) другие влиятельные группы и организации. Советский Союз при Сталине Сартори отнес к "тоталитарной" категории, а на современном этапе - к "авторитарной" (95, с.227).

На замене ярлыка "тоталитаризм" ярлыком "авторитаризм" применительно к Советскому Союзу настаивают Х.Линц и Р.Левенталь. Последний определил современное советское общество как "посттоталитарный авторитаризм" (см.79, с.33-34).

Таким образом, часть буржуазных идеологов просто воспользовалась термином "авторитаризм" для характеристики реального социализма, не отбросив полностью концепцию "тоталитаризма", а лишь сузив пространственно-временную сферу ее приложения.

Других западных теоретиков это не устроило. "К сожалению, термин "авторитаризм", - констатировал У.Лэкер, - может означать множество разных вещей. Невозможно представить политический режим, полностью лишенный власти" (79, с.30). Поэтому "к авторитарным режимам можно отнести все диктатуры и полудиктатуры, включая монархии (Саудовская Аравия, Иордания при короле Хуссейне, Марокко при Хасане) и столь разные страны, как Пакистан, Вьетнам, Индонезия,

не говоря уже обо всех африканских и многих латиноамериканских государствах. Даже ФРГ при Аденауэре, Франция при де Голле и Израиль при Бен Гурионе были до известной степени авторитарными". "Какой прок от категории, которая может быть приложена к 9/10, если не больше, стран - членов ООН?" - задает Лэкер риторический вопрос (там же).

Был продолжен поиск модели, которая более адекватно (по меркам буржуазной науки) отразила бы существенные черты социалистического общества. Как грибы после дождя, стали плодиться бессмысленные, лишенные научного содержания дефиниции типа "администрируемое общество", "мобилизационная система", "консультативный авторитаризм", "моноиерархическое общество" (67; 68; 76; 92) и др. Как правило, сфера их распространения ограничивалась работами одного-двух авторов. В применении к СССР эти дефиниции чаще всего не означали радикального разрыва с концепцией "тоталитаризма", так как в своей сути они также основывались на тезисе о недемократичности советского общества. Это дало основание одному из советологов констатировать неудовлетворительность не только данной концепции, но и "моделей-отпрысков" как не обеспечивающих адекватное понимание советской действительности (120, с.482). "Хотя мы сознательно отвергли тоталитарную модель, - указывает американский политолог Д.Хаф, - она продолжает сказываться во многих наших выводах о мотивах и динамике действий СССР. Нужна же готовность, даже решимость подвергнуть наши выводы пристальному изучению, дабы отделить наши антипатии к советской системе от нашего описательного анализа ее" (59, с.36). Однако этой решимости не хватило и не хватает даже тем буржуазным советологам, которые понимают примитивность постулатов "тоталитарной" модели.

В создавшихся условиях соперничества разношерстных советологических концепций и моделей, ни одна из которых не сумела получить такое распространение, как ранее рас-

критикованная концепция "тоталитаризма", на авансцену выдвинулась точка зрения, несущая в себе элементы веберианства, троцкизма и современного леваческого радикализма. Согласно этой точке зрения, в СССР существует некое "бюрократическое общество", характеризующееся такой или еще большей же самодовлеющей природой государства (тезис М.Вебера) и отчужденностью от народа (тезис всех левых ревизионистов), как и монополистический капитализм. Под концепцию "бюрократического общества" подводятся обветшалые рассуждения о том, что КПСС является не рабочей и, тем более, не общенародной, а "надклассовой" партией, использующей попеременно принуждение и убеждение для обеспечения политической стабильности общества (I05, с.I56). Можно встретить и такое "объяснение": советское общество имеет бюрократическую природу, потому что высшим органом политического управления в СССР является Политбюро ЦК КПСС (I04, с.209).

Как и в случае с "тоталитаризмом", нередки попытки западных теоретиков изобразить бюрократизацию и бюрократию доминирующим феноменом определенной эпохи, охватывающей и современность. Согласно известному американскому политологу Р.Бендиксу, бюрократическое общество неизбежно порождается процессом индустриализации, которая требует громоздкого механизма хозяйственного управления, подавляющего и инициативу личности (I3, с.89). Другой буржуазный политолог связывает рост бюрократических тенденций с расширением социального обеспечения, предусматривающего создание специальных служб, которые не сужают, а расширяют пропасть между государством и обществом: материальное положение масс улучшается, а их политические права становятся все более трудно реализуемыми (37, с.I23-I24, I26).

На волне обостренного интереса буржуазных исследователей к работам М.Вебера в последнее время участилось обращение к веберовской концепции власти и его высказыва-

ям о Советской России для отрицания правоты марксистской теории социалистического государства, дискредитации реального социализма. Особенно импонирует нашим идейным противникам тезис Вебера о том, что если при капитализме элементы бюрократизации экономики и государственного управления аккумулируются постепенно по мере их развития, то при социализме они возникают с самого начала в силу единства политической и экономической власти (49, с.4-5).

С разработкой и популяризацией современных концепций бюрократии и бюрократизации обнаружилось любопытное, хотя и глубоко закономерное явление: между теоретическими конструкциями "тоталитарного" и "бюрократического" общества применительно к реальному социализму оказалось немало точек соприкосновения. Действительно, и там, и тут читателю преподносилась картина общества, в котором государство и правящая партия, сосредоточив в своих руках рычаги управления и контроля всеми сферами жизни, оторвались от своей социальной базы и принимают политические решения без учета мнения масс. "Опасность бюрократического деспотизма, - заявлял в середине 70-х годов А.Ноув, - ... была, возможно, присуща ленинской концепции изменений, организованных и навязанных сверху преимущественно крестьянской стране... Решение в пользу централизованного планирования и против рыночных сил изменило не только экономическую, но и политическую обстановку, направляя ее в сторону того, что получило название "тоталитаризма" (88, с.20, 34). "Современные коммунистические системы можно скорее всего классифицировать как "посттоталитарные режимы" в форме авторитарно-бюрократического партийного господства". - пишет С.Енкнер (64, с.20).

После соединения "бюрократической" и "тоталитарной" моделей социализма уже никого не могло удивить приклеивание к СССР и другим социалистическим странам ярлыка "бюрократического авторитаризма" (63, с.22).

Отметим момент, в последние полтора десятилетия все чаще объединяющий позиции буржуазных идеологов и правых ревизионистов: истоки "бюрократизации" и "тоталитаризма" связываются с деятельностью В.И.Ленина и большевистской партии еще в период подготовки и осуществления Великой Октябрьской социалистической революции. Дж.Кип безапелляционно заявляет, что корни "тоталитаризма" кроются в теории и практике ленинизма (70, с.687). А.Гуэрра, основываясь на выкладках обширной буржуазной и ревизионистской литературы, утверждает, что "авторитарный импульс наличествовал в большевистской партии еще в 1917 г."; со становлением же однопартийной системы Страна Советов превратилась в "государство-Левиафан" (51, с.159, 161).

Выходило, таким образом, что мнимый "советский тоталитаризм" появился еще раньше итало-германского и был чуть ли не его предтечей. Нашлись теоретики антисоветизма, которые так прямо и заявляли (С.Хук, Р.Левенталь, Б.Майсснер и др.). "Конституционно-историческое значение советского государства... состоит в том, - заявил Б.Майсснер,- что оно является первым в истории однопартийным государством и в качестве такового прообразом не только коммунистических, но и фашистских представлений о государстве" (82, с.5).

Наконец, следует упомянуть еще об одной модификации концепции "тоталитаризма" применительно к СССР, разработанной в первой половине 70-х годов Ричардом Пайпсом. Р.Пайпс известен не только как ярый антисоветчик, но и как завзятый русофоб, давно вынашивавший идею "навечного отлучения" нашей страны от "цивилизованного мира". В книге "Россия при старом режиме" он выстраивает крайне предвзятую схему исторического пути России, заявляя, что ряд факторов и событий (природные условия, принятие византийского варианта христианства, монгольское иго и др.) столь роковым образом сказались на ее судьбах, что страна "от-

городилась от столбовой дороги христианской цивилизации, которая вела на Запад" (89, с.298). "На протяжении всей своей истории, - пишет сей автор, - русская империя развивалась в направлении, диаметрально противоположном ходу эволюции Англии и Америки, неуклонно тяготея к централизму и бюрократизации" (89, с.333). По мнению Пайпса, в России отсутствовали ограничения политической власти, законоправие и личные свободы, а цари и бюрократия бесконтрольно распоряжались "всеми людскими и материальными ресурсами страны" (89, с.30).

Эти "обнаруженные" им специфические русские "традиции" Пайпс переносит на советское общество, добавляя к ним "тоталитарные" черты, якобы заложенные в ленинизме. В результате на свет появляется синтезированная "бюрократическо-тоталитарная" концепция истории нашей страны, равной которой по негативным тонам и очернительскому заряду не найти во всей мировой литературе.

Изыскания Пайпса не совершили переворота в советологии, но оказались весьма и весьма наруку тем реакционным силам, которым требовалось создать сугубо отрицательный "имидж" Советского Союза во второй половине 70-х - начале 80-х годов, чтобы повернуть вспять процесс разрядки и дать дополнительный импульс элементам шовинизма, гегемонизма, милитаризма в жизненной философии и наступательной стратегии американского неоконсерватизма. Те, кто давно ждал этого, охотно подхватили идеи Пайпса. "Советский Союз - это страна, в которой тоталитарное правление существовало много веков", - объявил на страницах журнала "Тайм" слывущий "отцом" водородной бомбы физик Э.Теллер, ратуя за ядерное сверхвооружение США (41, с.14).

Концепция "преемственности" самодержавной и социалистической России, которой отдается дань в данном случае, - явление, как было показано в начальном разделе главы, далеко не новое. Однако существенным новым моментом, по

сравнению с довоенным периодом, выступает сейчас синтез этой концепции с концепцией "тоталитаризма". Если смотреть в корень, то подоплека такого синтеза заключается в следующем: с конца 30-х по первую половину 50-х годов отождествление СССР, нацистской Германии и фашистской Италии служило для антикоммунистов главным инструментом очернения нашей страны в глазах мировой общественности; когда же отождествление полностью потеряло правдоподобие, а тем самым и эффективность в стратегии антикоммунизма, на смену ему пришло сопоставление социализма и самодержавия на базе все той же концепции "тоталитаризма", отказываться от которой консервативные политики и идеологи никак не хотят.

Влияние "тоталитарных" концепций сказывается прежде всего в том, что в современной буржуазной литературе линии "преемственности" царской России и СССР выискиваются прежде всего в области истории формирования государственной власти и учреждений, политической культуры и идеологии, психологии и традиций русского народа. Ярый антикоммунист эмигрантского происхождения Л.Добрянский тремя основными чертами "преемственности" называет "русский империалистический экспансионизм и колониализм", "тоталитарный деспотизм" и всесилие государства, "институционализированный мессианизм" в идеологии (33, с.84).

Когда буржуазным идеологам требуется выделить основное связующее звено между прошлым и настоящим нашей страны, они, как правило, выдвигают тезис о специфике ее государственной власти. При этом в качестве основы исторических параллелей берется все тот же вневременной и внеклассовый "бюрократически-тоталитарный" характер этой власти в России, которому-де противостояла и противостоит идея западной "либеральной" государственности, основывающейся на свободной игре экономических сил и предоставлении индивидуума самому себе. "Главная линия преемственно-

сти – всемогущество государства, его отказ мириться с формированием из категорий классов, – заявляет американский политолог У.Коннор. – ...Насколько привилегии до сих пор зависят от бюрократически регулируемого доступа, от разного рода бумаг, а не от денег и рынка, не может не произвести впечатления даже на тех, кто считает изменения в течение советского периода более важными, чем преемственность" (27, с.63).

Английский политолог С.Уайт уверяет, что "советская политическая культура берет корни в многовековом историческом опыте абсолютизма" (II6, с.IX). В другой работе он пишет, что "традиционно русская политическая культура" включает следующие черты: "представительные учреждения, как правило, помалкивали и были неэффективными; уровень народного участия и представительства (в отправлении функций власти.– Ю.И.) был низким; стиль управления был централизованным, бюрократическим и крайне авторитарным" (II7, с.34). Все это, если верить Уайту, в основном сохранилось посейчас; существует же веками такая модель государства, по его мнению, потому, что граждане свыклись с государством и не мыслят себя вне его рамок. "Можно заключить, что режим ныне в основном легитимен; свидетельств расхождений между его политической культурой и политической системой мало", – делает вывод автор (II6, с.44). Этот вывод можно было бы принять за позитивную оценку политической системы СССР, если бы за ним не стояла пресловутая концепция "преемственности".

Способствуя формированию внешнеполитических представлений наиболее реакционных кругов мирового империализма в последнее десятилетие, концепция "тоталитаризма" сама получила своего рода кислородную подушку от неоконсерваторов в тот момент, когда ее критики, казалось, уже окончательно похоронили ее. Тот идейно-политический климат, который постепенно складывался в США по мере нарастания нео-

консервативных тенденций, помог приверженцам этой концепции обрести второе дыхание и если не восстановить полностью авторитет, присущий ей в 50-х годах, то, по крайней мере, получить широкую трибуну в буржуазной массовой печати и возможности изложить новые аргументы в свою пользу в академической литературе. Как констатировал С.Енкнер, концепция "тоталитаризма" после временного забвения переживает ныне "ренессанс" (64, с.16).

Здесь, однако, целесообразно вернуться к тому моменту, когда концепция "тоталитаризма" начала испытывать первые серьезные критические удары. Как и следовало ожидать, уже тогда у нее нашлись защитники, да и сами ее основоположники отнюдь не собирались легко сдавать свои позиции. К.Фридрих, рецензируя книгу Г.Ионеску "Политика европейских коммунистических государств", которая по своей антикоммунистической направленности была близка его собственным работам, но ставила вопрос о применимости этой концепции к столь разнородным по своей природе государствам, какими являются включаемые в категорию "тоталитарных" франкистская Испания, ОАР, Югославия, КНР, СССР и другие социалистические страны, призвал Ионеску отбросить сомнения и вознес его книгу как "крупный вклад в развитие теории и познания тоталитаризма", систем, возникших в XX в. (43, с.250, 255). Дефект всякого рода "тоталитарных схем", заключающийся в произвольном и ненаучном применении их при изучении разнородных социальных явлений, Фридрих попытался превратить в достоинство. "Термин "тоталитарная диктатура" так широко использовался для обозначения этих режимов (XX в. - Реф.), что представляется более мудрым использовать его впредь, если мы хотим найти общий язык, говоря о них", - заявил Фридрих (43, с.250).

Ничего существенно нового в собственную теорию Фридрих, однако, не внес, он не пересмотрел и не изменил свою характеристику тоталитаризма, данную еще в 1954 г., разве что

пытаясь примирить ее с теорией индустриального общества, стал больше подчеркивать модернизаторскую и индустриализационную функцию "тоталитарных режимов".

Размывание методологических основ теории "тоталитаризма" привело к тому, что от нее отошел ряд ее бывших апологетов. Одним из них был Д.Армстронг. В 1973 г. выпустил книгу "Европейская административная элита", в которой дал сравнительный анализ местных и высших кадров управления экономикой во Франции, Англии, Германии (ГДР и ФРГ) и СССР. Уже само применение сравнительного метода изучения явлений в капиталистическом и социалистическом мирах свидетельствовало о выходе за рамки теории "тоталитаризма", рассматривавшей эти явления как априорно противоположные по принципу знаков "плюс" (капитализм) и "минус" (социализм). Армстронг пришел к выводу об общих чертах в формировании управленческих кадров во Франции, США и СССР (8, с.188), он полностью избегал употреблять термин "тоталитаризм".

В 70-х годах усерднее всех выступил за сохранение термина "тоталитаризм" и концепции "тоталитарного государства" в общественных науках Л.Шапиро. В книге "Тоталитаризм", вышедшей в Англии в серии "Ключевые концепции политической науки" (Шапиро сам являлся главным редактором этой серии), и одноименной статье в восьмитомной энциклопедии "Марксизм, коммунизм и западное общество", изданной в США (а несколько ранее в шести томах в ФРГ под заголовком "Советская система и демократическое общество"), Шапиро заявлял, что наука обеднеет, лишившись этого понятия (96, с.124; 97, с.200).

На первый взгляд, правда, могло показаться, что Шапиро значительно изменил свои взгляды на "тоталитаризм" под влиянием критики этой концепции в последнее десятилетие. Он признал, что широкое использование ее политиками, публицистами и учеными привело к неразборчивости в употребле-

нии, неточностям, смешению понятий. Дело дошло до того, указывал Шапиро, что те или иные "тоталитарные" черты обнаруживали не только в фашистских режимах, но и в царской России, в восточноевропейских странах народной демократии, в Римской империи времен Диоклетиана, в идеальной республике Платона, в древней Спарте, в Японии эпохи Мейдзи и т.д. и т.п. (96, с.15).

Такая ситуация естественным образом вела к дискредитации самих методологических основ теории "тоталитаризма" и к требованиям отказаться от нее вообще, с чем Шапиро (как и многие его единомышленники, стоявшие у колыбели этой теории) никак не мог смириться. Стремясь сохранить эту теорию в арсенале буржуазной политической науки и особенно в арсенале советологии, Шапиро пошел на "уступки" ее оппонентам: теория остается научной, заявил он, если использовать ее только для характеристики фашистской Италии, нацистской Германии и Советского Союза в период "сталинизма". "Следует заметить с самого начала, - был вынужден отметить Шапиро, - что в отношении Советского Союза имеются особые соображения. Как в Италии, так и в Германии созданные там режимы были плодом рук одного человека, который завоевал власть, удерживал ее в течение некоторого времени, а затем погибал, потерпев поражение в войне. В случае с Россией Сталин унаследовал власть, завоеванную Лениным, а после смерти Сталина в 1953 г. в Советском Союзе произошли перемены. Поэтому поиск общих черт всех трех режимов в отношении СССР должен быть ограничен сталинской эрой; вопрос же о том, применим ли термин "тоталитаризм" к Советской России ранних лет или после 1953 г., следует оставить открытым для дальнейшей дискуссии" (96, с.15-16).

Нетрудно заметить, что, делая "уступки" критикам концепции тоталитаризма, Шапиро стремится максимально уберечь от окончательной эрозии ее крайне субъективистское

антикоммунистическое ядро: сведение корней тоталитаризма к волевым решениям отдельных личностей и "сохранение" СССР в ряду "тоталитарных государств" при полном пренебрежении различиями в классовой социально-политической и социально-экономической природе социализма и фашизма. Закрепление на таких позициях позволило бы Шапиро и его единомышленникам в ходе дальнейшей дискуссии "обнаруживать" преемственность "сталинизма" и ленинизма, а также "сталинизма" и современного советского политического строя, иными словами, вернуть все на круги своя.

Шапиро допускает постановку вопроса о том, не являются ли коммунизм и фашизм столь различными социальными явлениями, что не существует термина, приложимого к обоим обществам. Но этот вопрос он ставит чисто в маскировочных целях, так как априорно дает на него отрицательный ответ. Полемизируя с Ф.Флероном, считающим, что концепция "тоталитаризма" не годится для изучения социалистических стран, Шапиро приводит цитату из статьи Флерона, опубликованной в журнале "Совьет стадиз" в 1968 г.: "Без точного определения понятия ("тоталитаризма". - Реф.) мы не знаем, какие системы надо изучать" (40, с.317). Нет, заявляет Шапиро, мы как раз знаем, какие системы являются "тоталитарными", - это Германия, Италия и СССР в 30-х годах (96, с.17). Тем самым автор демонстрирует фиктивный, тактический характер своей готовности вступить в дискуссию о сути "тоталитаризма".

"Новая" характеристика "тоталитарных режимов", предложенная Шапиро, по сути мало чем отличается от той, которая была дана Фридрихом, - она также акцентирует некий "всеобъемлющий контроль" государства, представленного "элитой" и функционирующего в интересах этой "элиты", а также способность "элиты" обеспечить себе массовую поддержку. Бо́льшая или меньшая роль "вождя", "диктатора"; примат идеологических средств воздействия (индоктринация населения) над фи-

зическими (террор, принуждение) или наоборот – вот тот узкий диапазон, в которых апологеты концепции расходятся друг с другом.

Кроме того, "новая" модель тоталитаризма Шапиро, несмотря на иронические замечания ее создателя по адресу тех, кто включал в категорию "тоталитарных" самые различные и крайне отдаленные друг от друга во времени явления, грешила таким же эклектизмом и путаницей. В специальной главе "Как нов тоталитаризм?", посвященной поиску корней этого явления, Шапиро в конце концов приходит к тем позициям, которые он критиковал выше. Он допускает "некоторую параллель" между древней Спартой и "современными тоталитарными режимами", особенно нацистской Германией, исходя из того, что в Спарте молодежь с детства воспитывалась в духе аскетизма и обучалась военному искусству (96, с.91), называет империю инков "первым крупным древним доиндустриальным обществом, проявляющим многие черты тоталитаризма" (96, с.92), заявляет, что элементы тоталитаризма можно обнаружить в Англии времен Тюдоров (вследствие коррупции закона и судебных фарсов) и Московской Руси (ввиду "буквального отсутствия законного порядка и наличия широкой системы политического террора") (96, с.94). Эти выводы не стали более глубокими оттого, что автор сделал ряд оговорок: в Спарте все же не было "тоталитарного вождя"; у инков, при слиянии церкви и государства, наличии идеологического контроля посредством религии и мобилизации масс на трудовые повинности, не наблюдалось попыток вызвать у народа массовую лояльность и энтузиазм и таким образом легитимизировать власть императора; тирании Тюдоров и московских царей также не нуждались в массовой поддержке, так как реальная борьба за власть велась в узком кругу знати. По сути, Шапиро лишь внес еще большую путаницу в вопрос о критериях "тоталитаризма", лишний раз наглядно продемонстрировал ненаучность методологии, с помощью кото-

рой это явление обнаруживается и изучается буржуазным обществоведением.

В конце 70-х - начале 80-х годов, т.е. в период гальванизации "тоталитарных" схем на волне неоконсерватизма в США, были предприняты попытки заново постулировать всю концепцию "тоталитаризма" с учетом изменившихся реалий. В наиболее развернутом виде такая попытка содержится в книге М.Кертиса. Автор назвал "тоталитаризм" "полезным термином" для обозначения "специфического типа современного режима в век массовой демократии, в котором население содержится под контролем с помощью разнообразных средств, особенно террора" (28, с.2-3). Существует, заявил он далее, целое семейство форм правления, сходных с "тоталитаризмом": разного рода "диктатуры", "деспотии", "автократические режимы", "бонапартистские системы" и "полицейские государства"; все они объединяются "элитистским управлением, произвольным использованием политической власти, сведением к минимуму личных прав индивидуума, иерархическими институтами" (там же). "Тоталитарные режимы" современности, продолжает Кертис, отличаются от аналогичных систем прошлого тем, что они больше опираются на поддержку масс и массовые движения, а не на экономические и политические элиты, в то же время применяя в отношении масс "насилие, массовую мобилизацию, индоктринацию и пропаганду" (28, с.4).

Нетрудно видеть, что все эти критерии легко приложить к буржуазному государству, причем наличие в нем социальной и политической власти элит, иерархии, демагогии в обращении к массам констатируется самими ортодоксальными буржуазными социологами и политологами. Поэтому во избежание обратного эффекта автор оговаривается, что для всех "тоталитарных режимов" характерно отрицание "либеральной системы и демократии", а затем предлагает читателю 13 критериев "тоталитаризма", представляющих смесь из постула-

тов, выдвинутых еще Х.Арендт, К.Фридрихом и З.Бжезинским, и некоторых "новых"признаков, которые отражают наиболее ходовые домыслы антисоветской пропаганды последнего времени. Вот эти критерии: I) официальная идеология, нацеленная на построение нового политического и социального порядка и создание нового типа личности; 2) монополия на контроль над личной жизнью индивидов с целью достижения "тоталитарного конформизма"; 3) террор и политическая инквизиция;4) иерархическая однопартийная система"; 5) подмена личных интересов общественными; 6) централизация власти, недопущение оппозиции и инакомыслия; 7) неподконтрольность высшей власти; 8) контроль над средствами массовой информации и образовательной системой для мобилизации граждан; 9) отсутствие "настоящих" свободных выборов; I0) монопольный контроль над оружием и вооруженными силами; II) отказ граждан в свободном выезде за границу; I2) централизованная плановая экономика с контролируемым потреблением; I3) личная диктатура вождя (28).

М.Кертис пытается проследить вехи складывания "тоталитарных режимов" в Италии, Германии и СССР. Примечательно, что, солидаризируясь по существу с реакционными идеологами, взваливающими вину за антидемократические политические тенденции современности на нашу страну, он датирует зарождение "тоталитарной" власти в Италии I924 г. (когда был принят закон, позволяющий арестовывать по подозрению в подрывной деятельности), а в СССР - роспуском Учредительного собрания в январе I9I8 г. и "красным террором". Более того, Кертис повторяет домысел о том, что ленинская концепция партии нового типа уже содержала в себе идею "диктатуры партии", а заодно и те псевдоисторические экскурсы, которыми оперировали ранее Пайпс, Шапиро и их единомышленники, прослеживая корни "тоталитаризма" в традициях православной церкви и великомосковских князей, заставлявших своих подданных нести государственную службу (28, с.I4, I9).

Оговорки, которые делает автор, стремясь придать своей схеме видимость гибкости, только подчеркивает ее несостоятельность. Так, допуская, что в течение известного времени после Октября 1917 г. "тоталитарный контроль" ограничивался, он ссылался на нэп и сохранение мелкого частного сектора в народном хозяйстве. Однако из такой постановки вопроса следует, что "тоталитаризм" возникает всегда и всюду, где утверждаются общественная и государственная собственность на средства производства, чего, как известно, не было ни в фашистской Италии, ни в нацистской Германии. Еще один критерий "тоталитаризма", имеющий явную антисоветскую направленность, вводит У.Лэкер. Он допускает, что "любой режим, получивший на выборах 99% голосов избирателей, является по определению "тоталитарным" (79, с.30). Правда, он оговаривается, что прибегает в данном случае к преувеличению, но эта оговорка ничего не меняет. "Поскольку в СССР нет оппозиции КПСС, он в этом смысле до сих пор тоталитарен", - пишет далее Лэкер (79, с.35).

В аналогичном ключе строит свою концепцию "тоталитаризма" С.Андрески. Советский Союз в начале 50-х годов выступает у него как "тоталитарное государство", близкое к 100% "чистому" типу; "третий рейх" был "тоталитарным" на 85% накануне второй мировой войны, по его выкладкам, и к концу войны - на 95%; режим Муссолини и вовсе достиг лишь 55% уровня. Главным критерием "тоталитаризма" Андрески считает степень сохранения "независимых организаций" в государстве (5, с.44-45).

Наиболее ярым антикоммунистам кажется недостаточным отстоять концепцию "чистого тоталитаризма" с отнесением ее к нашей стране сталинского времени. Такая постановка вопроса предполагает, что после определенного периода "тоталитаризм" в СССР или стал "нечистым", либерализованным", или трансформировался в другой тип государства, который трудно изображать в сугубо черных красках. Извест-

ный правый ревизионист Л.Колаковский выдвинул тезис, что только социализм, ликвидировавший частную собственность, может служить подлинным фундаментом "тоталитарной диктатуры". "Сталинское правление - это правление образцового коммунизма, - заявил Колаковский. - Все остальные варианты коммунистического государства являются или незрелыми, или побочными, или искаженными" (73, с.I2-I3). Поэтому, добавил он, после смерти Сталина "советский тоталитаризм стал больным тоталитаризмом, теряющим свою прежнюю эффективность" (там же, с.I4).

Серьезные исследователи на Западе не разделяют выводов, столь явно продиктованных политической озлобленностью. Однако идеологическая обстановка в крупнейших капиталистических странах, тон в которой задают неоконсерваторы и антикоммунисты разных оттенков, способствует гальванизации наиболее предвзятых схем и версий. В одной из наиболее серьезных работ, содержащих анализ американских концепций развития советского общества, ее автор, последовательный критик антикоммунизма в советологии, С.Коэн с сожалением отмечает, что в период спада разрядки и ухудшения американо-советских отношений многие черты, характерные для времен "холодной войны", вновь отчетливо проявили себя. "После того как борьба против тоталитаризма в начале 80-х годов переместилась в Белый дом, - констатирует Коэн, - некогда ортодоксальная концепция, которая долгие годы вела советологию по ложному пути, возрождается вновь" (26а, с.35).

Этому процессу способствует то обстоятельство, что "модели", которые пришли на смену "тоталитарной", также оказались уязвимыми для критики. Для некоторых западных советологов сам этот факт послужил аргументом в пользу сохранения концепции "тоталитаризма". "Процесс "детоталитаризации" оказался палкой о двух концах, - пишет английская исследовательница Р. Уолкер, - ибо как ни ста-

рались западные аналитики, они обнаружили, что заменить тоталитарную модель более сбалансированной и достоверной альтернативой трудно" (II4, с.5).

Выше речь шла о тех теоретических новшествах в буржуазной советологии, которые возникли как следствие стремления видоизменить и усовершенствовать концепцию "тоталитаризма", соединив ее с другими схемами явно антисоветской (и антирусской) направленности. Посмотрим теперь, как складывается теоретический багаж другого направления советологии (а в более широком плане - другого направления буржуазной социологической мысли), представители которого исходили и исходят из презумпции общности и схожести существующих в мире социальных систем.

КОНЦЕПЦИИ БЛИЗОСТИ ДВУХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ (КОНВЕРГЕНЦИИ, ГРУПП ИНТЕРЕСОВ, МОДЕРНИЗАЦИИ И ДР.)

Представляется, что методологическая несостоятельность буржуазной советологии (а в более широком плане - буржуазного обществоведения в целом) наиболее наглядно проявляется как раз в неспособности дать глубокий, научно достоверный сравнительный анализ существующих социально-экономических систем. Эта неспособность обусловлена субъективистским, недиалектичным и зачастую неисторичным пониманием исторического процесса в целом, в котором выпускаются главные, выпячиваются несущественные, а нередко конструируются несуществующие закономерности и черты. Игнорируя основополагающий фактор человеческого прогресса, каковым является развитие и изменение способа производства путем преодоления общественных противоречий, буржуазные идеологи склонны рассматривать изолированно друг от друга и гипертрофировать роль политической надстройки общества, научно-технической революции, производимого валового продукта и т.п. Отсюда неизбежно вытекают перекосы в сторону либо неоправданного дробления и разделения истори-

ческого процесса, либо сглаживания реально проявляющихся общественных противоречий.

Действительно, концепция "тоталитаризма" строится на посылке о полярной противоположности социализма (как "тоталитарного", наиболее недемократического) и капитализма (как "свободного", наиболее демократического) общества. Верно, что в политическом, как и в социально-экономическом, отношении эти системы принципиально различны. Однако характеристики, "знаки" поменяны местами: социализм добивается действительного народовластия, а капитализм лишь прикрывает вывеской народовластия господство монополистической буржуазии и острейшие социальные противоречия.

Апологеты "сближающих" концепций (помимо конвергенции и модернизации, это концепции индустриального, единого индустриального, техностронного общества и др.), наоборот, упускают из виду коренную противоположность социализма и капитализма, снисходительно допуская, что позитивные, по их понятиям, характеристики капитализма свойственны, хотя и в меньшей мере, социализму; негативные же социальные явления объявляются присущими всем типам обществ, но в большей мере опять-таки тем, которые еще не достигли вершин "западной цивилизации". Вопрос о борьбе капитализма и социализма как систем, а тем более о неизбежности конечной смены капитализма социализмом тем самым как бы снимается вообще.

Марксистам ясно, что обе позиции являются методологически ошибочными. Но в одинаковой ли степени? Какая из них "лучше"?

Ответ на эти вопросы требует глубокого специального анализа, который, в свою очередь, невозможен без ознакомления с аргументами, предъявленными буржуазными теоретиками в пользу второй позиции.

Как существует в буржуазной политологии и социологии понятие "чистого" системного антипода капитализму ("чистый

тоталитарный режим"),так существует там и "чистая" схема общности капитализма и социализма - конвергенция.

Сам термин "конвергенция" заимствован из естественных наук, где он обозначает развитие схожих функций у различных организмов в процессе их приспособления к аналогичным условиям существования. В буржуазной социологии под ним имеется в виду постепенное уподобление друг другу экономических, социальных и культурных (а в дальнейшем, возможно, и политических) институтов двух основных типов "индустриального общества", функционирующих на Западе и в социалистических странах, а в более узком смысле - в США и СССР.

Широкое распространение теория конвергенции получила в конце 50-х - начале 60-х годов, когда социально-экономическое и политическое развитие СССР и других социалистических стран выбило опоры из-под мифа о "советском тоталитаризме". Однако отдельные ёе блоки начали складываться гораздо раньше. Некоторые буржуазные социологи склонны отыскивать истоки теории конвергенции еще в идеях Французского просвещения и предсказаниях французского публициста XIX в. маркиза Алексиса де Токвиля о сближении России и Америки. "Ныне в мире существуют две великие нации, которые, отправляясь от различных точек, по видимости движутся к одной и той же цели - это русские и англо-американцы, - писал де Токвиль в 1835 г. - ... Кажется, что каждую из них тайный перст проведения призвал в один прекрасный день держать в своих руках судьбы половины мира" (III, с.378-379).

Другие буржуазные исследователи критикуют такой подход, абстрагирующийся от особенностей эпохи и социальных систем. "Все споры о возможности сближения экономических систем, которые имели место до первого практического опыта создания централизованной экономики в России, базируются на абстрактно-теоретическом фундаменте, поскольку все

суждения о способе функционирования и тенденциях развития централизованной экономики в той ситуации могли носить только спекулятивный характер, - пишет, например, западногерманский экономист И.Беккер. - Напротив, все суждения, связанные с изменением в рыночной и соответственно в плановой экономике после осуществления в России централизованного управления хозяйством, носят на себе печать реальности"[1].

Каким же образом, однако, мыслимо сближение капитализма и социализма? Должна ли одна из систем измениться для этого больше, чем другая, или они вместе будут проходить этапы неких равномерных преобразований? Этими вопросами неизбежно задавались авторы соответствующих работ и их читатели - сторонники и противники. Заметим, что экскурсы в публицистику предшествующих исторических эпох не дают ответа на эти вопросы; Токвиль, например, рассматривал проблему конвергенции скорее с позиций примирения мировых амбиций России и США, чем уподобления социальной природы обеих стран.

Западные теоретики быстро вычислили три нехитрых теоретических варианта конвергенции: изменения конвергентного порядка преимущественно в социалистическом обществе (вариант У.Ростоу); такие же изменения преимущественно в капиталистическом обществе (дж.Гэлбрейт); изменения в обеих системах, обусловливающие их движение навстречу друг другу (Я.Тинберген) (см. I03, с.4I9-420). Несколько иную классификацию конвергентных процессов предложил В.фон Бредов. Первые два варианта он назвал иллюзорными, а к третьему добавил четвертый: социализм и капитализм движутся не столько навстречу друг к другу, сколько к некоему новому типу общества, например, "планируемой рыночной экономике" (20, с.4I). Нетрудно видеть, что это добавление не внесло принципиально ничего нового в уже существовавшие представ-

[1] Цит. по: Иванов Г.И. Социальная сущность теории конвергенции. - М., I975. - С.I8-I9

ления, в частности, в тезис Тинбергена о том, что "самый лучший строй представляет собой синтез некоторых элементов капиталистической эффективности и социалистического равенства"[1].

Этот вариант, впрочем, был далеко не новым еще тогда, когда теория конвергенции только зарождалась. Еще в 1944 г. П.Сорокин заявил о сходстве некоторых социальных характеристик СССР и США, о движении обеих стран к некой смешанной социально-культурной общности (102). Сорокин обнаружил тенденции сближения советского и американского общества в 12 различных областях: 1) естественных науках и технике; 2) обществоведении и всех гуманитарных науках; 3)философии; 4) этике и уголовном праве; 5) просвещении и образовании; 6) спорте и здравоохранении; 7) изящных искусствах; 8) религии; 9) семье и браке ; 10) экономике; 11)общественных отношениях; 12) политической системе. В другой работе того времени говорилось, что "Россия и Соединенные Штаты более схожи по своей истории и общественной организации, чем обычно принято считать", и прежде всего в социальной структуре, структуре власти (индустриальной, политической, военной), таких основных ценностях, как дух новаторства, утилитаризм, равенство (30, с.174).

Подобные рассуждения на Западе в годы общей борьбы против гитлеризма объяснялись надеждами на гармоничное послевоенное устройство, свободное от антагонизмов, ведущих к кровопролитиям; для Сорокина, помимо всего прочего, это было своеобразной формой проявления русского патриотизма.

Нельзя, однако, не видеть и того, что после нескольких десятилетий безуспешных попыток мирового империализма "задушить большевизм" переход части буржуазных идеологов

---

[1] Цит. по: Иванов Г.И. Социальная сущность теории конвергенции. – С.10.

к "конвергентному мышлению" недвусмысленно свидетельствовал о признании жизнеспособности нового общества. Обращение к альтернативе сотрудничества и сближения двух систем тесно связано с крахом расчетов на подавление реального социализма методами силового противоборства.

В предсказаниях конвергенции есть и политический, классовый расчет. Многими буржуазными теоретиками она мыслится прежде всего в виде однонаправленного процесса - перерождения социализма в сторону капитализма. "Большинство теорий так называемой конвергенции, - пишут Бжезинский и Хантингтон, - постулирует не конвергенцию, а поглощение противоположной системы" (24, с.419). Эти авторы именуют тезис о конвергенции "антисоветским марксизмом". В этом плане предтечей нынешних "однонаправленных" вариантов конвергенции (в сторону капитализма) были расчеты сменовеховцев и мировой буржуазии на перерождение советской власти в результате нэпа.

Именно с наивысшим ростом надежд на перерождение социализма связано достижение концепцией конвергенции пика популярности в середине 60-х годов. Это произошло после введения экономических реформ в странах социализма. Голубой мечтой "конвергенционистов" было такое дальнейшее развитие реформ, которое привело бы к "либерализации", "эрозии" социалистического способа производства, общественных отношений, а в итоге и политической системы социализма.

То, что хозяйственные реформы середины 60-х годов не пошли в этом направлении, нанесло сильнейший за все время удар по концепции конвергенции - ведь именно в этой сфере буржуазные и ревизионистские идеологи всегда искали начальные ростки "перерождения". Вспомним, что еще у П.Сорокина политическая система стояла на последнем месте. Это не случайно. По мнению большинства буржуазных идеологов, в политической сфере конвергенция либо не произойдет вообще, либо будет незначительной и произойдет в отдаленном буду-

щем. Отдельные отклонения от этой позиции наблюдались в конце 50-х - начале 60-х годов. Например, Г.Скиллинг выдвинул тезис о наличии аналогичного механизма борьбы за руководство и власть в социалистических и капиталистических странах (IOI).

Взгляды буржуазных теоретиков на экономические и научно-технические аспекты конвергенции в наиболее обобщенном виде были изложены У.Ростоу в его известной работе "Стадии экономического роста" (93). Согласно Ростоу, в развитии американского и советского обществ прослеживаются общие тенденции, которые пока еще не совпали по времени, ибо СССР отстает от США. Если США уже миновали век высокого массового потребления, то Советский Союз только готовится вступить в него. Ростоу и его единомышленники (С.Кузнец, Я.Тинберген, Дж.Гэлбрейт и др.) акцентировали внимание, с одной стороны, на фактах расширения общественного сектора экономики в странах Запада, ограничения там свободной конкуренции, возрастающей роли государства и социальной политики, а с другой - на растущей специализации производства, увеличении роли цен, стоимости и прибыли в социалистических странах. С их точки зрения, как в социалистическом, так и в капиталистическом обществах благодаря НТР будет расширяться производство, ориентированное на массовое потребление, найдут все большее применение аналогичные методы планирования, будут все более уподобляться методы подготовки специалистов. Такого рода рассуждения нередки на Западе и сейчас. Однако ныне они уже не увенчиваются выводами о конвергенции двух систем. И не только крах надежд, связанных с хозяйственными реформами, послужил причиной этого, Как следует из сказанного ранее, наиболее благоприятным внешнеполитическим климатом для конвергенционистских схем является климат мирного сосуществования и разрядки. Принятие Соединенными Штатами курса на антиразрядку и конфронтацию способствовало оживлению кон-

цепции "тоталитаризма"; соответственным образом оно оказалось холодным душем для тех, кто выступал с заявлениями об "общности" и "сближении" социализма и капитализма.

Уже во второй половине 70-х годов буржуазные социологи и политологи стали все чаще утверждать, что экономические основы "индустриального общества" совместимы как с политическим строем "западного образца", так и с той или иной разновидностью "тоталитарных режимов". Сравнение буржуазными теоретиками двух общественных систем, СССР и США, перешло в плоскость осторожного выявления некоторых общих моментов позитивного (развитие науки и техники) и негативного (приписывание социализму противоречий капитализма) характера при допущении, что конвергенции может не произойти, а то и попросту при забвении этой теории.

Выше приводились аргументы буржуазных идеологов против концепции "тоталитаризма"; приведем и ряд возражений против теории конвергенции.

М.Голдмен: "Несмотря на частые разговоры о конвергенции, фактом остается то, что политические системы обеих стран (СССР и США. - Ю.И.) радикально отличаются" (50, с.7).

У.Мур: растущая взаимосвязь в мире еще не означает конвергенции в структуре и культуре общества (86, с.155).

Н.Спалбер: различия между капитализмом и социализмом создают "непреодолимые препятствия на пути конвергенции" (103, с.423).

Дж.Миллар: теория конвергенции не подкрепляется ни теоретически, ни практически. Концепция Тинбергена "одновременно неисторична и неэмпирична", она основывается на посылках о существовании в мире некой "единой" экономической структуры и общих целей обеспечения "рационального" потребления в сфере товаров и услуг; но даже в этом случае правильнее говорить о "параллельной эволюции" разных типов хозяйств (83, с.197).

Констатируя во второй половине 70-х годов поддержку теории конвергенции "солидным числом обществоведов", американские социологи Р.Сигел и Л.Уэйнберг, сами осторожно сочувствующие этой теории, вынуждены были признать, что ее критиков - еще больше (100, с.249). В свете создавшейся ситуации нетипичным выглядело утверждение одного из американских историков "ревизионистской школы" И.Горовица о том, что "функциональная конвергенция Советского Союза и Соединенных Штатов по широкому кругу социальных, культурных и политических вопросов стала безошибочной" (57, с.369). И уж полным диссонансом с современными тенденциями в советологии звучит тезис об "идеологической конвергенции США и СССР", выдвинутый недавно одним из социологов-клерикалов; основой для такой конвергенции этот автор считает сотрудничество ученых двух стран "без упоминания идеологических разногласий", а возможность осуществления аргументирует тем фактом, что в США благодаря посреднической деятельности Национального совета церквей возникла "теологическая конвергенция" различных религиозных направлений (3, с.19).

Крайности в анализе реального социализма, олицетворяемые "чистыми" моделями "тоталитаризма" и конвергенции, стали подвергаться сомнению многими буржуазными учеными практически с момента появления этих моделей. Были предприняты попытки сравнительного исследования двух общественных систем с комплексным учетом явлений, представлявшихся буржуазным теоретикам как общими для них, так и специфическими.

Сравнительным анализом политических систем в США и СССР в течение нескольких лет занимался З.Бжезинский вместе с С.Хантингтоном. В написанной ими совместно книге "Политическая власть в США и СССР" была предпринята попытка сравнить положение дел в двух странах в ракурсе четырех аспектов: политических идей, взаимоотношения системы и ин-

дивидуума, политического руководства и процессов выработки политики. Это само по себе нарушало каноны исследования, предписываемые теорией "тоталитаризма", согласно которой политические системы в США и СССР были настолько полярно противоположны (первая со знаком плюс, вторая со знаком минус), что их нельзя было даже сравнивать.

Главным же отходом от теории "тоталитаризма" было обнаружение авторами признаков некоторого сходства в обеих системах или, точнее, констатация того, что, во всяком случае по формальным признакам, всегда можно найти аналогичные черты во всех политических системах современности. Что же именно общее обнаружили Бжезинский и Хантингтон в политическом строе США и СССР? "Назовем лишь несколько ключевых схожих черт, - писали они, - это государственное управление на огромных территориях, осуществляемое в отношении разнообразных народов часто при наличии расовых (или этнических) трений; оба общества испытали период бурных технологических и экономических изменений и в некоторых отношениях проявляют схожее уважение к материальным и техническим ценностям; исторически каждое общество было тесно связано с западноевропейской политической системой, но не являлось ее составной частью; каждое общество видит в себе воплощение универсально правильных принципов; международные обязательства оказывают все большее влияние на определение их основных внутриполитических проблем. При сравнении сложных политических систем Западной Европы с их запутанными социальными структурами и множеством политических культур с политическими системами Соединенных Штатов и Советского Союза кажется, что последние имеют однородность, единство и простоту, которых не хватает на Европейском континенте. Сталкиваясь ныне со многими аналогичными проблемами - экономическими, военными, политическими, обе системы решали эти проблемы не абсолютно различными способами" (24, с.8).

Авторы также видели сходство советской и американской политических систем в их стабильности. Они отмечали, что США после гражданской войны и СССР после революции на протяжении соответственно более ста и почти пятидесяти лет (напомним, что книга была написана в 1963 г.) не испытали серьезных политических потрясений. Что касается СССР, подчеркивали авторы, то, "не считая Финляндии, это - единственная политическая система, возникшая в результате краха империй Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых и Оттоманской в первой мировой войне и существующая до сих пор. После первой мировой войны девять стран играли ключевую роль в мировой политике. Из них во Франции имели место четыре политические системы, в Германии, Италии и Китае - по три, в Японии и Индии - по две. Только Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз избежали радикальных перемен в последние сорок лет" (24, с.418).

"Советский и американский государственный строй принадлежат таким образом к небольшому клубу успешных систем, - заключали Бжезинский и Хантингтон. - Только потому, что они способны функционировать, они имеют много общего, что отличает их от нестабильности несовершенных и неэффективных систем, которые можно обнаружить в Азии, Африке и Латинской Америке. Советская и американская системы эффективны, авторитетны и стабильны, каждая по своему... Не имея аристократического наследия, они выдвигают своих политических лидеров из широких слоев населения и имеют относительно открытые системы социальной мобильности. Они обе продемонстрировали способность заменять руководящие кадры и приспосабливать свою политику и цели к фундаментальным изменениям в окружающем мире. Обе системы динамичны. Они изменяются отчасти стихийно, а отчасти посредством целенаправленных действий людей. Остается определить направление и содержание этих изменений" (24, с.418-419).

Такая позиция не оставляла места для фантазий на тему о "советском тоталитаризме". И действительно, нигде в книге не содержалось дефиниции "тоталитарный" применительно к Советскому Союзу, не упоминалась концепция "тоталитарного государства" (в предметном указателе соответствующие рубрики также отсутствовали), а соавтор Бжезинского по ранней работе о "тоталитарной диктатуре" К.Фридрих упоминался лишь дважды вне всякой связи с данной темой. Бжезинский словно делал вид, что той работы вовсе не существовало.

Заявив об известном сходстве в функционировании политических систем СССР и США, Бжезинский и Хантингтон вместе с тем не согласились с тезисом о конвергенции этих систем в будущем и акцентировали наличие в них еще большего числа расхождений. Но эти расхождения, подчеркнули они, никак не соответствуют формуле "черно-белого" противопоставления СССР и США. Авторы призвали отбросить, как варианты этой формулы, не только стереотипное изображение коммунизма как "рабства", а капитализма как "свободы", но и сами термины "коммунизм" и "капитализм" (под "коммунизмом" они имели в виду социалистический строй; термины же "социалистический строй" и "социализм" они не употребляли вовсе).

Главное различие между политическими системами в СССР и США Бжезинский и Хантингтон видели в сфере взаимосвязи между государством и обществом: "В Советском Союзе индивидуальная свобода ограничивается государством, - писали они, - а экономическая деятельность направляется государством. В Соединенных Штатах государство ответственно перед обществом и ограничено в своей деятельности экономическими и социальными функциями, осуществляемыми самостоятельными организациями" (24, с.9). Важны, по их мнению, и различия в роли идеологии в советском и американском обществах, а также в выборе и характере руководства.

Уже из этих отправных моментов видно, что Бжезинский и Хантингтон обходили вопрос о классовой природе американского и советского обществ. Поэтому их выводы как о "сходстве", так и о "расхождениях" в практике того или другого были в основном произвольными, не подкрепленными всесторонним научным анализом. Тем не менее ряд положений книги представлял интерес, поскольку намечал определенные новые вехи исследования для западной советологии. Чисто эмпирические данные, собранные и приведенные авторами, нередко выходили за рамки их методологии. Так, после исследования статистики и литературы, вышедшей в США и СССР, они были вынуждены констатировать, что в то время, как "советские политические руководители имеют преимущественно пролетарское и крестьянское происхождение", "американские политические лидеры являются выходцами в основном из семей высших классов и высших слоев среднего класса" (24, с.134). Книга Бжезинского и Хантингтона должна была также послужить своеобразным меморандумом для политических сфер США, поскольку определение "сходства" и "различий" американского и советского обществ тесно увязывалось авторами с выявлением "сильных и слабых мест" того и другого.

"Сила советской системы вытекает из главенствующей роли ее политической идеологии и институтов в советском обществе, а также из способности политического руководства держать это общество под контролем, - заявили авторы. - С другой стороны, слабость советской системы во многом обусловливается отрицательными последствиями сверхконцентрированной личной власти, ограничивающим воздействием официальной идеологии на экономику и интеллектуальную жизнь страны, трениями между политической системой и другими социальными силами и институтами. Сила американской системы, наоборот, исходит прежде всего от тесного единства общества и государства, от непрерывного динамического взаимоприспособления. Слабость же ее вызвана подчинением системы

обществу, которое часто затрудняет четкое определение стратегических целей и своевременное, эффективное проведение политики" (24, с.409).

СССР поставил целью, продолжали авторы, не замечая, что впадают в противоречие с вышесказанным, сделать все общество монолитным и единым в политическом и идеологическом отношениях, и в этом вопросе он идет гораздо дальше США, где не ставится таких задач. Но поскольку общество никогда не может быть полностью вовлечено в политический процесс, эта стратегическая цель СССР недостижима. Зато в СССР была создана более эффективная, чем в США, "система контроля и мобилизации", которая существует уже дольше, чем что-либо подобное в других политических системах, были разработаны специальные методы "индоктринации и прямой политизации его граждан" (24, с.410). Поэтому массовое недовольство представляет большую потенциальную опасность для США, чем для СССР; в США оно может вызвать "сотрясение" существующих политических учреждений.

Советское руководство является более сплоченным, у него больше единства во взглядах и одинакового опыта, но "структура американского руководства лучше приспособлена к предотвращению кризисов руководства и постоянному переосмыслению политики". "Передача власти в Америке проходит быстро и гладко. В Советском Союзе это не так" (24, с.412). В силу этого в самом руководстве страной "кризис или крах более вероятен в Советском Союзе, чем в США" (24,с.415). "Советская система требует верховного политического вождя" (5, с.416). Однако этот вождь представляет "потенциальную угрозу главенству партии и ее аппарата". Кроме того, постоянно возникают трения между самим аппаратом и другими "элитами", участвующими в руководстве советским обществом - экономическими, военными, научными и т.д.

Но в целом, подчеркивали Бжезинский и Хантингтон, "советская и американская политические системы, каждая в

своем роде, оказались крайне успешными. И поскольку они оказались успешными, они вряд ли сильно изменятся" (24, с.436). "Структура власти, доступ к власти, роль идеологии, взаимосвязь между политической системой и индивидуумом вряд ли претерпят радикальные изменения в обеих системах" (24, с.430).

Такой вывод, естественно, был направлен против тезиса о конвергенции двух систем. Хотя авторы указывали, что для многих американцев и западноевропейцев теория конвергенции предстала как "единственный выход из безнадежного и бесконечного конфликта", как "источник оптимизма", они сами не согласились с этой теорией. "Чтобы две системы конвергировались, - заключали свою книгу Бжезинский и Хантингтон, - должна произойти резкая смена курса, или, исторически говоря, революционное изменение направления пути развития одной из них. Каждая здоровая политическая система изменяется, но если изменения происходят постепенно, они определяются настоящим и прошлым... Сам факт эволюции делает конвергенцию маловероятной" (24, с.436).

Непродуктивность концепций "тоталитаризма" и конвергенции привела к тому, что в последнее время на Западе начали появляться исследования политической системы и социальной структуры советского общества, для которых характерен менее теоретизированный и идеологизированный, более конкретно-эмпирический подход. Авторы этих исследований ставят более скромные цели, чем их предшественники, конструировавшие модели и схемы; кроме того, они нередко помещают в центр анализа явления, ранее игнорировавшиеся советологами, поскольку они не вписывались в эти схемы. Характер данного направления современной западной советологии наиболее четко выразил несколько лет назад американский политолог Дж.Хаф, подвергший критике традиционные советологические версии о разделении советского общества на "элиту" и пассивные контролируемые сверху массы. "Наша бе-

да в том, что мы не принимали всерьез участия граждан СССР в общественной жизни, - писал Хаф. - Мы понимали, что все эти учреждения функционируют под общим руководством партии и выполняют важные с точки зрения режима функции, но мы полагали, что дальше незачем идти. Мы просто не пытались обнаружить то, что можно обнаружить. Едва ли не постыдно, что, хотя многие сотни американских исследователей побывали в советских университетах в последние двадцать лет, мы не имеем ни малейшего представления о взаимодействии или даже роли групп контроля, комитетов профсоюзов, комитетов комсомола, партийных комитетов, ученых советов и других типов постоянных и временных комиссий, функционирующих внутри них" (58, с.УШ). "Если наши неосознанные теоретические посылки вынуждают нас сопротивляться этим очевидным фактам, необходимо тщательно пересмотреть эти посылки", - к такому выводу пришел Хаф в книге "Советский Союз и теория социальной науки" (60, с.187).

Под углом зрения повышенного внимания к политической активности советских трудящихся и деятельности общественных организаций в СССР написаны вышедшие в последние годы книги "Советский промышленный рабочий" английских советологов Д.Лэйна и Ф.О'Делл (78), "Экономика и политика при социализме" западногерманского политолога К. фон Байме (I4), "Общественные инспектора в Советском Союзе. Комиссии народного контроля" американки Джэн Адамс (I), "Участие граждан СССР в политической жизни" преподавателя Иерусалимского университета Т.Фридгута (42). С марксистских позиций рассматриваются данные вопросы в работах "Развивается ли красный флаг? Политическая экономия Советского Союза сегодня" и "Права человека в Советском Союзе (включая сравнение с США)" (I06; I07); в статье "Права человека в условиях государственного социализма" Д.Лэйна (77). В этих книгах есть и неверные, предвзятые суждения, однако в целом они свидетельствуют, что, когда западные уче-

ные обращаются к анализу конкретных аспектов советской действительности на основе фактического материала, им приходится делать пусть и ограниченные, но позитивные признания независимо от изначальных намерений и целей.

К таким признаниям относятся, например, вывод Т.Фридгута о том, что в Советском Союзе с самого начала была принята концепция более широкого участия граждан в политике, чем в других странах, что Советское государство стремилось поднять степень причастности граждан к своим делам, повысить точки соприкосновения "гражданин-режим" (42, с.12-13, 19). Формами этой причастности автор считает деятельность различных общественных организаций, ведающих управлением на местах. С одной стороны, по его мнению, эти организации выполняют определенные административные функции и помогают местным властям; с другой стороны, они вовлекают граждан в местную общественную жизнь и подчиняют их нормам поведения, принятым в данной микросреде. "Идея солидарной, отмобилизованной микросреды представляет основную ценность советского общества", - пишет Фридгут (42, с.286).

Вывод о "возрастающем участии населения СССР в деятельности местных административных органов и органов контроля" сделала на основе анализа новой Конституции СССР, законов и постановлений второй половины 70-х годов Джэн Адамс в докладе на конгрессе в Гармиш-Партенкирхене (2, с.9).

Подобные позиции резко контрастируют с традиционными советологическими версиями о недемократичности советского общества и бесправии советских граждан. Еще важнее то, что если из этих версий вытекала неизбежность роста недовольства и возникновения политических конфликтов в СССР, то названные выше исследования, напротив, подводят к мысли о прочности и стабильности советской политической системы. Кроме того, с точки зрения теории буржуазной поли-

тологии они ставят вопрос, ранее по существу не возникавший, - о допустимости демократизма и народовластия, основывающихся на принципиально иной политической культуре и системе ценностей по сравнению с Западом.

Изменение подхода к политической системе социализма наиболее выпукло иллюстрирует книга "Как управляется Советский Союз" (6I), изданная Дж.Хафом на основе более раннего, своеобразного "классического" труда буржуазной советологии "Как правят Россией", написанного еще в 1956 г. американским советологом старшего поколения М.Фейнсодом (38). Труд Фейнсода, умершего в 1972 г., выдержал несколько переизданий в США (последний раз в 1963 г.), был переведен в ФРГ, Италии, Испании, на Тайване. Дж.Хаф существенно перестроил структуру и перекроил текст книги Фейнсода, добавил большой новый материал. Главное же в том, что в новом издании оказались существенно измененными фокус зрения и концепция, что нашло отражение уже в его заголовке. Будучи поборником концепции "тоталитаризма", Фейнсод исходил из того, что в СССР существует "однопартийная диктатура, при которой конечная власть принадлежит узкой правящей группе в Кремле" (38, с.285). Хаф, отвергший концепцию "тоталитаризма" применительно к СССР, выпустил эту формулировку как и многие другие, выдержанные в ее духе. Считая, что в принятии важнейших государственных решений в СССР главным фактором является позиция Политбюро ЦК КПСС, Хаф вместе с тем полагает, что при этом учитываются интересы и мнения местных партийных органов, партии в целом, а также различных социальных и профессиональных слоев. Оставаясь приверженцем буржуазного демократизма (хотя и критически оценивающего практику буржуазной демократии в США), Хаф утверждает, что советский строй является "авторитарным в категориях политической свободы", что государство в СССР "имеет больше власти над личностью, чем на Западе" (6I, с.549). Он подчеркивает, что по-

литическая активность советских граждан может проявляться только посредством официальных каналов. Однако он делает вывод о том, что степень участия граждан СССР в политической жизни "поистине поразительна" (61, с.297) и во многих отношениях выше, чем на Западе. Если, например, в Италии, пишет Хаф, 40% избирателей даже не знают по имени собственных политических деятелей, то в СССР благодаря массовой агитации и пропаганде почти все граждане знакомы с принципами функционирования своей политической системы. "Участие, предполагающее какой-либо вклад в принятие решений, конечно, доступно более узкому кругу лиц по сравнению с теми, кто просто осведомлен в политике. Тем не менее большое число советских граждан занимается деятельностью, которая, по крайней мере, дает им потенциальную возможность влиять на принятие некоторых видов решений" (61, с.298). Автор поясняет: в первую очередь эта деятельность включает разного рода запросы, письма, устные и письменные ходатайства и жалобы, направляемые в учреждения, партийные и советские органы, печать и даже непосредственно агитаторам. В качестве примера он приводит ряд взятых из советской литературы цифр: так, с 1971 по 1976 г. ЦК КПСС получило 2 млн. писем от советских граждан; с 1973 по 1977 г. более 200 тыс. писем поступило в ВЦСПС.

Еще более определенно о стабильности политической системы СССР заявляют те буржуазные советологи, которые продолжают поиск общих черт советского и западного обществ. В.Банс и Дж.Эколс объявляют, что в настоящее время и в СССР, и на Западе сложился некий "корпоратизм", имеющий там и здесь разные оттенки. Корпоратизм, поясняют авторы, представляет собой "систему участия и сотрудничества главных элементов политики, общества и экономики, вводимую и регулируемую государством (или партией) и предназначенную обеспечить постоянный экономический рост, политическую и социальную стабильность, а также сохранение су-

ществующего порядка в лучшем случае с частными модификациями" (25, с.18). Существует, продолжают авторы, корпоратизм либеральный, плюралистический (на Западе) и антилиберальный, государственный (в СССР). При корпоратизме предпринимаются попытки интегрировать массы в политическую систему; так, в СССР трудящимся гарантирована работа, минимальная заработная плата, социальное обеспечение, их жизненные условия улучшаются, они участвуют в решении административных вопросов на местах и рассматриваются как "жизненно важные для системы" (25, с.16). Все это, пишут Банс и Эколс, получило в Советском Союзе наибольшее развитие в последние полтора десятилетия, ввиду чего корпоратизм по сути тождествен развитому социализму. В 60-х годах на Западе ждали радикальных изменений в советской системе, считая, что без них СССР "не выживет". "Но, конечно же, СССР выжил" и отчасти благодаря дальнейшему развитию своей политической системы. Иными словами, заключают авторы, силы сплочения там оказались сильнее сил разъединения, и так скорее всего будет и впредь (25, с.20-21).

Одним из наиболее популярных теоретических подходов, который, как полагают многие западные советологи, позволяет адекватно объяснять социально-политическое развитие Советского Союза и других стран социализма, не впадая в крайности "тоталитарной" и "конвергенционистской" схем, является концепция "групп интересов", которая получила широкое распространение в советологии в 70-е годы. "Метод групп интересов в изучении советской политики послужил важным балансиром тоталитарной концепции", - пишет один из представителей молодого поколения советологии (72,с.28). Однако при этом была совершена привычная для западных советологов ошибка: в основу этой концепции легло перенесение явлений буржуазного общества на реальный социализм и сопутствующее этому использование категорий буржуазной политологии и социологии. Ряд западных советологов из одной

крайности (какой было изображение советского народа социальной аморфной массой в период господства теории "тоталитаризма") бросились в другую: обнаружили в советском обществе множество социальных групп с конфликтными интересами. Так, Г.Скиллинг в начале 70-х годов заявлял о существовании в СССР семи таких групп, объединяя в них без всякой видимой логики партийный аппарат, КГБ, военных, хозяйственных руководителей ("менеджеров"), экономистов, писателей и юристов. Другие подобные изыскания были столь же произвольными.

Многие западные советологи полагают, что "группы интересов" образуются по институциональному или функционально-профессиональному принципу. На этой точке зрения стоит Дж.Хаф, считающий, что в СССР, как и в США, происходит разделение сфер политических интересов и сосредоточение конфликтов внутри отдельных областей общественной жизни. Так, в США политика в области сельского хозяйства зависит от организаций фермеров, чиновников федерального министерства сельского хозяйства и соответствующих ведомств в отдельных штатах, сельскохозяйственной комиссии конгресса, политиков и ученых, связанных с этой отраслью экономики. Тот же принцип, по Хафу, действует и в СССР: не партийный аппарат в целом противостоит государственному, а отраслевые чиновники и специалисты в руководящих органах партии и государства, а также Госплане, профсоюзах, ВЛКСМ, научных учреждениях и т.д. образуют "альянсы", свидетельствующие о том, что Советский Союз движется в сторону модели "институционального плюрализма" (61, с.525-526).

Что касается степени власти, которой обладают руководящие инстанции отдельных отраслей и сфер общественной жизни, то она различна. "Создается впечатление, что в решении вопросов внешней политики и обороны первостепенную роль играет высшее руководство при содействии лишь специалистов. Гражданские лица, специализирующиеся по внешней

политике, получают крайне скудную информацию о мерах в области обороны, кроме той, о которой они узнают из западных источников. Наоборот, в дела транспорта высшее руководство вмешивается слабо, в этой области идут широкие публичные дискуссии, и ведущую роль играют группы интересов, связанные с железнодорожным строительством. В области исчисления заработной платы вообще неясно, кто определяет политику, но чувствуется, что действительно учитываются интересы рабочих и крестьян" (6I, с.550-55I).

Плюрализм, существующий таким образом в СССР, согласно концепции Хафа, значительно отличается от плюрализма на Западе. Хотя степень участия граждан СССР в общественной жизни весьма высока и во многих отношениях выше, чем на Западе (как следует из главы восьмой "Индивидуум и политический процесс"), отличительной чертой политической активности советских граждан является то, что она может проявляться только посредством официальных каналов. Нельзя пикетировать, разбрасывать листонки, митинговать на улице, образовывать политические партии и фракции. "Ясно, что Советское государство гораздо сильнее советского гражданина и имеет больше власти над личностью, чем на Западе. Советское руководство открыто объявляет о своем намерении преследовать тех, кто постоянно клевещет на политический и общественный строй, создает несанкционированные политические группировки, использует партию или фракции с целью сместить руководство. Больше того, если политическое руководство решает подавить диссидента, ни суд, ни любое другое учреждение не в состоянии его защитить". Иными словами, утверждает Хаф, "в категориях политической свободы система является авторитарной" (6I, с.549).

Однако, указывает Хаф, в последние десятилетия в советской политической системе произошли существенные изменения. Были приняты меры и процедурные ограничения против произвольных действий руководителей среднего и нижнего

звена; КГБ перестал быть "сам себе законом"; дозволяются многие формы критики общества и политики, которые еще 15-25 лет назад были бы расценены как проявление диссидентства.

Кроме того, продолжает автор, существуют общие фундаментальные методологические трудности политических наук. "В действительности мы не знаем, как точно измерить власть в любой политической системе. Поскольку власть - не конкретный предмет, а отношение, зависящее от ситуации, всяким суммарным оценкам ее внутренне присуща расплывчатость" (61, с.550). В результате, западные политологи, изучающие СССР, нередко пренебрегали тем общим, что имеется во всех политических системах. "Ясно, что рядовой выпускник колледжа, рядовой администратор среднего звена, не говоря уже о рядовом ответственном чиновнике, обладает большей властью, чем рядовой рабочий или рядовой крестьянин, но эти наблюдения верны в отношении любой политической системы в мире" (61, с.552-553). Отсюда следует, что ключевым вопросом является вопрос о степени распределения власти в СССР и других странах.

Хаф сам не дает четкого ответа на этот вопрос, ссылаясь на его неизученность, на отсутствие всех необходимых данных по Советскому Союзу. Все же в целом он склонен подчеркивать элементы сходства общественно-политической жизни СССР и капиталистических государств. Политический строй СССР он определяет как "парламентскую систему особого типа", где "парламентом служит Центральный Комитет - учреждение, перед которым ответственны кабинет (Политбюро) и вождь" (61, с.544). При этом автор указывает, что замечания американских исследователей о формальном характере власти государственных учреждений в СССР можно отнести к любой парламентской системе с дисциплинированной партией большинства. Например, в Великобритании членство в парламенте является "номенклатурой" центральных органов бюро-

щихся за власть партий, так как именно они утверждают выбор кандидатов в депутаты местными партийными организациями во всех избирательных кампаниях. При голосовании в парламенте представители каждой партии, как правило, поддерживают позицию своего руководства. В то же время оппозиционные партии на Западе мало что могут сделать, если большинство членов правительства и руководящих чиновников в государственном аппарате придерживаются единой линии. В этом случае правительство может и отложить выборы в нарушение конституционных сроков (как было в Англии в годы второй мировой войны) и вообще не заботиться о реализации положений конституции на практике (как это делало многие десятилетия правительство США, лишая негров на юге права голоса).

Дж. Хаф верно подметил (но сам не сумел преодолеть) один из наиболее существенных методологических изъянов западной советологии - неспособность отрешиться от привычных мерок и понятий буржуазного общества при анализе строя, основанного на совершенно иных принципах.

Этот изъян присущ и "семейству" концепций, которые, в отличие от "тоталитарной" и "конвергенционистской" схем, претендуют на интерпретацию социальной природы и развитие не только крупнейших социалистических и капиталистических держав в отдельности, но современного этапа человеческой цивилизации в целом. Данное "семейство" включает концепции, в названии которых перед словом "общество" стоят разнообразные, порой совершенно причудливые дефиниции, призванные выделить ключевые критерии современного общественного развития - "индустриальное", "единое индустриальное", "постиндустриальное", "массового потребления", "технотронное", "информационное" и т.д. и т.п. Все эти концепции в той или иной мере касаются социалистических стран, в первую очередь СССР, постулируя, что они, как правило, или достигли указанных стадий, или вплотную приблизились к ним.

Однако в целом построения подобного рода ориентировались на развитый капитализм и сколько-нибудь детальной разработки в советологической литературе не получили. Ограничимся поэтому констатацией массированной критики, которой они подверглись со стороны самих же буржуазных ученых (и не только приверженцев "тоталитарной" модели). Сошлемся на одну из не столь давних критических оценок концепции "индустриального общества", являющейся одновременно прародительницей и наиболее характерной, совершенной представительницей данного "семейства". Сторонники этой концепции, указывает А.Гидденс, ищут определяющие параметры общественного развития преимущественно в научно-технической и экономической сферах, пренебрегая политическими факторами ("посылка о беспомощности политики"). Таким образом получается, что "экономически наиболее развитое общество (как бы оно ни называлось) в мире в любой данный момент показывает другим обществам образ их будущего" - это явный реверанс в сторону Англии XIX в. и США XX в. (46, с.58-59). "От теории индустриального общества в том виде, в каком она пришла к нам сейчас, - делает вывод А.Гидденс, - надо отказаться; или, по крайней мере, надо разложить ее на составные части, проанализировав посылки и исходные положения" (там же, с.57). Аналогичный упрек в чрезмерном интересе к технико-экономическим аспектам адресует теории "постиндустриального общества" Б.Густафссон, считающий, что ее надо связать с более общей теорией развития и рассматривать "постиндустриальное общество" в рамках общественных формаций (54, с.78, II).

Есть, наконец, в немарксистской науке теория, которая в большей мере, чем какая-либо другая, претендует на глобальный охват и историцизм, ибо ее используют для объяснения развития всех стран и народов, по крайней мере на протяжении новой истории. Это теория модернизации, нередко подвергавшаяся критике в несоциалистиче-

ском мире, но сумевшая сохранить за собой достаточно крепкие позиции.

В определении понятия "модернизация общества" у западных социологов нет ни четкости, ни единства. В 60-е годы, когда это понятие мыслилось как усовершенствованный, более объемный и гибкий заменитель "индустриального общества", оно нередко отождествлялось с индустриализацией (85, с.91-92). За этим последовали уточнения,что модернизация шире индустриализации и не всегда даже начинается с нее (69, с.20). Существует точка зрения, что "модернизация заключается в улучшении условий жизни на основе роста производства", а в более широком плане - движении от "общины" с очень простым разделением труда к "ассоциации" с весьма разветвленной сетью взаимосвязанных функций и культур (21, с.1). Согласно другой точке зрения, суть модернизационного процесса составляет диффузия культур, которая осуществляется на основе национализма как "универсальной ценности", приводящей в действие рычаги "политической мобилизации" и "централизованно контролируемых изменений" (86, с.30). Еще одно мнение: модернизация есть "рост и распространение определенного набора институтов и ценностей, коренящихся в технологическом преобразовании экономики и организации государства" (94, с.3), общественная трансформация под влиянием НТР (56, с.54). Наконец, ученые развивающихся стран трактуют модернизацию просто как развитие (98, с.30), и они правы в том, что идея развития как противовес идее закостенелости и замкнутости является по существу отправной посылкой данной теории, с которой согласны все исследователи.

Обобщая существующие в буржуазных общественных науках определения модернизации, можно характеризовать ее сущность как всеобщий процесс достаточно длительного и сложного перехода от различных "традиционных" обществ к "современным", в результате которого осуществляются инду-

стриализация, урбанизация, качественные изменения социальной структуры с увеличением социальной мобильности, рост образования, культуры, средств связи и массовой коммуникации; все эти факторы так или иначе влияют и на политические институты. Таким образом, данная теория предстает как наиболее широкая социологическая парадигма современного буржуазного обществоведения, явно призванная послужить противовесом марксистскому учению об общественном развитии[1].

Эта идейно-политическая заданность теории модернизации акцентируется и тем обстоятельством, что модернизационный процесс мыслится не просто как проявление общих закономерностей развития стран и народов, а как вечное подтягивание их до уровня наиболее развитых капиталистических держав. Чаще всего примером для подражания объявляются Соединенные Штаты Америки; иногда - в культурологических вариантах модернизации с упором на диффузию культур - "Северо-Западная Европа" (86, с.29). В любом случае, как пишет А.Гидденс, "ключевая идея теории модернизации заключается в том, что "недоразвитые" общества остаются в оковах традиционных институтов, от которых они могут освободиться, если приблизятся к экономическому процветанию, достигнутому Западом... Порой "модернизация" означает просто "вестернизацию" (47, с.36).

В соответствии с этими постулатами основной историко-эмпирический материал для обоснования и разработки теории модернизации был взят из прошлого и настоящего развивающихся государств и наиболее развитых капиталистических стран. Западные советологи стали "примериваться" к этой теории по мере выявления несостоятельности концепции "тоталитаризма". Сразу же возник вопрос; если СССР и социалистические страны вслед за "третьим миром", должны ориенти-

[1] См. об этой теории: Волков Л.Б. Критика теории модернизации. Научно-аналитический обзор. - М.: ИНИОН АН СССР, 1985.

роваться на уровень и ценности Запада, то в чем здесь отличие от "однонаправленных" вариантов конвергенции.

После длительных дискуссий о целесообразности использования в советологии "тоталитарных", "конвергентных" и "индустриальных" схем многие немарксистские исследователи пришли к выводу о существовании не одного, а двух путей модернизации - капиталистического и социалистического. Б.Мур различал три модернизации, осуществляемых посредством буржуазной (в Англии, Франции и США), "консервативной" (в Германии и Японии) и "коммунистической" (в России и Китае) революций (84). Сейчас уже вполне признано, что существует "многолинейная модернизация", олицетворяемая различными обществами, в первую очередь США и СССР (21).

В СССР и других социалистических странах, подчеркивает М.Филд, происходит "направляемая, регулируемая и управляемая модернизация", посредством которой "коммунистические режимы" стремятся догнать и перегнать Запад, но в рамках своих специфических политических структур (39, с.2-3). Начало модернизации в СССР, как правило, связывается с самим установлением нового строя. "Что в действительности произошло в Советском Союзе - это модернизирующая революция, завершившаяся индустриализацией и урбанизацией, национальным строительством, созданием современного государства, возвышающегося над общественной жизнью и управляемого небольшим меньшинством", - пишет З.Бауман (12, с.90).

Любопытна попытка одного из западных социологов приписать советским ученым технологический детерминизм, лежащий в основе буржуазных теорий общественного развития. "Несмотря на неприятие концепций модернизации и конвергенции, - пишет он, - теоретики-обществоведы в социалистических странах выработали свою собственную форму концепции постиндустриального общества - концепцию "развитого социалистического общества". Сравнение описаний развитого социалистического и постиндустриального обществ обнаруживает

необычайное сходство, даже при том, что терминология и выводы различны. Так, развитое социалистическое общество характеризуется как достигшее стадии, на которой наука стала главной доминантой промышленного производства, высшее образование и уровень знания радикально изменили характер труда, и рациональное планирование, расчет и организация ресурсов стали главным полем правительственной деятельности" (66, с.38).

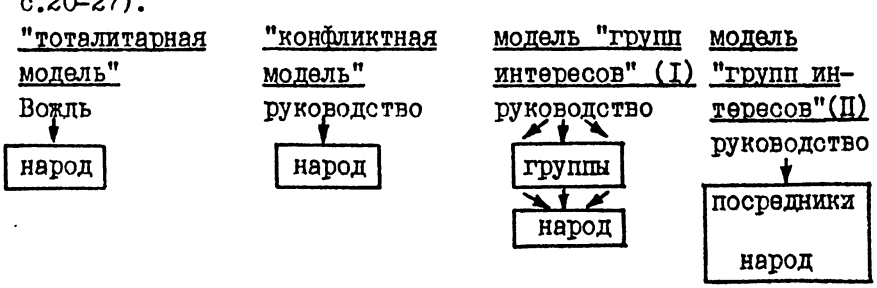
Критики теории модернизации указывают, что она чересчур описательна и рыхла (113, с.175), настолько туманна и глобальна, что у нее нет теоретической нацеленности (110, с.183-184), а если и полезна, то сам термин - "не без двусмысленности" (39, с.2, 6) и даже "отвратителен" (110, с.100). Как указывают Б.Браггер и К.Хэннан, провозглашая какую-либо страну (чаще всего США) олицетворением модернизации, западные исследователи упускают из виду, что специфическими чертами модернизационного процесса объявляются обобщенные характеристики уровня развития этой страны, а не теоретически разработанная и эмпирически подтвержденная типология. Неудивительно, заключают они, что такая модернизация грозит этноцентризмом (21, с.1).

Совсем недавно итоги дискуссий по поводу теории модернизации подвел один из ее наиболее плодовитых адептов С.Айзенштадт. Критика этой теории, отметил он, велась в отношении: а) ее неисторичности; б) европоцентризма; в) злоупотребления антитезой "традиция - модернизм". Айзенштадт признал справедливость возражений, основанных на том, что многие общества не пошли по пути европейских государств, и в развитии этих обществ есть своя "внутренняя логика", которая, по крайней мере, отчасти коренится в присущих им традициях, а не заимствованиях извне (35, с.14).

Таким образом, ни одна из теорий и концепций западной советологии не оказалась "вне критики" со стороны самих же буржуазных идеологов. И это симптоматичным обра-

зом является характеристикой советологии в целом. По мере роста разочарования в каждой отдельно взятой "модели" реального социализма накапливался заряд смешанных скептически-иронических оценок и эмоций по поводу всей данной отрасли буржуазного обществоведения. Все большее число советологов высказывают неудовлетворенность ее теоретической оснащенностью, Астрид фон Борке в специально посвященной методологии советологических исследований книге указывает на разрыв между теоретическими схемами своих коллег и практикой реального социализма (I7, с.II-I2). "Ныне Советский Союз не является ни просто тоталитарным, ни криптоплюралистическим обществом; ни подобием тех или иных западных государств; ни чьей-то персональной диктатурой, ни классической бюрократией; ни чисто экспансионистским, ни чисто оборонительным; ни оказавшимся на краю краха, ни обезопасившим себя против всех будущих кризисов и получивш.л гарантию вечной стабильности", - так писала фон Борке в другой работе (I6, с.I3). Это, однако, не помешало ей самой в третьей работе прибегнуть к клише, явно смахивающему на абракадабру: СССР, заявила она, представляет "мобилизационный режим", выросший из "гарнизонного государства" (I5, с.22).

Аргументированной критике подвергает все существующие схемы западной советологии Ян Делленбрант, попытавшийся изобразить эти схемы графически следующим образом (3I, с.20-27).

Ян Делленбрант делает вывод, что все эти схемы нельзя считать удовлетворительными, ибо "за идеал берется западная плюралистическая модель, а Советский Союз критикуется за то, что он не следует этой модели" (там же, с.30). Он призывает к более эмпирическому анализу происходящих в советском обществе процессов (31, с.41).

Вернемся теперь к вопросу, поставленному ранее; в одинаковой ли степени ложны рассмотренные теории и концепции буржуазной советологии и какие из них оказывают более вредное воздействие на общественное мнение за рубежом - те, которые изображают реальный социализм негативным антиподом капитализму, или те, которые "сближают" эти две общественные системы, выискивая в них общее.

Методологическая несостоятельность обеих концептуальных групп очевидна, поскольку приверженцы и той, и другой отрицают объективные закономерности развития и смены общественных формаций, игнорируют коренные различия классовой социально-экономической и политической природы социализма и капитализма, возводят в абсолют какую-либо одну сторону общественной жизни ("тоталитаристы" - политическую, "конвергенционисты" и "индустриалисты" - технико-экономическую).

Вместе с тем концепции "тоталитаризма" присущи яро антисоветская эмоциональная направленность, стремление изобразить советское общество и социализм "аномалией" мирового развития. В этом плане с данной концепцией и ее модификациями напрямую перекликается ярлык "империи зла", который попытался навесить на СССР президент США Р.Рейган.

Изображение нашей страны "тоталитарным государством", противостоящим "свободному Западу", полностью соответствует духу "холодной войны", нагнетания международной напряженности, взвинчивания гонки вооружений. Именно поэтому, как уже подчеркивалось, данная концепция вновь взмыла на гребне неоконсервативной волны и антиразрядки. Популяр-

ность разного рода концепций "близости" и "общности" социализма и капитализма, напротив, связана с ослаблением конфронтации и силового противоборства, признанием принципа мирного сосуществования, расширения всесторонних связей и сотрудничества социалистических и капиталистических стран. В силу этого они политически более приемлемы, чем теоретические схемы, подпирающие курс империалистических сил на шовинизм, милитаризм и конфронтацию.

Вместе с тем их бóльшая гибкость и усложненность, менее очевидная предвзятость, нацеленность на компромисс создают дополнительные трудности для критического анализа. Диалог с серьезными немарксистскими исследователями не отменяет, а предусматривает такой анализ. Невозможно видеть в каждом советологе, предлагающем свои "рецепты" усовершенствования социализма, скрытого недоброжелателя; но нельзя также сбрасывать со счетов попытки определенной части политиков и идеологов империализма использовать диалог с целью подрыва социализма "изнутри".

Противоречия советологов, как и их просчеты, неудивительны - они обуславливаются ошибочной методологией изучения социалистического строя, непониманием его социальной, политической и экономической сущности. Попытки более серьезного подхода нередко непоследовательны и оборачиваются эклектическим сочетанием старых и новых тенденций. Как в дальнейшем будут эволюционировать эти тенденции и позиции отдельных исследователей, сказать с уверенностью трудно. Ясно одно - дифференциация советологических концепций и схем, их взаимопереплетение в дальнейшем будут возрастать.

Список литературы

1. Adams J. Citizen inspectors in the Soviet Union: The people's control committees. - N.Y., 1977. - VIII. 232 p.

2.Adams J. Citizen participation in community decisions in the USSR// Garmisch 80: Zweiter Weltkongress für Sowjet und Osteuropa Studien. - Garmisch-Partenkirchen, 1980. - S.9-10.
3.Anderson G.C. Ideological convergence of the United States a.the USSR// Intern. social science rev. - Winfield, 1985. - Vol.60, N 2. - P.19-34.
4.Andreski S. is totalitarianism a meaningful concept?// Totalitarianism: Temporary madness or permanent danger? / Ed. by Mason P.T. - Boston, 1967. - P.31-32.
5.Andreski S. Max Weber's insights and errors. - L. etc., 1984. - IX, 155 p.
6.Araldi V. La URSS: Una Societa repressiva. - Madrid, 1973. - 460 p.
7.Arendt H. The origins of totalitarianism. - New ed. - N.Y., 1965. - XXXI, 526 p.
8.Armstrong J. European administrative elites. - Princeton, 1973. - X, 406 p.
9.Armstrong J.A. Ideology, politics a. government in the Soviet Union. - N.Y., 1962. - XIY, 160 p.
10. Armstrong J.A. Ideology, politics a. government in the Communist party of the Soviet Union from 1934 to the present. - N.Y., 1961. - XYI, 458 p.
11.Aron R. How non-monopolitic can a monopolistic party be?// Political opposition in one-party states / Ed. by Schapiro L. - L., 1972. - P.15-22.
12.Bauman Z. Socialism: The active utopia. - L., 1976. - 150 p.
13.Bendix R. Force, fate a.freedom. - Berkeley (Calif.), 1984. - XYIII, 143 p.
14.Beyme K.von. Ökonomie u. Politik im Sozialismus. - München, 1977. - 411 S.
15.Borcke A.von. How expansionist is the Soviet regime? Western perceptions a. Eastern realities// Ber. des

Bundesinst. für Ostwiss. u. intern. Studien. Summaries. - Köln, 1981. - S.18-23.
16.Borcke A.von. Perceptions of the Soviet system. - Köln, 1984. - 17 p.
17.Borcke A.von. Significance a. problems of macro-econ. analysis: The case of Soviet studies. - Köln, 1980. - III, 18 p.
18. Borkenau P. The totalitarian enemy. - L., 1939. - 254p.
19.Bottomore Th. Sociology a. socialism. - Brighton, 1984, 212 p.
20.Bredow W.von. Vom Antagonismus zur Konvergenz/ Studien zur Ost-West Problem. - Frankfurt a/M., 1972. - 218 S.
21.Brugger B., Hannan K. Modernization and revolution. - L., 1983. - 60 p.
22.Brzezinski Z.K. The permanent purge: Politics of Soviet totalitarianism. - Cambridge (Mass.), 1956. - 256 p.
23.Brzezinski Z.K. Totalitarianism and rationality. - American polit. science rev. - Baltimore, 1956. - Vol.50, N 3. - P.751-763.
24.Brzezinski Z.K., Huntington S.P. Political power: USA/ USSR. - N.Y., 1964. - XIII, 461 p.
25.Bunce V., Echols J.M. Soviet politics in the Brezhnev era: "Pluralism" or "corporatism"// Soviet politics in the Brezhnev era / Ed. by Kelley D.R.. N.Y., 1980. - P.1-26.
26.Clifton R. Options in Soviet government a. politics. - Milton Keynes (Great Britain), 1976. - 96 p.
26a.Cohen S. Rethinking the Soviet experience.-N.Y., 1984. - 234 p.
27.Connor W.D. Socialism, politics and equality: Hierarchy a. change in Eastern Europe a. the USSR. - N.Y., 1979. - X, 389 p.
28.Curtis M. Totalitarianism. - New Brunswick; London, 1980 - 128 p.

29.Dallin A. Bias and blunder in American studies on the USSR// Slavic rev. - Wash., Sept. 1973. - Vol.32, N 3. - P.560-574.
30.Davis A.K. Some sources of American hostility to Russia// Amer. j. of sociology. - Chicago, 1947. - Vol.53, N 3. - P.174.
31.Dellenbrant J. Soviet regional policy. - Stockholm, 1980. - 192 p.
32.Deutscher I. Russia in transition and other essays. - N. Y., 1957. - VIII, 245 p.
33.Dobrianski L. Continuity of the imperialist tradition// American appraisals of Soviet Russia, 1917-1967 / Ed. by Anschel E. - L., 1978. - P.84-87.
34.Don Levine I. The man Lenin. - N.Y., 1924. - VII, 209p.
35.Eisenstadt S.N. Cultural tradition, power relations and models of change// The challenge of social change. - L., 1985. - P.9-37.
36.Eisenstadt S.N. Revolution a. the transformation of societies: A comparative study of civilizations. - N.Y.; L., 1978. - XYI, 348 p.
37.Etzioni-Halevi E. Bureaucracy and democracy: A political dilemma. - L. etc., 1983. - X, 266 p.
38. Fainsod M. How Russia is ruled. - Cambridge (Mass.). 1963. - XIII, 684 p.
39. Field M.G. Introduction// Social consequences of modernization in communist countries. - Baltimore; London, 1976. - P.1-15.
40.Fleron F. Soviet area studies and the social sciences: Some methodological problems in communist studies// Sov. studies. - Oxford, 1968. - Vol.XIX, N 3. - P.313-339.
41.For a. against the freeze// Time. - N.Y., 1982. - Mar. 29. - Vol.119, N 13. - P.14-22.

42.Friedgut Th. political participation in the USSR. - Princeton, 1979.- XY, 353 p.
43. Friedrich C.J. In defence of a concept// Government a. opposition. - L., Spring 1968. - Vol.3, N 2. - P..250-255.
44.Friedrich C.J. The unique character of totalitarian society// Totalitarianism: Proceed. of a Conf.held at the Amer. academy of arts a. sciences, March 1953 / Ed. by Friedrich C.J. - Cambr. (Mass.), 1954. - 312 p.
45.Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian dictatorship a. autocracy. - Cambr. (Mass.), 1956. - XII,346 p.
46.Giddens A. Profiles a. critiques in social theory. - L., 1982. - XI, 239 p.
47.Giddens A. Sociology: A brief but critical introduction. - N.Y. etc., 1982. - IX, 182 p.
48.Glaessner G.-I. Neue Konzepte der Kommunismusforschung // Aus Politik u. Zeitgeschichte. - Bonn, 1984. - N 31. S.27-39.
49.Glassman R.M., Murvar V. Introduction// Max Weber's political sociology. - Westport (Conn.), 1984. -P.3-11.
50.Goldman M.I. Detente and dollars: Doing business with the Soviets. - N.Y., 1975. - IX, 337 p.
51.Guerra A. Dopo Breznev. E riformabile il socialismo sovietica? - Roma, 1983. - 201 p.
52.Gurian W. Der Bolschewismus. - Freiburg-im-Breislau, 1931. - 195 p.
53.Gurian W. Totalitarian religion // Rev. of politics. - Notre Dame, 1952. - Vol.14, N 1. - P.3-14.
54.Gustaffson B. Introduction // Post-industrial society / Ed. by Gustaffson B. - L., 1979. - P.5-12.
55. Hirszowicz M. The bureaucratic Leviathan: A study in sociology of communism. - Oxford, 1980. - XI, 208 p.

56.Hoffman E.P., Laird R.F. The politics of economic modernization in the Soviet Union. - Ithaca (N.Y.), 1982. - 215 p.
57.Horowitz I.L. Ideology and utopia in the United States, 1956-1975. - L. etc., 1977. - XY, 464 p.
58.Hough J.F. Foreword // Adams J. Citizen inspectors in the Soviet Union. - N.Y.; L., 1977. - P.Y-YIII.
59.Hough J.F. Petrification or pluralism?// Problems of communism. - Wash., 1972. - Vol.21,N 2. - P.25-45.
60.Hough J.F. The Soviet Union and social science theory. - Cambr. (Mass.), 1977. - XI, 275 p.
61.Hough J.F., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. - Cambr. (Mass.), 1979. - XIV,679 p.
62.Inkeles A. Models and issues in the analysis of the Soviet society// Survey. - L., 1966. - Vol.22, N 3. - P.3-14.
63.Janos A. Systemic models and the theory of change in the comparative study of communist politics// Authoritarian politics in communist Europe: Uniformity a. diversity in one-party states. - Berkeley (Calif.), 1976. - P.1-30/
64.Jenkner S. Entwicklung u. Stand der Totalitarismusforschung// Aus Politik u. Zeitgeschichte. - Bonn, 1984. - N 31. - S.16-26.
65.Johnson Ch. Comparing communist nations// Change in communist systems/ Ed. by Johnson Ch. - Stanford, 1970. - P.1-32.
66.Jones T.A. Modernization theory and socialist development// - Social consequences of modernization in communist societies. - Baltimore; L., 1976. - P.19-49.
67.Kaiser H. Vom "Totalitarismus" zum "Mobilisierungs"-Modell// Neue politische Literatur. - Frankfurt a.M., 1973. - Jg.18, H.2. - S.141-169.

68.Kassof A.The administered society: Totalitarianism without terror// World politics. - Princeton, 1964. - Vol.16, N 4. - P.558-575.
69.Kautsky J.H. The political consequences of modernization. - N.Y., 1972. - XY, 267 p.
70.Keep J. Rec. : E.H.Carr. The Russian revolution from Lenin to Stalin// Amer. hist.rev., June 1980. - Vol.85, N 3. - P.687.
71.Kennan G.F. Encounters with Kennan: The great debate.- L., 1979. - VII, 218 p.
72.Kneen P.H. Group confliot approach to the Soviet Union: Theories a. approaches to Soviet politics: The totalitarian perspective. - Birmingham, 1971. - VII, 29 p.
73.Kolakowski L., Urban G. The devil in history: A conversation// Encounter. - L., 1981. - Vol.56, N 1. - P.9-26.
74.Kuhn A. Unified social science. - Homewood (Ill.), 1975. - XY, 540 p.
75.Labedz L. East and West, 1955-1977: An introspective survey// Survey. - L., 1976. - Vol.22, N 3/4. -P.1-10.
76.Laird R.D. The Soviet paradigm: An experience in creating a monohierarchical society. - N.Y., 1971. - XXYIII, 272 p.
77.Lane D. Human rights under state socialism// Polit. Studies. - Butterworth, 1984. - Vol.32, N 3. - P.349-368.
78.Lane D., O'Dell F. The Soviet industrial worker. - Oxford, 1978. - VIII, 167 p.
79.Laqueur W. Is there or has there ever been such a thing as totalitarianism? // Commentary. - N.Y., 1985. - Vol.80, N 4. - P.29-35.
80.Laserson M. Russia and the Western world. - N.Y., 1945. - X, 275 p.

81. Mason P.T. Introduction// Totalitarianism: Temporary madness or permanent danger? /Ed. by Mason P.T. - Boston, 1967. - P.IX-XYI.
82. Meissner B. Das Sowjetsystem u. seine Andlungmöglichkeiten. - Bern, 1976. - 52 S.
83. Millar J.P. The ABC of Soviet socialism. - Urbana (Ill.), 1981. - XYI, 215 p.
84. Moore B., jr. Social origins of dictatorship a. democracy. - Boston, 1966. - XIX, 559 p.
85. Moore W.E. Social change. - Englewood Cliffs (N.Y.), 1963. - YIII, 120 p.
86. Moore W.E. World modernization: The limits of convergence. - N.Y., 1979. - XIII, 167 p.
87. Nisbet R. Three values a. their modern perversion // St. Croix rev. - Stillwater (Minn.), 1978. - Vol.71. N 5. - P.23-34.
88. Nove A. Stalinism and after. - L., 1975. - 205 p.
89. Пайпс Р. Россия при старом режиме. - Кембридж (Масс.) I980. - XШ, 429 с.
90. Popper K. The open society and its enemies. - 4th ed.- Princeton, 1963. - Vol.2. - 391 p.
91. Radel J.F.L. Roots of totalitarianism: The ideological sources of fascism, national socialism and communism. - N.Y., 1975. - 213 p.
92. Rigby T.H. A conceptual approach to authority, power a. policy in the Soviet Union// Authority, power and policy in the USSR / Ed. by Rigby T.H. et al. - L.; Basingstoke, 1980. - P.9-31.
93. Rostow W.W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. - Cambr. (Mass.), 1960.-X, 179 p.
94. Rubenstein R.L. Introduction// Modernization: The humanist response to its promises a. problems. - Wash., 1982. - P.3-21.

95.Sartori G. Parties a. party systems: A framework for analysis. Vol.I. - L., N.Y., 1976. - XIII, 370 p.
96.Schapiro L. Totalitarianism. - L., 1972. - 144 p.
97.Schapiro L. Totalitarianism // Marxism, communism and Western society: A comparative encyclopedia in 8 vols. Vol.8. - N.Y., 1973. - P.188-201.
98.Sharma P.K. The politics of development and modernization. - New Delhi, 1980. - XYII, 209 p.
99. Shulman M.D. On learning to live with the autoritarian regimes// Foreign affairs. - N.Y., 1977. - Vol. 55, N 2. - P.325-338.
100.Siegel R., Weinberg L. Comparative public politics: United States, Soviet Union a. Europe. - Homewood (Ill.), 1977. - XIII, 430 p.
101.Skilling G. Interest groups and communist policy// World politics. - Princeton, 1966. - Vol.18, N 3. - P.435-451.
102.Sorokin P.A. Russia and the United States. - N.Y., 1944. - 253 p.
103.Spulber N. Socialism, industrialization a. convergence // Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas. - München, 1971. - Bd.2, N 3. - S.415-422.
104.Swatos W.H., jr. Revolution and charisma in a rationalized world// Max Weber's political sociology. - Westport (Conn.), 1984. - P.201-215.
105.Swingewood A. Marx and modern social theory. - L., 1975. - 248 p.
106.Szymanski A. Human rights in the Soviet Union: Including comparisons with the USA. - L., 1980. - VII, 338 p.
107.Szymanski A. Is the red flag flying?: The political economy of the Soviet Union today. - L., 1979. - IY, 236 p.

108. Symposium on the totalitarian state: proceedings of the American philosophical society. - Philadelphia, 1940. - 174 p.
109. Talmon J. The origins of the totalitarian democracy.- Utah, 1961. - XI, 366 p.
110. Tilly Ch. As sociology meets history. - N.Y. etc., 1981. - XIII, 237 p.
111. Tocqueville A. De la démocratie en Amérique. - P., 1968. - 385 p.
112. Tucker R. Comparative politics of movement-regimes// American political science rev. - Columbus (Ohio), 1961. - Vol.55, N 2. - P.281-289.
113. Varieties of modernization: Editorial foreword// Comparative studies in society a. history. - Hague, 1978. - Vol.20, N 2. - P.175-176.
114. Walker R. Ideology in the USSR. - Essex, 1984. - 25 p.
115. Welsh W.A. Leaders and elites. - N.Y., 1979. - XI, 209 p.
116. White S. Political culture a. Soviet politics. - L., 1979. - XIII,234 p.
117. White S. The USSR: Patterns of autocracy and industrialism// Political culture a. political change in communist states / Ed. by Brown A. a. Grey J. - N.Y., 1977. - P.25-65.
118. Wiles P. Western research into the Soviet economy// Survey. - L., 1964. - N 50. - P.69-81.
119. Wittfogel R. Oriental despotism: A comparative study of total power.-L., 1979. - XIII, 234 p.
120. Zimmerman W. Rec.: Hough J.F., Fainsod M. How the Soviet Union is governed// Slavic review. - Stanford, Sept.1980. - Vol.39, N 3. - P.482.

Глава 3

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ В ТРАКТОВКЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о месте и роли КПСС в борьбе рабочего класса за власть и построение нового общества, принципах ее внутренней жизни и руководящей деятельности всегда занимал и занимает одно из центральных мест в идеологическом противоборстве между силами социализма и капитализма на международной арене. Одной из причин нарастающего негативного отношения буржуазной пропаганды к КПСС, наряду с классовой предубежденностью, не в последнюю очередь является понимание тесной связи стабильности социалистического общественного строя с деятельностью Коммунистической партии Как пишет Дж.Хаф, выводы большинства буржуазных политологов относительно источников политической стабильности в Советском Союзе строятся на том, что основы советской политической системы пользуются "мощной общественной поддержкой". "Коммунистический режим победил в результате широкой социальной революции, а его символы и идеология, по-видимому, оказались привлекательными для большинства рабочих и крестьян... Хотя коллективизация и репрессии ослабили многие первоначальные источники поддержки, имя партии ассоциируется с чрезвычайно успешной программой индустриализации и особенно с укреплением позиций страны в международных делах и осуществлением исторических целей нации. После победы во второй мировой войне имя партии стало также ассоциироваться с неуклонно растущим

жизненным уровнем и очевидными успехами в решении проблем безработицы и инфляции, которые не давали покоя западной экономике все эти годы" (25, с.561).

Такого рода вынужденные признания рассчитаны на то, чтобы привлечь внимание к серьезности проблемы, побудить своих коллег тщательно изучать природу и функционирование противоположной общественной системы. По мнению К.Рявека, "для реального понимания советской политики необходим глубокий и всесторонний анализ политической роли и механизма ее осуществления главного политического института - Коммунистической партии. Направления, по которым она реализует свою роль, являются обязательным элементом любого исследования советской политики, ставящего целью дать серьезную характеристику этим процессам, ее движущих сил и вероятных перспектив" (55, с.УШ). А.фон Борке тоже считает, что "центральным пунктом любых прогнозов относительно будущего советской системы является осмысление "монистического" господства КПСС" (5, с.63).

Атаки на марксистско-ленинское учение о партии и его осуществление в практике реального социализма приобрели на Западе поистине фронтальный характер. Нет, по существу, такого аспекта этого учения, нет такой стороны или сферы деятельности партии, которые бы не искажались в буржуазной литературе. И все же в центре внимания советологов оказываются в первую очередь именно те вопросы, которые являются исходными, методологическими для понимания исторического назначения Коммунистической партии, целей и методов ее руководства социалистическим обществом. Если не касаться частностей, определяемых степенью враждебности отдельных антикоммунистов и их субъективными представлениями о роли политического авангарда советских трудящихся, то в целом основные направления интерпретации советологами деятельности КПСС можно свести к следующим:

- попытки нарушить неразрывное единство марксистско-ленинских идей о руководящей роли пролетарского авангарда путем противопоставления взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса ленинскому учению о революционной партии нового типа, а последнее в свою очередь - современной практике КПСС;

- отрицание объективной необходимости руководства марксистско-ленинской партии революционным движением рабочего класса и всех трудящихся, попытки представить его как выражение "субъективных пожеланий" и "гегемонистских устремлений" отдельных личностей;

- попытки разорвать непрерывный, целостный процесс возрастания роли партии на всех этапах борьбы пролетариата за власть и построение нового общества, ограничить его каким-либо одним, как правило, давно миновавшим периодом на этом историческом пути;

- извращение структуры и содержания политической власти в социалистическом обществе. С этой целью сложившаяся в силу специфических условий общественного развития однопартийная система политического руководства в СССР и ряде других социалистических стран объявляется "всеобщей закономерностью" и "первой отличительной особенностью" социалистической революции и переходного периода от капитализма к социализму;

- искажение взаимоотношений КПСС с государственными и общественными организациями посредством утверждений о "незаконном характере" руководящей роли партии, "бесправии" других общественных институтов, "командном" характере управления экономикой в социалистическом обществе и т.п.;

- попытки представить идейно-теоретическую работу Коммунистической партии либо как "догматизм" и "идейный застой", либо, наоборот как "ревизию" марксизма-ленинизма, "прагматическую эволюцию коммунистической доктрины";

– извращение содержания и методов политико-воспитательной деятельности КПСС в духе концепций "насильственного интегрирования" масс в политическую систему, "духовного подавления" личности и т.п.;

– попытки оторвать процесс формирования партийных рядов от его объективной основы – состояния и развития социальной базы партии, а также от конкретных задач и условий ее деятельности – и одновременно навязать различные субъективистские трактовки деятельности марксистско-ленинской партии по регулированию своего роста и состава;

– игнорирование исторической обусловленности организационных партийных принципов, стремление приписать коммунистам идеологию культа личности и элитизма как фактора руководства. Таким образом советологи стараются вызвать недоверие к ленинскому принципу демократического централизма, сводя его к бюрократическому централизму, представить Коммунистическую партию в виде антидемократической организации военизированного типа.

БУРЖУАЗНЫЕ СОВЕТОЛОГИ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Основная идеологическая задача антикоммунистов – поставить под сомнение объективную необходимость существования и деятельности революционной пролетарской партии в интересах борьбы за коренное преобразование общества и утверждение власти трудящихся. Направляя главный удар против КПСС, они настойчиво стараются представить ее как воплощение "субъективистско-волюнтаристских" и "гегемонистских" устремлений ее создателя – В.И.Ленина. До сих пор буржуазные идеологи не оставляют попыток обосновать тезис о мнимой противоположности ленинизма марксизму,

выдвинутый противниками ленинизма более шестидесяти лет назад. По утверждению Р.Арона, В.И.Ленин не привнес в марксизм ничего, кроме "революционного идеализма" и "фанатизма" (I5, с.63). Секретарь Итальянской социалистической партии Б.Кракси тоже объявляет марксизм В.И.Ленина "сгустком волюнтаризма и экстремизма" (53, с.88).

В основе подобных утверждений лежит грубое извращение взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса, изображение их адептами слепого экономического детерминизма и даже механицизма, уповавшими на стихийность исторического процесса. Так, английские буржуазные историки Ф.Дикин, Г.Шумэн и Г.Уиллетс пишут, что в отличие от своих предшественников-утопистов "Маркс считал, что социализм придет на смену капитализму, но не в результате благих пожеланий людей, а как результат экономического детерминизма: развитие самого капитализма сделает этот переход неизбежным. Идея о неотвратимом историческом процессе, развивающемся помимо воли и сознания людей, была унаследована Марксом от германской философии" (I2, с.9). Такой вариант извращенного марксизма и противопоставляется ленинизму, который также интерпретируется совершенно произвольно.

Искажение и противопоставление взглядов К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина на роль объективных и субъективных факторов в общественном развитии находит свое продолжение в фальсификации марксистско-ленинского учения о соотношении сознательности и стихийности в революционном движении. Буржуазные идеологи обвиняют основателя большевизма в субъективизме, в игнорировании стихийных элементов движения. Своеобразным классическим примером извращения марксизма-ленинизма в этом вопросе и по сей день может служить известное "энциклопедическое" издание "Марксизм, коммунизм и западное общество", вышедшее в ФРГ и США еще в конце 60-х - начале 70-х годов. "Противопостав-

ляя "стихийность рабочего движения" роли "сознательного элемента", - пишет в этом "труде" Г.Моммзен, - Ленин прямо противоречит Марксовой теории, вводя в нее совершенно новый, прагматистский и активный фактор" (38, с.90).

Под этим "сознательным элементом", выступающим в качестве "прагматистского и активного фактора", противники ленинизма имеют в виду Коммунистическую партию, которой они как раз и отказывают в праве на существование. При этом читателя стремятся уверить, будто ленинское учение об авангардной роли партии в освободительной борьбе пролетариата прямо противоречило точке зрения К.Маркса и Ф.Энгельса, которые якобы не придавали большого значения партии, считали, что рабочий класс может осуществить свою историческую миссию без своего политического авангарда. "Все попытки представить Маркса и Энгельса основоположниками суровой, централизованной, интернациональной партии в современном смысле несостоятельны в принципе, - рассуждает Г.Моммзен. - "Коммунистическая партия", каковой она предстает в "Манифесте" - "великая партия пролетариата", армия миллионов, - рассматривалась Марксом и Энгельсом не как организация, созданная способными организаторами и лидерами, а как стихийное движение пролетариата..." (38, с.89).

Отрицание исторической необходимости руководства революционным движением со стороны пролетарского авангарда преследует цель противопоставить научный социализм и революционную социал-демократию широкому рабочему движению. Передергивая мысль Ленина о необходимости внесения социалистического сознания в пролетарскую массу, буржуазные советологи изображают дело таким образом, будто В.И.Ленин не разделял уверенности К.Маркса в рабочем классе, приписывал пролетариату только стихийность, а сознательность связывал исключительно с партией. "Поспешность Ленина с осуществлением революции, - толкует Р.Уэссон, -

означала, что нельзя было ждать медленного созревания масс от стихийности к сознательности. Он решительно выступал за абсолютную необходимость "сознательности", т.е. за необходимость в интеллектуалах, наделенных высшим знанием, чтобы руководить "стихийностью", иначе говоря, темными массами" (6I, с.27). При этом советологи изо всех сил стараются представить социалистическую идеологию исключительно как результат мыслительной деятельности интеллигентов-одиночек, как нечто самостоятельное и независимое от рабочего движения, откуда уже недалеко до утверждений, будто коммунисты "навязывают" пролетариату какую-то чуждую ему сознательность, противоречащую его желаниям и интересам (23, с.98; 60, с.54; I0, с.20).

Антикоммунисты стараются доказать полную противоположность взглядов В.И.Ленина на партию как политический авангард пролетариата, всех трудящихся, принципиальной позиции К.Маркса и Ф.Энгельса, отождествлявших, дескать, партию со всем классом. "Совершенно определенно, - утверждает Дж.Дебриззи, - что Ленин отличал партию от класса. Это также верно, как то, что Маркс этого не делал". Согласно Дж.Дебриззи, в Марксовом понимании организация рабочих в класс фактически тождественна их организации в политическую партию, а роль коммунистов сводится лишь к тому, чтобы оказывать им содействие в этой организации и помогать в определении конкретных мер реализации своих целей, которые вырабатываются стихийно в процессе пролетарской борьбы (I3, с.II3, I03).

На этой фальсифицированной посылке строятся обвинения В.И.Ленина и его последователей в презрительном отношении к массам, в стремлении подменить историческую роль класса ролью партии. "Относительное отсутствие массовой поддержки идеи революции, - заявляет Б.Мур, - в сочетании с фанатичной верой интеллектуалов в достижимость

этой цели породило как в официальной, так и неофициальной ленинской доктрине недоверие по отношению к массам" (40, с.61). Еще более категорично высказывается в этой связи Б.Кракси, согласно которому "Ленин считал марксистского революционера "якобинцем на службе у рабочего класса" и ратовал за создание партии, состоящей исключительно из "профессиональных революционеров". Таким образом, социализм отходит от исторической миссии рабочего класса к нечто такому, что должно мыслиться, создаваться и направляться элитой избранных личностей, стоящих над массами" (II, с.60).

Истинный смысл и прикладное назначение этих и подобных версий заключается в том, чтобы подвести читателя к общему выводу о стремлении коммунистов "использовать" классовую борьбу пролетариата в своих "гегемонистских" целях и в конечном счете добиться "господства" от имени рабочего класса не только над другими классами общества, но и над самим пролетариатом. Как утверждает Р.Гриш, "основная функция любой коммунистической партии, находится она у власти или нет, состоит в том, чтобы содействовать созданию условий, в которых бы партия могла стать инструментом захвата и удержания абсолютной монополии на власть. Идеологическим оправданием господства коммунистической партии является то, что оно осуществляется от имени рабочего класса" (I9, с.42).

В.И.Ленину приписывается духовное родство с дискредитировавшими себя идеями заговорщичества, сектантства и политического авантюризма, а его учение о пролетарской партии нового типа трактуется как наиболее полное и законченное оформление этих идей. Чаще всего в буржуазной литературе в качестве праотцов большевизма называют народников Нечаева и Ткачева, а организацию "Народная воля" выдают за прямой прообраз нашей партии (6I, с.I9; I2, с.34).

Составной частью фальсификации теории и практики ленинизма являются также попытки ограничить его международное значение чисто национальными рамками, доказать неприменимость исторического опыта КПСС для современных индустриально развитых стран. Этот тезис, заимствованный буржуазной историографией из идейного багажа ревизионистов и оппортунистов II Интернационала, уже много десятилетий не сходит со страниц западных изданий. Суть его сводится к тому, что создание пролетарской партии нового типа было вызвано специфическими условиями России, характеризовавшимися слабостью рабочего класса страны, экономической отсталостью и господством деспотических форм правления. Даже такой социолог-объективист, как Д.Лэйн, считает, что ленинская теория партийной организации представляет теорию, более годную для организации народных масс в условиях деспотического самодержавия (какие были, например, в России, Китае, Вьетнаме), чем для организации рабочего класса в ведущих промышленных обществах парламентарного типа. "Я утверждаю, - пишет он, - что ленинские теория, тактика и методы применимы для России начала XX в. и что в настоящее время они могут быть использованы только в странах с низким экономическим уровнем развития, где до этого экономически господствовали капиталистические метрополии. Ленинский гений как марксистского мыслителя проявился в том, что он смог применить марксистский анализ Европы к странам Азии. Ленинизм стал не столько критикой современного капитализма, сколько этикой развития и индустриализации" (30, с.63, 130).

На фоне грубых извращений ленинизма большинством советологов особенно заметно стремление отдельных западных исследователей трезво взглянуть на вещи, дать более или менее непредвзятую оценку общественно-исторических условий развития революционного движения в России, идей

В.И.Ленина об исторической роли партии пролетариата... Так, английский историк Н.Хардинг, касаясь попыток некоторых своих коллег приписать В.И.Ленину "неверие" в возможности стихийного движения трудящихся и упование на "конспиративную элиту профессиональных революционеров", отмечает: "Абсурдно утверждать, что Ленин разочаровался в стихийности. Напротив, он больше, чем кто-либо, ждал этого взрыва и высоко оценивал его революционные возможности... Мы не можем... приписывать Ленину отсутствие веры в революционные возможности рабочего класса. Наоборот, весь его план, который он разрабатывал с 1899 г., исходил из того, что если социал-демократы рассчитывают на успех, они должны использовать этот зреющий революционный взрыв, организовать его на национальном уровне. В противном случае спорадические и разрозненные попытки рабочих свергнуть автократию будут отбиты по частям" (20, с.157).

Особенно активным нападкам подвергается в буржуазной советологии руководящая роль КПСС в социалистическом обществе. Антикоммунисты ищут любую возможность, чтобы вызвать недоверие к деятельности политического авангарда советских трудящихся, поставить под сомнение объективную обусловленность партийного руководства как закономерности общественного развития в период социализма, успешного продвижения к коммунизму. В наиболее концентрированном виде позицию наших идейных противников в этом вопросе изложил Р.Уэссон, согласно которому "партию можно понять только как средство сначала для захвата власти, а затем ее удержания волевым и способным меньшинством. Главная цель партии состоит не в осуществлении какой-то особой программы улучшения общества.., а в попытке, после того как оно будет завоевано, сохранить власть в руках самоизбираемого меньшинства и скрыть этот факт" (61, с.274).

Не рассчитывая на успех одних только лобовых атак

против руководящей роли КПСС, многие буржуазные идеологи нередко спешат привлечь себе в союзники... основоположников научного коммунизма. Как утверждают, например, Дж.Берч и Т.Гэншоу, "чрезвычайные сила и власть", которыми В.И.Ленин наделил партию и государство, "представляют собой драматический отход от подлинной марксистской теории" (8, с.13). А по словам С.Хука, "никакая диктатура партии меньшинства, которая пытается прикрыть свою диктатуру лицемерными разговорами о руководстве массами, не может найти ни малейшего оправдания в опубликованных работах Маркса" (23, с.32). Некоторые противники КПСС идут еще дальше, пытаясь доказать "противоречие" тезиса о руководящей роли партии не только взглядам К.Маркса и Ф.Энгельса, но и В.И.Ленина. Так, Д.Лэйн в традиционных для буржуазной историографии выражениях пишет, что "в то время как вопрос о политической гегемонии рабочего класса был центральным в учении Ленина, о господстве партии или ее руководстве рабочим классом он ничего не говорил. Такое господство могло установиться позднее, что было непредвиденным последствием, так как Ленин этого не предусматривал" (30, с.62).

В последние годы в связи с ростом международного влияния реального социализма, его неопровержимыми успехами в деле осуществления коренных интересов трудящихся в буржуазной советологии заметно стремление приспособиться к меняющимся общественным условиям и пересмотреть некоторые из своих наиболее одиозных идеологических установок. Так, ряд буржуазных "исследователей" даже из числа тех, которых нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму, готовы сегодня на словах и задним числом согласиться с исторической оправданностью деятельности Коммунистической партии в осуществлении социалистической революции и создании основ социализма. Однако как только речь заходит о

сегодняшних условиях деятельности партии, выдвигается тезис о "несоответствии" этой деятельности современному уровню общественного развития, о появлении некоего "конфликта между требованиями модернизации и рационализации системы, особенно экономического механизма и государственного управления, и потребностью удержания монополии партии на политическую власть" (5, с.64). В этой связи предлагаются два способа разрешения названного "конфликта". Наиболее ярые противники социализма призывают к принудительному отстранению партии от руководства общественными делами с помощью "внешних по отношению к партии и власти" политических сил, проще говоря, контрреволюционной оппозиции (28). Другие видят решение проблемы в "желании самой партии пересмотреть свою роль и изменить методы своего господства" (55, с.38).

Немалый ажиотаж среди буржуазных советологов вызвал в свое время вывод XXII съезда КПСС о том, что с победой социализма, с укреплением морально-политического единства советского общества Коммунистическая партия в нашей стране стала политическим авангардом всего советского народа. Выдавая желаемое за действительное, буржуазные идеологи поспешили истолковать этот вывод в смысле "растворения" КПСС в социалистическом обществе, а то и вовсе как "отмирание" партии. Однако убедившись в беспочвенности подобных иллюзий, советологи объявляют сегодня виновницей своего очередного конфуза... Коммунистическую партию, которая, по словам А.фон Борке, "вопреки ожиданиям многих западных исследователей с середины 70-х годов снова подчеркивает свою "руководящую роль" и принцип партийности" (5, с.64). Причем и в данном случае делаются попытки обосновать "противоположность" современной политической практики в Советском Союзе основам марксистского учения, приписать КПСС волюнтаристские устремления в политической сфере.

Все большее внимание в последнее время буржуазные советологи уделяют анализу основных направлений и самого механизма реализации руководящей роли Коммунистической партии и в этой связи конкретных функций, выполняемых ею в советском обществе. Не случайно, наряду с работами, где проблема руководящей роли КПСС рассматривается в общем виде, растет число статей и монографий, специально посвященных исследованию функционального аспекта деятельности нашей партии.

Прежде всего антикоммунисты хотели бы поставить под сомнение саму необходимость политического руководства социалистическим обществом со стороны партии. В качестве примера можно привести рассуждения П.Суизи, который связывает вопрос о политическом руководстве при социализме не с объективными условиями и потребностями общественного развития, а с субъективными устремлениями коммунистов к "политическому господству". Главной причиной подобного явления П.Суизи называет изменение политико-экономических основ деятельности правящих сил в социалистическом обществе по сравнению с капитализмом, когда эти силы, дескать, утрачивают такой "традиционный" источник власти, как владение собственностью, и вынуждены добиваться контроля над общественной жизнью путем укрепления и расширения своего "господства" в политической сфере (45, с.146-147).

Наряду с политическим руководством наши идейные противники искажают и такую важную функцию КПСС, как руководство подбором, расстановкой и воспитанием кадров советских и хозяйственных учреждений, общественных организаций. Чаще всего в усилиях партии по укреплению всех звеньев общественного механизма знающими, способными и авторитетными руководителями они усматривают стремление обеспечить "преобладание" партии над государством. "Контроль над кадровой политикой посредством обязательного

одобрения Коммунистической партией назначений на ключевые посты в центральной и местной администрации, - утверждает М.Гиршовиц, - без сомнения, усиливает политическую власть партийного аппарата во всех сферах общественной жизни... Постоянный надзор за назначениями с помощью системы номенклатуры дает партийному аппарату надежное орудие власти, без которой его трудно себе представить" (21, с.263). М.Метьюз заявляет, что "система номенклатуры возрождает, по существу, старую царскую табель о рангах; она отдаленно напоминает систему партийного патронажа в "открытом" обществе, однако доведенную до крайней степени. Она является одним из главных рычагов, посредством которого партийный аппарат обеспечивает свое господство в государстве" (34, с.12-13).

С особой силой антипатии идеологов империализма к Коммунистической партии дают себя знать, когда они касаются проблем взаимоотношений партии и класса в социалистическом обществе. В этом случае они по аналогии с правящим буржуазным истеблишментом стараются представить КПСС, и в первую очередь ее руководство, в виде "политической элиты", противостоящей трудящимся массам, а закономерный процесс возрастания роли партии - как расширение влияния "верхних эшелонов власти", как усиление "господства" части (партии) над целым (обществом). "...Политическая система советского типа, - заявляет Дж.Лоркет, - контролируется и направляется партией. Партия сама контролируется и направляется сверху небольшой группой, Президиумом или Политбюро. Эта группа составляет партийную элиту, обладающую монополией на принятие политических решений, не ответственную перед народом, включая и членов партии" (44, с.124).

Что касается причин подобного явления, то они объясняются либо "сверхцентрализмом" Советского государства,

заключающимся якобы в концентрации безмерной власти и политического контроля в руках небольшой группы партийных служащих, либо превращением партии в выразителя особых интересов партийной бюрократии. В "интерпретации" П.Суизи это явление выглядит следующим образом: первоначально советская властвующая элита "рекрутировалась старым большевистским руководством партии из различных стран дореволюционного общества. Постепенно люди на вершине руководства, обладавшие привилегиями и властью, стали рассматривать себя как самостоятельную группу, сплоченную, выражаясь словами Моше Левина, "дисциплиной, привилегиями и властью" и "образующую особую организацию, стиль и образ мышления". Они отбирают и готовят себе замену, естественно, отдавая предпочтение тем молодым людям, которые по своему образу жизни, идеям и ценностям походят на них, т.е. из своей собственной среды... Остается добавить, что группа совершенно различных людей, назначаемых на командные посты в советском обществе постепенно, через целый ряд этапов, превратилась, по существу, в самовоспроизводящийся господствующий класс с особым сознанием" (45, с.146).

ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОГО ХАРАКТЕРА КПСС В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТОЛОГОВ

В буржуазной пропаганде давно в ходу версии о "непролетарском характере" КПСС, мнимых "великорусских тенденциях" советских коммунистов и т.п. Согласно советологическим концепциям, КПСС никогда не имела строго определенной социальной базы, и потому любые изменения в ее составе, конкретные меры партии в этом направлении определялись и определяются тактическими соображениями или произвольными пожеланиями отдельных личностей.

Методологические корни подобных извращений лежат в

игнорировании буржуазными идеологами социально-классовой природы политических партий, в извращенном понимании ими объективных исторических явлений и процессов. Именно здесь кроется причина того, что в буржуазной политологии до сих пор нет единой точки зрения относительно понятия политической партии, не говоря уже о ее функциях, принципах формирования и внутренней жизни. Буржуазные исследователи предлагают целый набор самых различных, нередко взаимоисключающих определений понятия, сущности и назначения политических партий. Причем такой разнобой рассматривается ими как вполне естественный и закономерный. Дж.Сартори, например, считает совершенно равноценными распространенные в буржуазной науке определения партии и с точки зрения ее состава и структуры, и с точки зрения сферы ее деятельности, и с точки зрения ее функций и целей. Оправданны, полагает он, и другие подходы (5I, с.6I). Более того, буржуазные идеологи стараются распространить такое явление и на марксизм-ленинизм, как это делает К.фон Байме, заявляющий, будто и в марксизме нет никакой общей теории партий (3, с.350).

Рассуждения буржуазных теоретиков о социальной природе политических партий представляют собой не просто ошибочные абстрактные схемы. Они несут и совершенно определенную практическую нагрузку, активно используются в качестве своеобразного методологического плацдарма для развернутых атак на марксистско-ленинское учение о партии, для извращения классового характера КПСС.

Лишь отдельные буржуазные ученые хоть в какой-то степени связывают процесс формирования рядов Коммунистической партии с состоянием социальной базы и другими объективными условиями (25, с.323; 48, с.36I). Для большинства же характерно как раз отрицание обусловленности деятельности партии, в том числе и в области формирования

своего состава, социально-политическими факторами. Искажая реальную действительность, они рисуют любые изменения в рядах коммунистов как проявление субъективно-прагматических явлений, стремление всеми средствами сохранить "элитарный" характер КПСС даже за счет ослабления связей с рабочим классом (6, с.I2; I6, с.I2; 50, с.3I9).

Совершенно неузнаваемый вид в интерпретации ряда буржуазных советологов приобретают, в частности, конкретные меры КПСС по регулированию роста и состава партийных рядов. Так, Р.Уэссон, касаясь решения X съезда РКП(б) о проведении генеральной чистки партии, уверяет, будто "эта чистка в действительности имела целью не борьбу с оппортунистическими взглядами... а создание обстановки неуверенности среди рядовых членов. Исключение из партии означало исключение из политической жизни, а вероятно, и конец карьеры. Поэтому пребывание в ней зависело от того, насколько примерным будет выглядеть поведение члена партии в глазах руководителей" (6I, с.I08).

Аналогичную трактовку получает у Р.Уэссона и такое сравнительно недавнее событие в жизни КПСС, как последний обмен партийных документов. Это была, по его мнению, фактическая чистка партии в сталинском духе, проведенная, однако, не сразу, а в течение двух лет и коснувшаяся только 2,4% членов партии (там же, с.250).

Со столь явно тенденциозной оценкой целей и итогов обмена партийных документов, надо сказать, соглашаются не все советологи. Так, по словам профессора Австралийского национального университета Т.Ригби, поначалу на Западе действительно возникло "подозрение", что предполагалась именно чистка партии, подобная тем, которые не раз сопровождали обмен партийных документов в 20-х и 30-х годах. Но после разъяснения майского (I972 г.) Пленума ЦК КПСС "стало ясно, что "организационно-политический" ре-

зультат, которого ожидали от кампании по обмену документов, состоял скорее в укреплении дисциплины и повышении активности членов партии, чем в массовом исключении" (50, с.321).

В поле зрения буржуазных советологов находятся такие проблемы приема новых членов в партию, важнейшие требования и критерии, которые лежат в основе деятельности КПСС по регулированию количественного и качественного состава коммунистов. Главное, по мнению советологов, что определяет цель и содержание всей работы в этом направлении - сохранение "исключительности" членства в партии, обеспечение ее "элитарного" характера, истоки которого антикоммунисты пытаются обнаружить еще у В.И.Ленина и даже дальше - у народников. "Приписывание Лениным руководящей роли партии, - заявляет Р.Уэссон , - имело несколько последствий. Члены партии должны быть людьми особого рода - героями, стоящими над массами в соответствии с традициями конспиративного народничества. Состав партии должен быть ограничен преданными и верными людьми" (60, с.52-53). Подобное явление, как уверяют наши противники, характеризует развитие КПСС и в современных условиях. "Всякий ли может вступить в партию?", - задается вопросом бывший корреспондент журнала "Ю.С.ньюс энд уорлд рипорт" в Москве Дж.Уоллес и отвечает: "Определенно нет. Она представляет собой элитическую группу, небольшую, тесно сплоченную, глубоко преданную и высокодисциплинированную организацию, которая официально играет "главенствующую роль" в советском обществе. Я думаю, любой может захотеть вступить в партию, но это не то же самое, что обратиться в местный комитет демократической или республиканской партии, уплатить взносы и поставить подпись на членском билете. Партия является самовоспроизводящейся. Ее чиновники решают, кто будет принят" (41, с.45-46). Как утверждает Р.Уэссон,

в первую очередь КПСС старается привлекать людей, которые проявили себя в какой-либо области - от ученых до спортсменов. Она хочет иметь в своих рядах тех людей, которые так или иначе являются лидерами в обществе (6I, с.257).

Именно стремлением сохранить и упрочить свое "элитарное" и "привилегированное" положение в советском обществе объясняют антикоммунисты и факт сравнительного уменьшения в последнее время числа принимаемых в КПСС. "Поскольку членство в партии стало широко распространенным явлением, - внушает Т.Ригби, - особый статус и авторитет, присущие ему, постепенно исчезали. Нынешнее руководство отреагировало на эту проблему двумя способами: усилением партийной дисциплины и идеологической обработки и обузданием роста партии" (50, с.3I9).

В буржуазной литературе имеют место попытки поставить под сомнение право КПСС на руководство социалистическим обществом на том абсурдном основании, что она включает в себя лишь небольшую часть советских граждан, а потому будто бы лишена общественной поддержки (4I, с.45-46). Правда, более трезво мыслящие советологи отмежевываются от подобных попыток. Так, Л.Черчуорд отмечает, что постоянное расширение состава партии, а также активное участие миллионов беспартийных в ее мероприятиях "дают основание предположить, что поддержка партии выходит далеко за число ее членов" (7, с.27I).

Крайне тенденциозно интерпретируются западными советологами условия членства в Коммунистической партии, права и обязанности советских коммунистов. КПСС изображается в виде антидемократической организации автократического типа, которая не только ограничивает личную свободу своих членов, но и добивается абсолютного контроля над их мыслями и поведением. "Те, кто состоит членами партии или стремится к этому, - утверждают Дж.Хаф и М.Фейнсод, -

обязаны жить и работать там, куда их направят" (25, с.320). Что же касается мотивов, которые заставляют в такой ситуации многих советских граждан вступить в партию, то их сводят к чисто прагматическим соображениям. Как пишет Р.Уэссон, только через партию или с ее благословения можно сделать карьеру (61, с.256). "С точки зрения индивидуума, - пишут Дж.Хаф и М.Фейнсод,- членство в партии, даже помимо возможностей продвижения, имеет несколько потенциальных преимуществ. Во-первых, оно обеспечивает политически надежной информацией, которую нельзя получить из обычных источников... Однако наиболее важное влияние членства в партии на жизнь и политическую роль человека проистекает из требования, что он должен "работать в одной из партийных организаций" и что эти организации осуществляют важные контрольные функции там, где они действуют. Посредством первичной организации, выполняющей эти функции, и через обязанность иметь "партийное поручение" человек, стремящийся получить преимущества от звания члена партии, фактически приобщается к определенному виду деятельности, напоминающему процесс принятия решений" (25, с.355).

Широкое хождение в современной буржуазной литературе с легкой руки известного антикоммуниста Л.Шапиро получила концепция так называемой "перманентной депролетаризации" КПСС. Эта тенденция, по утверждению советологов, сложилась якобы еще при жизни В.И.Ленина и с нарастающей силой проявляется сейчас. В качестве главного аргумента в пользу названной концепции выдвигается тезис о "непропорциональном представительстве" рабочих в составе партии (61, с.257).

Другим аргументом является утверждение об "ослаблении" позиций рабочего класса в управлении внутренней жизнью партии. Дело изображается таким образом, будто при-

ход в партийный аппарат профессионально подготовленных работников свидетельствует о стремлении партийных лидеров превратить КПСС в "кадровую партию", ведет к "оттиранию" трудящихся от руководства в пользу лиц, располагающих, по выражению Т.Ригби, "властью или авторитетом в силу своего права на руководство, специального образования, престижа и т.д." (50, с.318). Наряду с этим, однако, встречаются признания, что "число комитетов, в состав которых входят рабочие, постоянно растет. К 1977 г. рабочие были представлены во всех городских и районных (в городах) партийных комитетах" (25, с.502).

Распространенным тезисом буржуазных историков является утверждение о мнимом "антагонизме" и "враждебности" в отношениях между рабочими и социал-демократической интеллигенцией в революционном движении России. Этот тезис служит, как правило, отправной точкой, чтобы убедить легковерного читателя, будто КПСС по характеру своей деятельности и социальному составу с самого начала складывалась не как пролетарская, а как сугубо интеллигентская организация.

С помощью таких экскурсов в историю антикоммунисты стараются обосновать версии о "господстве интеллектуальной элиты" в Советском Союзе, вообще, и в партии, в частности. "Разрыв между интеллигенцией и массами в русском обществе, - читаем мы у Б.Мура, - имел два далеко идущих последствия для развития русского марксизма и русского общества в целом. Во-первых, он привел к концепции диктатуры партии над рабочим классом, ввиду того что интеллигенты - руководители партии опасались, что революция никогда не будет осуществлена. Во-вторых, этот раскол способствовал появлению централизованного контроля со стороны интеллектуальной элиты внутри самой партии. Хотя в современных условиях на смену интеллектуалам пришли администра-

торы-практики, централизованный контроль сохранился и даже усилился" (40, с.60).

К этой клеветнической версии подверстываются рассуждения о сознательной ориентации КПСС на расширение своих рядов прежде всего за счет "функциональных элит" хозяйственных и административных руководителей, что в свою очередь, по мнению буржуазных идеологов, вызывает растущие трения между рядовыми членами и партийным аппаратом (57, с.189-190). Причем, как пишут Дж.Хаф и М.Фейнсод, "особенно обращает на себя внимание в представительстве административной элиты в партии не только тенденция вовлечения в ее ряды высших хозяйственных и административных руководителей, но и чрезвычайно высокие темпы роста членов партии среди технических и административных работников среднего звена... Руководство не только считает обязательным членство в партии для занятия ответственных административных постов, но также требует создания значительного резерва членов партии на тех должностях, откуда пополняется контингент высших администраторов" (25, с.347).

Составной частью дискредитации политики КПСС в области формирования партийных рядов являются попытки приписать ей мнимые "великорусские тенденции". Нередки в этом случае лицемерные сетования советологов о "преобладании" в партии представителей русской национальности и о "непропорциональном представительстве многих нерусских групп". "Насчитывая 9,5 млн. человек, или почти 61% от 15,6 млн. коммунистов, - пишет Б.Майсснер, анализируя итоги XXVI съезда КПСС, - русские преобладают в партии, хотя их доля в населении составляет лишь 52,4%. В партийной и государственной бюрократии их преобладание еще больше" (36, с.20-21).

ОБЪЕКТ НАПАДОК – ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ

Редкий принцип социалистического общества и деятельности КПСС отвергается буржуазными идеологами с таким единодушием, как принцип демократического централизма; содержание же его грубо искажается. Нет, по существу, ни одного советологического издания, посвященного истории или современной практике КПСС, в котором бы этот вопрос так или иначе не затрагивался. Однако предметом специального внимания демократический централизм становился не так уж часто. В числе причин такого положения М.Уоллер, в частности, называет то, что "в течение долгого времени значение демократического централизма определялось исключительно политической практикой Советского Союза, а также связанных с ним государств и неправящих партий. Утверждалось также, что такая политическая практика едва ли может рассматриваться как демократическая. Таким образом, с одной стороны, детальный анализ концепции демократического централизма считался ненужным, поскольку, как полагают, советская политическая система достаточно исследована, следовательно, раскрыто и значение демократического централизма. И действительно, сегодня нет недостатка в работах, посвященных советской политической системе. С другой стороны, сам термин "демократический централизм" многим, по-видимому, представляется бессмысленным, поскольку признание на словах ценности демократии служит только тому, чтобы прикрыть фактический централизм, т.е. автократию, диктатуру или централизм" (59, с.5).

"Ни одно из этих соображений, – заключает М.Уоллер, – не может служить оправданием пренебрежительного отношения к самой концепции демократического централизма". Отсюда он формулирует необходимость "пойти дальше простого описания винтиков и гаечек данной политической системы и

уделить достойное внимание концепциям, которым эта система придает большое значение. К сожалению, сегодня, - констатирует М.Уоллер, - серьезное внимание к тому, что означает демократический централизм для тех, кто проповедует эту концепцию, почти полностью отсутствует" (59, с.5).

В качестве наиболее типичного примера сложившегося на Западе за многие годы стереотипа в подходе к демократическому централизму М.Уоллер приводит высказывания американских советологов Ф.Баргурна и М.Фейнсода, основной смысл которых можно свести к следующей несложной схеме: I) демократический централизм включает в себя четыре ключевые нормы; 2) в Советском Союзе вертикальный и централистский принципы доминируют над горизонтальным и выборным; 3) следовательно, демократический централизм означает просто централизм. Такой подход, заключает М.Уоллер, проистекает из "давнишней враждебности к Советскому Союзу как в отношении его идеологии, так и его истории" (59, с. 77, 78).

Однако, пытаясь, видимо, привлечь внимание к серьезности проблемы, М.Уоллер допускает явную передержку, когда заявляет, что внимание к концепции демократического централизма в буржуазной советологии "почти полностью отсутствует". Достаточно вспомнить в этой связи работы Л.Шапиро, Б.Вольфа, Ф.Каземзаде, Б.Мура, К.фон Байме и некоторых других буржуазных авторов, которые в свое время немало "потрудились" для извращения принципа демократического централизма и не только с точки зрения его осуществления в политической практике, но и в теоретическом отношении. Последним из них (он, кстати, упоминается и в книге М.Уоллера) была предпринята попытка применять сравнительный метод к анализу демократического централизма, главным образом в плане его соответствия марксистской диалектике общественных противоречий, с одной стороны, и теории организационных структур - с другой (4). Начало мес-

та ленинскому этапу в утверждении демократического централизма и дальнейшему развитию этого принципа в современных условиях посвятил и Б.Мур (40).

Отвергая объективную обусловленность складывания организационных принципов Коммунистической партии, наши идеологические противники рассуждают об "узкоутилитарном" и "субъективном" характере демократического централизма, о "несовместимости" демократии и централизма, объявляют демократический централизм совокупностью "двух противоположных начал" (59, с.17). "Большевики, - заявляет, например, Б.Мур, - отдавали себе отчет в существовании конфликта между необходимостью конспирации и широковещательными идеалами свободы... В процессе предреволюционного развития они постепенно выработали принцип демократического централизма как механизма для примирения этого конфликта" (40, с.64).

Касаясь содержания ленинских идей по поводу организации внутренней жизни пролетарской партии, ярые антикоммунисты приписывают им имманентные антидемократические черты, обусловленные якобы "элитарной" природой большевизма вообще. Согласно Р.Уэссону, "руководящая роль партии исключала внутрипартийную демократию. Единство было слишком драгоценным и слишком хрупким. Ленин заявлял, что репрессивные условия России ограничивают развертывание демократии, но действительной причиной был элитаризм. Выборы высших органов с самого начала были невозможны, руководство стало самоизбираемой, самоувековечивающейся небольшой олигархией, состоящей из узкого круга людей, в большинстве своем буржуазного происхождения, и изолированной от своих последователей, так как она находилась за границей" (60, с.53).

Другая часть советологов, демонстрируя показную объективность, стремится с помощью полупризнаний и произвольного манипулирования цитатами противопоставить ленинскую

концепцию демократического централизма современному его пониманию КПСС, отделить теорию от практики в этом вопросе. М.Уоллер, например, порицает своих коллег за то, что они "проглядели" такой важный момент в эволюции коммунизма. "Тот факт, - пишет он, - что КПСС сумела утвердить в коммунистическом движении сегодняшнюю интерпретацию (демократического централизма. - Ю.М.), а также что она решительно борется с другими его интерпретациями, породил среди западных специалистов невнимание к важному отличию между современной советской концепцией демократического централизма и его ленинской трактовкой, а также нежелание серьезно рассматривать и даже замечать эволюцию этой идеи в современных условиях растущих противоречий в организационных вопросах внутри коммунистического движения" (59, с.6). И далее поясняет свою мысль: "...то, что внутри коммунистического движения стали возникать вопросы относительно судьбы демократического компонента демократического централизма, который предусматривается Уставом КПСС, дает возможность говорить, что толкование КПСС содержания демократического централизма по крайней мере утратило доверие не только ввиду разрыва между теорией и практикой, но и ввиду очевидного противоречия между тем, как понимали эту концепцию большевики в дореволюционный период, и тем, как понимает ее сегодня КПСС. На этом основании можно утверждать... что Советский Союз не придерживается (или больше не придерживается) ленинского принципа демократического централизма" (там же, с.II). Заметим опять-таки, что упреки М.Уоллера своим коллегам преувеличены. И до него еще Б.Мур утверждал, что с точки зрения своего происхождения демократический централизм представлял собой "оригинальный вклад (во всяком случае на теоретическом уровне) в проблему примирения требований статуса, власти и дисциплины с требованиями демократической системы ценностей", но позднее "сложившаяся в партии практика осу-

ществления политики весьма приблизительно отвечала этой идее" (40, с.70, 140).

Некоторые буржуазные идеологи пытаются отрицать объективную необходимость демократического централизма как средства обеспечения единства и организованности партийных рядов в целях успешного осуществления стоящих перед партией исторических задач. Как пишет Н.Макиннес, "представление о том, что лишь единство является эффективным средством изменения общественной жизни, есть чистейшей воды предрассудок, о чем свидетельствует пример протестантизма, выступившего недисциплинированными и разобщенными силами против статичного единства католицизма" (35, с.96). Нередки также попытки ограничить значение демократического централизма рамками отдельных исторических периодов, обосновать идею о "преходящем" характере важнейшего организационного принципа КПСС, утратившего, дескать, свою ценность в современных условиях. В "энциклопедии" "Марксизм, коммунизм и западное общество" утверждается, что "как универсальный принцип руководства в партийной, государственной и хозяйственной жизни демократический централизм подтвердил свою жизненность только для отдельных периодов прошлого развития советского общества. Кризис, который демократический централизм... переживает сейчас, является симптомом тех проблем, которые характеризуют современный этап развития СССР" (27, с.339).

Грубые извращения сущности и значения демократического централизма преследуют цель бросить тень на внутреннюю жизнь КПСС, приписать ей преобладание и постоянство бюрократических тенденций. Работы буржуазных авторов полны всевозможных измышлений, будто этот принцип исключает развитие демократии, утверждает "абсолютную вертикальность в политических отношениях и почти полное отсутствие горизонтальных связей" (59, с.11; 34) и тем самым способствует превращению партии в некую "иерархическую военизированную организацию".

Антикоммунисты, в частности, утверждают, что демократический централизм якобы неизбежно влечет за собой нарушение принципа выборности и других прав членов партии. Если верить Р.Уэссону, В.И.Ленин и ленинцы с самого начала выступали против принципа выборности даже на нижних уровнях партии. Они хотели, чтобы руководители рабочих назначались сверху (6I, с.26). Такое отношение к выборам, по мнению советологов, характеризует КПСС и сегодня. "Дело не в том, что в Советском Союзе или других коммунистических странах нет выборов, - рассуждает М.Уоллер, - а в том, что они по своему характеру чисто санкционирующие: они фактически усиливают принцип вертикальности" (59,с.76).

Буржуазные идеологи не жалеют черной краски, изображая КПСС в виде отгороженной от народа, замкнутой организации, решения которой якобы принимаются и распространяются в глубокой тайне, скрываются от трудящихся, а нередко и от рядовых коммунистов. "...Пристрастие к секретности, абсолютное стремление сохранить видимость единства и не раскрывать своих карт противнику, - вещает Ф.Фейто, - привели компартии к тому, что информация превратилась в иерархическую привилегию (в коммунистических странах значение отдельных лиц в иерархии лучше всего можно определить в зависимости от количества и качества получаемой ими секретной информации), а также к отказу от открытых и свободных дискуссий" (I6, с.I07).

Такая важнейшая норма демократического централизма, как право коммуниста на участие в обсуждении и принятии партийных решений, свобода мнения, и критики, в интерпретации антикоммунистов выглядит обычно как односторонний, направляемый сверху вниз бюрократический процесс, имеющий целью не допустить проявления самостоятельности или несогласия в партии. Как пишет Б.Мур, с первых лет Советской власти "критика снизу направлялась на способы осущест-

вления и политики и практически никогда на саму политику или тех, кто ее формулирует. Таким образом, большевистская традиция свободы мнения была превращена в оружие, которое центральные органы могли использовать, чтобы сдерживать нижестоящие организации и разрушать любые признаки сосредоточения власти на местах" (40, с.151-152). Правда, с подобной крайней точкой зрения согласны не все советологи. Так, Дж.Хаф на основе анализа реальных фактов вынужден был признать, что, как бы ни толковали на Западе понятие "право на критику", оно обеспечивает "институционные рамки" для участия партийных масс и их руководителей на нижнем и среднем уровнях в процессе выработки решений (25, с.357).

Организуя атаки на ленинский принцип демократического централизма, буржуазные идеологи настойчиво ставят вопрос о взаимоотношениях большинства и меньшинства в нашей партии, об "ущемлении" прав меньшинства, об оппозиционной деятельности. При этом антикоммунисты пытаются представить фракционную борьбу чуть ли не как закономерность или, по меньшей мере, неизбежный фактор развития внутрипартийных отношений. "...Диалектика жизни (и не только политической) такова, - утверждает Дж.Сартори, - что любая позиция порождает оппозицию, т.е. контрпозицию. Вне зависимости от партийного устава остается фактом, что крупные группы распадаются на более мелкие и что неформальный процесс внутрипартийного развития состоит в том, что они неизбежно ведут скрытую борьбу, порождаемую различием мнений, соперничеством и интригами" (51, с.48). Такого рода рассуждениями, основанными на опыте буржуазных политических партий, противники коммунизма пытаются подвести некую "теоретическую" базу под свои требования предоставить неограниченную свободу для фракционной деятельности, изменить существующие в марксистско-ленинских партиях отношения между большинством и меньшинством в том направле

нии, чтобы меньшинству было предоставлено право не считаться с волей большинства.

В современной буржуазной историографии вообще заметно стремление представить борьбу В.И.Ленина, КПСС против фракционеров как "преследование" оппозиционного меньшинства, "нетерпимость к инакомыслящим" и т.п. Советологи стараются создать впечатление, что решения X съезда РКП(б), положившие конец существованию фракций и группировок в партии, означали свертывание демократии, "полный триумф" централистских начал. Хотя запрещение фракций на съезде рассматривалось в тот момент как временная мера, вызванная опасностью ослабления руководящей роли партии, считает Р.Уэссон, однако оно представляло собой лишь следующий шаг в направлении "тоталитаризма" (61, с.108).

Западные советологи единодушно проводят водораздел между руководством КПСС и массой ее рядовых членов, заявляя о существовании в партии "верхов" и "низов", тех, "кто имеет власть", и тех, "кто ее не имеет". "Партия, - провозглашает Р.Уэссон, - никогда не действовала как нечто целое, и рядовые члены располагают незначительным влиянием и правом инициативы" (там же, с.XУ).

Ведя развернутые атаки на демократический централизм, выступая против элементарных требований партийной дисциплины, буржуазные идеологи отстаивают, как они считают, "свободу личности", якобы попираемую коммунистами. "Вступление в Коммунистическую партию, - толкует, например, Р.Уэссон, - представляет собой драматический акт, через который личность приобщается к новой жизни, подчиняющей ее волю (точно также, как в армии) воле и высшей мудрости партии" (60, с.157).

Известно, что предметом постоянной заботы КПСС является развитие демократических начал в деятельности местных партийных организаций. Советологи по традиции изображают эти организации исключительно как "бесправных", "ме-

ханических исполнителей" воли руководящей "элиты", причем обычно прибегают к демагогическому приему, связывая самостоятельность местных органов партии с полной независимостью от ее руководства. Местные органы партии, заявляет в этой связи Б.Мур, располагают известной свободой в выборе наилучших путей и способов осуществления политики, выработанной верховным руководством. Но у них нет возможности определять свою политику, отличную от линии руководства, и нет никаких надежд, что они когда-нибудь получат такое право. Б.Мур утверждает, что уже в период II съезда РСДРП В.И.Ленин "всеми средствами боролся за то, чтобы дать как можно больше власти руководящему ядру партии и урезать власть местных комитетов" (40, с.269, 665).

Антикоммунисты игнорируют или ложно истолковывают любые меры КПСС, предпринимаемые с целью повышения боеспособности местных партийных органов и первичных организаций, расширения их прав и сферы ответственности. Касаясь, в частности, решения КПСС о предоставлении права контроля деятельности администрации, наряду с производственными парторганизациями, первичным партийным организациям проектных и научно-исследовательских институтов, учебных заведений, культурно-просветительных, лечебных и других учреждений, советологи пытаются представить дело таким образом, будто речь идет о закреплении подчиненного положения в партии администраторов и специалистов (24, с.9; 49, с.259).

СОВЕТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕСТА И РОЛИ КПСС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Касаясь проблем руководства КПСС строительством социализма и коммунизма, буржуазные советологи особое внимание уделяют месту и роли Коммунистической партии в по-

литической системе советского общества, принципам взаимоотношений партии с государственными и общественными организациями. Наиболее часто для извращения истинной роли КПСС в осуществлении политической власти в Советском Союзе, в развитии социалистической демократии используются различные варианты пресловутой концепции "коммунистического тоталитаризма". В рамках этой концепции находят общий язык и сторонники правого, экстремистского направления в современной советологии, и представители так называемого либерального, объективистского ее крыла.

В сконструированной еще в 50-е годы К.Фридрихом и З.Бжезинским "тоталитарной" модели советского общества Коммунистическая партия предстает как безраздельно господствующая сила, подчиняющая себе любые проявления общественной жизни. Основной смысл концепции "тоталитаризма" применительно к КПСС сводится к следующему: получив власть не демократическим путем, а в результате "заговора небольшой конспиративной группы", коммунисты стремятся мобилизовать отсталые массы на выполнение своих "честолюбивых" планов, ограничить деятельность других политических сил с целью "увековечивания" своего господства.

Несмотря на серьезную критику, высказывавшуюся в отношении концепции "коммунистического тоталитаризма" многими авторитетными буржуазными идеологами в конце 60-х - 70-х годах (подробно см. об этом во второй главе настоящей монографии), немало сторонников этой точки зрения можно встретить среди советологов и сегодня. Так, К.Рявек, например, совершенно обходя вопрос о классовой природе советской политической системы, считает главной ее особенностью именно "тотальную активность" Коммунистической партии (55, с.ХУ-ХІУ). Б.Майсснер тоже характеризует советскую модель социализма прежде всего "тоталитарной формой однопартийного господства" (47, с.184).

Вместе с тем идеологический арсенал империализма по-

полнился в последние годы рядом новых "теоретических" разработок, которые призваны, не меняя существа и направленности дискредитировавшей себя концепции "коммунистического тоталитаризма", попытаться как-то преодолеть ее наиболее очевидные дефекты и пороки, приспособить к изменившимся общественным условиям. В этой связи можно назвать модели "администрируемого общества" А.Кассофа, "бюрократического общества" А.Майера, "командного общества" Т.Ригби, "монистической системы" Дж.Берча и Т.Гэншоу, "мобилизационной системы" А.Аптера и т.п. Однако при всех своих претензиях на новизну и оригинальность всем этим схемам и концепциям по-прежнему присуще извращение социально-политических основ партийного руководства в сфере политических отношений. Показательно в этой связи высказывание М.Гиршовиц, согласно которому отличительными чертами "бюрократических режимов" в коммунистических странах являются: I) переплетение политической и организационной структур, создавшее положение, когда коммунистические бюрократии выступают решительно против любых организационных мер, угрожающих существующей расстановке сил; 2) полный контроль правящей партии над обществом, который означает, что вместо осуществления целей, определяемых общественными надеждами и требованиями, коммунистические бюрократии могут навязать и осуществлять свои собственные цели; 3) монополия на оценку административной и хозяйственной эффективности, которая порождает искушение скрывать любые организационные провалы; 4) сегментарное деление в противовес единству и единообразию, которые рассматривались как важные преимущества централизованной иерархичной системы управления (2I,с.268).

Попытки извратить демократические основы политической системы социализма предпринимаются советологами и еще в одном направлении. Речь идет, в частности, об их стремлении опорочить подлинную природу народовластия при социализме под видом разговоров о "несовместимости" диктатуры

пролетариата и демократии, власти и свободы вообще. При этом антикоммунисты стараются либо доказать, будто истоки антидемократизма социалистического общественного строя следует искать уже в исходных положениях марксистского учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, либо приписать В.И.Ленину "искажение Марксова понимания значения диктатуры" в авторитарном и антидемократическом духе (I, с.I33; I36; 32, с.I86).

Другие антикоммунисты, напротив, стараются приписать классикам марксизма-ленинизма абстрактные идеалы справедливости и гуманизма, утверждая, что они связывали наступление "эры демократии" с полным отмиранием институтов политической власти. Именно такой фальсификацией является заявление Р.Уэссона о том, будто В.И.Ленин, "не отказываясь от демократии как отдаленной перспективы, утверждал, что непосредственной целью революции была не демократия, а диктатура пролетариата" (60, с.53).

Одна из концепций, так или иначе направленная на искажение демократических основ советской политической системы вообще, и роли в ней Коммунистической партии в частности, сводится к истолкованию сущности многопартийности в смысле пресловутого "политического плюрализма". Навязывая представления о многопартийности политической системы, основанной на "свободной игре политических сил", как обязательном условии нормального функционирования любого общественного механизма, буржуазные советологи тщатся доказать "неполноценность" советской системы однопартийного руководства. "Партии в плюралистических системах, - пишет А.фон Борке, - служат средством связи общества с правительством. В однопартийных системах партия по своему происхождению, наоборот, - не "собиратель голосов", а боевое орудие, командная структура. Претендуя на представительство интересов "в целом", она присваивает функции, традиционно рассматриваемые как функции государства" (5, с.63-

64). По мнению А.фон Борке, однопартийная система показала себя не очень эффективным средством управления современным, постоянно усложняющимся обществом, поскольку последнее требует автономной инициативы и объективной системы обратной связи, а не субъективных, административных методов (5, с.64).

Широкое распространение в буржуазной литературе получила также точка зрения, согласно которой однопартийная структура политического руководства не может считаться подлинно демократичной по той причине, что она исключает борьбу за власть, конкуренцию общественных сил. Последователи этой теории вообще отрицают за партиями в однопартийной системе свойства партии. "Имеются серьезные доводы в пользу того, - пишет профессор Мерилендского университета Л.Кантори, - что единственные партии не могут рассматриваться как партии в обычном смысле, хотя они и претендуют на роль единственного законного представителя политической системы либо являются таковыми. Этот скептицизм часто имеет лингвистическую основу: поскольку партия происходит от латинского слова "pars", означающего часть, как может что-то, являясь частью, представлять целое" (9, с.295). Кантори полагает, что определение политической партии должно включать элемент соперничества, ибо настоящая политическая партия может существовать только в рамках соревновательной системы (9, с.295).

К основным "изъянам" системы однопартийного руководства в нашей стране антикоммунисты относят прежде всего его "неспособность" эффективно посредничать в отношениях между различными общественными классами и слоями, внимательно учитывать их специфические интересы, а главное "нетерпимость" не только в отношении оппозиционных групп, но и к самой идее политического компромисса. В Советском Союзе, провозглашает М.Уоллер, "образование политических партий и групп давления, как это имеет место на Западе, не-

возможно. Поскольку структура административной и профессиональной жизни порождает бюрократический сепаратизм, который в силу своей природы приобретает организационные формы, а также до некоторой степени местный сепаратизм, никаких возможностей для стихийного создания организаций с политическими целями нет..." (59, с.55). Однако буржуазные идеологи надеются, что в ходе дальнейшего развития СССР по пути модернизации процесс "функциональной специализации и дифференциации" углубится, что "в свою очередь породит диффузию интересов, оспаривающих друг у друга право толковать законы общества в свою пользу" (8, с.240).

В числе других "минусов" политической практики в Советском Союзе, неизменно связывающихся с существованием одной официальной партии, чаще всего называется "ущербность" советской избирательной системы, не предусматривающей, дескать, конкуренции кандидатов, а стало быть и возможности выбора "между серьезно отличающимися политическими линиями" (49, с.260).

Больше того, по утверждению М.Уоллера, выборы в СССР характеризуются и такими двумя существенными моментами: "с одной стороны, в процессе формирования элиты подбор и расстановка кадров все еще преобладают над выборами и, с другой - результаты выборов в Советском Союзе еще не являются убедительным ответом на вопрос, кто должен руководить нацией или какую политику должно проводить правительство. Они лишь санкционируют уже проведенную расстановку и служат демонстрацией одобрения заранее выработанной политики" (59, с.53).

В целях дискредитации партийного руководства в нашей стране буржуазные идеологи нередко искажают подлинную историю формирования однопартийной системы в СССР, пытаются обвинить КПСС в "насильственном устранении" меньшевиков, эсеров и других псевдо-социалистических партий из политической жизни, вопреки воле широких трудящихся масс. "Сра-

зу после захвата власти, - читаем мы у Б.Кракси, - большевики начали систематично и методично разрушать все центры автономной жизни с таким расчетом, чтобы сосредоточить всю полноту политической, экономической и духовной власти в одном командном пункте - в партийном аппарате" (II, с.6I). С этой правосоциалистической точкой зрения согласен Р.Уэссон. "Уверенный в своей правоте, - заявляет он, - Ленин в противовес идее коалиции (возможно, даже менее эффективной) настаивал на однопартийном руководстве. Он сразу начал ограничивать свободу русских революционеров... Он запретил другие партии, восстановил цензуру печати, политическую полицию, распустил свободно избранное Учредительное собрание, которое являлось давнишней мечтой всех общественных сил" (60, с.67).

Не ограничиваясь нападками только на СССР и другие социалистические страны, где в силу специфики исторического развития сложилась однопартийная структура политического руководства, антикоммунисты стремятся представить однопартийность главной закономерностью социалистического общественного развития вообще. Согласно Суизи, "до сих пор любое постреволюционное общество либо было с самого начала, либо быстро становилось однопартийным государством с господствующей партией, обладающей монополией на власть... И до тех пор, пока опыт не докажет обратного, мы можем утверждать, что однопартийная система является внутренне присущей чертой постреволюционного общества" (45, с.I43).

В западной литературе тенденциозно истолковываются принципы функционирования политической организации социалистического общества, взаимоотношений партии и государства, партии и массовых организаций трудящихся. "До сих пор, - пишет Р.Кэмпбелл, - ведутся дискуссии относительно партии как носителя реальной власти за спиной центра, который находится в конфликте с другими общественными ин-

ститутами... Даже если эти отношения узаконены, партия остается еще как тень и контролирует определение приоритетов, разрешение противоречий между групповыми и региональными интересами, регулирование структуры" (55, с.38).

Противники социалистического строя обычно пытаются усмотреть "непримиримое противоречие" между закономерной тенденцией возрастания руководящей и направляющей роли КПСС в ходе строительства социализма и коммунизма и неуклонным процессом демократизации политической системы, всемерного расширения самостоятельности и инициативы массовых государственных и общественных организаций. Даже в новой Конституции СССР они не видят ничего, кроме "утверждения господства партии в политической системе" (46).

Если верить антикоммунистам, КПСС, добившись положения правящей партии, обрекла тем самым на "пассивность" и "бесправие" другие институты советской политической системы, уготовив им роль простого "придатка" партийного аппарата, а точнее его руководящего ядра. Выражая эти взгляды, Р.Уэссон заявляет, что "партия в целом представляет собой в известном роде фасад господства элиты, точно также как система мнимо избираемых Советов служат фасадом для господства партии" (61, с.274).

Широко распространены в советологической литературе утверждения о "дублировании" партийной и государственной деятельности в Советском Союзе, "неразличимости" компетенции партийных органов и государственных органов, а то и вовсе о "сращивании" партии и государства. Б.Майсснер, например, говоря о Конституции СССР, усматривает главную ее особенность в том, что она дает партии полномочия исполнять не только общественные, но и государственные функции (36, с.10). Дж.Хаф уточняет: "Коммунистическая партия определенно является господствующим институтом в Советском Союзе... Было бы неправильно, однако, утверждать, как это иногда делается, что правительство и другие непартий-

ные институты действуют только как административные органы или передаточные ремни для осуществления политики партии. Говорить, что "политика делается в партии", можно только в определенном, очень строгом смысле, ибо это затемняет тот факт, что в Советском Союзе категории "партия" и "правительство" перекрывают друг друга" (25, с. 362).

Характеризуя принципы взаимоотношений Коммунистической партии с законодательными органами, буржуазные идеологи пишут о подчиненном положении последних.

В интерпретации А.Улама, например, законодательная система в Советском Союзе не имеет сколько-нибудь реального значения, поскольку "партия монополизировала не только осуществление политики, но и все законодательство со всей системой Советов, служащих в качестве штемпелюющих органов" (56, с.76).

На страницах буржуазных изданий советское общество вообще нередко предстает как некое царство "беззакония и произвола", где единственный суверен политической власти - Коммунистическая партия - "творит историю", не считаясь ни с какими правовыми ограничениями. "Марксизм не признает господство закона, - вещает Р.Уэссон.- ...Поскольку всякая мораль является классовой по своему содержанию, новых лидеров избавляют от "буржуазной морали" и предлагают действовать по своему усмотрению" (60, с.216).

В целях обоснования "противоположности" политики и права в советском обществе, "неполноценности" социалистической правовой системы по сравнению с капиталистической западные советологи пускаются в демагогические рассуждения об утилитарном характере советского права, подчиненном "трансцедентным" идеологическим принципам, о зависимом положении правозащитной власти в Советском Союзе и т.п. Комментируя проект новой советской Конституции, Р.Шарлет писал, что партия предусмотрела в нем определен-

ные меры для упорядочения процесса государственного управления, "но сделано это таким образом, будто хотели оставить достаточно неясностей юристам, чтобы обойти систему "законности", когда это потребуется. Фактически партия просто "конституировала" традиционный дуализм права и чрезвычайного насилия" (52, с.5).

Особенно грубым искажениям подвергаются роль и место Советов в политической системе социалистического общества. В буржуазной советологии эти самые массовые и представительные органы народной власти предстают обычно в крайне убогом виде как совершенно бесправные организации, призванные "навести глянец народного представительства на здание однопартийной диктатуры" (56, с.43). "Они никогда не имели ни прав, ни компетенции, - возвещается, например, на страницах миланской газеты "Джорнале нуово". - Они были и остаются чисто бюрократическими и административными механизмами с возложенными на них обязанностями технического исполнения решений соответствующего комитета партии" (I7).

Если антикоммунисты иной раз и говорят об активизации работы народных Советов, о широком привлечении к их деятельности трудящихся масс, то сводят, как правило, эту деятельность к чистой формальности, не выходящей за пределы выполнения незначительных, неполитических функций. Так, М.Уоллер признает, что "число людей, вовлекаемых в работу Советов, достигает огромных размеров. Советы окружены массой комиссий содействия и общественных групп. Не может быть никакого сомнения относительно широкого привлечения масс к работе Советов". Но тут же спешит оговориться, что "влияние Советов на принятие решений остается слабым, избирательный процесс находится под контролем, принцип назначения распространяется и на исполнительные комитеты, а горизонтальный контроль над ними со стороны Советов заменен подчинением партийным комитетам соответ-

ствующего уровня" (59, с.56). Среди главных причин, препятствующих,по мнению антикоммунистов, нормальной деятельности Советов, называются, в частности: контроль союзных министерств и плановых органов над их хозяйственной, бюджетной и финансовой деятельностью; низкий профессиональный уровень аппарата Советов на местах;жесткий контроль за ними со стороны соответствующих партийных инстанций (54, с.30).

В извращенном свете рисуются буржуазными идеологами и взаимоотношения Коммунистической партии с профсоюзами. Из тесного сотрудничества советских профсоюзов с КПСС и государством в решении задач коммунистического строительства наши противники делают ложный вывод о "полной утрате" ими своей самостоятельности и превращении в "органы партии"."Теоретически они (профсоюзы. - Ю.И.) являются независимыми, т.е. непартийными и негосударственными организациями, - рассуждает Дж.Поркет. - Тем не менее в их уставах признается руководящая роль партии, а на практике их автономия незначительна или в лучшем случае мала" (44, с.126). В свою очередь Б.Мур, касаясь отношений в области труда в Советском Союзе, заявляет, что "профсоюзы не являются сильными, независимыми центрами власти и стойкими защитниками промышленных рабочих. У советских руководителей никогда не было намерения, чтобы профсоюзы превратились в такую организацию" (40, с.331).

С концепцией "коммунистического тоталитаризма" тесно связано противопоставление советской политической системы обществу, массам, личности. Под прикрытием разговоров о защите "свободы личности" антикоммунисты стараются внушить мысль о "несовместимости" интересов руководителей и руководимых, посеять ложные представления о партии как о силе, препятствующей самовыражению личности, стоящей на пути развертывания демократии. Они характеризуют ее отношение к массам как смесь недоверия и восхищения, которое,

дескать, сохранилось в качестве важнейшего элемента большевистского мышления до наших дней (40, с.62-63).

Оперируя подобными версиями, буржуазные идеологи приписывают КПСС стремление держать под постоянным контролем стихийные проявления общественной активности, направив ее в русло конформизма, не допустить действительного участия масс в управлении общественными делами. На сегодня, заявляет А.фон Борке, все советские руководители "сходятся в том, что влияние общественности не должно касаться процесса принятия важнейших решений, во всяком случае в той мере, в какой оно не направляется аппаратом и прежде всего партией. "Участие" по-советски остается, по существу, мобилизацией, социализацией посредством контролируемой активности" (5, с.64).

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ЭКОНОМИКОЙ В ОСВЕЩЕНИИ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ныне уже немногие на Западе решаются огульно отрицать прогресс Советского Союза в хозяйственном строительстве, в укреплении экономических основ социализма. Вместе с тем буржуазные идеологи нередко игнорируют социально-политический аспект этого прогресса, его неразрывную связь с деятельностью Коммунистической партии. Роль КПСС как политического авангарда советских трудящихся в хозяйственном развитии страны в трактовке антикоммунистов выглядит обычно проявлением мнимого диктата коммунистов, вытекающего, по выражению Р.Кэмпбелла, из претензии партии на единоличное обладание способностью и умением управлять обществом (55, с.28).

Наши идейные противники выступают с призывами "деполитизировать" экономическую жизнь, "оградить производство от надзора политики". С этой целью на все лады восхваляются идеи буржуазного социолога М.Вебера о том, будто

возможно существование некоего идеального государственного аппарата, полностью изолированного от политики. Что́ в конечном счете скрывается за такими призывами, откровенно разъяснил тот же Р.Кэмпбелл. "Деполитизация экономики,- пишет он, - предполагает параллельную "деэкономизацию" политической системы и партии" (там же, с.39).

Антикоммунисты стараются доказать, будто руководство экономикой - это вообще "не дело" партии, будто партийное вмешательство в хозяйственную жизнь сдерживает ее развитие, лишает внутренних импульсов. При этом предпринимаются настойчивые усилия столкнуть взгляды В.И.Ленина и современную практику КПСС в этом вопросе с позицией К.Маркса и Ф.Энгельса как некими сторонниками слепого экономического детерминизма (I9, с.42; 60; с.5I).

В основе извращений роли КПСС в хозяйственном строительстве лежат клеветнические версии буржуазной пропаганды о "фактическом присвоении" партией не только бесконтрольного права распоряжения средствами производства, но и права владения ими, т.е., по существу, о превращении КПСС в субъекта общенародной социалистической собственности вместо государства. "В Советском Союзе и в большинстве других социалистических стран, - пишет в этой связи С.Хук, - юридическое изменение в отношении собственности состояло в передаче права на нее коллективу. Но коллектив является юридической фикцией... Почти с самого начала коммунистические правители располагали абсолютной властью, чтобы не допустить рабочих и крестьян к руководству заводами и фермами, решать, что должно быть сэкономлено, потрачено и как определять условия и вознаграждение за работу, а также все, что связано с использованием промышленного потенциала, природных ресурсов и т.д. Эта власть никоим образом не контролировалась со стороны тех, кого эти решения коснулись столь роковым образом. Фактически, следовательно... средства производства принадлежали иерар-

хии Коммунистической партии, они обеспечивают ей все традиционные привилегии собственника за исключением купли-продажи и передачи по наследству. При таком положении рабочие могли эксплуатироваться и эксплуатировались даже более интенсивно, т.е. прибавочной стоимостью выжималось из них больше, нежели в условиях господства любой формы частной собственности с момента промышленной революции" (23, с.170).

При всей своей предубежденности буржуазные идеологи не могут все же полностью отрицать роль КПСС в обеспечении экономического прогресса социализма. Тем настойчивей пытаются они умалить эту роль как в отношении прошлых этапов нашего хозяйственного развития, так и в решении многообразных проблем, порождаемых современной модернизацией социалистического производства. По словам Б.Майсснера, сложившаяся в СССР "командная структура" однопартийного руководства не может способствовать ни удовлетворительному решению этих проблем, ни процессу модернизации в сколько-нибудь значительной мере (36, с.27).Предрекая неисчислимые трудности для советской экономики в ближайшие годы, Б.Майсснер дает ясно понять, что избежать их можно только путем "либерализации" хозяйственной жизни и ослабления руководящей роли Коммунистической партии.

Характерной особенностью советологической литературы является отрицание эффективности методов социалистического хозяйствования в нашей стране. Спекулируя на объективных трудностях, связанных с переводом народного хозяйства на рельсы интенсивного развития, антикоммунисты изображают последовательно осуществляемый в последние годы принципиальный курс партии на совершенствование хозяйственного механизма, усиление качественных показателей общественного производства как проявление "общего кризиса" социалистической системы централизованного руководства, не соответствующего, дескать, всевозрастающим потребностям

современного индустриального общества. Так, А.Бергсон заявляет, что "попытки усовершенствовать плановую экономику предпринимаются в СССР не впервые; в течение последних пятнадцати лет они делались почти непрерывно. До сих пор раздаются знакомые жалобы, и внимательный анализ только подтверждает старый вывод: трудности эти органически присущи бюрократической системе централизованного планирования, которая не допускает серьезных реформ. Этот механизм, который пятьдесят лет назад служил цели наиболее радикальным путем продвинуть вперед развивающуюся страну, по-видимому, не может быть без труда приспособлен к выполнению задачи создания преимущественно индустриальной экономики" (2, с.30).

Некоторые буржуазные идеологи усматривают главное препятствие на пути рационализации социалистического производства и повышения эффективности советской экономики в целом в стремлении партийного аппарата не допустить ослабления своих политических позиций, которые якобы неизбежно окажутся под угрозой в условиях хозяйственной самостоятельности предприятий и децентрализации управления. Если верить советологам, "чиновники партийного аппарата не очень заинтересованы в конечных результатах, т.е. в повышении эффективности производства, но они заинтересованы в том, чтобы остаться у власти. И если бы им пришлось выбирать между этими двумя факторами, они, вероятно, избрали бы последний. Иначе говоря, они, по всей видимости, будут выступать против экономической реформы, ослабляющей их непосредственную власть, даже в том случае, если эта реформа будет способствовать более эффективному функционированию экономики" (26, с.196-197).

Развернутым атакам подвергаются в буржуазной советологии основополагающие принципы партийного руководства народным хозяйством, доказавшие свою жизненность и непреходящую значимость на всех этапах социалистического стро-

ительства. Распространяя мифы о "командном" и "принудительном" характере управления советской экономикой, наши идейные противники в один голос твердят о "смешении" функций партийного и государственного управления в Советском Союзе, о стремлении КПСС "узурпировать" руководство хозяйственной жизнью (42, с.56; 55, с.41).

Как известно, одним из важнейших принципов партийного руководства экономикой является принцип подбора, расстановки и воспитания кадров хозяйственных и административных руководителей. Антикоммунистам и здесь видятся признаки "антидемократизма" (14, с.199-200), "гегемонистских устремлений" КПСС, поскольку-де право назначения высших хозяйственных руководителей дает возможность партийным лидерам сохранить политическую поддержку и тем самым свои позиции "политического господства" (26, с.195).

В искаженном свете изображается советологами и такой принцип партийного руководства, как контроль хозяйственной деятельности государственных органов и администрации предприятий. Причем больше всего их не устраивает право такого контроля, которым, согласно Уставу КПСС, располагают первичные парторганизации непосредственно на производстве. Это право рисуется обычно как проявление недоверия к хозяйственным кадрам, грубое вмешательство в их компетенцию, нарушение принципа единоначалия. "Активная роль, которую играют на предприятиях партийные организации, - пишет Дж.Поркет, - ставит... вопрос о соотношении единоличного и коллективного руководства. Большинство первичных парторганизаций вмешиваются в управление производством и подменяют руководителей, и лишь меньшинство соблюдают на деле принцип единоначалия" (44, с.128).

Одним из главных тезисов в общем потоке антикоммунистической пропаганды по поводу принципов и методов руководства народным хозяйством в нашей стране является утверждение об "отчуждении" масс в сфере производства, о

"полном бесправии" трудящихся в решении хозяйственных проблем. Дж. Миллар следующим образом обосновывает этот тезис: поскольку якобы "коллективное владение хозяйственными предприятиями истолковывается в Советском Союзе в том смысле, что руководитель предприятия представляет интересы общества.., а не рабочих данного предприятия", то "рабочие не принимают участия в принятии решений ни на каком уровне выше цехового" (37, с.61). В духе подобных постулатов трактуются советологами и меры партии и Советского государства, направленные на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, усиление роли трудовых коллективов как основной производственной ячейки общества. Децентрализация принятия решений в пользу предприятий, по мнению ряда советологов, обеспечивает автономию не рабочим, а прежде всего директору. В отношении рабочих главный акцент делается на пассивный и дисциплинированный труд типа стахановского движения (10, с.110). И даже конкретные формы проявления производственной активности трудящихся, их заинтересованности в улучшении дела, выразившиеся, в частности, и в таком почине, как движение наставничества, выглядят в интерпретации антикоммунистов не более чем "усиление добровольного надзора за молодыми рабочими со стороны более старых" (55, с.18).

Антипатии буржуазных идеологов к Коммунистической партии проявляются и тогда, когда они касаются целей и смысла партийного руководства развитием социалистической экономики. Чаще всего для дискредитации деятельности КПСС в этой важнейшей сфере общественной жизни используются современные варианты буржуазной концепции "цены социализма", в соответствии с которой партия добивается осуществления своих "амбициозных" политических установок путем снижения материального и культурного уровня жизни трудящихся. При этом весь период строительства социализма в

СССР рисуется, как правило, в виде бесконечной цепи страданий и жертв, не принесших народу существенных улучшений даже по сравнению с царским прошлым (60, с.192). Более того, антикоммунисты вообще стараются либо приписать КПСС "безразличие" к нуждам советских людей, либо изобразить дело как "вынужденные меры режима" в целях "нейтрализации" некоего политического давления. "Обманутый растущим количеством автомобилей, стиральных машин, цветных телевизоров, - рассуждает А.Улам, - рядовой советский человек вряд ли будет... толковать о запретном плоде западных свобод". Вместо террора времен культа личности нынешние советские руководители "сконцентрировали главное внимание на "потребительстве" как средстве противодействия сколько-нибудь широкому движению в пользу политических и социальных реформ" (56, с.268).

Для буржуазной советологии в целом было и остается характерным отрицание объективно обусловленной цели социалистического способа производства, ориентированного, как известно, на удовлетворение материальных и духовных запросов трудящихся. Игнорируя осуществляемую в СССР по инициативе и под руководством Коммунистической партии широкую программу мер, направленных на дальнейшее всемерное улучшение жизненных условий советских людей, наши противники пишут о стремлении КПСС обеспечить экономический рост в ущерб повышению жизненного уровня, о перманентном конфликте "между долгосрочными интересами национальной экономики и повседневными нуждами трудящихся" (44, с.131).

Необходимо, однако, указать, что не все буржуазные исследователи слепо следуют подобным откровенно антикоммунистическим клише. Так, английские советологи Ф.Корриган, Г.Рэмсей и Д.Сейер на основе анализа конкретной действительности приходят к заключению, что "в целом социализм в СССР остается, вероятно... социализмом, обеспечи-

вающим жизнь трудящимся мужчинам и женщинам, как никакое общество благоденствия и никакая социал-демократия не смогут никогда обеспечить при капитализме. Народ не голодает и не умирает в ожидании заботы и медицинской помощи, он не знает страха остаться бездомным или безработным, как это в различной степени имеет место в странах, где правит капитал. Это - огромные достижения. В конце концов их может обеспечить только социализм" (IO, с.I46).

БУРЖУАЗНЫЕ СОВЕТОЛОГИ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ КПСС

Анализируя теорию и практику реального социализма, советологи все чаще обращаются к идеологической деятельности Коммунистической партии. С.Хук, например, считает необходимым при изучении стран социализма обращать внимание не только на их достижения в области технического и производственного развития, но в первую очередь именно на идеологические процессы, поскольку, говорит он, для коммунистических стран идеология часто является решающим фактором и недооценка его может оказаться роковой ошибкой. С.Хук полагает, что мудрая и расчетливая политика требует более чем "шапочного знакомства" с функционированием социалистической идеологии (23, с.XI-XIУ).

Нападки на идеологическую деятельность КПСС ведутся на Западе главным образом в двух направлениях. Во-первых, ставится задача опровергнуть истинность марксистско-ленинской идеологии, ее научный, революционно-преобразующий характер и, во-вторых; изобразить идейно-теоретическую и политико-воспитательную работу Коммунистической партии как средство "узаконения" партийного господства и "насильственного приобщения масс" к социалистическому строю.

Методологической основой антикоммунистических извращений сущности социалистической идеологии и ее роли в

жизни советского общества служат традиционные буржуазные представления об идеологии как о мифе, субъективной системе взглядов, произвольно конструируемых мыслителями в целях адекватного описания действительности. Выражая эти представления, французский политолог М.Дюверже пишет, что "научные теории суть не что иное, как наборы гипотетических и эфемерных идей, которые неизбежно будут заменены другими, а те третьими и так далее до бесконечности. Ничто не дает основания думать, что общественные науки не следуют этой логике". Отсюда он заключает, что считать марксизм наукой - значит подходить к нему ненаучно, выдвигая на первый план миф и идеологию. В числе главных "аргументов" в пользу такого утверждения М.Дюверже называет, в частности, то, что по своей природе марксизм, дескать, не допускает проверки опытным путем, составляющим основу науки как таковой (39). Аналогичные позиции занимают левые ревизионисты, заявляющие, что "марксизм, как первородным грехом, отягощен тем, что не может эмпирически доказательно проверить свою теорию" (I8, с.I5).

Касаясь роли социалистической идеологии как идейно-теоретической основы революционного пролетарского движения, антикоммунисты стараются доказать, будто уже при К.Марксе она была "теорией элиты" (3I, с.47), будто "теории Маркса были о рабочих, но не для рабочих" (60, с.I59, 2I4). В последующие же годы усилиями В.И.Ленина она вообще стала "идеологией не рабочего класса, а руководителей...больше заботящихся о своей славе, чем об интересах народа" (там же, с.54).

Нередки также попытки ограничить всемирно-историческое значение марксистской идеологии деятельностью замкнутых общественных групп, борющихся в условиях отсталых в экономическом и политическом отношениях стран. Утверждается, в частности, что "при жизни К.Маркса его теории не стали основой деятельности какой-либо крупной полити-

ческой партии. И хотя после его смерти некоторые партии называли себя марксистскими, но благочестивое на словах славословие К.Маркса было скорее привычкой, нежели революционной страстью. С наибольшей силой дух революционного марксизма проявился в отсталых странах Европы, где изолированные социалистические группы вынуждены были отказаться от парламентской деятельности и массовой поддержки. Именно от Октябрьской революции в России следует вести начало революционного марксизма как политической силы всемирного значения" (I2, с.I4).

Определяя роль и функции идеологии в советском обществе, буржуазные теоретики усматривают главное ее назначение в обеспечении "политической стабильности однопартийного режима". С одной стороны, она преследует цель сформировать у граждан определенную систему идеологических ценностей, призванных способствовать "идентификации" масс с социалистическим строем, их лояльности к партийному руководству. В этом отношении, пишет А.Мейер, значение социалистической идеологии "можно определить как постоянное и настойчивое стремление умерить общественные ожидания и обеспечить беспрекословное сотрудничество всех граждан с партией" (8, с.I37). При этом, исходя из чисто формального совпадения отдельных сторон идеологической деятельности в условиях противоположных общественных систем, советологи пытаются отождествить функции коммунистической и буржуазной идеологии, поставить знак равенства между ними. По словам Дж.Берча и Т.Гэншоу, цель "политической организации" в странах социализма ничем, по существу, не отличается от аналогичных программ при капитализме. "В этой схожести различных государств, как коммунистических, так и некоммунистических, - толкуют они, - нет ничего удивительного, ибо любая политическая система должна стремиться выработать у гражданина такой образ мышления и поведения, который бы способствовал сохранению и упрочению системы" (8, с.454).

С другой стороны, по мнению антикоммунистов, марксистско-ленинская идеология выполняет роль своеобразного механизма ускорения. Она призвана убедить граждан, что партия и ее лидеры имеют законное право управлять ими. В более широком смысле она должна убедить членов общества в законности всей государственной системы. Будучи мудростью и основой морали социалистических стран, заявляет в этой связи австралийский политолог Дж.Мартин, марксистско-ленинское учение обеспечивает теоретическое оправдание их институтов и практики, а лидерам коммунистической партии - их власти (33, с.2).

Складывание перечисленных функций социалистической идеологии антикоммунисты, как правило, пытаются объяснить некими "историческими причинами", главная из которых, по их мнению, состоит в неизбежном якобы перерождении революционной идеологии в идеологию консерватизма. "Тогда как революционеры выступают за разрушение и требуют равенства и свободы, - читаем мы у Р.Уэссона, - правители хотят порядка и спокойствия. Это противоречие проявилось особенно ярко, когда революционеры-ленинцы, которые стремились разрушить государство и обещали всеобщее равенство и утопическую свободу, вдруг оказались хозяевами нового Советского государства. Они потребовали гораздо большей покорности, чем цари, и распоряжались целой страной фактически как своей собственностью. Таким образом, с захватом власти большевиками марксизм старого большевистского движения превратился в нечто совершенно иное. Из обещания перемен марксизм был превращен в средство обеспечения стабильности" (60, с.70).

На этой ложной концептуальной платформе буржуазные советологи и конструируют свои версии идейно-воспитательной работы КПСС, направленные на искажение целей и методов ее деятельности по формированию сознания советских

трудящихся, выработке у них активной жизненной позиции. По логике советологов, поскольку политическое воспитание сознательно направляемый процесс, он непременно предполагает принуждение, навязывание определенных взглядов и убеждений. Согласно авторам "энциклопедии" "Марксизм, коммунизм и западное общество", в социалистических странах политическое воспитание используется для утверждения строгой, единообразной системы норм поведения на основе коммунистической идеологии. Задача политического воспитания состоит в том, чтобы заставить гражданина отождествить себя с политической системой (29, с.339).

Антикоммунисты стараются создать впечатление, будто КПСС не заинтересована в развитии подлинно научного мировоззрения советских граждан, сознательно сдерживает процесс идейного роста трудящихся, сводя его, по существу, к бездумному усвоению известного количества ортодоксальных истин. По Р.Уэссону, советские люди лишены возможности повышать свои политические знания, знакомиться с произведениями классиков марксизма-ленинизма по той причине, что это может породить нежелательные отклонения от официальной идеологической доктрины. "Только отдельные работы Маркса, - заявляет он, - доступны советским гражданам", хотя в другом месте и признает, что КПСС много делает для издания и распространения трудов основоположников научного коммунизма (60, с.83, 175-176). И даже в системе политического образования, где изучению теоретического наследия К.Маркса уделяется больше внимания, "слушателей удерживают от этого до тех пор, пока они не выработают правильный подход" (там же, с.86). Что же касается самой этой системы, то чаще всего она изображается советологами в виде некоего "привилегированного клуба", имеющего целью "формирование партийной элиты" (29, с.337).

Говоря об эффективности политико-воспитательной работы КПСС, наши противники вынуждены иной раз перед лицом

очевидных фактов констатировать высокий уровень идейно-политического единства советского народа, активную поддержку им политического курса партии. "С этой точки зрения, - пишет английский политолог С.Уайт, - можно считать, что режим является стабильным и вполне узаконившимся, т.е. что имеет место значительное совпадение политической культуры с политической системой" (43, с.56). Однако, по убеждению С.Уайта, "это ни в коем случае не означает успеха программы социализации, которую режим проводит с 1917 г." (62, с.339). Социалистическая политическая культура сформировалась якобы под влиянием традиционных духовных ценностей дореволюционного прошлого, для которого было характерно господство общинных отношений на основе совместного владения и распоряжения землей. Поэтому массовое одобрение и поддержка провозглашаемых социализмом принципов коллективной собственности на средства производства, централизованного управления хозяйством, заботы об общественном благосостоянии объясняются, дескать, не соответствием этих принципов коренным интересам трудящихся и деятельностью партии, а имманентными свойствами русского характера с его коллективизмом, извечным стремлением к добру и справедливости. "Короче, - резюмирует С.Уайт, - "новый советский человек" не существует. Советские граждане остаются главным образом продуктом своего специфического исторического опыта, а не марксистско-ленинского идеологического воспитания" (43, с.49).

* * *

Таким образом, можно сделать вывод, что партийное руководство социалистическим обществом служит объектом наиболее интенсивных атак буржуазных идеологов, руководствующихся стремлением принизить руководящую роль Комму-

нистической партии, представить в искаженном свете смысл и методы ее деятельности, опорочить ее основополагающие принципы. При этом замалчивается или прямо отвергается самое существенное, что характеризует место и значение пролетарской партии в борьбе трудящихся за создание нового строя, - объективная необходимость ее деятельности, обусловленная возрастанием сознательного планового начала в общественном развитии, глубокое соответствие ее целей коренным интересам рабочего класса, всего советского народа, последовательное осуществление принципов демократизма как в руководстве, так и в организации ее внутренней жизни.

Список литературы

1. Aktualisierung Marx. - B. (West), 1983. - 206 S.
2. Bergson A. Soviet economic slowdown and the 1981-85 plan // Problems of communism. - Wash., 1981. - Vol.30, N 3. - P.24-36.
3. Beyme K.von. Political parties // Marxism, communism and Western society: A comparative encyclopedia /Ed. by Kernig C.D. - N.Y., 1973. - Vol.6. - P.343-361.
4. Beyme K.von. A comparative view of democratic centralism // Government and opposition. - L., 1975. - Vol.10, N 3. - P.17-28.
5. Borcke A.von. Dilemmas of single-party rule in the Soviet Union // Problems of communism. - Wash., 1982. Vol.31, N 3. - P.60-65.
6. Brunner G. Politische soziologie der UdSSR. - T.II. - Wiesbaden. - 1977. - 215 S.
7. Churchward L. Contemporary Soviet government. - 2-d ed. - L., 1975. - XIX, 366 p.
8. Comparative communism: The Soviet, Chinese and Jugoslav models // Ed. by Bertsch G.K., Ganschow Th.W. - San Francisco, 1976. - 460 p.

9.Comparative political systems // Ed. by Cantori L.J. - Boston, 1974. - 446 p.
10.Corrigan Ph., Ramsay N., Sayer D. Socialist construction and marxist theory: Bolshevism and its critique.- L.; Basingstoke, 1978. - 162 p.
11.Craxy B. Leninism and pluralism // Socialist affairs. - L., 1979. - Vol.29, N 3. - P.59-61.
12.Deakin F.W., Shukman H., Willetts H.T. A history of world communism. - L., 1975. - 357 p.
13.Debrizzy J. Marx and Lenin: Class, party and democracy // Studies in Soviet thought. - Dordrecht, 1982. - Vol.24, N 2. - P.95-116.
14.Dunmore T. Local party organs in industrial administration: The case of the ob'edinenie reform //Sov. studies. - Glasgow, 1980. - Vol.31, N 2. - P.196-217.
15.L'Express. - P., 1977. - 7/13 nov. - P.62-70.
16.Fejtö F. L'héritage de Lènine: Introduction à l'histoire du communisme mondial. - Casterman, 1974. - 209 p.
17.Il giornale nuovo. - Milani, 1977. - 7 giugno. -P.2.
18.Gorz A. Abschied vom Proletariat. - Köln; Frankfurt am Main, 1980. - 245 S.
19.Gripp R. The political system of communism. - N.Y.; Toronto, 1973. - XYI, 209 p.
20.Harding N. Lenin's political thought. - Vol.1. Theory and pratice in the democratic revolution. - L., Basingstoke, 1977. - 305 p.
21.Hirszowicz M. Is there a ruling class in the USSR? A comment // Sov. studies. - Glasgow, 1976. - Vol.28, N 2. - P.262-273.
22.Hoche K. Die Marx brothers: Eine Geschichte des Sozialismus: 150 Jahre, die den Kapitalismus und Zwerchfell erschütterten. - München, 1983. - 320 S.
23.Hook S. Revolution, reform and social justice: Studies in the theory and practice of marxism. - Oxford, 1976.- 307 p.

24.Hough J. Political participation in the Soviet Union// Sov. studies. - Glasgow, 1976. - Vol.28, N I. - P.3-20.
25.Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. - Cambridge; L., 1979. - IX, 679 p.
26.Katzenelinboigen A., Levine H. Some observations on the plan-market relationship in centrally planned economies// The annals of the American academy of polit. a. social science.-Philadelphia, 1977.-Vol.434.-P.40-43.
27.Kazemzadeh F. Democratic centralism // Marxism, communism and Western society. - Vol.2. - N.Y., 1972. - P.336-340.
28.Koahn F. Riforme o rivoluzione? //Avanti. - Roma, 1980. - 7 settembre. - P.3.
29.Kuebart F. Political education // Marxism, communism and Western society. - Vol.6. - N.Y., 1973. - P.327-343.
30.Lane D.Leninism: A sociological interpretation. - Cambridge, 1981. - 150 p.
31.Leder K. Wie man Diktator wird: Geheimnis und Technik der Macht. - München, 1983. - 70 S.
32.Lowell D. From Marx to Lenin: An evaluation of Marx's responsibility for Soviet authoritarianism. - L.,1984. - XI, 239 p.
33.Martin J. A guide to marxism. - N.Y., 1980. - 157 p.
34.Matthews M. Top incomes in the USSR: Towards a definition of the Soviet elite // Survey. - L., 1975. - Vol.21, N 3. - P.1-27.
35.McInnes N. The communist parties of Western Europe. - L.; N.Y.; Toronto, 1975. - 183 p.
36.Meissner B. The 26th party congress and Soviet domestic politics // Problems of communism. - Wash., 1981. - Vol.30, N 3. - P.1-23.
37.Millar J.R. The ABC of Soviet socialism. - Urbana; Chicago; L., 1981. - 216 p.

38.Mommsen H. Labor movement// Marxism, communism and Western society. - Vol.5. - N.Y., 1973. - P.73-95.
39.Mond. - P., 1978. - 28/29 mai.
40.Moore B. Soviet politics - the dilemma of power: The role of ideas in social change. - N.Y., 1976. - XIV, 504 p.
41.A new look inside today's Russia //U.S. news a. world rep. - Wash.,1976.-Dec.6.-Vol.81, N 23. - P.37-39.
42.Parrot B. Politics and economics in the USSR //Problems of communism. - Wash., 1977. - Vol.26, N 3. - P.54-59.
43.Political culture and political change in communist states // Ed. by Brown A., Gray J. - L.; Basingstoke, 1977. - XIII, 286 p.
44.Porket J.L. The Soviet model of industrial democracy// The annals of the American academy of political and social science. - Philadelphia, 1977. - Vol.31. - P.123-132.
45.Post-revolutionary society: Essays by Sweezy P.M. - N.Y.; L., 1980. - 156 p.
46.Radel J.F.L. Roots of totalitarianism. - N.Y., 1975. - 213 p.
47.Recht in Ost und West // B., 1983. - Bd.26, N 5. - S.184.
48.Revesz L. Volk aus 100 Nationalitäten. - Bern, 1979. - 501 p.
49. Rigby T.H. Hough on political participation in the Soviet Union // Sov. studies. - Glasgow, 1976. - Vol.28, N 2. - P.257-261.
50.Rigby T.H. Soviet communist party membership under Brezhnev // Sov. studies. - Glasgow, 1976. - Vol.28, N 3. - P.317-337.
51.Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. - Vol.I. - Cambridge etc., 1976. - 370 p.

52.Sharlet R. The new Soviet constitution //Problems of communism. - Wash., 1977. - Vol.XXYI, N 5. - P.5-15.
53.Socialist affairs // L., 1977. - Vol.27, N4. - P.87-89.
54.Soviet local politics and government // Ed. by Jacobs E.-L., 1983. - XIV,225 p.
55.Soviet society and the Communist party // Ed.by Ryavec K. Amherst, 1978. - XVIII,220 p.
56.Ulam A.B. A history of Soviet Russia. - N.Y., 1976. - 301 p.
57.Wallace J. An inside look at who wields the real power in Russia // U.S. news a. world rep.-Wash., 1976. - Mar.I. - Vol.80, N 10. - P.34-35.
58.Woslensky M.S. Nomenklatur: Die herrschende Klasse der Sowjetunion. - Vienna, 1980. - 214 S.
59.Waller M. Democratic centralism: An historical commentary. - Manchester, 1981. - P.155.
60.Wesson R. Why Marxism?: The continuing success of a failed theory. - N.Y., 1976. - 236 p.
61.Wesson R. Lenin's legacy: The story of the CPSU. - Stanford, 1978. - 318 p.
62.White S. Political socialization in the USSR:A study in failure? // Studies in comparative communism. - Los Angeles, 1977. - Vol.10, N 3. - P.328-342.

Глава 4.
БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Раздел I
СОВЕТОЛОГИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СССР

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ДЕМОКРАТИИ

Первая особенность заключается в том, что, хотя многие советологи рассматривают политическую систему СССР под углом зрения пресловутых концепций "тоталитаризма" и "авторитаризма", в западной литературе по этой проблеме нередко встречаются разнородные и противоречивые точки зрения. Советологи, констатирует американский политолог Дж.Левенхард, "очень часто работают в изоляции, каждый ориентируясь на свой собственный подход" (37, с.194). Перед буржуазными идеологами всегда ставилась цель найти наиболее эффективные, с точки зрения борьбы с реальным социализмом, теоретические схемы; однако методологическая несостоятельность изучения СССР неизменно препятствовала этому. "Практически все теоретические изыскания в области изучения коммунистических систем, - отмечал политолог П.Шуп, - направляются на создание элементов некой модели, в результате чего на протяжении многих лет число соперничающих подходов постоянно возрастало" (62, с.22).

Ряд теоретиков-советологов, исходя из известной посылки о предпочтительности идейно-политического плюрализма мировоззренческому единству, оценивают эту ситуацию как неизбежное и положительное явление (I5, с.3I3; 69, с.I97). И ныне "сознательный плюрализм" рассматривается ими в качестве панацеи от "односторонности и субъективизма" в интерпретации политических отношений в социалистическом обществе; но вместе с тем ставится вопрос о том, что существующие концепции должны стать "строительными блоками", основой для создания некой "макротеории советской политической системы" (6, с.7-8, I8). Формулирование последней видится большинству советологов на пути соединения подходов, характерных для двух основных, отличающихся в определенной мере друг от друга направлений - так называемых "старой" и "новой" школы, как бы олицетворяющих прошлое и настоящее советологии.

Если "старую" школу в советологии, занимающую ее правый фланг, отличает в целом приверженность концептуальным традициям времен "холодной войны" - откровенно антикоммунистической "тоталитарной" модели социалистической политической системы и демократии, то сторонников сформировавшейся в 60-70-х годах "новой" школы характеризует ориентация на различные варианты общесоциологических теорий "индустриального" и "постиндустриального" общества,"модернизации" (I6; 30). Интеграция традиционного и "модернизаторского" подходов - характерная особенность современных буржуазных интерпретаций советской политической системы и демократии. Американский советолог Т.Джонс, указывая на движение советологии в 70-х годах "... от моделей "тоталитаризма" к моделям "индустриализма", отмечает наличие "значительного элемента их переплетения" (30, с.20).

Вторая особенность советологической литературы по проблемам политической системы СССР заключается в следую-

щем. Если в предыдущие десятилетия (60-70-е годы) процесс "моделестроительства" в советологии происходил на волне критики, пересмотра, а то и отказа от наиболее одиозных постулатов концепции "тоталитаризма", воплощавшей, по мнению представителей "модернизаторского" направления, "узкую направленность", "односторонность", "описательность" и "эмпирическую скудность" (4а), то сейчас, в условиях усиления консервативных, антикоммунистических тенденций в буржуазной идеологии и советологии, он протекает под аккомпанемент призывов заправил империалистической пропаганды "беречь" и творчески относиться к "теоретическим" изысканиям "золотого века" советологии (I2, с.68). Это находит свое воплощение в реанимации и еще более интенсивном использовании советологами откровенно антикоммунистических подходов - мифа о "советском тоталитаризме" и его различных модификаций ("бюрократическое", "авторитарное" общество и т.п.). Как пишет Х.Моммзен, концепция "тоталитаризма" является ныне "главным инструментом" в анализе "коммунистических диктатур" (46,с.I47; см. также I2, с.68). Поднимается на щит также концепция "преемственности", по существу отождествляющая царское самодержавие и Советскую власть (2I; 33; 35; 5I). Эта концепция призвана поставить под сомнение социалистический, народный характер Октябрьской революции, извратить демократическую сущность рожденного ею нового строя. "События, происшедшие в Октябре, являются по сути контрреволюцией, поскольку они воплотили в себе возрождение принципа государственного абсолютизма", - заявляет американский политолог Т.Макнэйл (45, с.II6). Подобный подход характерен для работ советологов, представляющих правоконсервативное направление в советологии,- Р.Пайпса, Р.Уэссона, С.Хука, Б.Майсснера и др.

"Диктатура", "диктат", "подавление" и т.п. - таков "понятийный аппарат", используемый многими советологами

для характеристики сложившейся после революции политической системы советского общества (2I, с.49-55). При этом предметом особых спекуляций служат негативные явления, связанные с проявлениями культа личности Сталина. Примером подобных спекуляций, доведенных до крайнего абсурда, может служить клеветническое утверждение, будто в нашей стране "с приходом к власти Сталина" была установлена "фашистская система" (2I, с.55).

Ярые антикоммунисты рисуют мрачную картину жизни в советском обществе, где якобы отсутствует какая бы то ни было политическая и социальная активность трудящихся. При этом активно используются писания Солженицына и других "диссидентов". В 20-30-х годах, утверждает Т.Макнэйл, "крестьяне были вновь закрепощены, рабочие призваны в трудовые армии, все население подавлялось драконовскими методами полицейского государства. Автократия превратилась в тоталитаризм" (45, с.II5).

Широко используя концепцию "тоталитаризма" для интерпретации сущности социалистической демократии в период построения основ социализма, ее сторонники используют традиционные подходы для интерпретации развития советской политической системы и в условиях развитого социализма, но уже в несколько модернизированных, так сказать "смягченных", вариантах. Модификация "тоталитарных" постулатов, по мнению советологов, необходима, ибо после смерти Сталина наступил новый период в жизни советского общества - так называемая "оттепель". "Советский фашизм умер со Сталиным", - констатирует А.Хеллер (2I, с.57-58). Но это вовсе не означает, утверждают буржуазные идеологи, что СССР утратил свою антидемократическую, "авторитарную сущность", признаками которой они клеветнически объявляют однопартийную систему, господство в обществе одной (марксистско-ленинской) идеологии, демократический централизм (65, 23, 3I). Целый ряд советологов, избегая употребления термина

"тоталитаризм" при анализе политической системы общества развитого социализма, используют разного рода скорректированные эквиваленты - прежде всего "бюрократическую" и "авторитарную" модели советского общества" (24, 35, 51). "Советский Союз, - утверждает, например, американский политолог Х.Кербо, - это высокобюрократизированное общество" (33, с.411).

Модифицируя свои традиционные концептуальные схемы интерпретации проблем социалистической демократии на современном этапе, советологи не ограничиваются устранением наиболее примитивных категорий "тоталитарной" модели. Последняя "обогащается" за счет различных заимствований из концептуального арсенала политической социологии и политологии.

Типичный пример стремления советологов актуализировать традиционные схемы являет собой, например, попытка известного австралийского советолога Т.Ригби и ряда его коллег интерпретировать политическую систему СССР сквозь призму модели так называемого "моноорганизованного" общества. Эта модель - результат участившихся попыток использовать в советологических целях ряд коренных положений из сформулированной еще в начале XX в. известным немецким социологом М.Вебером "идеальной модели бюрократии". "Работы Вебера, - пишет, например, австралийский политолог М.Кригер, - остаются необходимой точкой для современных исследований бюрократии как на "микро", так и на "макро" уровне" (35, с.72). При этом, новое прочтение веберовских идей должно стать стимулом и для "пересмотра природы коммунистических режимов" (24,с.77).

Модель "моноорганизованного общества" Т.Ригби - выражение претензии советологов на создание "макротеории", согласно которой "социально-политическая организация советского типа состоит из комплекса смоделированных командных структур (или "бюрократий"), объединенных вместе в

единую всеохватывающую структуру машины Коммунистической партии. Это - моноорганизованное общество" (56, с.10). Основные бюрократические структуры, по мнению советологов, - это партия, государство и общественные организации, воплощающие собой процесс "бюрократического" перерождения социалистического общества (41, с.83).

Еще одной особенностью современной советологии является использование концептуальных схем, категорий и понятий буржуазной социологии и политологии для изучения советского общества. Целый ряд таких схем используется в советологических целях в "чистом" виде. Это прежде всего концепции политического участия, политической культуры, политической легитимности и др., призванные стать теоретической основой для изучения так называемой внеинституциональной практики социалистической демократии, реальной политической динамики в советском обществе. В основе указанных концепций лежит бихевиористская или поведенческая методология, призванная, по мнению ее сторонников, преодолеть "институциональную ограниченность" традиционных подходов и представления об "уникально-тоталитарном" характере политической системы социализма (15, 26, 64).

Внедрение поведенческих подходов позволит, как предполагали советологи, "сформулировать концептуальные схемы, посредством которых общества, как бы они ни различались между собой, могут успешно сравниваться". При этом, как отмечается в буржуазной литературе, бихевиористские схемы умышленно берутся за пределами традиционных институциональных подходов, изучающих правительственную структуру. Под влиянием социологии и антропологии, а иногда и кибернетики, политологи прилагают усилия для поисков новых путей сравнения и обобщения всех типов политического поведения, формулируя "компаративистские" модели политической системы советского общества (34, с.7).

В основе применения бихевиористского подхода лежат

"конвергенционистские" мотивы. По признанию К.Рявека, сторонники бихевиоризма применяют к советской политике методы исследования, которые первоначально применялись к американской политике, на том основании, что между американской и советской политической системами существует сходство.

Следует отметить, что бихевиористские методы исследования до сих пор не получили однозначной оценки среди буржуазных политологов. "Если для многих своих сторонников бихевиоризм воплощает собой будущее политологии, то его противники видят в нем угрозу революции в существующих методах исследования политики, - отмечает английский политолог Д.Каванах. - Первые приветствуют бихевиоризм как средство соединения политологии с другими науками, как важный шаг к научному исследованию поведения, как средство внедрения в политологию методов естественных наук. Оппоненты рассматривают его как заблуждение, преследующее политологию, как в целом неверный подход к исследованию поведения" (31, с.1). Противниками бихевиоризма в советологии выступают, как правило, сторонники традиционных концепций, обвиняющие приверженцев "модернизаторского" подхода в "американо-" и "европоцентризме" (57, с.7), игнорировании "специфики" советской политической системы (69). По мнению ряда советологов, внедрение бихевиористской методологии не принесло желаемых результатов и ожидаемой "революции в советологии" не произошло (6, с.1).

КОНЦЕПЦИИ "ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ" В РАБОТАХ СОВЕТОЛОГОВ

В вопросе об оценке общественно-политической активности советских граждан позиции буржуазных идеологов, пожалуй, наиболее дифференцированы и эволюция концептуаль-

ного подхода наиболее заметна. Действительно, ведь адепты мифа о "советском тоталитаризме" по существу вообще не ставили этот вопрос. Данный миф предполагает почти полную пассивность масс, которые волевыми решениями "сверху" мобилизуются на те или иные свершения. В последнее время "среди западных исследователей, - отмечают Д.Шульц и Дж.Адамс, - растет число авторов, которые отвергают термин "мобилизация" как адекватное объяснение механизма участия[1] и институтов участия в странах, которые именуют себя коммунистическими" (59, с.УП). Р.Гриш добавляет, что "фокус внимания в исследовании политики в европейских странах сдвинулся с мобилизации и средств контроля на изучение активности плюралистических групп. В результате этого усилия исследователей направляются на изучение участия" (I8, с.I97). Как следствие, констатирует Д.Шульц, это направление превратилось в одну "из наиболее модных областей сравнительного исследования коммунизма" (57, с.2), результаты которого позволяют выявить общие закономерности, характерные "для всех политических систем" (59, с.УП). Как бы резюмируя высказывания своих коллег, Дж.Хаф пишет, что одна из центральных проблем советологии ныне - это "вопрос о сущности и роли политического участия внутри" советской политической системы (26, с.УI). С ним солидаризируется Дж.Адамс: "Во многих отношениях одним из кардинальных вопросов в понимании Советского Союза является понимание роли участия в политической системе" (2, с.3).

Ориентация многих советологов на концепцию участия как инструмент анализа советской политической системы не случайна. Она отражает стремление буржуазных идеологов

I) Краткий термин "участие" в западной политологии (participation) относится именно к участию тех или иных слоев и групп любого общества в политической жизни и решению общественных проблем на всех уровнях.

дать соответствующее, устраивающее империалистические круги толкование такой отличительной черты XX в., как бурный рост общественно-политической активности масс во всем мире. В ход был пущен термин "революция участия" (I3, с.I3). "Мы, - подчеркивает Дж.Хаф, - рассматриваем участие граждан в качестве одной из универсальных характеристик современного индустриального общества" (27, с.2I9). Особое внимание политологов и советологов к указанной проблеме привело к тому, что, как пишет Д.Каванах, "в большинстве определений демократии широкое участие населения в процессе принятия важных политических решений является наиболее часто упоминаемым признаком" (3I, с.I7I). Мера же развития демократизма в том или ином обществе оценивается по тому, "на каких уровнях и по каким каналам осуществляется участие" (9, с.76). Таким образом, концепция политического участия рассматривается как "ключ к пониманию любой политической системы" (40, с.85).

Поскольку к числу "индустриальных" систем буржуазные идеологи относят и советское общество на этапе зрелого социализма, то данный "ключ" стал расцениваться ими как одно из средств решить методологические трудности в изучении реального социализма и сравнительных исследованиях двух систем. На концепцию политического участия с самого начала возлагались особые надежды, которые, по мнению Т.Ригби, "могли бы обеспечить благоприятные возможности для решения этой задачи" (54, с.257). Активными сторонниками использования указанной концепции являются Дж.Адамс, Д.Литтл, Т.Ригби, Дж.Хаф, Г.Фридгут. Опираясь на определение участия как "любого вида политической активности, индивидуальной или коллективной, которая направлена на то, чтобы воздействовать на процесс руководства общественными делами и на содержание политики" (28, с.I60), советологи, наряду с анализом деятельности традиционно привлекающих их внимание объектов (КПСС, Советы, обществен-

ные организации), стали уделять пристальное внимание изучению таких каналов политической активности советских людей, как привлечение их к контролирующей деятельности (2; II), всенародные обсуждения важнейших партийных документов (IO), письма трудящихся в прессу и партийные органы (3) и т.п.

Буржуазные идеологи, осуществляя сравнительный анализ процесса участия, приходят часто к выводам, которые опровергают традиционные версии о приобщении граждан социалистических стран к политике как о простом "ритуале мобилизации" (IO, с.45). Так, английский советолог молодого поколения Р.Хилл отмечает, что созданная на основе этих версий "непривлекательная картина" политической жизни в СССР, изображающая дело таким образом, будто "население невежественно и отстранено от участия в политическом процессе", является "далеко не соответствующей реальной действительности карикатурой" (22, с.УП, 2). Многие советологи отмечают широкие масштабы участия граждан СССР в политической и общественной жизни, увязывая это явление с переживаемым нашим обществом этапом развития. "Принятие теории зрелого или развитого социализма, - пишет австралийский советолог Л.Черчуорд, - означало необходимость еще более сильного акцентирования на массовом участии" (IO, с.37-38). Сейчас, констатирует его американский коллега Дж.Беляшак, в СССР "граждане имеют больше благоприятных возможностей для участия в политическом процессе" (5, с.I48).Признается "массовый" характер участия рядовых советских граждан в "контролирующей деятельности" (II,с.75); обращается внимание на то, что "наиболее важная черта развитого социализма, - это участие рабочих в управлении, процессе принятия решений и их внедрении" (5, с.I4I). Можно даже встретить суждения, что "ни один народ в мире не привлекается столь активно к участию в общественной деятельности, как советские граждане" (39, с.62).

При этом, однако, следует отметить, что, будучи верными идеям "плюрализма", многие советологи изображают рост политической активности советских людей не как закономерность развития социализма и результат целенаправленной политики Коммунистической партии, а как нечто чуждое социалистическому государству следствие угрожающей ему "тихой революции" (57, с.35). Последняя в свою очередь порождена, по мнению советологов, действием неких индустриальных императивов, общих для всех современных обществ, независимо от их политической ориентации (рост социальной дифференциации, урбанизации, мобильности населения и т.п.). "Достижения в социально-экономическом развитии, - пишет Д.Каванах, - имеют своим результатом рост уровня участия, дифференциацию его форм. С увеличением функций правительства, ростом уровня образования, коммуникаций и т.д. население имеет больше возможностей для участия" (31, с.188). "Мы, - подчеркивает Д.Шульц, - должны пересмотреть широко распространенное мнение, что коммунистическим системам присуще стойкое сопротивление изменениям" (57, с.33). Речь в данном случае идет не о признании способности социалистического общества к самосовершенствованию. "Изменения", как правило, трактуются советологами в духе плюралистических концепций буржуазной демократии и приводят, по их мнению, к возникновению "плюралистических" каналов участия. "Социально-экономическое развитие и модернизация, - отмечается в советологической литературе, - неизбежно стимулируют политическое развитие и модернизацию, которые выражаются в большей дифференциации, секуляризации, плюрализме и участии" (57, с.27).

Возлагаются надежды на то, что "технологическое развитие" изменит сам характер участия в антисоциалистическом направлении. Рост участия советских граждан в управлении делами общества, по мнению Дж.Адамс, "может успешно посеять семена будущих фундаментальных изменений в целом.

Помимо других центробежных тенденций, действующих в современной советской системе, институты участия и практика участия могут со временем воздействовать на Советский Союз, который станет более "западным" в ряде сущностных отношений" (2, с.204). Американский политолог Д.Келли также полагает, что существуют определенные перспективы для "политического процесса, базирующегося на взаимодействии различных интересов" (32, с.I5).

Трактуя процесс роста политической активности советских людей как некое чуждое "режиму" явление, советологи рассуждают о противоречиях между "политикой и политической системой в коммунистических государствах" (48, с.6I), т.е. между настоятельными требованиями "более автономного участия граждан"(57, с.28) и существующей "системой контроля". Последняя воплощается, по мнению советологов, в принципе демократического централизма и руководящей роли Коммунистической партии (23, с.3I). Именно КПСС является главным препятствием на пути развития "истинной демократии". "Марксистская политическая теория содержит много деклараций о необходимости демократии, но она таит в себе и семена негативного отношения к демократии. Это выражается в той важной роли, которая отводится в ней "руководству" (20, с.6).

Антикоммунистический тезис о "несовместимости руководящей роли КПСС с принципами народовластия, демократии" (69, с.I4I) лежит в основе футурологических рассуждений советологов относительно возможных путей разрешения основного "противоречия" нынешнего этапа развития советского общества. Суть этого "противоречия" формулируется следующим образом: сможет ли "правящая элита" обуздать выпущенного ею же из-под контроля "джина участия" и если да, то каким образом? Дж.Беляшак, анализируя советскую литературу, посвященную концепции развитого социализма, считает, что "упор на сохранение за партией и политичес-

кими кадрами функций руководства не совсем совмещается с восторженными описаниями интенсификации социалистической демократии. Существует противоречие между принципами, обосновывающими расширение функций партийных организаций, и тем, что политический процесс становится все более открытым для широких трудящихся масс. Вопрос состоит в том, сможет ли социалистическая демократия, базирующаяся на политическом участии народа, сосуществовать с доминирующим положением партии как контролирующего института во всех сферах социальной активности? И далее. Станет ли возможным в условиях развитого социализма одновременный рост массового участия и усиления руководящей роли партии?". Это, по мнению советолога, "трудноразрешимый" вопрос"(5, с.123).

Существуют в этой связи и другие суждения. В частности, английский политолог Э.Джейкобс пишет о приспособлении "режима" к "вызову" участия. "На современном этапе модернизации и изменений в Советском Союзе конфликт между консервативными принципами контроля и осознанной необходимостью массового участия обусловливает адаптацию механизма контроля" (29, с.3). Сторонники же традиционных подходов пессимистично оценивают перспективы "фундаментальных", "коренных" изменений "коммунистических систем" в плюралистическом направлении. Например, американские политологи М.Симон и С.Садовски поддерживают позицию тех своих коллег, которые выступают против "переоценки существующего влияния роста участия в европейских коммунистических системах" (61, с.226). Еще более категоричен известный антисоветчик С.Хук, который считает, что в СССР "перспективы демократической революции снизу мрачны" (25, с.140). По мнению Д.Литтла, существующие "ограничения эффективного участия" не дает свидетельств "фундаментальных изменений в авторитарной, мобилизаторской природе советской системы" (39, с.67).

Противоречивые, неоднозначные оценки характера и перспектив развития политической системы советского общества - результат методологического хаоса в советологической литературе. "Самая сложная проблема, стоящая перед исследователями политического участия в социалистических странах, - это отсутствие устоявшейся концептуальной схемы, с которой можно было бы начать анализ", - признает американский политолог У.Леогранде (38, с.274). С ним согласен Д.Шульц, указывающий на "существование серьезных идеологических и концептуальных барьеров в исследовании участия в коммунистическом мире" (60, с.294). Поэтому, полагает он, "время покажет", каковы будут перспективы изучения указанной проблематики (60, с.299).

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Общественно-политическая активность советских людей, их участие в решении стоящих перед обществом проблем нередко исследуются западными советологами в контексте проблем политической культуры. Концепция политической культуры, базирующаяся на бихевиористской методологии, также позволяет, как считают ее сторонники, "описывать политические изменения в коммунистических системах" (8, с.9I6-9I7). Эти изменения трактуются сквозь призму западной "социологии развития". Последняя, как подчеркивает американский социолог М.Абрахам, "описывает динамику модернизации в категориях изменений в нормативной структуре общества, в особенности в системе ценностей, которые либо препятствуют, либо способствуют модернизации" (I, с.59). Модернизация, подчеркивает У.Мур, - это не только "экономическое развитие", но и "культурные изменения", охватывающие "ориентации, ценности и нормы" (47, с.28).

Ориентация на указанную модель, противостоящую тра-

дициионному институциональному подходу в советологии, предполагает рассматривать, отмечает Ф.Флерон, "коммунистические революции как нечто большее, чем политические революции". По его мнению, "это культурные революции в широком смысле слова. Они были направлены не только на захват власти в обществе. Их целью являлась трансформация фундаментальных отношений между людьми и, таким образом, создание "нового советского человека" (I6, с.2). Р.Такер также рассматривает реальный социализм как систему, "трансформирующую культуру" (66, 67), т.е. меняющую общественные связи и отношения.

В своем анализе развития политической системы советского общества советологи нередко используют определения политической культуры и соответствующий понятийный аппарат. Во второй половине 70-х годов в буржуазной политологической литературе насчитывалось более тридцати различных определений политической культуры (3I, с.50). Их коренная особенность - игнорирование детерминированности политической и культурной жизни общества объективно данными классовыми интересами, изображение политической культуры как некой совокупности субъективных ценностей, имеющих самодовлеющее значение. Например, один из пионеров разработки проблематики политической культуры Г.Олмонд, вместе с С.Вербой пишут, что политическая культура - это "специфические политические ориентации-установки индивидов в отношении политической системы и ее разных частей" (4, с.I3). Практически идентичное определение и у А.Болла: политическая культура - это "ориентации-установки, эмоции и ценности членов общества, которые соотносятся с политической системой и политическим процессом" (52, с.I6). Таким образом, резюмирует английский политолог Р.Харрисон, "понятие политической культуры используется в политическом анализе в качестве категории, характеризующей эмоциональную и мировоззренческую среду, в рамках которой функционируют правительственные институты" (I9, с.I6).

Из аналогичных представлений исходят и буржуазные советологи, анализируя политическую систему и политическую жизнь советского общества. В предисловии к сборнику статей "Политическая культура и политические изменения в коммунистических государствах" А.Браун трактует рассматриваемый нами феномен как "субъективное восприятие истории и политики, фундаментальные ценности и установки, центр идентификации и лояльности, политические знания и установки, которые являются результатом особого исторического развития наций или групп" (7, с.I). По С.Уайту, автору монографии "Политическая культура и советская политика", предмет концепции политической культуры - это изучение "системы убеждений и форм поведения, в рамках которой размещаются и функционируют политические институты" (72, с.XI, I).

Абстрактный, психологизированный подход советологов к проблеме политической культуры социализма обусловливает ее искаженную интерпретацию. "Начиная с работы Олмонда и Вербы (1963), - отмечает Д.Каванах, - было распространено мнение о существовании "политической культуры участия", соответствующей либеральным демократическим режимам, и "подчиненной" или "пассивной" культуры, соответствующей авторитарным режимам" (3I, с.5I). Включая в число последних и советскую политическую систему, советологи часто утверждают, что советская политическая культура "не поощряет граждан поднимать политические вопросы и участвовать в процессе принятия решений" (37, с.I09).

В пользу этого фальшивого тезиса кладется, как правило, идея о "преемственности" между так называемой "традиционной русской" и нынешней советской политической культурой. "Советский Союз, - пишет Б.Макленнан, - это традиционное государство, которое построено на ценностях и социальной структуре российского прошлого" (44,с.2I2).

То же самое утверждает Т.Ригби в одной из своих работ (55, с.235). С названными авторами солидарен Дж.Грей, который полагает, что "прямые аналогии между русскими политическими традициями и нынешней политической практикой в Советском Союзе вполне обоснованы" (I7, с.258). "Советская политическая культура, - утверждает С.Уайт, - уходит своими корнями в многовековой исторический опыт абсолютизма" (72, с.22).

Связь с прошлым советологи усматривают как в институциональной форме организации политической власти - "диктатура", "господство" партии, так и в отсутствии достаточного уровня политической культуры традиционно "пассивного" населения России. "Новый советский режим, - пишет С.Уайт, - получил в наследство от своих царских предшественников огромную, разноликую и отсталую империю. Он также наследовал характерную и глубоко укоренившуюся модель отношения к правительству, которую мы определяем как "традиционную русскую" политическую культуру" (74, с.34). Последняя сформировалась потому, что "в дореволюционной России, - утверждает Д.Каванах, - немногие граждане обладали эффективными гражданскими правами, в стране отсутствовали свободные группы интересов, цензура была строгой и существовал низкий уровень политического участия и политических знаний среди населения" (3I, с.60).

Живописуя в мрачных тонах политическую обстановку в царской России, советологи еще более сгущают краски, утверждая, что "авторитарная среда, которая существовала при царе, была увековечена Лениным. Это стало возможным благодаря векам существовавшей апатии русского народа, который смирился с мыслью о том, что государственная власть - это прерогатива привилегированной группы" (42, с.77). Свою лепту в этот фальшивый образ нашей страны внесла М.Мид, известный американский психолог, заявившая, что в советской политической системе "в своих организованных

формах связи между руководством и массой отражаются старые отношения между народом, бюрократией и царем" (43, с.28).

В основе представлений о "традиционной русской" политической культуре лежит миф о так называемом "русском характере". Его характерными признаками, согласно М.Мид, являются: I) "экстремальные колебания в настроении - от эйфории к депрессии"; 2) "ненависть к ограничениям и власти" и одновременно внутренняя потребность в них для "обуздания собственных враждебных импульсов"; 3) "отсутствие самоконтроля"; 4) слабое развитие "самосознания"; 5) неспособность к планомерной деятельности; 6) способность приспосабливаться "к ситуации" (43, с.27).

С приходом к власти большевиков в стране, заявляют антикоммунисты, стали сосуществовать два типа политической культуры: "элитарная", или "официальная", выразителем которой выступают Коммунистическая партия и коммунистическая идеология, и "массовая", или "доминирующая", политическая культура, питательной средой которой и носителем выступала большая часть населения (7, с.8; 75, с.22). При этом, как пишет Дж.Грэй, "официальная политическая культура и доминирующая культура не только не идентичны, но, напротив, в большей или меньшей степени, взаимно несовместимы, антагонистичны" (I7, с.257). Ядро "доминирующей культуры" составляет так называемый "традиционный русский характер", далекий от коммунистического идеала большевиков. Ядром же "официальной" политической культуры выступает марксистско-ленинская идеология, определяющая "основания для постулирования легитимности коммунистического руководства" (56, с.27). Поэтому партия, приступая к модернизации общества, одновременно решала задачи "преодоления" ряда черт "традиционного русского характера" и формирования так называемой "целеориентированной личности" (43, с.28).

Стремление к "культурной модернизации" - это, по

мнению советологов, характерная особенность всех революций в "отсталых" странах. "Попытки изменить или трансформировать культуру "сверху", - пишет Д.Канавах, - обычно имеют место в обществах, которые из крестьянских становятся индустриальными и (или) переживших политическую революцию либо разрыв в политической истории. Новые элиты сталкиваются с проблемой: как управлять культурой взрослого населения, унаследованной от прошлого, в процессе приведения ее в соответствие с целями новой системы. Революционный "авангард" неизбежно сталкивается с конфликтом и трудностями, когда он пытается искоренить влияние прошлого и установить новый базис для легитимности" (31, с.72-73). "Коммунистические режимы, - утверждает Д.Шульц, на всех этапах развития общества предпринимают значительные усилия для того, чтобы навязать своим гражданам коллективистскую этику "официальной" политической культуры" (57, с.9).

"Индоктринация" этой "официальной" политической культуры в широкие массы населения страны составляет, согласно схемам буржуазных идеологов, содержание осуществляемого "сверху" процесса "политической социализации" личности, слоев, классов общества. В ходе данного процесса "официальная политическая культура распространяется при помощи средств массовой информации, системы образования и других агентов социализации (7, с.8).

Оценивая результаты "политической социализации" в нашей стране, советологи не могут не признать, что "отчуждение населения от политической жизни, характерное для царской России, в основном преодолено", а уровень социально-политической активности народа "значительно вырос за годы советского правления" (57, с.12). "Фактически, - пишет С.Уайт, - нет убедительных доказательств того, что советский народ проявляет откровенную враждебность к главным принципам системы, в которой он живет" (71,с.341).

Но констатируя факт "совпадения" политической системы и политической культуры масс, автор извращает действительные причины данного явления. По его мнению, "доминирующая политическая культура в СССР приняла в основном форму заимствованной из дореволюционного периода модели отношения к правительству. А официальная политическая культура, которую режим внедрял начиная с 1917 г., получила ограниченное восприятие. Но так как традиционная политическая культура носит ярко выраженный коллективистский характер и ориентирована на взаимовыручку, существует столь значительная поддержка населением многих институтов и практики, которые ассоциируются с советской системой" (74, с.56). В другой работе С.Уайт повторяет, что "преимущественно централистская коллективистская политическая культура, которую большевики наследовали в 1917 г., во многих отношениях осталась неизменной до настоящего времени" (72, с.166). Подобную точку зрения разделяют и другие буржуазные советологи (23, с.41).

В целом для советологической литературы типичным является утверждение, будто партийное руководство "не достигло всеобщего приобщения советского народа к принципам марксизма-ленинизма" (71, с.342). О все возрастающей "пропасти" между "обыденным сознанием граждан" и "официальной" идеологией, о ее "неспособности проникнуть в сознание народа" (41, с.87; 50, с.14) пишут У.Одом, М.Маркус и многие другие советологи.

В основу подобных выводов часто кладется односторонний и субъективный "социологический" материал, например интервью с бывшими советскими гражданами, главным образом еврейской национальности, выехавшими в Израиль и США. Так, А.Унгер построил свои рассуждения о политической культуре советского народа на основе результатов интервью с 46 эмигрантами, а его коллега Г.Фридгут основывает свои вы-

воды на соответствующей интерпретации результатов анкетирования 300 бывших советских граждан (I4, с.II3). По мнению А.Унгера, данный "эмпирический материал" "составляет существенный и пока еще недостаточно использованный источник для изучения советского политического поведения"(68, с.I07).

Список литературы

1. Abraham M.F. Perspectives on modernization: Toward a general theory of Third world development. - Wash., 1980. - II, 254 p.
2. Adams J.S. Citizen inspectors in the Soviet Union: The People's Control Committee. - N.Y.; L., 1977. - 233 p.
3. Adams J.S. Critical letters to the Soviet press: An increasingly important public forum// Political participation in Communist systems /Ed. by Schulz D.E., Adams J.S. - N.Y., 1981. - P.108-136.
4. Almond G., Verba S. The civil culture: Polit. attitudes a. democracy in five nations. - Princeton, 1963. - 281 p.

4a. The behavioral revolution and communist studies: Applications of behaviorally oriented polit. research on the Soviet Union a. Eastern Europe /Ed. by Kanet R.E.- L., 1971. - 376 p.

5. Bielasiak J. Party leadership and mass participation in developed socialism// Developed socialism in the Soviet bloc: Political theory a. polit. reality /Ed. by Seroka J., Simon M.D. - Boulder (Col.), 1982. - P. 121-154.
6. Borcke A. von. Significance and problems of macropolitical analysis: The case of Soviet studies. - Köln, 1980. - III, 18 p.

7. Brown A. Introduction // Political culture and political change in communist states /Ed. by Brown A., Gray J. - L., 1977. - P.1-24.
8. Bunce V., Echols J. Power and policy in communist systems: The problem of "incrementalism" // J. of politics. - Gainesville,-1978.-Vol.40. N 4.-P.911-932.
9. Calvert P. Politics, power and revolution: An introd. to comparative politics. - Brighton, 1983. - 208 p.
10. Christian D. The supervisory function in Russian and Soviet history // Slavic rev. - Columbus (Ohio), 1982. - Vol.41, N 1. - P.73-91.
11. Churchward L.G. Public participation in the USSR // Sov. local politics and government /Ed. by Jacobs E.M. - L., 1983. - P.34-47.
12. Cohn W. Perspective on communist totalitarianism // Problems of communism. - Wash., 1980. - Vol.29, N 5. - P.68-73.
13. Friedgut T.H. Political participation in the USSR. - Princeton (N.Y.), 1979. - 353 p.
14. Fleron F. Soviet area studies and the social sciences: Some methodological problems in communist studies // Sov. studies. - Glasgow, 1968. - Vol.19, N 3. - P.313-339.
15. Fleron F.J. Background // Technology and communist culture: The socio-cultural impact of technology under socialism / Ed. by Fleron F.J. - N.Y.; L., 1977. - P.1-19.
16. Friedgut T.H. The Soviet citizen's perception of local government // Soviet local politics a. government /Ed. by Jacobs E.M. - L., 1983. - P.113-130.
17. Gray J. Conclusion // Political culture and political change in Communist states /Ed. by Brown F., Gray J. - L., 1977. - P.253-272.

18.Gripp R.C. Workers participation in communist politics // Political participation in communist systems /Ed. by Schulz D.E., Adams J.S. - N.Y., 1981. - P.137-162.
19.Harrison R.J. Pluralism and corporativism: The polit. evolution of modern democracies. - L., 1980. -198 p.
20.Hazard J.H. The Soviet system of government. - Chicago, L., 1980. - P.330.
21.Heller A. Phases of legitimation in Soviet-type societies //Political legitimation in Communist states /Ed. by Rigby T.H., Feher F. - L., 1982. - P.45-63.
21a.Herlemann H. Zur Frage politischer Partizipation in der Sovietunion// Osteuropa. - Stuttgart, 1984. - N 5. - S.320-331.
22.Hill R.J. Soviet political elites: The case of Tiraspol. - N.Y., 1977. - YII, 226 p.
23.Hill R.J. The development of Soviet local government/ Ed. by Jacobs E.M. - L., 1983. - P.18-33.
24.Hodges D.C. The bureaucratization of socialism. - Amherst, 1981. - XII, 210 p.
24a.Holms L. Politics in the communist world. - Oxford, 1986. - 457 p.
25.Hook S. Marxism and beyond. - Totowa (N.Y.), 1983. - XII, 225 p.
26.Hough J.F. Foreward // Adams J.S. Citizen inspectors in the Soviet Union: The People's Control Committee. - N.Y.; L., 1977. - P.Y-YII.
27.Hough J.F. Urban decision-making in the United States and Canada // Comparing public policies. - Wroclaw etc., 1977. - P.221-245.
28.Irish M.D., Frank E. Introduction to comparative politics: Thirteen nation-states. - Englewood Cliffs (N.Y.), 1978. - 469 p.
29. Jacobs E.M. Introduction: The organizational framework of Soviet local government // Soviet local poli-

tics and government /Ed. by Jacobs E.M. - L., 1983.- P.3-17.
30.Jones T. Modernization theory and socialist development //Social consequences of modernization in communist societies. - Baltimore, L., 1976. - P.19-49.
31.Kavanagh D. Political science and political behavior.- L., 1983. - XIY, 225 p.
32.Kelley D.R. Developed socialism: A political formula for Brezhnev era // Developed socialism in the Soviet bloc: Political theory a. political reality /Ed. by Seroka J., Simon M.D. - Boulder (Col.), 1982.-P.3-20.
33.Kerbo H.R. Social stratification and inequality: Class conflict in the United States. - N.Y., 1983. - XYII, 494 p.
34.Kneen P.H. Group conflict approach to Soviet Union: Theories a. approaches to Soviet politics: The totalitarian parspective. - Birmingham, 1971. - 29, VII p.
35.Krygier M. Weber, Lenin and the reality of socialism// Bureaucracy: The career of a concept /Ed. by Kamenka E., Krygier M. - N.Y., 1979. - P.61-87.
36.Laue T.H. von. Stalin in focus// Slavic rev. - Columbus (Ohio), 1983. - Vol.42, N 3. - P.373-390.
37.Löwenhard J. Decision making in Soviet politics. - N.Y., 1981. - X, 238 p.
38.LeoGrander W.M. Participation in Cuban municipial government from local power to people power // Political participation in communist systems /Ed. by Soulz D.E., Adams J.S. - N.Y., 1981. - P.274-293.
39.Little D.R. Political participation and the Soviet system// Problems of communism. - Wash., 1980. - vol.29, N 4. - P.62-67.
40.Little D.R. Bureaucracy and participation in the Soviet Union // Political participation in communist systems/ Ed. by Schulz D.E., Adams J.S. - N.Y., 1981.-P.79-107.

41.Markus M. Overt and covert modes of legitimation in East European societies // Political legitimation in communist states /Ed. by Rigby T.H., Feher F. - L., 1982. -P.82-93.
42.McLennan B. Comparative politics and public policy. - Belmont, 1980. - XYIII, 510 p.
43.McNeill T. Russia in 1917: Revolution or counter-revolution? // Revolutionary theory and political reality/ Ed. by O'Sullivan N. - Bringhton, 1983. - P.73-100.
44.Martin J. A guide to marxism. - N.Y., 1980. - 157 p.
45.Mead M. Soviet attitudes toward authority: An interdisciplinary approach to problems of Soviet character. - Westport (Conn.), 1979. - 148 p.
46.Mommsen H. The concept of fascism: The case of national socialism // Totalitarianism reconcidered /Ed. by Menze E.A. - N.Y.; L., 1981.- P.146-166.
47.Moore W.E. World modernization: The limits of convergence. - N.Y.; Oxford, 1979. - P.167.
48.Nelson D.N. Developing socialism and worker-party conflict //Developed socialism in the Soviet bloc: Polit. theory a. polit. reality /Ed. by Seroka J., Simon M.D. - Boulder (Col.), 1982. - P.61-78.
49.O'Dell F.A. Socialization through children's literature: The Soviet example. - L., 1978. - X, 278 p.
50.Odom W. Choice and change in Soviet politics //Problems of communism. - Wash., 1983. - Vol.29, N 5. - P.16-19.
51.Perlmutter A. Modern authoritarianism. - New Haven, 1981. - XIV, 194 p.
52.Phillips H., Rielly C. Key concepts in communist politics. - Melbourne, 1982. - VI, 188 p.
53.Political culture and political change in communist states/ Ed. by Brown F., Gray J. - L., 1977. - 286 p.

54.Rigby T.H. Hough on political participation in the Soviet Union //Sov. studies. - Glasgow, 1976. - Vol.28, N 2. - P.257-261.
55.Rigby T.H. Lenin's government: Sovnarkom, 1917-1922. - Cambridge etc., 1979. - 320 p.
56.Rigby T.H. Introduction: Political legitimacy, Weber and communist monoorganisational systems// Political legitimation in communist states /Ed. by Rigby T.H., Feher F. - L., 1982. - P.1-26.
57. Schulz D.E. Political participation in communist systems: The conceptual frontier // Political participation in communist systems /Ed. by Schulz D.E., Adams J.S. - N.Y., 1981. - P.1-25.
58.Schulz D.E. On the nature and function of participation in communist systems: A developmental analysis / Political participation in communist systems /Ed. by Schulz D.E., Adams J.S. - N.Y., 1981. - P.26-78.
59.Schulz D.E., Adams J.S. Preface // Political participation in communist systems /Ed. by Schulz D.E., Adams J.S. - N.Y., 1981. - P.I-IX.
60.Schulz D.E. Postscript: On the future of participation //Ibid. - P.294-300.
61.Simon M.D., Sadovski C.M. Attitudes toward participation in the Polish political culture // Ibid. - P.197-233.
62.Shoup P. communist, communist nations: Prospects for an empirical approach //The behavioral revolution and communist studies: Applications of behavioraly oriented polit. research on the Soviet Union and Eastern Europe /Ed. by Kanet R.E. - L., 1971. - P.15-47.
63.Shoup P. Comparing communist nations: Prospects for an empirical approach // Amer. polit. science rev. - Menasha, 1968. - Vol.62, N 1. - P.185-204.

64. Shoup P. The East Europe an and Soviet data handbook: Polit., social a. developmental indicators 1945-1975.- N.Y., 1981. - 482 p.

64a. The behavioral revolution and communist studies: Applications, of behavioraly oriented polit. research on the Soviet Union and Eastern Europe /Ed. by Kanet R.E. - L., 1971. - 376 p.

65. Totalitarianism reconsidered /Ed. by Menze E.A. - N.Y.: L., 1981. - 272 p.

66. Tucker R.C. Culture, political culture, and communist society // Polit. science quart. - N.Y., 1973. - Vol. 88, N 2. - P.173-190.

67. Tucker R.C. Lenin's bolshevism as a culture in the making: Conf. on the origins of Sov. culture, May 18-19 1981. - Wash., 1981. - 27 p.

68. Unger A. Political participation in the USSR: YCL and CPSU // Sov. studies. - Glasgow,1981. - Vol.33,N 1. - P.107-124.

69. Vossen R. Sowjetunion: Völker der Sowjetunion vor u. nach der Revolution. - Hamburg, 1980. - 158 S.

70. Wesson R.G.Communism and communist systems. - Englewood Cliffs (N.J.), 1978. - 227 p.

70a. Wesson R. Totalitarianism's strengths and weaknesses // Survey. - L., 1984. - N 4. - S.181-189.

71. White S. The effectiveness of political propaganda in the USSR // Sov. studies. - Glasgow, 1980. - Vol.32, N 3. - P.323-349.

72. White S.Political culture and Soviet politics. - L., 1979. - 234 p.

73. Williams R. Myth and authority in early Soviet culture.- - Wash., 1981. - 31 p.

74. White S. The USSR: Patterns of autocracy a. industrialism // Political culture and political change in communist states/ Ed. by Brown F., Gray J. - L., 1977. - P.25-65.

Раздел П.
СОВЕТОЛОГИ О СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Обращаясь к западным исследованиям советского права последних лет, нельзя не отметить ряд отличительных особенностей. Первая из них - поиски новых подходов, апробирование новых методик, явившихся следствием восприятия советологией системного, структурно-функционального, поведенческого анализа и других подходов политологии, социологии, социальной психологии. Причем, если американская советология стала активно применять эти методики уже в 60-х годах и, изрядно в них разочаровавшись, ставит себе сегодня целью свести собранные эмпирические данные в какую-то единую индуктивную модель советской системы (6, с.51), то в западноевропейской советологии, в частности германоязычной, юристы-советологи высказывают опасения, что "использование методологии политических наук превратит правовой анализ в служанку криминологии" (29, с.239), и все еще сопротивляются включению объекта своих исследований в более широкий политологический контекст (14,с.203).

Вместе с тем ряд западноевропейских советологов ста-

вит вопрос, следует ли изучать восточноевропейское право ради углубления познаний в юриспруденции как таковой или для более глубокого понимания Восточной Европы как системы. Голландский юрист Фельдбругге призывает решать вторую задачу (I4, с.203). Его поддерживает западногерманский советолог Люхтерхандт, приводя перечень тех целей, которые должна ставить перед собой юридическая советология. Первое место в этом перечне занимает изучение Восточной Европы; затем следуют "основные правовые исследования", "критика коммунизма" и критика правопорядка в буржуазном обществе с использованием опыта стран Восточной Европы (там же).

Нельзя не обратить внимания на откровенно сформулированную идеологическую цель изучения государства и права в СССР. Действительно, банк данных о слабых и сильных сторонах социалистического содружества призван служить прежде всего успешной борьбе против реального социализма, хотя советологи и заявляют, что эта функция является лишь "побочным продуктом" их профессии (I4, с.203). Исследование правовых проблем в широком политическом, экономическом и социальном контекстах по замыслу советологов должно способствовать их более эффективному использованию в идеологической борьбе.

С этим связана вторая особенность современной юридической советологии - участие в нынешнем рецидиве "холодной войны". Если в период международной разрядки в ходу были различные варианты теории конвергенции, сравнительные исследования, то теперь все чаще используется давно скомпрометировавшая себя "тоталитарная модель" советского общества. Адепты этой "модели" проявляют повышенный интерес к суждениям различного рода "диссидентов" и "эмигрантов" из СССР (I3). Трезвомыслящие буржуазные идеологи, напротив, скептически относятся к их сочинениям. "Эта группа, - пишет Д.Камерон, - состоит из обличителей, лю-

бителей сенсационных разоблачений, жестких сторонников "холодной войны" на правовом фронте", а их работы "являются в высшей степени субъективными" (32, с.693).

Третья особенность изучения советского права на Западе состоит в усилении международной кооперации советологов. Особую активность в этом отношении проявляет Отделение документации по восточноевропейскому праву при Лейденском университете, отметившее в 1978 г. свой 25-летний юбилей. При содействии Отделения вышли 2-томная "Энциклопедия советского права" (11), "Кодификация советского права" (10) и, наконец, изданный на средства Фонда Форда трехтомник "Советское право после Сталина" (57), претендующий на всеобъемлющий охват всех отраслей советского права, в подготовке которого приняли участие более 40 авторов из различных стран.

Следует отметить, что мощным импульсом активизации юридической советологии послужили подготовка и принятие Конституции 1977 г. В последовавшие годы значительно усилился интерес буржуазных идеологов к советской системе права в целом, к общетеоретическим аспектам социалистического государства и права и их социально-философским марксистско-ленинским истокам.

Западноевропейские советологи-юристы, более ориентированные на традиционную философию права, политическую философию, объектом своего анализа чаще берут содержательную сторону советской теории государства и права и ее философские основы. Цель, которой они при этом руководствуются, - поставить под сомнение научную ценность как самой теории в целом, так и ее отдельных выводов. При этом наши идейные противники либо пытаются "взорвать" марксизм-ленинизм "изнутри", противопоставляя марксизм ленинизму, а ленинизм - современным советским теоретическим исследованиям; либо изображают все якобы обнаруженные ими в советском праве "пороки" как изначально "встроенные", имманентно присущие марксистской идеологии.

Ссылаясь на отдельные высказывания классиков марксизма-ленинизма, взятые вне их исторического контекста, голландский политолог Г.Лок, например, утверждает, что сама концепция "социалистического государства", претендующего на какую-либо универсальную роль и тем самым требующего безграничного послушания от всего общества, совершенно не вытекает из ленинских теоретических установок. Это, по его мнению, "юридическая", а не ленинская концепция государства. Ленин, пишет он, утверждал существование "буржуазного" права и "буржуазного" государства без буржуазии на весь переходный период к коммунизму. И хотя коммунизм еще не достигнут, беспощадно высмеянные Лениным понятия "всеобщего", "народного" государства преобразованы теперь в официальную реальность; хотя классы остались, диктатура уже снята с повестки. Все это, делает вывод Лок, свидетельствует о прямом конфликте между ленинским взглядом на государство и современными "марксистами-ленинцами" (30,с.233). Вообще, заключает автор, "марксистско-ленинскую идеологию в ее советской форме можно расценивать как крайне эклектичную комбинацию элементов различного происхождения, включая ощутимую дозу того, что Энгельс называл "юридическим социализмом", унаследованным от тенденций, присутствовавших в "марксистской" традиции II Интернационала" (30, с.234).

Марксистский тезис о конечной экономической предопределенности всякого права переиначен юристами-советологами в концепцию права как автоматического и пассивного отражения экономического базиса. И если сегодня практика коммунистического строительства, а также теоретические исследования советской юридической науки выявляют роль советского права как весьма активного, обладающего известной автономностью, надстроечного феномена, то это в представлении советологов является "отступлением" от истинного

марксизма. Советских ученых-юристов упрекают в том, что они не дают четкого, "установленного критерия" для точного измерения "предопределенности" и "самостоятельности" советского права, что они "поразительно мало ссылаются на авторитеты" (22, с.42-43).

Намеренное, догматическое сопоставление марксистских тезисов о праве с современным советским правом приводит советологов к открытию ряда "парадоксов". "Самым первым парадоксом, - пишет А.Киральфи, - является пропасть между марксистской доктриной, рассматривающей право в качестве буржуазного института, который порожден классовой борьбой и со временем исчезнет, и громадной массой законов в СССР" (24, с.278). В итоге, советская правовая философия выдается за "эклектическое смешение выхолощенного марксизма" с идеями и направлениями, заимствованными из западных работ" (62, с.268).

Прагматически мыслящие американские советологи своей целью ставят прежде всего исследование функциональной роли советской системы права, отдельных правовых институтов и юридической профессии в целом как составных частей надстроечного феномена, выявление их потенциальных возможностей в преобразовании социально-политической структуры советского общества.

В своих исследованиях они приходят к выводу, что соревнование СССР с Соединенными Штатами в области науки и технологии неизбежно приведет к определенным институциональным изменениям как в СССР, так и в странах Восточной Европы. Делается прогноз, что результатом таких изменений "могут стать значительные сдвиги в местонахождении центров власти" (34, с.3), определенная децентрализация, которая может вызвать соответствующие изменения и в самой правовой системе, ныне еще в значительной степени отражающей формальную монополию власти на министерском уровне. Процессы "регионализации" власти как следствие растущего

значения промышленно-территориальных комплексов, возможно, найдут вскоре и свое юридическое признание, что повлечет за собой возврат к реформам, подобным хрущевским (там же).

Активный обмен информацией, как необходимое условие НТР, также, по мнению американских советологов, оказывает существенное влияние на советское право. По их мнению, немаловажную роль здесь играют советские юристы-компаративисты, которые "оказывают влияние на творцов политики в своей области", "играют определенную роль в продвижении НТР, на которую Коммунистическая партия делает свою ставку в будущем" (2I, с.682). В целом, отмечают советологи, идет постепенный, но неуклонный сдвиг от права как идеологии к праву как общественной науке. С тех пор как право стало рассматриваться, скорее, как инструмент для достижения социальных целей, а не как догма, выведенная из марксистско-ленинских работ, советское право, пишет П.Мэгс, относительно легко преодолевает идеологические барьеры (34, с.6). Именно восприятие западной методологии и методики, считает американский политолог Р.Шарлет, является причиной того, что советское право сегодня "ясно показывает черты своего превращения в зародышевую политическую науку" (47, с.I3). Причем импорт "идеологически опасных" правовых институтов, заявляется далее, осуществляется, как правило, через восточноевропейские страны, что в значительной степени облегчает их проникновение в СССР. Так, например, широкое применение социологии права в Восточной Европе (в Польше, в частности) сделало "легитимным" ее применение в СССР (34, с.6). Тем не менее советским юристам приходится немало поработать, отсеивая зерна от плевел, чтобы в процессе модернизации "не открыть ворот капитализму посредством бездумного восприятия права, которое западные юристы изобрели для продвижения своего научно-технического прогресса" (2I, с.682).

Обращаясь к анализу функций советского права, право-

применения, западные юристы совершенно необоснованно пытаются представить их качественное своеобразие и особенности в условиях обобществленных средств производства и плановой экономики, заметно сужающих область юрисдикции судов (в пользу арбитража), как их слабость и недостаток в сравнении с буржуазным правом, якобы охватывающим своей конфликтно-разрешающей функцией все сферы жизни общества.

По сравнению с США, пишет Фельдбругге, конфликтно-разрешающая функция связана лишь с семейно-брачными, жилищными и трудовыми спорами в отношении отдельного работника. Такие же проблемы, как права национальных меньшинств, трудовые отношения и другие, являются областями, куда советское право либо не вмешивается никогда, либо вмешивается крайне редко. Уголовное право автор совсем не берет в расчет, поскольку, считает он, политический критерий здесь всегда превалирует над правовым. Таким образом Фельдбругге приходит к выводу, что в СССР "закон используется лишь для разрешения конфликтов малой общественно-политической значимости и низкой экономической ценности" (I4, с.209). Самой главной и доминирующей функцией в советском праве является, по его мнению, организационная. Рисуя картину некоего "тотального контроля" в советском обществе, Фельдбругге отводит правоприменительной деятельности роль бездушного исполнительного механизма, обслуживаемого послушными роботами-юристами. Согласно этой картине, инструкции, приказы, команды, нормы, законы, словом буквально все определяется в "центре" и идет из "центра"; решать же, что есть право и выявлять точное значение правовых норм не входит в компетенцию правоприменяющих органов. Единственная забота юристов состоит якобы в том, чтобы вся эта машина работала без помех, нарушений и остановок. "Это, - замечает Фельдбругге, - как я полагаю, и есть то, что подразумевается под "социалистической законностью" (I4, с.208).

Помимо организационной и конфликтно-разрешающей функции, советское право, считает Фельдбругге, вносит свою лепту и в идеологическую индоктринацию и моральную интеграцию общества, что особенно заметно в Конституции.

Особенно широко в советологии используется так называемая "инструментальная" концепция советского права как "используемого правящей элитой в целях управления, контроля, регулирования и ограничения социальных перемен в СССР" (49, с.319). Отношение к праву лишь как к надежному инструменту, пишут западные юристы, очень привлекательно для тех, кто стоит у власти, "оно удобным образом приспособлено к марксистско-ленинскому видению права как орудия правящего класса" (14, с.208).

Грубо искажая и упрощая сложную диалектическую взаимосвязь правового и политического начала в советской системе социального регулирования, западные авторы стремятся создать впечатление атмосферы политического произвола, нестабильности права в целом как лишенного всякой самостоятельности и способности оказывать обратное влияние на политическую надстройку.

Западные теоретики в своем анализе взаимосвязи права и политики прежде всего руководствуются буржуазным представлением об антитезном характере этой связи. В условиях господства права, считают они, политический процесс ограничивается и удерживается в определенных правом рамках, политические держатели власти связаны правом, и право имеет приоритет над политикой. В социалистических странах, напротив, право якобы подчинено политике, оно эффективно только в рамках, обозначенных политической целесообразностью. "Право, - замечает Д.Хазард, - продолжает оставаться для коммунистов важным инструментом политики, но не силой над государством, которой следует быть приверженным как ценности самой по себе и в себе" (18, с.598). В коммунистических странах, вторит ему западногерманский

юрист Бруннер, нет господства права, а есть господство политики, коммунистическое господство есть не Recht Staat, а Politscher Staat (4, с.145). Идеологическими основами тезиса о приоритете политики он считает положение о ведущей роли партии, инструментальный характер права и понятие социалистической законности.

Последнее понятие как раз и является, по его мнению, правовым термином политического функционализма советского права. "Так как согласно марксистско-ленинскому правовому мышлению законы являются концентрированным выражением политики, то из этого следует, что политические силы, соответственно, должны определять и форму "справедливости по закону" (45, с.184). Социалистическая законность, пишет Бруннер, состоит из двух противоречивых элементов. С одной стороны, она включает обязывающую силу права ("строгое соблюдение законов и всех правовых актов"), с другой - нацеливает на политически целесообразное применение права ("в соответствии с объективными требованиями общественного развития"). Какой элемент предпочтителен в случае их конфликта, опять же дело политической целесообразности, определяемой на основе текущей политики (4, с.145).

Особенности нынешней советской трактовки социалистической законности Р.Шарлет усматривает в том, что это понятие, ставшее, как он пишет, в послесталинский период политическим символом, выражавшим обязательство режима управлять преимущественно посредством стабильного, нормативного сектора права, толкуется теперешним советским руководством, скорее, как "обозначение своей ориентации в пользу государства" (49, с.322). Шарлет утверждает, что в СССР политическая целесообразность может "узурпировать" формальную законность в отношении государства к гражданину, если оно сочтет это необходимым (49, с.326), поскольку до сих пор еще жива советская практика обращения к "правовой политике ad hoc", т.е. к внеюридическим действиям, на-

правленным в обход нормативной сферы правовой системы (49, с.325).

Авторитет и прочное положение некоторых маститых советологов позволяют им делать отдельные замечания положительного свойства в адрес советского права, которые, впрочем, тут же сводятся на нет последующими комментариями. Например, Д.Хазард, которого в западном мире считают дуайеном всего корпуса юристов-советологов, отмечает, что, "вопреки отрицанию естественно-правовой концепции, они (коммунисты.- К.З.) приверженны законности и стабильности права, хотя все это делается во имя целесообразности" (I8, с.598). Далее, однако, он замечает, что в каждой стране стабильностью жертвуют, когда кризисные обстоятельства требуют гибкости в правоприменении. Советское руководство, пишет автор, осуждая сталинизм, тем не менее не намерено способствовать развитию, которое имело бы "привкус плюрализма" или открывало возможности для критицизма и непослушания (там же).

Несомненный прогресс, достигнутый советской системой права на современном этапе (подготовка и принятие обширного законодательства, мероприятия по укреплению социалистического правопорядка, меры по правовому воспитанию), не мог, конечно, не получить известного отражения в исследованиях буржуазных юристов. Советское право все чаще связывается ими с такими характеристиками, как "стабилизация" "усовершенствование", "консолидация" и т.д. Советская "политика в области права в настоящее время характеризуется акцентом на консолидацию и укрепление его нормативной сферы", - пишет Р.Шарлет (49, с.320). Д.Хазард отмечает, что "призыв нынешнего руководства к совершенствованию законодательства" отражает стремление развивать, кодифицировать советское право, избавляя его от издержек "сталинского режима"" (I8, с.590). Нехотя признается, что советская правовая система, несмотря на "все свои проти-

воречия и парадоксальные концепции, является тем не менее системой, которой удается достигать определенной меры справедливости" (24, с.284).

Вместе с тем в ряде оценок явно прослеживается намерение придать советским достижениям в области права консервативный оттенок, представить их следствием отказа от первоначальных идеалов. "Правовой популизм" второй половины 50-х - начала 60-х годов, по мнению Шарлета, сменился "правовым реализмом" нынешних советских руководителей, что нашло свое отражение в постепенной эрозии народного правосудия и подчинении его профессиональному юридическому контролю с акцентом скорее на "сознательность" сверху, чем на "стихийность" снизу (49, с.320-322).

В заключительной статье упоминавшегося выше трехтомника "Советское право после Сталина" подчеркивается общая атмосфера стабильности и институциональной зрелости, которая характеризует советское право через 60 лет после революции (I2, с.399). Нынешнее советское понимание права, отмечает в этой статье Фельдбрудже, отражает более искушенную и более трезвую оценку действительных возможностей правовой системы, так как надежды, возлагавшиеся на право как средство социальной инженерии, не оправдались, "право не является более инструментом преобразований в обществе" (I2, с.400-40I). Соответственно возросла охранительная, консервативная функция советского права, свидетельством чего является общая тенденция повышения роли и авторитета права, судов и юристов, т.е. тех институтов, которые в атмосфере "мобилизации и радикальных изменений" обычно рассматривают в качестве препятствий на пути к прогрессу (I2, с.402).

ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 г. И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Новая советская Конституция и законодательные акты, конкретизирующие те или иные ее положения, продолжают оставаться в фокусе внимания юридической советологии последних лет. Текст Конституции уже переведен на многие языки и вышел отдельным изданием в ведущих буржуазных государствах, сопровождаемый либо политическим, правовым (42), либо историческим анализом.

В своих общих оценках Конституции 1977 г. западные политологи и юристы, желая умалить ее значение, прежде всего указывают на якобы малозначный характер ее нововведений (15), "микроскопичность" изменений в сравнении с "макроскопичностью" ее размеров, представляют ее "расширенным вариантом предыдущей" (58, с.265). Хотя многие из них сходятся во мнении, что положения новой Конституции в основном соответствуют реальной социально-политической действительности, в то же время высказываются взгляды о "декларативности" и необоснованности многих положений Конституции. Например, известный западногерманский советолог Б.Майсснер считает, что включение в текст Основного Закона понятия "зрелого развитого социалистического общества", которого еще нет в действительности, свидетельствует о наличии в Конституции "утопических элементов" (38, с.5).

В западных комментариях особенно отмечается верность Конституции основным положениям марксистско-ленинской теории, "тщательное подтверждение идеологических и политических тезисов внутри конституционного текста" (14, с.212), в чем усматривается "явное намерение создателей Конституции придать постулатам этой доктрины... не только директивный характер, но и ценность правового обязательства" (9, с.220). Ряд буржуазных авторов отмечает, что сложившаяся советская практика принятия новых конституций, в

отличие от внесения поправок в постоянную конституцию, находится "в полном соответствии с марксистским тезисом об отражении в праве экономического базиса" (I7, с.6), что "конституция социалистического государства есть живой документ... правовая платформа для политических действий" (45, с.I6I).

Целый ряд ведущих юристов-советологов высказывает довольно объективные и компетентные оценки в адрес Конституции. В этом документе, пишет Д.Хазард, не только отражена экономическая структура развитого социализма, но и преодолены недостатки предыдущей Конституции: отсутствие точной процедуры принятия законов и указаний на обладание правом законодательной инициативы, нечеткость правового статуса Советов и др. (I7, с.8). В отношении ст.9 он пишет, что она не оставляет сомнений в том, что "создатели проекта Конституции стремились высоко оценить роль народа в управлении как главного элемента социалистической демократии" (I7, с.II). Западногерманский советолог Е.Шнайдер, оценивая ход всенародного обсуждения проекта Конституции, рассматривает его как свидетельство "позитивного уровня развития, достигнутого на данном этапе" (52, с.534).

Западногерманские юристы, известные своим вниманием к юридическому языку, высоко оценивают юридическую технику новой Конституции. Формулировки Конституции, констатируют они, точны, и всякий юрист должен признать факт огромной работы, проделанной по достижению "формальной точности"; статьи Конституции сформулированы гораздо шире, чем в Конституции I936 г., что в определенной мере способствует однозначному правовому толкованию положений Конституции (38, с.I5). Отмечается также использование богатого опыта конституционной практики социалистических стран (I7, с.27).

Однако вместе с позитивными оценками новой Конституции СССР в буржуазной литературе можно встретить субъективистские, неверные и откровенно фальшивые интерпретации. При этом самые злобные и клеветнические комментарии принадлежат, как правило, бывшим советским гражданам (58, с.265; 33, с.37; 8, с.67-69). Не случайно в среде самих советологов "писать как недавний эмигрант" служит синонимом предвзятости и сгущения красок (29, с.244).

Анализируя функции Конституции, буржуазные советологи выпячивают понятие "политической целесообразности" и пытаются свести на нет основную, нормативную функцию. Г.Бруннер, например, утверждает, что, согласно марксизму-ленинизму, нормативной функции поддержания порядка вообще не может быть. Существование ее до определенных пределов, пишет этот автор, вызвано лишь тем, что любая политическая система, в том числе и советская, чувствует необходимость в безопасности и определенном порядке. Но эта необходимость якобы существует бок о бок с необходимостью неограниченной свободы для политических действий и отсутствием правовых обязательств; поэтому нормативность коммунистических конституций является зависимым и меняющимся свойством (4, с.148).

Основная роль "коммунистических конституций", по мнению советологов, сводится к идеолого-пропагандистской функции, состоящей "в формировании общей, телеологически мотивированной идеи легитимности политической власти"(4, с.146). Во имя этого осуществляется-де постоянное изобретение "новых периодов общественного развития", и принятие новой Конституции должно восприниматься как символ, указывающий на то, что достигнута очередная такая фаза (там же). Мало того, пишет Бруннер, советская пропаганда стремится представить Основной Закон в качестве модели для некоммунистического мира (там же).

Подходя с буржуазными мерками к структуре распределения государственной власти, закрепленной в социалистических конституциях, западные исследователи обнаруживают их общий "порок" - непризнание доктрины разделения властей. Хотя власти в конституции разделены, пишет голландский юрист Осакве, но они не равны; "верховенство законодательной власти над исполнительной и судебной является врожденной реальностью социалистической конституционной системы" (45, с.I78). Самая слабая власть, по его мнению, судебная. Причину этого, как ни странно, Осакве усматривает в принципе подотчетности судей перед избирателями, расценивая его как "эффективный метод использования политического контроля над судейской независимостью" (45, с.I82).

Даже такой демократический принцип, ставший классическим еще со времен буржуазно-демократических революций, как верховенство органов народного представительства, воплощающего идею народного суверенитета, рассматривается советологами в качестве "теоретического препятствия для создания эффективной системы конституционного надзора", поскольку, как они считают, было бы трудно согласовать доктрину верховенства с предложением наделить другие органы (прежде всего суды) полномочием определять конституционность законодательных актов представительных органов (4, с.I4I). Современная же конституционная практика социалистических государств наделения пленарных заседаний парламентов полномочиями контроля за издаваемыми нормами расценивается советологами как несущественная и малоэффективная (там же). Впрочем, некоторые из них признают "рациональность" закрепления за Президиумом Верховного Совета полномочий аутентичного толкования законов, отмечая, что "тот, кто создает законы, может, очевидно, и лучше толковать их" (45, с.I76).

Объясняя принятие Конституции "политической целесообразностью", западные советологи пытаются "обнаружить" в ней некие скрытые социальные и политические цели. Одни полагают, что акцент на праве и законности в Конституции направлен на "более эффективное управление советской экономикой и умиротворение советского народа", на обеспечение "стабильности", которая отныне стала задачей номер один (I8, с.595). Другие заявляют, что главная цель конституции - "сохранение советской модели управления... от атак со стороны неосталинистов и деятелей типа Дубчека. Она рассматривается как бастион против радикальных изменений и призвана сохранять среднее положение" (I8, с.597). Советская конституция, считают они, призвана закрепить "политический и правовой статус-кво" (I4, с.2I0), навязать его последующим поколениям (I7, с.28).

Вместе с тем некоторые буржуазные авторы сомневаются в том, что коммунисты, "не изъявлявшие почтения к праву в течение их правления, уверовали, будто конституция может стать оплотом против давлений любого рода" (I8, с.597). По мнению тех, кто стоит на этой позиции, недавний опыт Мао Цзэдуна свидетельствует как раз о том, что конституции недолговечны, они не способны сохранить систему (там же).

ЛОЖНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И СВОБОД В СССР

Вопрос о правах и свободах советских граждан с разной степенью интенсивности обсуждается в советологии на протяжении всего послеоктябрьского периода. В конце 70-х годов он становится объектом острейшей идеологической борьбы и рассматривается в широком контексте прав человека вообще. В различном толковании этих прав, как и целей жизнедеятельности людей, отношений между ними в обществе,

наиболее ярко проявляются коренные, принципиальные отличия двух противоборствующих идеологий и образов жизни.

Разные подходы к правам граждан в капиталистических и социалистических странах объясняются в буржуазной литературе различием самих концепций человека как такового. Западная концепция человека, заявляет Кодевилья, рассматривает человека способным к самоопределению, ее "оптимизм противостоит пессимизму марксистско-ленинского мировоззрения" (9, с.218). Коммунисты, подчеркивает Бруннер, напротив, исходят из коллективистской концепции человека. Марксистско-ленинский тезис о единстве личных и общественных интересов он считает мертворожденной догмой, которая, правда, сегодня отстаивается не столь категорично, как раньше, поскольку в случае их конфликта спор всегда решается в пользу общественных интересов. При ссциализме, таким образом, основные права и свободы используются, в отличие от Запада, не как средство защиты личности от государства, а как инструмент интегрирования индивидов в обществе (4, с.143). Заявляется также, что права и свободы, провозглашенные в странах социализма, не содержат утверждения идеальных ценностей или программных норм, а лишь определяют правовые пределы гарантий этих прав (9, с.223).

Здесь следует отметить, что в отношении философских основ советской концепции прав и свобод у западных критиков нет единомыслия. Если одни видят прямую связь между концепцией человека в марксизме-ленинизме и "тоталитарными" характеристиками советской концепции прав и свобод, то другие усматривают в последней очередное свидетельство "отступления" как от марксизма, так и от ленинизма. Например, по мнению Кодевильи, марксизм рассматривает человека "неспособным к самоопределению", поскольку считает его продуктом общества и способа производства. Отсюда, пишет он, проистекают и намерения нынешних приверженцев марксизма-ленинизма изменить общественную структуру, перекроить

сознание и натуру человека, причем с согласия всего общества. В этом стремлении "к полному и безусловному согласию мы находим подтверждение марксистско-ленинской склонности к тоталитаризму", - заключает Кодевилья (9, с.218).

Лок, напротив, считает, что критиковать коммунистов за нарушение прав человека так же бессмысленно, как атеизм за богохульство. Их стоит критиковать только в том смысле, пишет он, "что они ввели понятие, чуждое марксизму", ибо сам Маркс понятия прав человека не признавал (30, с.231). Несмотря на различие западной и советской концепций прав человека, они, согласно Локу, тесно связаны, поскольку обе в значительной степени являются юридическими по происхождению (30, с.235).

Намеренно отвлекаясь от рассмотрения того, что утверждение и соблюдение гражданских прав и свобод в социалистических странах служат в конечном счете общему благу народа, юристы на Западе твердят об "инструментальном" характере этих прав, который якобы "лишает их той значимости, которую они приобрели в ходе долгого и сложного исторического процесса" (там же). Права и свободы даются советским гражданам, "чтобы получить от них максимальную отдачу в строительстве коммунистического будущего для всего общества. Неправильное применение этих прав, отступающее от указанных целей... любая попытка использовать эти права против установленных обществом целей не оставляет государству другого выбора, кроме как изъятия этих прав" (45, с.199). Тем самым, по мнению Кодевильи, социалистическое законодательство как бы утверждает, что права и свободы даются не всем, а лишь сознательным гражданам. Права гарантируются, таким образом, не просто индивиду, не любому человеку, а гражданину в той мере, в какой он использует эти права в активном строительстве нового общества (9, с.222).

В связи с подготовкой и принятием в СССР Конституции 1977 г. буржуазные идеологи усилили внимание к вопросу о правах и свободах при социализме. Как известно, буржуазные СМК на Западе развернули широкомасштабную "правозащитную кампанию", в которой приняли участие профессиональные политологи и юристы. Теперь не вызывает сомнения, что она тщательно готовилась заранее и не случайно совпала по времени с периодом окончательной подготовки Конституции 1977 г. и ее принятия. По замыслам стратегов "психологической войны" запуск этой кампании должен был послужить детонатором выступлений, аналогичных тем, что имели место в Чехословакии в 1968 г. и которые, как известно, тоже были связаны с пересмотром конституции. Еще за три года до принятия новой Конституции СССР один из буржуазных исследователей писал, что западные критики уже предвкушают будущее обсуждение проекта советского Основного Закона, которое "послужит форумом для дискуссии, позволяющей увидеть взаимосвязь между требованиями определенных политических прав в широком контексте сложных социальных отношений" (2, с.25). Эти расчеты полностью провалились. Всенародное обсуждение и совершенствование проекта Конституции, явившееся ярким свидетельством подлинного демократизма советского общества, произвело впечатление на мировую общественность.

Тем не менее, даже соглашаясь признать определенную меру достижений в области прав советских граждан, антикоммунисты стремятся объяснить ее влиянием Запада, заявляя, что уже на стадии проекта Основной Закон составлялся с учетом американской дискуссии по правам человека, требований "диссидентов" и предстоящей Белградской конференции (53).

Права и свободы граждан при социализме и поныне служат объектом демагогических излияний и сетований антикоммунистов всех мастей, причем особенно усердствуют в этом

эмигранты, встречающие в штыки любые сколько-нибудь трезвые и объективные оценки советской действительности как "искаженные годами разрядки" и "розовыми очками" (32, с.696). Так называемое "правозащитное движение" пользуется мощной поддержкой сионистских организаций и выдвигает на передний план надуманный вопрос о "правах советских евреев", по существу добиваясь для них каких-то особых условий и исключительных прав в советском обществе. Так, например, евреи, осужденные по советским законам за хозяйственные преступления, в глазах ярых антикоммунистов и сионистов вовсе не преступники, а невинные люди, осужденные якобы за их природную "деловую сметку и инициативу". Или же, например, тот факт, что около 50% московских адвокатов являются евреями, истолковывается не как привилегия, а как следствие "невозможности найти работу в государственных учреждениях"; жалованье их, оказывается, так мизерно (180 руб.), что они просто вынуждены брать взятки в виде "подарков" (32, с.700).

Давая оценку прав и свобод, содержащихся в Конституции 1977 г., буржуазные советологи уверяют, будто их значимость снижается не только вследствие "инструментального характера", но также в силу того обстоятельства, что они не могут защищаться автоматически и нуждаются в конкретном законодательстве. Заявляется, что конституции социалистических стран обходят молчанием вопрос о практической применимости их положений (45, с.195-196).

Особое внимание советологов сосредоточено на оговорках к правам, и они всячески подчеркивают их ограничивающий характер. "Новая Конституция, - пишет Бруннер, - далеко выходит за рамки технико-юридических форм ограничения основных прав, заимствуя некоторые основные тезисы советской теории основных прав и формулируя их в качестве всеобщих ограничений" (5, с.75). Посредством особой оговорки к закону, отмечает он далее, законодатель обре-

тает право по собственному усмотрению ограничивать основные права граждан. Скрытая оговорка, на первый взгляд, выполняет защитную функцию, поскольку сформулирована так, что соответствующее основное право "защищается законом". Но будучи повернута негативной стороной, она выражает лишь то, что основное право защищается постольку, поскольку существует однозначный, защищающий ее закон. Типичная техника скрытой оговорки проявляется в статьях об индивидуальных имущественных правах, об авторском, изобретательском и рационализаторском праве, о праве личной жизни и тайне переписки. Явная оговорка встречается лишь в праве землепользования в определенных целях, в области частноэкономической деятельности и в праве неприкосновенности жилища, вторжение в которое допускается "на законной основе".

При особой конституционной оговорке ограничение всех без исключения политических прав и свобод граждан, продолжает Бруннер, производится непосредственно в Конституции (ст.39, п.2), что является новшеством в советском праве (5, с.75-76). Этой же точки зрения придерживается Люхтерхандт, полагающий, что наибольшим числом ограничительных оговорок сопровождается перечень политических прав. Здесь гражданин, согласно Конституции, рассматривается прежде всего как "строитель коммунизма" и "исполнитель распоряжений Коммунистической партии" (31, с.39).

"Защитники" прав человека на Западе также сокрушаются по поводу того, что ст.39, запрещающая гражданам СССР использование своих прав в ущерб интересам общества и государства, дает теперь конституционную основу для статьи уголовного кодекса об антисоветской пропаганде, по которой многие обвиняются, как они выражаются, "за участие в свободном обмене информацией" (8, с.72).

В интерпретации политических прав западные советологи часто прибегают к открытой клевете и домыслам. На-

пример, такое политическое право, как свобода объединять ся, ограничено, по их мнению, положениями ст.6, "позволяющей объединяться лишь тем, кто допущен в КПСС" (I8, с.595).

Наименее ограничены, считают западные юристы, личные права. Но и здесь обладание правами поставлено в зависимость от выполнения обязанностей, сформулированных таким образом, что могут интерпретироваться так, как будет угодно властям (26, с.I9). Люхтерхандт пишет, что правильная в сущности идея о внутренней взаимосвязи свободы и ответственности, и соответственно, права и обязанности, в Конституции "оказалась настолько искаженной, что свобода затмевается ответственностью, право - обязанностью, самостоятельность решений - подчинением чужой воле. Гражданин превращается в орган общества" (20, с.39).

Воображение советологов особенно разыгрывается, когда они говорят об отсутствии у советских граждан тех или иных прав, которые, по их мнению, необходимо было включить в Конституцию. Предлагается, например, ввести положение, которое гарантировало бы равенство граждан независимо от их идеологической приверженности. Поскольку ст.59, заявляет Кодевилья, полностью абсорбирует идеологию на юридическом уровне и обязывает общество принять марксистско-ленинскую доктрину, "нельзя говорить о равенстве граждан как о чем-то независимом от их приверженности к этой безбоговой религии государства" (9, с.2I9). По мнению другого автора, ст.34 следовало бы дополнить положением о "равенстве граждан независимо от политических убеждений" (8, с.75). Д.Хазард пишет, что западных наблюдателей "удивляет" отсутствие в Конституции прав на забастовку, эмиграцию, пропаганду, что ограничен принцип частной собственности (I8, с.594). Список "отсутствующих" прав советологи дополняют правом на свободный выбор места проживания внутри страны и выезд за рубеж,

свободу информации, свободу родителей в решении вопроса о религиозном воспитании детей, на равноправие при занятии государственных должностей (31, с.38-39).

Здесь следует отметить, что буржуазные юристы и политологи очень любят ссылаться на международные конвенции по правам человека, когда речь идет об СССР, но проявляют поразительную снисходительность в отношении США, которые не ратифицировали еще ни одного ключевого права из этих конвенций, выставляя в качестве уважительной причины "особое нежелание Америки подчиняться обязывающим соглашениям" (68, с.19).

Игнорируя тот факт, что право на труд, первейшее в перечне социально-экономических прав, уже само служит гарантией против безработицы, западные юристы считают недостатком Основного советского закона отсутствие права на пособие по безработице, права на промышленную забастовку, бойкот (45, с.201). Они разглагольствуют о праве граждан на создание "свободных профсоюзов, независимых от контроля государства", причем провокационно утверждают, что отсутствие этого права в Конституции вовсе не служит ограничением; "граждане СССР в соответствии с советским правом вполне могли бы создавать профсоюзы, даже если профсоюз данных работников уже существует" (8, с.79).

О предвзятости буржуазных исследователей советского государства и права можно судить по высказыванию А.Киральфи, который, признав, что Восточная Европа в сравнении с Западом обладает преимуществом безопасных ночных прогулок (25, с.1046), что в СССР совсем мало организованной преступности, актов вандализма, расовых распрей, все же с оттенком осуждения заключает, что все это - следствие "жесткого регулирования образа жизни" и "плохо защищаемых гражданских прав" (25, с.279).

Вместе с тем западные обозреватели вынуждены позитивно оценивать значительное расширение объема прав и

свобод советских граждан. По их мнению, "выдвижение на первый план такого принципа, как участие, даже не упоминавшегося в старой Конституции, следует рассматривать как шаг вперед" (3I, с.34), хотя при этом делается оговорка, что речь идет, скорее, об участии граждан СССР лишь в претворении политики в жизнь; участие же их в разработке и принятии решений ограничивается лишь сферой местной власти и управления.

Совершенно новыми, "выходящими за рамки действующего законодательства", расцениваются положения ст.57 о праве граждан обжаловать действия должностных лиц и ст.58 о праве обращаться в суд с жалобой на такие действия. По существу, пишет Люхтерхандт, открывается возможность установления судебного контроля за административными актами, "осуществляется требование, которое в течение многих лет выдвигали советские правоведы" (3I, с.37). Очень важен при этом тот факт, подчеркивает он, что Конституция защищает права граждан против их нарушения "не только государственным аппаратом, но и общественными организациями, к числу которых, по-видимому, относится и Коммунистическая партия" (там же). По мнению некоторых буржуазных юристов, потенциальные возможности ст.58 таковы, что могут послужить отправным моментом для совершенно непредвиденного развития, отнюдь не входившего в намерения законодателей.

Ст.49 о праве граждан вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности оценивается как новшество в перечне основных прав. Как пишет тот же Люхтерхандт, это "единственный, хотя и немаловажный случай" расширения Конституцией права граждан на личную политическую инициативу. Значимость этого положения, считает он, еще более усиливается дополнительным указанием о праве критиковать недостатки и запрещением преследовать за критику (3I, с.40).

По оценкам других советологов, право, изложенное в ст.49, недостаточно и его следовало бы дополнить положением о праве граждан вносить предложения о прекращении деятельности того или иного органа (5, с.77).

Говоря о процессуальных правах советских граждан, Д.Хазард отмечает, что новая Конституция положила начало кампании по укреплению законности. Самой примечательной в этом отношении явилась ст.160. Хотя, пишет автор, новизна ее и незаметна, поскольку она повторяет повсеместно применяемую презумпцию невиновности, тем не менее советские юристы, знавшие, как функционировали "особые совещания" - главные орудия "сталинского террора", не могут не оценить ее положительного значения. В глазах юристов и граждан эта статья явилась новым подтверждением обещаний руководства избежать жестких административных процессов и быть верными новым кодексам, предусматривающим для обвиняемых возможность доказать в суде свою невиновность (18, с.593).

В целом вопрос о том, существует ли презумпция невиновности в советском праве, все еще горячо дебатируется в юридической советологии, где образовались два противоположных лагеря (причем советских ученых-юристов также делят на "презумпщиков" и "непрезумпщиков"). В этом дискуссионном хоре довольно трезво прозвучало выступление Г.Бермана, заявившего, что "советское право действительно содержит доктрину презумпции невиновности, но оно не соответствует нашей доктрине презумпции невиновности" (2, с.615).

Таким образом, лишний раз выявился тот факт, что критика советского права буржуазными юристами прежде всего зиждется на констатации тех или иных отличий его от "западного эталона". Несмотря на то что в ряде работ отмечается укрепление права граждан на защиту в соответствии с предыдущим развитием законодательства, а также консти-

туционным признанием коллегии адвокатов и права общественных организаций выдвигать общественных защитников для помощи своим членам, признания такого рода сопровождаются разными оговорками, призванными бросить тень на политическую систему и правопорядок в СССР. Характерна в этом отношении формулировка Д.Хазарда: "Все же это гораздо меньше того, что ожидалось западными юристами" (I8, с.593). А Р.Шарлет приходит к выводу, что новая советская Конституция наследует от предыдущей большинство положений о взаимоотношениях гражданина и государства, способствующих и формально даже более узаконивающих применение режимом правовой политики ad hoc в судебных делах политического характера (49, с.330).

Список литературы

1.Aubert V. In search of law: Sociol. approaches to law. - Totowa (N.Y.), 1983. - (5), 180 p.

2.Berman H.J. The presumption of innocence: Another reply //Amer. j. of comparative law. - Berkeley, 1980.- Vol.28, N 4. - P.615-623.

3.Brown M. New Soviet Constitution // Anglo-Soviet j. - L., 1974. - Vol.34, N 3. - P.16-26.

4.Brunner G. The functions of communist constitutions: An analysis of recent developments // Rev. of socialist law. - Leyden, 1977. - Vol.3, N 2. - P.121-153.

5.Brunner G. Die Grundrechte im Gesamtgefuge der Verfassung// Osteuropa Recht. - Stuttgart, 1978. - Jg.24, H.1/2. - S.70-80.

6.Bunce V., Echols J.N. From soviet studies to comparative politics: The unfinished revolution // Sov. studies. -Glasgow, 1979. - Vol.31, N 1. - P.43-55.

7.Campbell T. The left and right: A conceptual analysis of the idea of socialist rights. - L. etc.: 1983. - (9), 238 p.

8.Chalidze V. Human rights in the new Soviet Constitution //Soviet law after Stalin. - Alphen aan den Rijn, 1977. - Pt.1.- P.67-82.
9.Codevilla G. Marxism-leninism and fundamental freedoms // Rev. of socialist law. - Leyden, 1978. - N 3. - P.215-227.
10.Codification of Soviet law /Ed. by Feldbrugge F.J.M. - Cromingen, 1975. - 350 p.
11.Encyclopedia of Soviet law /Ed. by Feldbrugge F.J.M. - Leyden; 1973. - Vol.1/2. - 774 p.
12.Feldbrugge F.J.M. Does Soviet law make sense? // Soviet law after Stalin. - Alphen aan den Rijn, 1979. - Pt.3. - P.399-406.
13.Feldbrugge F.J.M. Law and political dissent in the Soviet Union // Current legal problems. - L., 1973. - Vol.26, N 1. - P.241-259.
14.Feldbrugge F.J.M. The study of Soviet law // Rev. of socialist law. - Leyden, 1978. - Vol.4, N 3.-P.201-214.
15.Fincke M. Das Ergebnis der "Volksaussprache" zur neuen sowjetischen Verfassung-Vergleich zwischen dem Entwurf und der endgultigen Fassung // Jachrbuch fur. Ostrecht. - Munchen, 1977. - Bd.18, N 1/2, S.223-236.
16.Fincke M. Das Jüstizverfassungsreght // Osteuropa Recht. Stuttgart, 1978. - Jg.24, H.1/2. - S.113-128.
17.Hazard J. A constitution for "developed socialism" // Soviet law after Stalin. - 1978. - Pt.2. - P.1-27.
18.Hazard J. The future of Soviet law // Sydney law rev. - 1979. - Vol.8, N 3. - P.590-608.
19.Hazard J.N. Managing change in the USSR: The polit. - legal role of the Sov. jurist. - Cambridge etc., 1983. - IX, 182 p.
20.Hazard J.N. The Soviet system of government. - 5-th ed., rev. - Chicago; L., 1980. - XIV, 330 p.

21.Hazard J.N. Rec.: Тилле Г.М., Швеков А.В. Сравнительный метод в правоведении. - М., 1980. - Am.j. of comparative law , Berkeley, 1980. - Vol.28, N 4. - P.681-682.
22.Jeffrey W. Marxist theory of law: An essay review of three books // Rev. of socialist law. Leyden, 1983. - N 1. - P.35-53.
23.Juviler P.H. Socialist law and the Soviet model // Problems of communism. - Wash., 1977. - Vol.26, N 5.- P.94-99.
24.Kiralphy A. Paradoxies of Soviet Law // Sov. studies. - Glasgow, 1979. - Vol.31, N 2. - P.278-284.
25.Kiralphy A. Rec.: Perspectives on Soviet Law for the 1980 s. - The Hage, 1982. - Intern. a. comparat. law quart., L., 1984. - N 4. - P.1045-1046.
26.Lavigne P., Lavigne M. Regards sur la Constitution soviétique de 1977. - P., 1979. - 163 p.
27.Law and economic development in the Soviet Union /Ed. by Maggs P.B. et al. - Boulder (Col.), 1982. - XI, 293 p.
28.Lesage M. L'administration soviétique. - P., 1981. - 254 p.
29. Levitsky S.L. Soviet law after Stalin: in search of a larger context (rev. article)// Rev. of socialist law. - Leyden, 1978. - Vol.4, N 3. - P.239-247.
30.Lock G. The legal metaphor in marxism-leninism: On some questions raised in professor G.Godevilla's article // Ibid. - P.229-237.
31.Luchterhandt O. Die Grundrechte in der neuen sowjetischen Verfassung// Osteuropa. - Stuttgart, 1978. - Jg. 28, N 1. - S.28-40.
32.Luriy Y. Rec.: Cameron G. The Soviet lawyer and his system. A historical and bibliographical study. Ann Arbor,

1978// Am. j. of comp. law. - Berkeley, 1980. - Vol.28, N 4. - P.691-700.
33.Luriy Y. The new Constitution of the USSR from draft to law: An analysis of the changes adopted // Soviet law after Stalin. - Alphen aan den Rijn; Germantown (Md), 1978. - Pt.2, P.35-66.
34.Maggs P.B. Introduction: The legal impact of modernization in the USSR // Law and economic development in the Soviet Union. - Boulder, 1982. - P.1-10.
35.Maggs P.B. The Soviet Constitution: In order to form a more perfect dictatorship // Human rights. -Dallas, 1982. - Vol.10, N 2. - P.34-39.
36.Makepeace R.W. Marxist ideology and Soviet criminal law. - L.; Totowa (N.Y.), 1980. - 319 p.
37.Marxism, communism and western society: A comparative encyclopedia /Ed. by Kernig C.D. - N.Y., 1972/1973. - Vol.1-7.
38.Meissner B. Partei, Staat und Nation in der neuen Verfassung der UdSSR // Osteuropa. - Stuttgat, 1978. - N 1. - S.3-17.
39.Meissner B. The relationship of the CPSU to the Ministry of Justice // Sov. law after Stalin. - Alphen aan den Rijn, 1979. - Pt.2. - P.393-398.
40.Nelson D. Communist legislatures and communist politics // Communist legislatures in comparative perspective.- Albany (N.Y.), 1982. - P.1-13.
41.Nelson D., White S. Preface // Communist legislatures in comparative perspective. -Albany (N.Y.), 1982. - P.VII.
42.The new Soviet Constitution of 1977: Analysis by Scharlet R. - Brunswick (Ohio), 1978. - IX, 132 p.
43.Nicholson M. The new Soviet Constitution: A political analysis // World today. - L., 1978. - Vol.34, N 1. - P.14-20.

44. Oda H. The reform of Soviet procuratorial legislation // Japanese slavic and East European studies. - L., 1981.-Vol.2, N 1. P.15-32.

45. Osakwe Ch. The common law of constitutions of the communist-party states // Rev. of socialist law. - Leyden, 1977. - Vol.3, N 2. - P.155-218.

46. Reshetar J.S. The search for law in Soviet legality // Problems of communism. - Wash., 1979. - Vol.28, N 4. - P.61-64.

47. Scharlet R. The changing role and function of socialist law as a regularity instrument in Soviet-type societies // Law and economic development in the Soviet Union. - Boulder, 1982. - P.11-32.

48. Sharlet R. The Communist party and the administration of justice in the USSR // Soviet law after Stalin. - Alphen aan den Rijn, 1979. - Pt.3. - P.321-392.

49. Sharlet R. Legal policy under Khrushchew and Brezhnew: Continuity and change // Soviet law after Stalin. - Alphen aan den Rijn, 1978. - Pt.2. - P.319-330.

50. Sharlet R. Pashukanis and the withering away of law in the USSR // Cultural revolution in Russia, 1928-1931.- Bloomington; L., 1978. - P.209-229.

51. Sharlet R. Soviet legal policy-making // Social system and legal process. - San Francisco etc., 1978. - P. 209-229.

52. Schneider E. The discussion of the new all-union Constitution of the USSR // Sov. studies. - Glasgow, 1979. - Vol.31. - N 4. - P.523-541.

53. Schneider E. Politische Aspekte des neuen sowjetischen Verfassungs-entwurfs. - Köln, 1977. - III, 47 S.

54. Smith G.B. The soviet procuracy and the supervision of administration. - Alphen aan den Rijn, 1978. - XII, 154 p.

55.Socialist law. - Berkeley (Cal.), 1980. - 187 p.
56.Solomon P.H. Soviet criminologists and criminal policy: specialists in policy-making. - L.,; Basingstoke, 1978. - X, 253 p.
57.Soviet law after Stalin /Ed. by Barry D.B. et al. Pt.3. - Alphen aan den Rijn, 1979. - XIV, 414 p.
58.Stromas A. The legal position of Soviet nationalities and their territorial units according to the 1977 Constitution of the USSR // Russian rev. - Stanford, 1978. - Vol.37, N 3. - P.265-272.
59.Sumner C. Reading ideologies: An investigation into the marxist theory of ideology and law. - L., etc., 1979. - XIII, 313 p.
60.Szawlowski R. The supreme control organs in the USSR - past and present // Rev. of socialist law. - Leyden, 1979. - Vol.31, N 1. - P.17-47.
61.Tang P.S.H. The Soviet, Chinese and Albanian cinstitution: Ideological divergence and institutionalzed confrontation? Studies in Soviet thought. - Dordrecht, 1980. - Vol.21, N 1. - P.39-58.
62.Tay A.E., Kamenka E. Marxism-Leninism and the heritability of law // Rev. of socialist law. - Leyden, 1980. - Vol.6, N 3. - P.261-274.
63.Thalheim K.C. Die Wirtschaft in der neuen Verfassung der UdSSR // Osteuropa. - Stuttgart, 1978. - N 1. - S.18-27.
64.Uibopuu H.-J. Die nationale und staatliche Aufbau // Osteuropa Recht. - Stuttgart, 1978. - Jg.24, H.1/2. - S.81-91.
65.Uibopuu H.-J. Soviet federalism under the new Soviet Constitution // Rev. of socialist law. - Leyden, 1979. - Vol3, N 2. - P.171-185.
66.Unger A.L. Constitutional development in the USSR: A guide to the Soviet Constitution. - L., 1981.-310 p.

67.Vanneman P. The Supreme Soviet: politics and the legislative process in the soviet political system. - Durham (N.C.), 1977. - XII, 256 p.
68.Webster A.F.C. Human rights in the USSR: Two views of socialist reality // Religious humanism. - Yellow springs (Ohio), 1983. - Vol.17, N 1. - P.14-21.
69.White S. The USSR Supreme Soviet: A developmental perspective.// Communist legislatures in comparative perspective. - Albany (N.Y.), 1982. - P.125-159.

Глава 5
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ГЛАСНОСТЬ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТОЛОГОВ

Проходящий в нашей стране процесс демократизации освещается в западной печати с неоднозначных позиций. Прямых откровенных нападок на этот процесс, интерпретации его в сугубо негативных тонах избегают даже многие завзятые антикоммунисты. Однако они активно спекулируют на том, что в развитии социалистической демократии в СССР выявились сложности и противоречия, не всегда обеспечивалось правильное сочетание централизма и демократизма, методы управления, сложившиеся в одну историческую эпоху, неправомерно абсолютизировались, сохранялись в изменившихся условиях. Особое внимание уделяется проблеме бюрократизма, действительным и мнимым последствиям воздействия бюрократии на все сферы советского общества.

Возрастает интерес советологов к истории складывания политической системы советского общества, прежде всего к фактам отступления от ленинских принципов и методов руководства обществом, проявлениям культа личности и нарушениям социалистической законности. При этом большинство советологов исходят из ложного постулата, что истоки негативных явлений лежат в природе социализма, а не в отступлениях от него.

Следует отметить, что среди советологов наметилось определенное расслоение в отношении к процессу демократизации и перестройки в СССР. Некоторые из них указывают, что перестройка, демократизация советского общества, глас-

ность отвечают потребностям нормализации международных отношений, национальным интересам западных стран. Более того, они высказывают критические замечания в адрес тех, кто видит в этих процессах угрозу западному обществу, пытается любыми способами помешать перестройке в СССР. Так, западногерманский социал-демократ И.Фетчер в газете "Форвертс" заявляет, что "опасение увидеть Советский Союз внутренне окрепшим, благодаря развитию демократии, звучит в высшей степени странно в устах тех, кто еще недавно предлагал считать "пренебрежение к правам человека" основанием для враждебности к этой стране". "Невольно напрашивается подозрение, - указывает Фетчер, - что таких комментаторов беспокоит, какое воздействие эти перемены окажут на социальные течения в остальном мире. Ведь может случиться, что в результате успешных реформ будет повержено пугало "советского тоталитаризма". И начнется настоящее соревнование систем". Фетчер считает, что "люди в обеих частях мира от этого только выиграют" (2, с.10).

Другая группа советологов, весьма многочисленная, оказалась на первых порах в шоковом состоянии, ибо радикальные реформы в Советском Союзе опровергли ее исходные посылки о том, что такие реформы, демократизация и гласность в нашей стране невозможны. Теперь они все более настойчиво, в духе теории конвергенции, глобальной интеграции, "синтеза" противоположных общественных систем утверждают, что будто бы без отказа от политической и экономической основы социализма подлинная демократизация невозможна. Свою главную ставку они делают на доказательства необходимости отказа от руководящей роли марксистско-ленинской партии в социалистическом обществе, замены социалистической демократии формальной, буржуазной. По их мнению, расширение процесса демократизации в СССР, гласности будет означать движение к буржуазно-демократическому строю. Они сознательно игнорируют главный девиз перестройки: "Больше демократии - больше социализма".

Наконец, третья группа буржуазных советологов, становящаяся по мере дальнейших шагов перестройки, успехов процесса демократизации все более малочисленной, упрямо продолжает твердить, что все реформы в СССР, демократизация и гласность не более чем фикция, пропагандистский трюк, направленный на обман мирового общественного мнения и советского народа. Но их суждения все больше воспринимаются как бездоказательные.

Прежде чем перейти к анализу пропагандистских советологических концепций демократических преобразований в СССР, коснемся некоторых теоретических подходов западных ученых - исследователей проблемы демократии в обществе. По мнению К.Грэма, большинство теорий демократии исходит из индивидуалистских посылок. Среди индивидуалистских теорий выделяются подходы, которые могут быть обозначены как эгоистический, а также моральный, психологический и онтологический эгоизм. В своей крайней форме индивидуализм ведет к отрицанию специфики социализма, сведению его к сумме индивидов.

Другим важным подходом в исследовании демократии автор считает теорию участия, суть которой он усматривает в том, что не проводится различия между активными лидерами и инертной массой. Любая демократическая система предполагает тот или иной уровень участия.

Наиболее "противоречивой" теорией общества и социальных изменений автор считает марксизм. С одной стороны, пишет он, у марксизма есть общая черта с теорией участия, поскольку он тоже ориентирован на социальное преобразование, а не на простое описание реальности. Однако если теория участия возникает на почве традиционного либерализма, то марксизм разрабатывает системы новых понятий, не укладывающихся в рамки выше рассмотренных теорий. Маркс в своем анализе демократии сосредоточивается на коллектив-

ной деятельности, в центре его внимания функционирование больших коллективов, способных многое совершить и воздействовать на будущее мира.

"Маркс, - пишет Грэм, - предлагает модель консенсуса в принятии решений среди тех, кто равен в социальном отношении, но настаивает, что приблизиться к этой модели можно, только преодолев разрыв между классовым и бесклассовым обществом" (I4, с.202). Утопизм К.Маркса в том, что он считает, будто "политическое сознание большинства может быть революционировано обычными средствами"(там же).

Рассматривая взаимосвязь между однопартийной (многопартийной) структурой общества и демократией,автор считает, что однопартийные системы являются альтернативой современных политических систем Запада, несмотря на серьезные различия между ними, их сближает потребность в иерархических политических организациях, наличие бюрократической прослойки и весьма малого числа людей, занимающихся политикой.

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ТРАКТОВКЕ СОВЕТОЛОГОВ

Основная посылка западных советологов в оценке демократических процессов, происходящих в СССР, как и прежде, заключается в несовместимости демократических свобод и форм управления с централизованной, однопартийной советской политической системой. Эпиграфом к большинству советологических работ, вышедших в последнее время на Западе, можно поставить следующий риторический вопрос: "Возможны ли подлинные демократические свободы, когда разрешена только одна социалистическая партия?" (9, с.46).

Отсутствие в СССР социально-политических условий для подлинной демократии (в буржуазном смысле этого слова) тем не менее не исключает, с точки зрения западных сове-

тологов, возможности проведения в Советском Союзе отдельных демократических преобразований. Однако это есть вынужденный, чужеродный социализму шаг, продиктованный рядом вполне прагматических интересов советского руководства. Каковы же, с точки зрения западных советологов, причины демократических преобразований в советском обществе? Это экономическая отсталость СССР, обусловленная негибкостью централизованного политического руководства страны. "Экономика, - пишет австрийский экономист А.Цвасс, - больше не подчиняется экономическим законам - ею управляют" (42, с.108). Вследствие применения негибких, волюнтаристских методов советская промышленная продукция отличается низким качеством и не может рассчитывать на благоприятный для нее исход конкуренции с Западом. "Из-за низкого качества продукции и неудовлетворительного коммуникационного механизма плановые хозяйства не могут выступать на западном рынке в качестве равноправного партнера" (42, с.110).

Если ранее экономика Советского Союза, по оценкам буржуазных экспертов, опиралась в основном на дешевую рабочую силу, то сегодня, в век компьютеров и высокой технологии, прогресс во всех сферах общественной жизнедеятельности достигается главным образом за счет свободного, раскованного интеллекта. Следовательно, возникает потребность в творческом индивидуальном, а не принудительном и обезличенном труде. Демократизация общества, активное, добровольное вовлечение в процесс производства всех его членов и есть необходимое условие такого труда. "Новая политика,- пишет английский советолог В.Ясманн,- связана прежде всего с социализацией и демократизацией общества, поскольку сегодня человек без этого не может достичь высот научного и технологического прогресса" (40, с.7). Таким образом, суть советских демократических преобразований в трактовке буржуазных советологов в конечном итоге сводится

не к отстаиванию интересов каждого члена общества, а к "латанию дыр" советской экономики. По мнению Г.Киссинджера, "цель советских реформ заключается не в расширении демократии и свобод, а в стимуляции производственной эффективности и промышленного прогресса, а следовательно, в укреплении мощи Советского Союза" (I9, с.I0).

В целом советская демократия как экономическая тактика противопоставляется буржуазной демократии как нравственной ценности западного общества. "Советские лидеры,- заявляет вышеупомянутый В.Ясманн, - понимают демократию сугубо в утилитарном смысле, в отличие от Запада, где демократия стала нравственной нормой" (40, с.3).

Следующая важная причина инициации демократических процессов в СССР связана, по мнению западных советологов, с революцией в средствах массовой информации, а именно - с появлением видеотехники, спутниковой и кабельной связи, а также всеобщей компьютеризацией, охватившей все сферы жизни западного общества. Развитие же этих коммуникаций, определяющих технологический процесс, немыслимо в условиях "закрытого общества".

Логика в данном случае такова: мощный информационный поток невозможно остановить. Государства же, противящиеся этому процессу, обрекают себя на экономическую и технологическую отсталость. Информационное же обеспечение, по мнению западных советологов, несовместимо с централизованным управлением, поскольку в этом случае информация будет "директивно" направляться лишь в приоритетные отрасли, и общий уровень информационной грамотности населения останется низким. "Кремлевские лидеры понимают важность компьютеризации, - пишет американский специалист по проблемам советской науки Л.Грэм, - но они не хотят признать, что компьютеризация требует децентрализации и свободного потока информации".

"Монополия" на информацию в Советском Союзе чревата и

внутренними негативными последствиями для советского общества. Прежде всего, по мнению буржуазных советологов, создается очевидный разрыв между реальной картиной жизни советского общества и официальным освещением советской действительности отечественными СМИ. Подобный разрыв может вызвать у советских людей недоверие к собственным каналам информации и интерес к западным источникам, что, в свою очередь, чревато кризисом коммунистической идеологии. Кризис же идеологии, т.е. утраты веры в конечные идеалы коммунизма, ощущение себя всего лишь винтиком и послушным исполнителем административной системы привел к всеобщей апатии и абсентизму: "Во времена Брежнева всеобщая стагнация, коррупция, плачевное состояние экономики пришли в такое резкое противоречие с официальной идеологией, что проводить ее стало просто опасно".

Важной социальной причиной, побудившей, по оценкам западных советологов, новое советское руководство пойти на некоторые демократические послабления, заключается в стремлении завоевать себе как можно более широкую социальную базу в советском обществе. При этом, естественно, имплицитно проводится мысль, что пока новое советское руководство ею не обладает. Наиболее заинтересованной в демократизации и либерализации общества всегда была интеллигенция. Соответственно, с точки зрения западных специалистов по Советскому Союзу, нынешние либерализационные процессы, происходящие в СССР, обусловлены в том числе и попыткой использовать советскую интеллигенцию, прежде всего творческую ее часть, превратив в рупор официальных идей. Так, небезызвестный Жорес Медведев заявил: "Советские руководители считают, что для возрождения советской экономики потребуется длительное время. Поэтому решено сначала провести либерализацию, так как новому руководству необходима поддержка писателей и интеллектуалов" (I3, с.6). Демократизация, оживление духовной и интеллектуальной

жизни будут способствовать появлению новых, свежих идей, которые можно использовать для стимуляции экономической и социальной перестройки в СССР. "Новое руководство верит, что для оживления советской экономики оно должно вначале оживить советскую интеллигенцию. Этот процесс будет способствовать появлению новых идей, росту энтузиазма, что сделает советскую технологию и культуру конкурентоспособной перед Западом" (I3, с.6). Поддержку же интеллигенции в деле перестройки обеспечить легко, ибо она исконно заинтересована в демократизации - непременном условии творческой раскрепощенности. Таким образом с помощью интеллигенции легко можно будет обеспечить широкую популярность новому руководству. "Интеллигенция, - по Б.Нахайло, - используется как острие перестройки" (24, с.9). Одновременно она же - орудие борьбы с противниками "нового режима", "противовес консервативной бюрократии,чья мертвая рука на горле советского общества столь яростно обличалась Горбачевым" (24, с.I0). Во всех рассуждениях западных советологов по поводу роли советской интеллигенции в демократических преобразованиях и перестройки в целом сквозит один лейтмотив: новое советское руководство использует интеллигенцию для укрепления своего лидерства. Наиболее четко и последовательно эту мысль проводит непримиримый антисоветчик М.Восленский: "Горбачев поддерживает интеллигенцию потому, что он в ней нуждается, а не потому, что сочувствует ей" (24, с.9).

Наконец, последняя, но немаловажная причина демократических преобразований в СССР по оценкам западных советологов - это влияние Запада, стремление советского руководства обеспечить себе максимально благоприятные экономические и научные контакты с капиталистическими странами: "Безусловно основной элемент гласности и либерализации - это стремление повлиять на общественное мнение Запада" (28, с.3).

Каковы же, по мнению западных советологов, направления демократизации в СССР и причины, ее тормозящие? Прежде всего процесс реальных демократических преобразований в СССР связывается в буржуазной советологии с ослаблением контроля со стороны партийного аппарата над экономикой и общественной жизнью страны. Положение о "руководящей роли партии" несовместимо, с их точки зрения, с подлинным плюрализмом мнений, экономической саморегуляцией общества, а следовательно, и с демократией в буржуазном значении этого слова. "Основное препятствие (перестройки) - это сама партия. Коммунистические партии всюду доказали, что они являются тем препятствием, которое мешает рабочему классу достичь, наконец, обещанного благоденствия. Завоевав власть, - ее надо удерживать и использовать в целях контроля за всеми участками экономики и общественной жизни" (27, с.13). Таким образом сама политическая система, считают западные политологи, ограничивает подлинную демократию в условиях СССР. Вывод, следовательно, напрашивается один: либо реальная демократия и изменение советского политического устройства, либо сохранение системы и отказ от демократии. "Вялый допуск новых идей осуществляется во имя экономической эффективности, а не политической либерализации. Рассуждения по поводу экономических изменений безусловно выльются в дискуссии по поводу неприемлемых политических изменений... Если никому со стороны не дозволено противопоставить свое мнение партии, а все внутрипартийные дискуссии разрабатываются "наверху", откуда тогда взяться смелым идеям, которые могли бы спасти экономику?" (27, с.13). Таким образом, процесс демократизации и перестройки изначально обрекается западными советологами на неуспех.

Исходя из своей основной посылки о примате партийного руководства над советскими органами власти, западные социологи предрекают крах демократических преобразований

и в других сферах советского общества, в частности в избирательной системе.

Большое внимание западных средств информации вызвала предложенная на январском Пленуме ЦК КПСС реформа советской избирательной системы. По сообщениям журнала "Тайм", в государственном департаменте США расценили проект по увеличению числа кандидатов на выборные руководящие партийные и советские должности как "серьезный политический шаг". Аналогичная реакция наблюдается и среди некоторых политических кругов США. Как заявил "видный американский политический деятэль", пожелавший остаться неизвестным, "эти меры произвели на нас сильное впечатление". Новое советское руководство идет на "серьезные перемены в структуре управления с намерением ее укрепить" (32, с.6). Однако среди советологов оценки советских реформ в области избирательной системы более сдержанны и скептичны. Так, английский советолог Мартин Макколи предсказывает, что, "очевидно, советское руководство предусмотрело некий способ обеспечить своим кандидатам беспрепятственную возможность быть избранными". Бывший советский гражданин, а ныне американский советолог Д.Саймс, даже предлагает один из таких вариантов: "Партийный аппарат уже имеет право назначать на партийных собраниях нескольких кандидатов. Что же касается тайного голосования, то здесь все зависит от того, кто будет подсчитывать голоса" (32, с.7). Таким образом, западными советологами, очевидно, будут в дальнейшем предприниматься попытки дискредитировать реформы советской избирательной системы, свести их к формальным декларациям.

Проблемы демократизации советской экономики, ее управленческого аппарата, самоуправление предприятий и участие в нем трудовых коллективов обсуждаются сегодня на Западе особенно активно. Причем демократические преобразования в этой сфере жизнедеятельности советского общества

рассматриваются в рамках жесткой дихотомии: либо рынок, либо централизованное планирование и директивное управление экономикой.

Сегодня в западной советологии сложились два подхода к оценке экономической перестройки в Советском Союзе, соответствующие, в принципе, двум основным советологическим школам. Первый можно условно назвать "тоталитарным подходом". Его сторонники рассматривают СССР как закрытое государство с ригидной политической системой, чуждой и даже враждебной_ каким-либо реформам и инновациям. Причины подобной жесткости адепты данной концепции видят в абсолютном примате политических интересов руководства над экономическими интересами всего общества. Более того, эти интересы не только не всегда совпадают, но часто прямо противоположны друг другу. "Проблема заключается в том, что Горбачев может действовать лишь в очень узких пределах существующей системы, основанной на власти партийной бюрократии..." (30, с.22).

Таким образом, еще раз обыгрывается довольно несвежий тезис о подмене в СССР административных органов партийными. Далее: "Жесткая централизованная система экономического управления представляет собой модель эффективного контроля над экономикой со стороны центральной партийной бюрократии... посредством приводных ремней министерств" (30, с.29). Отсюда делается вывод, что централизованное руководство несовместимо с самоуправлением и экономическими методами развития хозяйства, поскольку основная цель власти не процветание общества, а установление своего контроля за ним. Более того, чем богаче общество, чем стабильнее его экономика, тем сложнее держать его в подчинении кучке бюрократов. Соответственно, децентрализация экономического контроля приведет к ослаблению партийного контроля, а на это, по мнению западных советологов, никто из советских руководителей не пойдет, поскольку подобный

шаг может иметь серьезные политические и социальные последствия. Так, Г.Киссинджер повторяет ставшее традиционным для западной советологии положение о том, что "экономическая децентрализация, очевидно, вызывает потребность в политической децентрализации. Это представляло серьезную проблему даже для Китая, который в культурном отношении - однороден. Последствия же (децентрализации) для такой империи, как Советский Союз, объединяющий много национальностей, которые могут увидеть в децентрализации первый шаг на пути к национальной автономии, непредсказуемы" (I9, с.II). Таким образом проводится мысль о том, что советская политическая система в принципе не совместима ни с какими демократическими формами управления. "В целом, - продолжает Г.Киссинджер, - Советский Союз сегодня - это тоталитарное государство и останется таковым и после осуществления реформ, правда, может быть,оно будет чуть более сговорчивым" (I9, с.II).

К "тоталитарному" направлению в буржуазной советологии относятся прежде всего правоконсервативные идеологи: Ричард Пайпс, Норман Подгорец (США), Жан-Франсуа Ревель и Ален Безансон (Франция), Филипп Хансон (Великобритания) и ряд других, в основном профессиональные политики, политологи и журналисты.

Вторую группу советологов составляют преимущественно экономисты, придерживающиеся так называемого прагматического подхода к анализу проблем Советского Союза. Они считают, что, несмотря на приоритет политических интересов советского руководства над экономическими нуждами всего общества, между ними существует связь и взаимозависимость. Следовательно, в случае крайней необходимости центральная власть может пожертвовать некоторыми своими привилегиями в целях укрепления экономики, которая, в свою очередь, укрепит эту власть. Однако "прагматики" также исходят из недопустимости изменений в централизованном руководстве

и политическом управлении Советского государства. Соответственно концепция социалистического самоуправления трактуется узкоэкономически как самоуправление предприятий, относительно независимых от центрального руководства. Такое понимание не соответствует демократической сущности социалистического самоуправления как народовластия, ибо, во-первых, не исключает жесткого контроля над трудовыми коллективами администрации предприятия, во-вторых, сводит самоуправление лишь к отдельным реформам. "Это будет реформа, которая предоставляет предприятиям больше возможностей для маневра и одновременно придает им гораздо больше ответственности за то, что они делают... Советский Союз стоит на пути реформ, которые будут довольно значительными. Но он не пойдет на радикальные реформы... В обществе живет сильный страх перед распадом системы, которая в течение полувека много сделала для превращения СССР в такую мощную державу, которой она стала сегодня" (I6, с.3). Очевидно, под "радикальной" реформой подразумевается смена политической системы, на что СССР, разумеется, не пойдет. Однако в ее рамках достаточно возможностей для более эффективного политического и экономического управления. Каковы же препятствия, по мнению западных советологов-"прагматиков", на пути к реформам, суть которых - самоуправление предприятий? Помимо разобранных политических проблем возникают еще три вопроса:

I. Что произойдет с министерствами? Если министерства в какой-то мере будут нести ответственность за работу самоуправленческих предприятий перед центральными органами, то рано или поздно министерства начнут вмешиваться в процесс производства.

2. Какова роль Госплана? Если Госплан, как и прежде, будет исполнять функции "стабилизирующего механизма", ему потребуются министерства, в свою очередь, министерство вынуждено будет вмешиваться в дела предприятий.

3. Изменится ли система ценообразования, т.е. будет ли запущен рыночный механизм? При сохранении громоздкого аппарата Госкомцена цены не смогут быстро реагировать на спрос покупателей. Предприятие будет дезориентировано, что повлечет вмешательство государства в производственный процесс. Короче говоря, все останется по-прежнему (I6, с.20). Многие западные советологи отмечают, что демократизации советского общества, помимо основного ее тормоза - однопартийной системы, мешает еще ряд факторов, обусловленных спецификой советской системы. К ним относится прежде всего сопротивление со стороны коррумпированной бюрократической прослойки административного управления и части партийного аппарата, теряющих в результате перестройки свои привилегии. "Чем активнее проводятся реформы, тем больше сопротивление. Реформам сопротивляются не только некомпетентные управляющие, ленивые рабочие и привыкшие угодничать бюрократы. Кое-кто и из партийного аппарата нервничает, что реформы зайдут слишком далеко, нарушив коммунистический комфорт" (26, с.I7). Таким образом, следуя логике подобных рассуждений, получается, что большинство населения не только не заинтересованы в демократизации, но, напротив, относятся к ней скептически. "Даже если реформы будут приняты Центральным Комитетом, на нижних ступенях управленческой лестницы они вряд ли вызовут энтузиазм у местных властей, поскольку эти реформы ограничивают их полномочия" (26, с.I7). Простые же советские люди, по наблюдениям западных экспертов по Советскому Союзу, привыкли принимать жизнь такой, какая она есть, и не хотят ничем себя утруждать. "Стабильность экономического развития невозможна, пока не будет разрушена апатия советских масс. Новое руководство оттолкнуло от себя рабочих тем, что требует от них дисциплины, активной работы, не давая при этом быстрых вознаграждений" (3I, с.I0). Известный американский советолог У.Коннор считает, что демокра-

тические преобразования советского общества вызовут недовольство и сопротивление практически во всех слоях населения страны. Советские люди, предсказывает Коннор, "будут сопротивляться дисциплине, жесткой зависимости экономического вознаграждения от собственной работы и работы своего предприятия, ориентации цен на спрос и рынок, реформам, направленным на слом беспечной жизни рабочих независимо от неэффективности работы их заводов (5, с.26).

Демократические реформы, связанные прежде всего с функционированием советского производства, могут иметь, с точки зрения западных специалистов, и ряд негативных социальных последствий. Например, непривычную для советских людей дифференциацию доходов и видимые различия в уровнях жизни. Короче говоря, постепенно будет возникать социальное неравенство, что якобы противоречит эгалитарным принципам социалистического строя. "Рыночные реформы, допускающие частично индивидуальный труд, создадут новые связи между новаторством и экономическим успехом, что усилит очевидное для всех неравенство между быстрыми, ловкими и медлительными. Советские люди расценивают подобный факт не как приглашение к автономии, а как нарушение обещанных советской системой принципов распределения благ" (5, с.26). Резкая дифференциация общества в зависимости от доходов может показаться значительной части населения отходом от социалистических принципов равенства, на которых она воспитывалась десятилетиями. Выдвигая подобный тезис, буржуазные советологи искажают основной социалистический принцип распределения материальных благ в зависимости от количества и качества труда. Равенство при социализме в их представлении выглядит как выравнивание доходов независимо от характера трудовой деятельности. "Для тех, кто десятилетиями верил в то, что социализм означает равенство, а не возрастание дифференциации заработной платы, новые направления (развития советского общества) вызывают

беспокойство" (4, с.49). В целом западные советологи пытаются представить демократические реформы в СССР как ограниченные, если не чисто декоративные: "Большинство проводимых изменений - это просто вариации старых тем" (II, с.28).

Отличительной чертой происходящих в СССР демократических реформ, на которую указывают практически все западные советологи, называют их директивный характер. По их мнению, советская демократия превращается из общенародного явления в процесс, инициированный и жестко контролируемый "сверху". Отсюда советологи делают вывод, что в любой момент эту демократию в приказном порядке можно "свернуть". "Реформы, объявленные в приказном порядке сверху, сверху же могут быть и отменены" (35, с.II). Истинную демократию в Советском Союзе, по их утверждениям, можно осуществить, лишь приняв западную систему ценностей, т.е. отказавшись от коммунистической идеологии, социалистического строя с его политической системой управления. В буржуазной советологии варьируется старый тезис о несовместимости социализма и демократии: "Новая советская программа реформ всколыхнула вечную ностальгию западных демократий по принятию советской системой западных ценностей. Но изощренные, жесткие советские лидеры не хотят в угоду нам трансформировать свое общество. Им нужна высокая производительность, продуктивность, технология, а не демократия" (I9, с.II). Таким образом, советские демократические преобразования в зеркале буржуазной советологии выглядят половинчатыми, директивными, отвечающими в конечном итоге узкоэкономическим интересам политического руководства страны, которое использует демократию как средство укрепления своей власти.

ГЛАСНОСТЬ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЙ ПЕЧАТИ

Наиболее сильное впечатление на общественное мнение западных стран произвела кампания гласности. Именно гласность стала сегодня для западного общества основным индикатором перестройки и демократизации в СССР, оттеснив на время дискуссии по поводу реформ в области советской экономики. В зависимости от оценки процесса гласности в СССР советологи разделились на два лагеря. Первые, как,например, Северин Бялер, считают, что "гласность - самое поразительное (для него разумеется.- Авт.) явление в советском обществе последних лет" (10, с.57).

Отмечается, что одним "из наиболее поражающих аспектов правления Горбачева стала трансформация средств массовой информации" (8, с.4). Другая группа советологов считает, что гласность - это всего лишь один из инструментов, позволяющих вывести СССР из глубокого социально-политического и экономического застоя. "Гласность, - утверждает английский советолог В.Ясманн, - это политический инструмент"(40, с.8). Предназначение этого инструмента - бороться против сторонников старого социально-политического курса. "Гласность в СССР - это инструмент в руках группы новых советских лидеров,с тем чтобы избавиться от группы старых лидеров" (8, с.5). Одна из причин осуществления гласности в СССР, по мнению некоторых советологов, - это стремление советского руководства расположить к себе западную общественность и прежде всего ее деловые круги, создав видимость терпимости и лояльности к критике и инакомыслию. Так,английский советолог Ури Раанан утверждает, что "гласность - это чисто тактический прием, попытка дезинформировать западную общественность, а не подлинно стратегическая переориентация советского общества" (28, с.3).

Некоторые западные специалисты-советологи противо-

поставляют советскую концепцию гласности свободе слова в западном смысле. Гласность в СССР, по их мнению, - это свободное высказывание санкционированной точки зрения, основанной, в конечном итоге, на официально-признанной идеологии. Таким образом, гласность в СССР противопоставляется западному идейному и идеологическому плюрализму. "Теория гласности - открытости может быть основана на ложной концепции, истоки которой в ленинском тезисе о наличии только одной правды (I9, с.II).

Вместе с тем западные советологи признают, что гласность даже в ограниченном варианте обнажает ранее скрытые от взоров людей стороны общественного устройства, исторические факты и т.д., на которые каждый человек реагирует по-своему. Следовательно, гласность сама по себе способствует формированию различных точек зрения и неортодоксальных суждений. В этом угроза официальной идеологической линии. Поэтому "гласность", с точки зрения западных специалистов, ставит советское руководство перед дилеммой: либо допустить идеологический плюрализм, как это понимают на Западе, либо, в конечном итоге, вновь прибегнуть к репрессиям по отношению к инакомыслию. В результате гласности "мужчины и женщины могут сделать самые противоположные выводы из одних и тех же фактов. В конечном итоге тенденция к формированию плюрализма мнений вынудит советское руководство сделать выбор между западным вариантом демократии и репрессиями. Ранее коммунистические лидеры всегда выбирали репрессии" (I9, с.II).

Для многих советологов характерно отрицание демократического содержания процесса гласности в СССР. Гласность в СССР рассматривается чисто прагматически - как средство достижения определенных политических и экономических целей. "Советские лидеры рассматривают гласность чисто утилитарно. Для них она не есть моральная ценность" (38, с.6). Понятие гласности в СССР в трактовке буржуазных со-

ветологов трансформируется из "гласа народа", обсуждающего все правительственные решения и тем самым контролирующего их, в "глас" определенной политической группы. Более того, гласность позволяет "верхам" выявлять истинные настроения людей с тем, чтобы более эффективно управлять ими. "Акцент на общественное мнение не означает, однако, что общество в СССР с помощью средств массовой информации будет осуществлять функцию контроля за действиями правительства. Опросы общественного мнения и разрешение более свободного выражения общественных настроений облегчат установление социального контроля и манипулирование массами" (40, с.6).

Одна из причин санкционирования гласности в общественной жизни страны заключается, по мнению западных специалистов-советологов, в необходимости осведомления руководства о реальных процессах, происходящих в Советском государстве, о всех тех негативных явлениях, которые тормозят развитие общества и подрывают авторитет власти: "Лицемерие, очковтирательство, коррупция стали столь широко распространенными явлениями, что советское руководство уже не могло составить себе адекватного представления о том, что происходит в обществе" (40, с.8), а следовательно,и не могло эффективно им управлять.

Следующей причиной введения гласности называется кризис советской идеологии, вызванной расхождением между реальными процессами, происходящими в советском обществе, и официальной "витринной" их трактовкой. В этом смысле "гласность" превращается в очередную пропагандистскую кампанию, призванную придать СССР более открытый, гуманный облик: "Советские средства массовой информации остаются важной частью советского пропагандистского и идеологического аппарата и в этом смысле полностью зависят от изменений в идеологии и образе мысли правящей элиты. Более оперативные и адекватно отражающие действительность

советские средства массовой информации смогут эффективнее манипулировать общественным сознанием, да и сама идеология станет более гибкой" (40, с.7).

В том, что гласность, как и демократические преобразования в целом, инициирована "верхом" как часть хорошо продуманного плана по реконструкции и укреплению советского общества, заложена, с точки зрения западных аналитиков, ее ограниченность. Рассматривая вопрос о пределах гласности, советологи отмечают, что она не затрагивает ряд тем, которые по-прежнему остаются закрытыми для дискуссий и критики. Это, во-первых, положение о руководящей роли партии, во-вторых, "запрет на всякую критику руководителя, стоящего в данный момент у власти (в СССР)", в-третьих, вопросы внешней политики (37, с.20). Таким образом, гласность в СССР имеет свои четкие границы и "всеми признанные допустимые пределы критики" (37, с.20): "Когда открытость угрожает интересам и привилегиям наиболее влиятельных людей в стране или подрывает основы советской идеологии, она пресекается" (37, с.20). Используя гласность как инструмент борьбы с инертной бюрократической прослойкой партийного аппарата, советское руководство стремится сделать это таким образом, чтобы не разрушить саму партию. "Советские лидеры, - заключают буржуазные советологи, - не могут вынести слишком много сора из избы без признания того, что однопартийная система сама по себе стала препятствием на пути развития. Это очень трудно" (8, с.5).

К числу запрещенных в СССР тем западные обозреватели причисляют вопросы, связанные с культом личности Сталина. Буржуазные СМИ сегодня как никогда пристально следят за любыми сообщениями в нашей прессе на эту тему, готовясь "отметить" юбилей так называемых "кремлевских процессов". В этом смысле характерно высказывание на страницах американского журнала "Паблик опинион": "Позволит ли нынешнее советское руководство глубоко проанализировать сталинский

период - вот тестовый вопрос реальности советской гласности" (8, с.6).

Среди западных специалистов по Советскому Союзу существует точка зрения, что гласность "в руках советских лидеров" используется в то же время как средство борьбы с диссидентством внутри страны и привлечением на свою сторону широких слоев либерально настроенной советской интеллигенции. "Многие советские интеллектуалы, которые никогда раньше не поддерживали режим, начали высоко оценивать советскую политику, потому что Горбачев разрешил либерализацию в культурной сфере" (8, с.6).

"Московская интеллигенция с полным основанием спросит себя - зачем поворачивать к диссидентству? Ведь сегодня возникла возможность более свободного самовыражения и в официальных рамках. При Горбачеве происходит трагический разрыв, с одной стороны, между основной массой населения и интеллектуальной элитой, которым обещано больше свободы и материальных благ в обмен на конформизм, и диссидентством, которое все больше и больше подвергается общественной изоляции, ссылкам в лагеря, где их не видят ни москвичи, ни иностранцы, - с другой" (37, с.20).

Характерным признанием изоляции диссидентов стало письмо А.Зиновьева, в котором он пишет: "Советское руководство прилагает титанические усилия и чрезвычайное коварство, чтобы подавить наш протест... Массы советских людей помогают им в этом. Только незначительная часть населения поддерживает нас" (4I, с.3). По мнению автора, кампания гласности, предпринятая советским руководством, рассчитана на: а) стабилизацию советской политической системы; б) дискредитацию диссидентского движения путем присвоения себе политических требований диссидентов; в) введение в заблуждение общественного мнения Запада относительно истинных целей советской внешней и внутренней политики. "Власти в СССР, - клевещет Зиновьев, - соорудили

нечто вроде "потемкинских деревень" и запустили небывалую кампанию в расчете сбить с толку и обмануть общественное сознание Запада" (I, с.4I).

Характерным для антикоммунистов является следующее высказывание Раанана "Гласность - это чисто тактические изменения, продиктованные, скорее, соображениями дезинформации, чем стратегической переориентации" (28, с.3).

Однако, считают советологи, гласность и в таком укороченном варианте может иметь серьезные последствия как для внутренней политической жизни Советского Союза, так и для международного климата в целом. Оценивая воздействие "гласности" на внутриполитическую жизнь советского общества, они подчеркивают, что гласность, подобно снежному кому, трудно удерживать в определенных рамках: "Насколько же далеко будет позволено зайти демократическим процессам, чтобы они не смогли дестабилизировать политическую систему советского общества?" Высказывается мнение, что гласность вызывает сильное беспокойство и смущение среди широких слоев советского населения, воспитанных в определенных идеологических традициях, на уважении к историческим авторитетам, в которых в результате гласности им приходится разочаровываться. Так, например, французский советолог Мишель Татю считает, что сигналом к сопротивлению гласности послужил мартовский съезд писателей РСФСР. "Многие участники съезда, - пишет он, - осудили литературные реформы как "культурное вторжение" ... вторжение вредоносных идей Запада" (36,36).

Касаясь проблемы воздействия гласности на внутреннюю политику социалистических стран и их отношения между собой, западные аналитики считают, что, хотя это воздействие неоднозначно, но в целом правительства негативно относятся к гласности, воспринимая ее как угрозу своему престижу и власти. В Чехословакии, пишет журнал "Ньюсуик", "гласность" вызвала "сильные эмоциональные всплески насе-

ления", скандирующего: "Мы хотим Горбачева". В Польше и Венгрии - странах с наиболее гибким режимом - гласность не представляет угрозы существующей власти. В ГДР "делают вид, что ничего не происходит и не изменилось в Москве", считая, что в гласности нет необходимости. Наиболее непримиримую позицию в отношении гласности и демократизации заняла Румыния. Н.Чаушеску даже заявил, что нельзя улучшать социализм, оглядываясь назад (6, с.16).

В целом же кампания гласности и демократизации в СССР стала, по мнению западных наблюдателей, катализатором противоречий внутри соцлагеря и оживления неортодоксальных идей, она вызвала заметное оживление общественности (6, с.16).

В западной литературе можно выделить три направления реакции на происходящие в СССР процессы гласности и демократизации. К первому принадлежит группа политических деятелей либерально-демократического толка, таких, например, как бывший вице-президент США Вэнс и сенатор Мондейл. Они считают, что "успех гласности в СССР будет способствовать укреплению советско-американских отношений. Успешное развитие советской экономики расширит торговое сотрудничество между Востоком и Западом, а прогресс в области прав человека ликвидирует камень преткновения между двумя сверхдержавами" (6, с.16).

Представители второго течения политической мысли на Западе исходят из тезиса об экономической слабости СССР, практической невозможности советского общества ликвидировать имеющиеся в нем застойные явления без посторонней помощи, т.е. помощи капиталистических стран. Следовательно, Запад, в соответствии с этой точкой зрения, должен использовать момент, чтобы выторговать для себя серьезные уступки со стороны СССР. "Советский Союз дал нам новую возможность пересмотреть наши представления о столкновении Запада и Востока. Он негласно признал, что сегодня мы

имеем дело не с двумя равными великанами, сегодня мы понимаем, насколько сильна слабость СССР" (I8, с.25I).

И, наконец, третья группа объединяет консервативных политиков и теоретиков. Их отношение к происходящей в СССР перестройке достаточно негативно. Квинтэссенцию этого подхода выразил Д.Саймс: "Если твой враг становится сильнее и может продолжить борьбу более эффективно - то это плохие новости" (6, с.I8).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СССР И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Среди всего комплекса вопросов, связанных с процессами демократизации, западные советологи особо выделяют проблемы прав человека в СССР. Пожалуй, сегодня интенсивность буржуазных кампаний в защиту "правозащитного движения" в нашей стране равна интенсивности аналогичных кампаний 70-х годов. По сути решение проблем "прав человека" в Советском Союзе определенные круги превращают в индикатор перестройки и критерий демократизации советского общества. Более того, все экономические, социальные реформы, предпринимаемые Советским правительством, а также международные, внешнеполитические акции СССР тесно увязываются этими кругами с гарантиями прав личности, ее суверенности при социализме. Так, известный американский журналист Эндрю Нагорски, работавший ранее в СССР в качестве корреспондента журнала "Ньюсуик" (в I980 г. он был выслан из нашей страны), считает, что права человека - это "тестовый вопрос" советской демократии, и дает ему следующую трактовку: "Две области проблем должны постоянно присутствовать на повестке дня Запада: права человека и Восточная Европа. Советское руководство, присваивающее себе право искоренять инакомыслие у себя дома или в Восточной Европе, доказывает, что слова его ничего не стоят, по-

скольку в каждом подписанном Кремлем соглашении содержится требование уважать права человека" (23, с.10).

Кампания "в защиту прав человека в СССР" возникла не спонтанно: она имеет на Западе глубокие и прочные теоретические корни. В основе западных концепций прав человека лежат два основных тезиса. Первый тезис - это противопоставление личных прав человека, или так называемых естественных прав: (свобода высказываний, вероисповеданий, передвижения и т.д.) социальным правам: праву на труд, отдых, медицинское обслуживание и т.д. Так, например, профессор Орегонского университета А.Шиманский пишет, что в западных капиталистических странах интерпретация свободы или прав имеет тенденцию фокусироваться на индивидуальных гражданских свободах (формальных свободах), основанных на представлении, что индивидуумы должны иметь абсолютное или, по крайней мере, априорное справедливое требование к обществу, чтобы их оставили в покое для осознания своих устремлений без "негарантированных ограничений". Под этим подразумевается, что единственными законными ограничениями, которые общество может накладывать на своих членов, являются те, которые ограничивают права индивидуума нарушать права других индивидуумов (т.е. "моя свобода двигать моей рукой кончается там, где начинается нос другого человека") (33, с.15).

Второй постулат буржуазной концепции прав человека логически вытекает из первого и заключается в утверждении автономии личности по отношению к государству. Юридически этот тезис оформлен как гарантии невмешательства государства в дела личности. Наиболее последовательным выразителем этих позиций стал американский юрист Г.Берман. В своей работе, посвященной сравнительному анализу американской и советской концепции прав человека, Берман пишет, что "существует резкое различие между традиционной американской концепцией, отраженной в Конституции США, где

основные права отдельного лица существуют независимо от государства, и советской концепцией, отраженной Конституцией СССР, где все права дарованы государством и неизбежно подчиняются силе государства" (I, с.I).

Иллюстрируя этот тезис, Берман сравнивает формулировки законов, касающихся прав личности в конституциях США и СССР. Так, в Конституции США права личности выражены в виде того, что запрещено государству. Предусмотрено, например, что "конгресс не может принимать никакого закона... ограничивающего свободу слова или печати", что "право людей на безопасность их личности, дома, бумаг и имущества против необоснованного обыска и изъятия не может быть нарушено...", что "и один человек не может быть лишен жизни, свободы или собственности без установленного законом порядка", что и один штат не может "отрицать право каждого человека на равную защиту со стороны закона" (I, с.2). В Конституции США, таким образом, делается акцент на лимитировании функций государства по отношению к личности. В Конституции СССР, с точки зрения автора, напротив, делается акцент на зависимости индивида от государства, которое предоставляет (а может и не предоставить) ему определенные, главным образом, материальные гарантии. В советской Конституции права выражены на языке того, что граждане могут делать, а не того, что запрещено совершать государству. Эти права скорее облегчают, нежели ограничивают власть государства над личностью. Они имеют характер программы, набора целей, которые само государство взяло на себя. Если же государство потерпит неудачу с введением в жизнь законов, провозглашенных в советской Конституции, то потерпевшие ущерб граждане могут оказаться беззащитными (I, с.4). Резюмируя свой анализ советской и американской конституций, Г.Берман делает вывод, что советская Конституция уступает американской с точки зрения отдельного гражданина, чьи конституционные права могут быть на-

рушены государством. Но, в этом сила Советского государства с точки зрения групп граждан, поскольку Советское государство само принимает на себя осуществление их прав - не просто защиту от их нарушений, но и создание средств для их применения (I, с.4).

Согласно американской концепции прав человека, в СССР конституционально обеспечены лишь "социальные права". Политические права граждан: свобода слова, печати и т.д. - разрешены законом лишь тогда, когда они не противоречат интересам государства и развитию социализма. Интересы государства и интересы социализма в СССР, по утверждениям буржуазных советологов, монополизирует правящая партия; поэтому все точки зрения, противоречащие "официальной социалистической доктрине", должны, рассматриваться как антипартийные и, следовательно, пресекаться: "Возможно ли существование подлинной политической свободы, когда разрешена лишь одна социалистическая партия?.. Вряд ли какая-либо из правящих группировок внутри КПСС согласится отказаться от монополии на власть во имя плюрализма" (34, с.I). Согласно этой концепции, любое инакомыслие и идеологический плюрализм противоречат политическому и партийному устройству советской системы, основанному на принципе демократического централизма. Причем демократический централизм трактуется советологами крайне узко: как единоначалие,жесткая иерархия с подчинением "нижестоящих" органов "вышестоящим". Из "демократического централизма", таким образом, полностью выхолащивается его демократическое содержание, централистские же элементы этого принципа, напротив, гипертрофируются: "Первейший ленинский принцип построения партии - демократический централизм - означает, что решения и приказы спускаются сверху и должны беспрекословно выполняться. Того, кто ослушается, ждет суровое наказание" (25, с.I5). Следуя этой логике, советологи делают вывод, что в условиях советской политичес-

кой системы отсутствуют возможности проявления инакомыслия, а следовательно, и нет подлинных политических и гражданских свобод.

Сильное впечатление на общественность капиталистических стран произвело освобождение 150 диссидентов. Общественно-политический журнал "Тайм" трактует это событие следующим образом: "Никакая доля скептицизма по поводу экстравагантных акций Москвы в области общественных отношений не скроет тот факт, что происходит нечто очень важное, если не революционное. В декабре месяце с освобождением Андрея Сахарова и его жены, а также 150 других диссидентов начался новый подход к правам человека (в СССР)" (13, с.6). В западной советологии существует, однако, и иная точка зрения, в соответствии с которой освобождение отдельных индивидов не означает "каких-либо изменений" в области советских прав человека, поскольку в СССР "сохраняются социально-политические запреты на инакомыслие": "В связи с нарушением прав человека в СССР западные правительства сосредоточивают свое внимание на единичных символах, которые как бы олицетворяют многих бесправных людей, или на отдельных гуманитарных акциях, которые рассматриваются как разменная монета в дипломатических отношениях между Востоком и Западом. Но мы не можем судить о прогрессе в области прав человека в целом по отдельным индивидуальным случаям, потому что причины ущемления прав, в том числе и этих индивидов, все еще существуют" (37,с.8).

Согласно другой точке зрения, определенные жесты со стороны Советского правительства в сторону "либерализации прав человека" рассчитаны прежде всего на то, чтобы убедить Запад в гуманности советского общества (29, с.49).

Среди всей совокупности политических и гражданских прав, якобы нарушаемых в Советском Союзе, западная печать делает акцент на праве на выезд и свободное проживание в любой стране, зафиксированное в Хельсинкских согла-

шениях: "Право на выезд и возвращение зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека и Международном соглашении по гражданским и политическим правам, и которые СССР частично одобрил, подписав Хельсинкские соглашения. Эти неотъемлемые права личности резко ограничены в СССР поправкой к соответствующей инструкции по туризму, опубликованной недавно в Сборнике постановлений правительства СССР" (38, с.3).

Таким образом, предпринимаются попытки дискредитировать демократические преобразования в СССР посредством тезиса об отсутствии в советском обществе, как и прежде, гарантий прав личности. При этом "нарушение прав человека" в Советском Союзе трактуется советологами как логическое следствие советского строя, с присущей ему однопартийной системой и централизованным управлением.

В западной советологии существует и иной, более сбалансированный подход в оценках состояния политических и гражданских прав в СССР. Сторонники этого подхода рассматривают претензии к советскому законодательству со стороны своих наиболее тенденциозно настроенных коллег как "этноцентристские", обусловленные механически переносом западной модели на советскую модель общества. Так, Д.Лэйн считает, что Советский Союз в известной степени компенсирует ограничения политических прав личности по отношению к государству осуществлением социальных прав (20, с.350). "Этноцентристский" анализ советского общества, с точки зрения Д.Лэйна и Г.Бермана, однобок, поскольку игнорирует социальные аспекты прав человека в СССР, такие, как право на труд, образование, и специфику советской политической системы в целом, и малоплодотворен, поскольку мешает государствам понять друг друга: "Обвинения в несоблюдении прав человека, выдвигаемые одной стороной против другой стороны, не имеют ценности в глазах другой стороны, поскольку каждая обосновывает такие обвинения доводами, ко-

торые не принимаются другой стороной. Следовательно, каждая сторона рассматривает такие обвинения как неоправданное вмешательство в ее внутренние дела" (I, с.6). Представители либерального направления в буржуазной советологии считают, что при оценке состояния прав человека в той или иной стране надо исходить из ее политических особенностей, традиций и системы ценностей.

Вышеупомянутый Г.Берман полагает, что "мерилом в определении сделанного прогресса в достижении цели и значительности его должна быть собственная система учреждений для каждой страны. Обвинение Советского Союза в отсутствии существующего прогресса в создании двух- или многопартийной системы не имеет никакого смысла, так же как обвинение Соединенных Штатов в отсутствии существующего прогресса в деле предоставления государством работы сталелитейным рабочим. Тем самым каждая страна должна быть оценена согласно ее собственной концепции о правах, ее представлению о приоритетах в правах и ее собственной системе в процедуре осуществления этих прав" (I, с.6).

Рассматривая вопрос о критерии в области прав человека, Берман предлагает основывать его не на противопоставлении разнопорядковых прав (социально-экономические и политические, и гражданские), а на прогрессе, достигнутом в каждой из этих областей каждой страной за конкретный период времени: "Принятие критерия достигнутого прогресса, а не приверженность правилам привело бы к возможности судить о действиях каждой страны в свете ее собственной предшествующей деятельности, а не в свете несуществующего общепринятого стандарта. Например, Соединенные Штаты могли бы быть приглашены отчитаться в том, что ими сделано за определенный период времени для уменьшения безработицы, ликвидации недоедания, превращения медицинской помощи в доступную для бедных, уничтожения расовой дискриминации и т.д., в то время как Советскому Союзу могло бы быть

предложено сообщить о том, что сделано за определенный промежуток времени для увеличения свободы эмиграции, расширения дозволенного предела религиозной активности, уменьшений против свобод выражения неофициального мнения, увеличения независимости суда в делах, связанных с идеологическими преступлениями и т.п." (I, с.5).

Несмотря на зыбкость определений, сторонники условно компаративистского подхода к правам человека по сути выдвигают позитивное предложение: прекратить использование этих вопросов в пропагандистских целях, подчинив их нормам международных юридических конвенций и соглашений.

В заключение можно сказать, что процесс демократизации и гласности в Советском Союзе вызывает сегодня наибольший интерес западных советологов и журналистов, представителей общественных и деловых кругов именно потому, что в их представлении он связан прежде всего с реорганизацией советской политической системы. За многочисленными, подчас противоречивыми, прогнозами и оценками буржуазных "специалистов по проблемам" Советского Союза пока еще не угадывается новых теоретических и концептуальных подходов, адекватных происходящим в нашей стране переменам.

Большинство западных советологов, криминологов и т.д. по-прежнему строят свои гипотезы относительно перспектив развития советского общества в рамках традиционных концепций "тоталитаризма" и "конвергенции". Сторонники "тоталитарного" подхода к советской действительности считают, что демократизация - лишь средство и инструмент спасения советского общества от застоя, порожденного самой системой. Следовательно любые меры экономического, социального или политического характера, исключающие радикальную ломку этой системы, будут половинчаты, малоэффективны и в итоге обречены на провал.

Приверженцы так называемого неолибералистского, конвергентного подхода к анализу современной действительнос-

ти надеются на то, что демократические преобразования постепенно размоют и расшатают "ригидную" советскую политическую структуру. Одновременно "либерализация" экономики, по их мнению, будет содействовать образованию и укреплению экономически автономных и идеологически независимых слоев населения – носителей прозападных ценностей. Однако следует сразу же оговориться, что сторонников подобных оптимистических для Запада прогнозов немного. Основная масса западных советологов исходит из невозможности какой-либо трансформации советской политической системы, которая в их сознании догматически отождествляется со сложившейся в СССР на рубеже 30–40-х годов структурой управления. Именно эта система и есть, с их точки зрения, истинная и единственно возможная модель "советского социализма".

Список литературы

I. Берман Г. Американское и советское отношение к правам человека //Доклад на Международной ассоциации политических наук: Междунар. ассоциация полит. наук, I2/I8 авг. I979 г. – Копирайт, I979. – С.I–I5.

2. Фетчер И. Пожелания успеха //За рубежом. – М., I987.– I/7 мая. – № I8. – С.I0.

3. Barnathan J. Russia faces the new era// Newsweek. – N.Y., 1986. – Aug.18. – Vol.109, N 7. – P.13–20.

4. Behind the facade of Gorbachev's new Russia // Economist. – L., 1987. – Apr.4–10. – Vol.302, N 7492. – P.49–50.

5. Connor W. Soviet Union: Domestic issues a. military trends // Hearings before the subcom. on Europe a. the Middle East. Committee on foreign affairs. House of repr. – Wash., 1986. – P.1–38.

6.Countering Gorbachev // Newsweek. - N.Y., 1987. - Febr. 23. - Vol.109, N 7. - P.15-18.
7.Doerner W. The call to reform // Time. - N.Y., 1987. - Febr.9. - Vol.129, N 5. - P.6-10.
8.Gambling on glasnost: A chronicle of current events: An interview // Public opinion. - Wash., 1987. - Vol. 9, N 6. - P.4-8.
9.JiLL Gr. Institutionalization a. revolution/ Rules and the Soviet political system // Sov. studies. - L., 1985. - Apr. - Vol.37, N 2. - P.44-56.
10.Glasnost with Gorbachev // Time. - N.Y., 1987. - Apr. 27. - Vol129, N 17. - P.56-60.
11.Jones E., Woolbury L. Gorbachev's glasnost // Problems of communism. - Wash., 1986. - Vol.35, N 6. - P.28-30.
12.Gorbachev's disloyal opposition// Economist. - L., 1986. - May 17-23. - Vol.298, N 7445. - P.17-18.
13.Gorbachev uses glitz to push his glasnost //Time. - N.Y., 1987. - Mar.2. - Vol.129, N 9. - P.6-10.
14.Graham K. The battle of democracy: Conflict, consensus and the individual.- L., 1986. 261 p.
15.The gulag minus Sacharov// Economist. -L., 1987. - Jan.31/Febr.6. - Vol.302, N 7479. - P.10-11.
16.Hewett A. Soviet Union: Domestic issues and military trends// Hearings before the subcom. on Europe a. the Middle East. Committee on foreign affairs. House of rep. - Wash., 1986. - P.1-36.
17.How should the West react to Gorbachev's initiatives// Newsweek. - N.Y., 1987. - Febr.23. - Vol.109, N 7. - P.14-15.
18.Kaiser K. The soviet pretence// Foreign affairs. -N.Y., 1986/87. - Vol.65, N 2. - 251-25
19.Kissinger H. How to deal with Gorbachev // Newsweek. - N.Y., 1987. - Mar.2. - Vol.109, N.9. - P.9-12.

20.Lane D. Human rights under state socialism//Political studies. - Butterworth, 1984. - Vol.32, N3. - P.349-368.
21.Lighter L. The truth about Pravda: How the Soviets see the US // Public opinion. - Wash., 1987. - Vol.9, N 6. - P.12-13, 60.
22.Moss N. Russians, speak up! // Listener. - L., 1987. - Mar.5. - P.8-9.
23.Nagorsky A. How to respond to Kremlin's initiatives// Newsweek. - N.Y., 1987. - Febr.16. Vol.109, N 6. - P.10-13.
24.Nagorsky A. Intellectuals, unite! // Newsweek. N.Y., 1987. - Mar.2. - Vol109, N 9. - P.9-11.
25.Not the Marx he was// Economist. - L., 1986. - May 17/23. - Vol.298, N 7445. - P.14-15.
26.Opposition for Gorbachev // Economist. - L., 1987. - May 16/22. - Vol.302, N 7498. - P.17.
27.Pluro-leninism// Economist. - L., 1986. - April 30-May 6. - Vol.298, N 7460. - P.13-14.
28.Ra'Anan U. Soviet disinformation: New technique// Sov. analyst. - L., 1987. - Febr.25. - Vol.16, N 4.-P.3-7.
29.Ratushinskaya I. Promises and pipe dreams: Interview// Newsweek. - N.Y., 1987. - Febr.23. - Vol.109, N 7. - P.49-50.
30.Rumer B. Realities of Gorbachev's economic program// Problems of communism. - Wash., 1986. - Vol36, N 3. - P.20-32.
31.Sancton T. Gorbachev's revolution // Time. - N.Y., 1987. - July 27. - Vol.130, N 4. - P.6-11.
32.Seril M. Full time ahead // Time. - N.Y., 1987. - Febr.2. - Vol.129, N 5. - P.6-10.
33.Szymanski A. Human rights in the Soviet Union: Including comparisons with the USA. - L., 1980. - VII,338 p.

34.Sovieticus. Moscow's loyal opposition// Sov. analyst.- L., 1986. - July 30. - Vol.15. - P.1-3.
35.Soviet reform issue // Economist. - L., 1987. - Febr. 14-20. - Vol.302, N 7485. - P.11-12.
36.Trimble J. Gorbachev's struggle for reform // US news a. world report. - N.Y., 1987. - Jun.I. - Vol.101, N 21. - P.35-36.
37.USSR: Violation of human rights //The report of the US watch group. - Wash., 1986. - P.350.
38.Yanson Ch. The power of unbelief //Sov. analyst. - L., 1986. - Dec.17. - Vol.15, N 25. - P.6-10.
39.Yasmann V. The limits of Gorbachev's openess// Sov. analyst. - L., 1986. - Oct.8. - Vol.15, N 20. -P.7-10.
40.Yasmann V. The limits of Gorbachev's openess. - Pt.2// Sov. analyst. - L., 1986. - Oct.12. - Vol.15, N 21. - P.3-8.
41.Zinoviev A. A message to the third emigration // Sov. analyst. - L., 1987. - Jan.14. - Vol.16., N 1. - P.2-4.
42.Zwass A. Ein einparteinregim ist keine alternative zur democratie // Europ. Rundschau. - Wien, 1982. - Jg.10, N 35. - S.107-121.

БУРЖУАЗНАЯ СОВЕТОЛОГИЯ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Изд. 2-е
(переработанное и дополненное)
Часть I

Сдано в набор 7/II-88г. Подписано к печати 28/VI-88г.
Формат 60x84/I6
Печ.л.I9,75 Уч.-изд.л. I5,8
Тираж 300 экз. Заказ №64

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/2
042(02)